МАРТЪ. № 3. 1904.

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. К. АРСЕНЬЕВА, М. М. ВИНАВЕРА,

прив.-доц. В. М. ГЕССЕНА, В. Д. НАБОКОВА

и проф. І. А. ПОКРОВСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр. обложки).

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. К. АРСЕНЬЕВА, М. М. ВИНАВЕРА,

прив.-доц. В. М. ГЕССЕНА, В. Д. НАБОКОВА

и проф. І. А. ПОКРОВСКАГО.

XXXIV. Мартъ. 1904.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ

1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

БОРИСЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЧИЧЕРИНЪ КАКЪ ПОБОРНИКЪ ПРАВДЫ ВЪ ПРАВѢ.

Скончался Борисъ Николаевичъ Чичеринъ! Утрата такъ велика, что на первыхъ порахъ намъ трудно даже измѣрить ея значеніе. Для всесторонней оцѣнки научныхъ и общественныхъ заслугъ покойнаго потребуются годы сосредоточеннаго труда и совмѣстная работа не одного, а нѣсколькихъ ученыхъ изслѣдователей. Какъ ученый, Борисъ Николаевичъ превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ энциклопедическою широтою своихъ знаній. По крайней мѣрѣ среди русскихъ ученыхъ я на моемъ вѣку не встрѣчалъ никого, кто бы могъ равняться съ нимъ въ этомъ отношеніи.

Онъ оставилъ по себѣ рядъ капитальныхъ трудовъ не въ одной, а въ нѣсколькихъ научныхъ областяхъ. Я не стану перечислять здѣсь всѣхъ этихъ сочиненій, коихъ длинный перечень за послѣднее время многократно печатался въ статьяхъ и замѣткахъ, посвященныхъ его памяти. Покойный былъ одновременно философомъ, государствовѣдомъ и историкомъ, классическимъ изслѣдователемъ въ области русскаго права, авторомъ цѣнныхъ изслѣдованій въ области химіи и, наконецъ, публицистомъ.

Какъ философъ онъ занималъ видное мѣсто между нашими мыслителями идеалистическаго направленія, среди коихъ онъ игралъ роль патріарха, старѣйшаго представителя. Въ качествѣ государствовѣда онъ долженъ быть признанъ однимъ изъ корифеевъ современнаго государствовѣдѣнія; книги

его въ этой области еще долго будутъ продолжать служить незамѣнимыми руководствами для нашихъ молодыхъ ученыхъ, готовящихся къ преподаванію государственнаго права, а также философіи и энциклопедіи права. Въ посвященной Б. Н. Чичерину моей докторской диссертаціи я назвалъ его „воспитателемъ молодого поколѣнія русскихъ государствовѣдовъ“. Выраженіе это не совсѣмъ точно какъ потому, что въ числѣ русскихъ государствовѣдовъ, воспитавшихся на произведеніяхъ Чичерина, есть ученые, уже перевалившіе за пятый десятокъ, такъ и потому, что воспитательное вліяніе покойнаго не ограничивалось тѣсными предѣлами государствовѣдѣнія. Какъ историкъ русскаго права, покойный подарилъ намъ изслѣдованія, которыя высоко цѣнятся спеціалистами; и, наконецъ, какъ публицистъ, Чичеринъ извѣстенъ всякому образованному русскому, потому что здѣсь онъ во всей силѣ и блескѣ явилъ русскому обществу свой свѣтлый гражданскій обликъ.

Въ предѣлахъ этого краткаго очерка я не стану вдаваться въ подробный разборъ многочисленныхъ трудовъ покойнаго. Я хочу указать здѣсь только на то, что̀ я считаю наиболѣе цѣннымъ и привлекательнымъ въ его нравственномъ обликѣ и полувѣковой литературной дѣятельности, какъ бы ни были многочисленны его труды, и какъ бы ни было велико ихъ значеніе, онъ не раскрылъ въ нихъ всѣхъ богатыхъ даровъ своего разносторонняго ума и своего благороднаго, отзывчиваго сердца. Какъ личность, онъ значилъ больше всего, имъ написаннаго. Общественное значеніе Бориса Николаевича не исчерпывается тѣмъ, что было сдѣлано имъ для науки. Онъ представлялъ собою цѣлое общественное знамя: онъ былъ какъ бы живымъ воплощеніемъ свѣтлыхъ культурныхъ преданій сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія; съ его кончиною какъ бы порвалась нить, связывавшая насъ съ этой эпохой. Онъ не былъ только ученымъ: его онѣмѣвшими теперь устами властно и мощно говорилъ голосъ общественной совѣсти; онъ своими правдивыми рѣчами будилъ насъ отъ спячки, къ которой мы, къ сожалѣнію, слишкомъ наклонны; онъ раскрывалъ наши

язвы, предостерегалъ насъ отъ опасностей и былъ однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ изобличителей нашихъ недостатковъ.

Въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ онъ былъ идеалистомъ. Но, что для насъ всего дороже, то былъ идеализмъ не кабинетный, не теоретическій только. Философскій идеализмъ Б. Н. Чичерина давалъ теоретическую формулу его возвышеннымъ практическимъ стремленіямъ, и самая наука была для него прежде всего нравственнымъ знаменемъ.

„Наука“, говоритъ онъ въ своемъ прощальномъ письмѣ къ слушателямъ [1]) „даетъ человѣку не одинъ запасъ свѣдѣній: она возвышаетъ и облагораживаетъ человѣческую душу; человѣкъ, воспитанный на любви къ наукѣ не продаетъ истины ни за какія блага въ мірѣ; таковъ драгоцѣнный завѣтъ, который мы получили отъ своихъ предшественниковъ по университетской каѳедрѣ“. Такъ понимаемая наука служила въ глазахъ покойнаго незамѣнимою школою общественности. „Россія“, читаемъ мы въ томъ же его письмѣ, „нуждается въ людяхъ съ крѣпкими убѣжденіями. Но крѣпкія убѣжденія не обрѣтаются на площади; они добываются серьезнымъ и упорнымъ умственнымъ трудомъ. Направить васъ на этотъ путь, представить вамъ образецъ науки строгой и спокойной, независимой отъ внѣшнихъ партій, стремленій и страстей, науки, способной возвести человѣка въ высшую область, гдѣ силы духа мужаютъ и пріобрѣтаютъ новый полетъ, таковъ былъ для меня идеалъ преподаванія“.

Въ этихъ немногихъ словахъ вылился весь Чичеринъ; въ нихъ выразились всѣ тѣ благородныя качества, которыя отличали его какъ профессора, ученаго и гражданина. Какъ ученый и философъ, онъ былъ героемъ своихъ философскихъ убѣжденій: ради нихъ онъ всегда забывалъ свою личность и свою выгоду; въ теченіе всей своей жизни онъ никогда ни на іоту не уклонился отъ прямого пути долга, и никакой компромиссъ съ тѣмъ, что̀ онъ считалъ неправдою, не былъ

[1]) Рукописный текстъ этого письма, недавно напечатаннаго въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ профессоромъ А. В. Романовичемъ-Славатинскимъ, перепечатаннаго и на страницахъ этого Журнала (см. Вѣстникъ Права, февраль 1904 г. стр. 223), хранится въ библіотекѣ университета Св. Владиміра.

для него возможнымъ. Это былъ человѣкъ, вылитый изъ стали, который съ возвышеннымъ полетомъ мысли сочеталъ въ себѣ непоколебимую стойкость и мужество воли. Но его твердость не была жесткостью: меня, близко знавшаго покойнаго, всегда поражало въ немъ сочетаніе олимпійскаго спокойствія мыслителя съ необыкновенной горячностью и отзывчивостью сердца.

Эти качества и дѣлаютъ Чичерина учителемъ въ истинномъ значеніи этого слова: онъ училъ не только своими лекціями и печатными произведеніями, но и всею своею жизнью, всѣмъ своимъ нравственнымъ обликомъ. Врядъ ли можно найти кого-либо среди русскихъ профессоровъ, кто бы болѣе его былъ преданъ университетской каѳедрѣ и преподаванію: до конца своихъ дней онъ не переставалъ любить университетъ, волновался, болѣлъ за него и надѣялся на лучшее для него будущее. Однако, въ 1867 году, въ расцвѣтѣ своихъ силъ, онъ вышелъ въ отставку, потому что онъ не захотѣлъ покориться тому, что онъ считалъ несправедливостью. „Вы, мои друзья, еще молоды“, писалъ онъ по этому поводу своимъ слушателямъ, „вы еще не разучились ставить нравственныя побужденія выше всего на свѣтѣ. Поэтому, я надѣюсь, вы не будете сѣтовать на меня за то, что я прерываю свой курсъ. Я считаю себя обязаннымъ не только дѣйствовать на вашъ умъ, но и подать вамъ нравственный примѣръ, явиться передъ вами и человѣкомъ и гражданиномъ. Нравственныя отношенія между преподавателемъ и слушателями составляютъ лучшій кладъ университетской жизни“.

Таковъ былъ Чичеринъ какъ профессоръ, таковъ же онъ былъ и какъ общественный дѣятель, какъ земецъ и городской голова. Ему ставятъ въ упрекъ иногда, что онъ былъ „неуживчивъ, прямолинеенъ и рѣзокъ“. Но если онъ и былъ неуживчивъ, то только въ смыслѣ рѣшительной невозможности уживаться съ неправдою. Онъ не ужился на университетской каѳедрѣ; не ужился онъ и на должности Московскаго городскаго головы, потому что онъ громко, передъ лицомъ всей Россіи исповѣдовалъ свою общественную вѣру

и надежду. Надежда эта, окрылявшая его до конца его дней, не сбылась и доселѣ; а онъ продолжалъ надѣяться, но уже въ уединенiи частной жизни.

И въ самомъ дѣлѣ онъ былъ иногда рѣзокъ и прямолинеенъ. Онъ всегда выражалъ свою мысль съ ясностью, исключавшей возможность двухъ различныхъ толкованiй; онъ никогда не смягчалъ своихъ выраженiй и не умѣлъ приспособляться къ рамкамъ дозволеннаго цензурою. Но, если рѣчь его была иногда горька и обидна, то это происходило главнымъ образомъ отъ того, что она была необычайно смѣла и безудержна въ своей правдивости. Да, въ ней звучало подчасъ что-то рѣжущее; но это обусловливается тѣмъ, что въ ней была та твердость гранита, къ которой не привыкъ нашъ дряблый вѣкъ. Если въ немъ и была нѣкоторая прямолинейность, то этотъ недостатокъ былъ оборотной стороною одного изъ самыхъ цѣнныхъ душевныхъ его качествъ,—его рѣдкой прямоты. Онъ всегда высказывалъ свою мысль *до дна*, безо всякихъ умолчанiй; онъ всегда называлъ вещи ихъ именами и никогда не заботился ни о томъ, какое онъ производилъ впечатлѣнiе, ни о томъ, какъ высоко на общественной лѣстницѣ стояли тѣ, кому онъ высказывалъ обидныя для нихъ истины.

Если онъ испытывалъ негодованiе, онъ громко и несмотря на лица высказывалъ это тѣмъ, чьимъ образомъ дѣйствiй онъ возмущался. И если онъ этимъ подчасъ наживалъ себѣ враговъ и недоброжелателей, то его прямое слово не оскорбляло тѣхъ, кто, какъ онъ, любилъ правду и умѣлъ цѣнить благородство его побужденiй. Мнѣ навсегда останутся памятными слова одного изъ его собесѣдниковъ, сказанныя въ отвѣтъ на направленную противъ дѣятельности послѣдняго горячую филиппику Чичерина.

„Есть вещи, Борисъ Николаевичъ, которыхъ никому не дозволяютъ говорить; но ихъ почтительно выслушиваютъ отъ стараго учителя!“ Собесѣдникъ былъ—одинъ изъ вершителей судебъ.

Чичеринъ имѣлъ право учить; и, если онъ могъ говорить, какъ власть имѣющiй, то эта власть сводилась къ его прав-

ственному авторитету. Обращался ли онъ къ низшимъ или къ высшимъ, къ своимъ слушателямъ или товарищамъ, къ власть имѣющимъ или подвластнымъ, онъ всѣхъ училъ преимущественно одному: уваженію къ нравственному достоинству человѣческой личности, къ ея свободѣ и независимости. Въ этомъ заключается основной мотивъ его „философіи права", его „политики", его замѣчательныхъ публицистическихъ произведеній и, наконецъ, всей его общественной дѣятельности.

„Истинная правда", говоритъ онъ въ своей „философіи права" (стр. 99) „состоитъ въ признаніи за всѣми равнаго человѣческаго достоинства, въ какихъ бы условіяхъ человѣкъ ни находился и какое бы положеніе онъ ни занималъ". Въ устахъ Чичерина слова эти не были мертвою формулою: они выражаютъ собою тотъ жизненный девизъ, за который онъ до конца своихъ дней неустанно боролся. Ничто въ мірѣ его такъ не оскорбляло и не возмущало, какъ забвеніе и попраніе этого священнаго знамени. „Въ настоящее время" говоритъ онъ [1]), „когда всѣ метафизическія понятія подверглись отрицанію, идея правды, вмѣстѣ съ другими, была сдана въ архивъ. Философствующіе юристы, какъ, напримѣръ, Іерингъ, ищутъ для права всякаго рода основаній въ практическихъ цѣляхъ, въ политикѣ силы, въ эгоизмѣ общества, но о правдѣ у нихъ нѣтъ и помину. Даже юристы съ высшими нравственными побужденіями видятъ въ этомъ началѣ не болѣе какъ смутный инстинктъ, подъ которымъ можно разумѣть все, что угодно, и который слѣдуетъ устранить изъ объективнаго обсужденія юридическихъ нормъ. А между тѣмъ, только оно раскрываетъ намъ истинную ихъ сущность и даетъ намъ ключъ къ пониманію явленій".

Одинъ изъ самыхъ выдающихся въ Россіи провозвѣстниковъ идеи естественнаго права, Чичеринъ всегда разсматривалъ существующій правовой порядокъ съ точки зрѣнія правды. А правда для него прежде всего выражалась въ признаніи безусловной цѣнности человѣка какъ такого, въ при-

[1]) Философія Права, стр. 95.

знаніи лица самостоятельною цѣлью и свободнымъ дѣятелемъ въ мірѣ внѣшнемъ. Съ этой точки зрѣнія онъ оцѣнивалъ и нашу русскую дѣйствительность.

„Свобода“, учитъ онъ [1]), „составляетъ самую духовную сущность человѣка, неотъемлемое его опредѣленіе, какъ разумнаго существа. Развитіе именно состоитъ въ томъ, что начала, лежащія въ глубинѣ природы, приводятся въ сознаніе и переводятся въ жизнь. Поэтому, признаніе человѣка свободнымъ лицомъ составляетъ величайшій шагъ въ историческомъ движеніи гражданской жизни; оно обозначаетъ ту ступень, на которой гражданскій порядокъ становится истинно человѣческимъ. Отсюда—высокое значеніе тѣхъ мыслителей, которые провозглашали начало свободы, какъ прирожденное и неотъемлемое право человѣка; отсюда и великое значеніе тѣхъ народовъ, которые первые осуществили у себя это начало и воздали человѣку должное, признавъ въ немъ образъ и подобіе Божіе, не какъ отвлеченное только вѣрованіе, а какъ истину жизни и основу гражданскаго строя. У насъ этотъ великій шагъ совершился позднѣе, нежели у другихъ европейскихъ народовъ, и это служитъ несомнѣннымъ признакомъ нашей отсталости не только въ умственномъ, но и въ гражданскомъ отношеніи; а такъ какъ признаніе въ человѣкѣ человѣческой личности составляетъ также и нравственное требованіе, то и съ этой стороны намъ нечего величаться передъ другими. Новая эра истинно человѣческаго развитія начинается для Россіи съ царствованія Александра Второго“.

„На преобразованіяхъ Александра Второго зиждется вся будущность русскаго народа“, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ [2]). Но эти реформы, водворившія въ нашемъ отечествѣ условія истинно человѣческаго существованія, были въ глазахъ Чичерина только начаткомъ, и онъ не переставалъ жаждать ихъ завершенія. Прежде всего остался незавершеннымъ великій актъ освобожденія русскаго крестьян-

[1]) Философія Права, стр. 107.
[2]) Вопросы Политики, стр. 50—51.

ства. Освобожденный отъ помѣщика, крестьянинъ остался прикрѣпленнымъ къ общинѣ, а черезъ нее—къ землѣ. Въ крестьянской общинѣ въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ настоящее время, Чичеринъ справедливо усматриваетъ явленіе переживанія, остатокъ крѣпостного права. Въ новѣйшемъ законодательствѣ о крестьянахъ онъ видитъ возвращеніе къ дореформеннымъ взглядамъ. „На крестьянъ опять смотрятъ какъ на сословіе, призванное отбывать повинности, съ каковою цѣлью они обезпечиваются землею. Воспрещается всякое отчужденіе ея въ стороннія руки. Стараются положить предѣлъ вторженію въ крестьянскую среду какихъ бы то ни было стороннихъ элементовъ. Крестьянство закупоривается въ общину, всякое вѣяніе свѣжаго воздуха заботливо отъ него отдаляется. Съ тѣмъ вмѣстѣ личныя права, дарованныя положеніемъ 19 февраля, стѣсняются, или уничтожаются. Лицо всецѣло отдается въ жертву мелкому союзу, къ которому хотятъ его прикрѣпить“.

Чичеринъ считалъ необходимымъ условіемъ окончательнаго освобожденія крестьянства—признаніе за нимъ права распоряжаться его собственностью.

Тотъ же идеалъ свободнаго, независимаго лица служитъ Чичерину критеріемъ при оцѣнкѣ современнаго положенія русскаго дворянства. Но, если для освобожденія крестьянъ требуется помощь сверху, рядъ законодательныхъ и правительственныхъ мѣръ, то по отношенію къ дворянству тотъ же идеалъ выражается въ діаметрально противоположныхъ требованіяхъ. Независимость дворянства должна быть прежде всего выраженіемъ его внутренняго самоопредѣленія. Дворянство должно быть освобождено отъ унизительной для него правительственной опеки надъ нкмъ; оно должпо само стоять на собственныхъ ногахъ, не нуждаться въ поддержкѣ извнѣ и въ особенности—въ матеріальной помощи со стороны правительства. Въ своихъ обращеніяхъ къ дворянству Чичеринъ старается прежде всего поддержать въ дворянахъ упавшее чувство личнаго достоинства и независимости.

Съ этой точки зрѣнія онъ рѣзко возстаетъ противъ всякаго правительственнаго покровительства дворянскому земле-

владѣнію. „Дворянство“, говоритъ онъ, „не есть благотворительное учрежденіе, которое должно содержаться на общественный счетъ. Государство нуждается не въ призрѣваемыхъ, а въ крѣпкихъ силахъ, на которыя оно могло бы опираться. Все государственное значеніе дворянства основано на томъ, что оно въ состояніи стоять на собственныхъ ногахъ. Издавна принято называть дворянство первою опорою престола. Какою же оно можетъ быть опорою, когда оно само требуетъ поддержки“ [1])? Первый признакъ сословнаго достоинства состоитъ въ сохраненіи своей нравственной независимости. Кто имъ дорожитъ, тотъ не вопіетъ о пособіяхъ, не раболѣпствуетъ передъ властью въ надеждѣ на полученіе отъ нея выгодъ. Свое достоинство дворянство должно полагать въ томъ, чтобы зарабатывать свой хлѣбъ самому, а не быть предметомъ общественнаго призрѣнія [2]).

Тѣ же требованія правды вдохновляли Б. Н. Чичерина, когда онъ говорилъ о земствѣ: свободныя лица должны стоять на собственныхъ ногахъ; чтобы быть свободнымъ, человѣкъ, во-первыхъ, долженъ самъ себя уважать, долженъ самъ быть проникнутъ вѣрою въ свое личное достоинство. Во-вторыхъ, нужно, чтобы достоинство человѣческаго лица уважалось другими, чтобы законъ обезпечивалъ независимость личности отъ произвола. А для этого мало одной личной свободы; безъ свободы общественной свобода личная лишена гарантій. Общественная свобода служитъ не только гарантіей, но и необходимымъ восполненіемъ свободы личной. Въ ней человѣкъ находитъ высшее употребленіе своихъ силъ и способностей; въ этомъ состоитъ и высшее призваніе его, какъ члена верховнаго союза [3]).

Исходя изъ этихъ началъ, Чичеринъ всей душою былъ преданъ нашимъ земскимъ учрежденіямъ. Въ странѣ, гдѣ нѣтъ представительныхъ собраній, „широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія одно въ состояніи обуздать бюрократи-

---

[1]) Вопросы политики, стр. 16.

[2]) Тамъ же стр. 22.

[3]) Философія права, стр. 310.

ческій произволъ и поддержать въ государствѣ живой общественный духъ, безъ котораго оно превращается въ мертвую машину. Поэтому въ самодержавныхъ государствахъ выборныя мѣстныя учрежденія, облеченныя обширными правами, вдвойнѣ необходимы“ [1]). „По глубокому и вѣрному замѣчанію Монтескьё, присутствіе независимыхъ посредствующихъ тѣлъ въ государственномъ строѣ составляетъ существенное отличіе монархіи отъ деспотіи“ [2]). „Къ несчастью для русской исторіи начало самоуправленія получило весьма слабое развитіе. Все происходило дѣйствіемъ сверху, черезъ посредство чиновничества, которое вслѣдствіе этого сдѣлалось всемогущимъ. Отсюда страшныя язвы, которыя особенно въ дореформенное время разъѣдали русское общество и доселѣ на немъ отзываются: масса бумажнаго дѣлопроизводства, крючкотворство, взяточничество, произволъ, законодательство, оторванное отъ жизни, исполненіе, состоящее въ отпискѣ, наконецъ, ложь, проникающая всѣ отношенія. Великія преобразованія Александра II положили предѣлъ этому порядку вещей и открыли просторъ общественной самодѣятельности“ [3]).

Если въ развитіи мѣстнаго самоуправленія Чичеринъ видѣлъ залогъ нашего преуспѣянія и начатокъ лучшаго будущаго, то подавленіе земства представлялось ему величайшею опасностью для Россіи. „Въ средѣ канцелярій“, говоритъ онъ, „могутъ возникать идеалы общественнаго устройства, гдѣ нѣтъ ничего кромѣ чиновниковъ и подчиненной имъ безмолвной толпы. Эти наивныя мечты неисцѣлимаго бюрократизма берутъ за образецъ китайскую имперію съ ея всемогущимъ мандаринатомъ, или Турцію съ управленіемъ пашей, уподобляющихся верховному падишаху и облеченныхъ полнымъ его довѣріемъ. Но самые эти примѣры могли бы показать, къ чему ведетъ подобный государственный бытъ. Если при контролѣ со стороны независимыхъ общественныхъ силъ, бюрократія можетъ быть полезнымъ органомъ правительствен-

---

[1]) Вопросы политики, стр. 78.
[2]) Тамъ же, стр. 79.
[3]) Вопросы политики, стр. 104.

ной власти, то безъ такихъ сдержекъ она становится язвою государства" [1]). „Если какую-нибудь страну хотятъ превратить въ запертую со всѣхъ сторонъ клѣтку, въ которой невозможно дышать, то для этого нѣтъ лучшаго средства, какъ отдать ее на жертву всеохватывающей и не знающей никакихъ сдержекъ бюрократіи. Да избавитъ насъ Провидѣніе отъ такого исхода!" [2]).

Отдавая себѣ ясный отчетъ въ потребностяхъ времени и мѣста, близко принимая къ сердцу интересы русскаго народа, Чичеринъ, однако, никогда не терялъ изъ вида высшихъ цѣлей общечеловѣческаго развитія; онъ ясно понималъ, что конечная цѣль каждаго народа—не въ самообожаніи, не въ презрѣніи и ненависти ко всему инородному, а въ служеніи идеалу сверхнародному, сверхвременному, общечеловѣческому. Ибо правда по самому существу своему не территоріальна, не составляетъ исключительной принадлежности одного народа или эпохи: она выражаетъ собою требованія универсальныя, всеобщія, для всѣхъ обязательныя. „Истинный идеалъ одинъ для всѣхъ; но именно поэтому онъ не долженъ исключать разнообразныхъ особенностей времени, мѣста и національности. Онъ не можетъ представляться въ видѣ разъ навсегда данныхъ учрежденій, безразлично усвояемыхъ всѣми. Но онъ долженъ заключать въ себѣ *тѣ общія начала*, безъ коихъ нѣтъ истинно человѣческой жизни" [3]).

Съ этой точки зрѣнія Чичеринъ освѣтилъ національный вопросъ. Общія начала правды выражаются въ уваженіи къ достоинству всякаго человѣка какъ такого, безъ различія племени и вѣроисповѣданія. Уваженіе къ личности предполагаетъ и уваженіе къ ея національной святынѣ; оно требуетъ терпимаго, человѣчнаго отношенія къ разнообразнымъ особенностямъ другихъ національностей. Вотъ почему наша общественная совѣсть возмущается политикой Англіи по отношенію къ Ирландіи и бурамъ, а также притѣсненіями славянскихъ племенъ въ сосѣднихъ странахъ.

---

[1]) Вопросы политики, стр. 78.
[2]) Вопросы политики, стр. 81.
[3]) Философія права, 81—82.

Чичеринъ энергично настаиваетъ на томъ, что тѣ же универсальныя требованія правды, которыя руководили внѣшнею политикою Россіи въ концѣ семидесятыхъ годовъ, должны осуществляться и въ ея внутренней политикѣ. „Когда русское правительство", говоритъ онъ, „шло на освобожденіе Болгаріи отъ турецкаго ига, и русское общественное мнѣніе увлекалось мыслью о войнѣ за притѣсняемыхъ братьевъ, они не замѣчали того ложнаго положенія, въ которое становится государство, одною рукою поднимающее знамя свободы, а другою рукою подавляющее это самое начало у себя. Тѣ самые люди, которые волновались за болгаръ, не хотѣли слышать о полякахъ. Правительство, преслѣдующее чисто политическія цѣли, легко мирится съ такого рода противорѣчіями; но общество, которое воображаетъ, что оно ополчается во имя нравственной цѣли, не вправѣ пенять на иностранцевъ, которые не совсѣмъ довѣряютъ его безкорыстію" [1].

Съ этой точки зрѣнія Чичеринъ разсуждаетъ о польскомъ вопросѣ. Тутъ онъ мечтаетъ объ осуществленіи тѣхъ самыхъ началъ, которыя воодушевляли императоровъ Александра I и Александра II въ началѣ ихъ царствованій. „Конечно", говоритъ онъ, „въ настоящее время это—не болѣе, какъ мечта; но ни политическій мыслитель, устремляющій взоръ свой вдаль, ни народъ, сознающій свое историческое призваніе, не могутъ отказаться отъ идеала, не отрекаясь отъ того, что составляетъ высшее достоинство человѣка; идеаломъ же можетъ быть не торжество братоубійства, а поднятіе павшаго брата и любовное отношеніе къ его ошибкамъ и недостаткамъ. Не безпощадною ссылкою на мнимые приговоры исторіи, прикрывающіе только грубое право силы, а вниманіемъ къ высшимъ нравственнымъ требованіямъ народы исполняютъ истинное свое назначеніе въ человѣчествѣ" [2].

Тѣ же мысли наполняютъ краснорѣчивыя страницы „Политики" Чичерина, посвященныя еврейскому вопросу. Въ

---

[1]) Политика, стр. 101.
[2]) Тамъ же, стр. 103.

антисемитизмѣ онъ видитъ явный признакъ одичанія общества [1]). Тутъ „съ религіозною нетерпимостью соединяются самыя низменныя человѣческія чувства: ненависть къ богатству, зависть къ успѣху, желаніе устранить дѣятельную конкурренцію, наконецъ какое то чисто животное озлобленіе, подобное тому, которое возбуждаетъ собаку противъ кошки. Жидъ представляется синонимомъ чего то грязнаго и презрѣннаго. Христіанинъ видитъ въ немъ не брата, а существо низшей породы. Забываютъ, что именно отъ этого существа мы получили высшее, что есть въ человѣкѣ,—законъ милосердія и любви, что изъ этого племени вышли и пророки и апостолы, что отъ него родился самъ Христосъ. Всѣ эти священные завѣты заглушаются и попираются ногами подъ вліяніемъ безсмысленнаго животнаго влеченія“ [2]). Законодательство, лишающее евреевъ гражданскихъ правъ, составляетъ печальное наслѣдіе средневѣковыхъ воззрѣній: оно „вноситъ въ государственную жизнь произволъ и несправедливость; возбуждая озлобленіе въ притѣсняемыхъ, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, понижаетъ нравственный уровень общества, пріучая его равнодушно смотрѣть на оскорбленіе человѣческихъ чувствъ и нарушеніе христіанскаго долга“ [3]).

Я бы долженъ былъ выписать здѣсь цѣлыя главы „Политики“, если бы захотѣлъ познакомить читателя со всѣми тѣми дивными страницами, которыя Чичеринъ посвящаетъ національному вопросу въ связи со всѣмъ тѣмъ, что онъ говоритъ въ защиту драгоцѣннѣйшаго изъ человѣческихъ правъ—свободы совѣсти и свободы слова. Его кончина начинаетъ открывать глаза русскому обществу на огромное значеніе мыслителя и дѣятеля, котораго у насъ такъ долго и такъ незаслуженно игнорировали. Со всѣхъ концовъ Россіи, въ особенности съ ея окраинъ, сыплются вѣнки на могилу того, кого Гельсингфорскій университетъ недавно назвалъ „великимъ учителемъ права“!

---

[1]) Тамъ же, стр. 467.

[2]) Тамъ же, стр. 466—467.

[3]) Тамъ же, стр. 468.

Онъ былъ *поборникомъ правды въ правѣ*; въ этомъ конечно заключается самое дорогое и цѣнное, что въ немъ было; онъ былъ кромѣ того и *праведникомъ*, ибо вся жизнь его была яркимъ воплощеніемъ его возвышеннаго ученія. Конечно, въ произведеніяхъ Чичерина есть много такого, что вызываетъ споры и разногласія. Справедливой оцѣнкѣ его современниками до сихъ поръ препятствуетъ его одностороннее отрицательное отношеніе къ демократическимъ тенденціямъ вѣка и въ частности—къ новѣйшимъ соціалистическимъ ученіямъ. Тутъ, конечно, со многимъ нельзя согласиться. Но теперь—не время касаться неизбѣжныхъ для всякаго мыслителя ошибокъ и недостатковъ его ученыхъ трудовъ. Эти заблужденія, всегда честныя и искреннія, не должны затмевать въ нашихъ глазахъ тѣхъ положительныхъ сокровищъ, которыхъ такъ много въ его книгахъ.

Въ заключеніе остается указать на тѣсную связь правового идеала Чичерина съ метафизическими основами его міросозерцанія. Въ метафизическомъ обоснованіи его правовыхъ воззрѣній заключается наиболѣе самобытная и наиболѣе цѣнная сторона его ученія. Въ русской литературѣ встрѣчалось и встрѣчается не мало писателей, которые такъ же, какъ и онъ, смѣло провозглашаютъ принципъ свободы личности и выводятъ отсюда тѣ же, а быть можетъ, и еще болѣе широкія послѣдствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ относятся безусловно отрицательно ко всякой метафизикѣ. Однако, это не болѣе, какъ благородная непослѣдовательность: когда люди, „отрицающіе метафизику, признаютъ безусловною истиной непосредственный ея продуктъ—объявленіе правъ человѣка“, въ этомъ нельзя не видѣть вмѣстѣ съ Чичеринымъ [1]) рокового противорѣчія.

Если въ человѣкѣ нѣтъ ничего такого, что возвышало бы его надъ внѣшней природой, если человѣкъ—только эмпирическое явленіе или случайное, временное проявленіе матеріи, результатъ безсмысленной игры міровыхъ силъ, то какого же онъ можетъ требовать къ себѣ уваженія! Какой смыслъ могутъ имѣть рѣчи о человѣческомъ достоинствѣ?

[1]) Философія Права, стр. 56.

„Уваженіе подобаетъ только тому, что возвышается надъ эмпирическою областью и что имѣетъ цѣну не въ силу тѣхъ или другихъ частныхъ отношеній, а само по себѣ. Метафизики выражаютъ это положеніемъ, что человѣкъ долженъ всегда разсматриваться какъ цѣль, и никогда не долженъ быть низведенъ на степень простого средства. Послѣднее есть униженіе его достоинства. На этомъ основана коренная неправда рабства.

„Источникъ этого высшаго достоинства человѣка и всѣхъ вытекающихъ изъ него требованій заключается въ томъ, что онъ носитъ въ себѣ сознаніе абсолютнаго, т. е. этотъ источникъ лежитъ именно въ метафизической природѣ субъекта, которая возвышаетъ его надъ всѣмъ физическимъ міромъ и дѣлаетъ его существомъ, имѣющимъ цѣну само по себѣ и требующимъ къ себѣ уваженія. На религіозномъ языкѣ это выражается изреченіемъ, что человѣкъ созданъ по образу и подобію Божьему. Отъ этого сознанія, какъ мы видѣли, зависитъ и самая свобода и требованіе ея признанія“ [1]).

Въ наши дни такое метафизическое обоснованіе идеи права нерѣдко вмѣняется въ заслугу недавно народившемуся „новому идеализму“. Но при этомъ забываютъ его предшественниковъ. Новый идеализмъ въ данномъ случаѣ продолжаетъ очень старую традицію, которая у насъ въ Россіи идетъ отъ сороковыхъ годовъ истекшаго столѣтія. Чичеринъ былъ среди насъ старѣйшимъ представителемъ этой традиціи. Теперь, когда онъ отошелъ въ вѣчность, болѣе чѣмъ когда либо умѣстно напомнить о нашемъ съ нимъ духовномъ родствѣ и о преемственной связи съ отшедшимъ.

На этомъ позвольте кончить. Въ прочувствованной статьѣ, посвященной памяти Чичерина, извѣстный писатель и судебный дѣятель А. Ѳ. Кони говоритъ между прочимъ: „есть люди, рѣдкіе люди, составляющіе delicium et decus generis humani.... Съ ними можно не видѣться годы, довольствуясь отрывочными о нихъ вѣстями, но надо знать, что они— *есть*, надо имѣть утѣшеніе сознавать, что гдѣ-нибудь, иногда,

---

[1]) Философія Права, стр. 55.

отдѣленный большимъ пространствомъ, живетъ человѣкъ, самое существованіе котораго имѣетъ въ себѣ нѣчто успокоительное, какъ примѣръ, и ободряющее, какъ призывъ. Такимъ былъ—для знавшихъ его—К. Д. Кавелинъ, такимъ же прошелъ свой многотрудный жизненный путь и усопшій Чичеринъ" [1]).

То утѣшеніе, о которомъ говоритъ здѣсь А. Ѳ. Кони, теперь у насъ отнято; но *примѣръ* почившаго и его *призывъ* навѣки останутся въ силѣ. Есть что то бодрящее уже въ томъ, что такой человѣкъ прошелъ среди насъ, вышелъ изъ нашей русской среды. Ибо уже это одно доказываетъ, что мы сильны не одними только штыками и пушками, что мы можемъ служить высшимъ идеаламъ правды и можемъ что-нибудь значить въ семьѣ культурныхъ народовъ. Онъ завѣщалъ свое дѣло другимъ; а дѣла праведника идутъ вслѣдъ за нимъ. Будемъ же вѣрны его завѣтамъ и будемъ вмѣстѣ съ нимъ надѣяться, что взойдетъ когда-нибудь надъ русскою землею солнце правды. И взойдетъ оно не для избранныхъ только, а для всѣхъ русскихъ гражданъ!

Кн. Евгеній Трубецкой.

[1]) Право, 1904, № 6.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КОМИТЕТЫ ВЪ НЕ-ЗЕМСКИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ.

Постановленія сельско-хозяйственныхъ комитетовъ въ губерніяхъ не-земскихъ представляютъ большой интересъ именно потому, что въ этихъ губерніяхъ нѣтъ постоянныхъ органовъ, уполномоченныхъ говорить, отъ имени всего населенія, о его пользахъ и нуждахъ (въ большинствѣ не-земскихъ губерній нѣтъ даже дворянскихъ собраній). Голосъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ былъ, при такихъ условіяхъ, первымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія—выраженіемъ, конечно, недостаточнымъ и неполнымъ, но тѣмъ не менѣе заслуживающимъ особаго вниманія.

Въ не-земскихъ губерніяхъ, какъ и въ земскихъ, чрезвычайно разнороденъ былъ составъ комитетовъ. Правомъ приглашать къ участію въ комитетахъ такихъ лицъ, которыя не являлись обязательными ихъ членами, предсѣдатели комитетовъ пользовались въ весьма различной мѣрѣ и различномъ духѣ. Въ однихъ комитетахъ засѣдали исключительно или почти исключительно мѣстные чиновники; въ другіе были привлечены, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, и частныя лица. Къ первой категоріи, вообще небольшой, принадлежатъ, напримѣръ, изъ губернскихъ комитетовъ—Архангельскій и Астраханскій, изъ уѣздныхъ—Красноярскій (Астраханской губ.), Кемскій, Мезенскій и Онежскій (Архангельской губерніи). Между частными лицами, приглашенными къ участію въ комитетахъ, преобладали землевладѣльцы; къ

нимъ присоединялись иногда управляющіе имѣніями. Весьма рѣдко участвовали въ комитетахъ священники, купцы, профессора и другіе люди науки. Крестьяне въ губернскихъ комитетахъ встрѣчаются лишь въ видѣ исключенія (въ губерніяхъ Курляндской, Лифляндской, Эстляндской, Оренбургской, въ области Карсской). Далеко не всегда они призывались и въ уѣздные комитеты; такъ напр., въ Остзейскомъ краѣ, гдѣ крестьянскому элементу было отведено сравнительно широкое мѣсто, крестьяне не были представлены вовсе въ комитетахъ Гапсальскомъ (Эстляндской губерніи), Феллинскомъ и Эзельскомъ (Лифляндской губерніи), Добленскомъ и Туккумскомъ (Курляндской губерніи). Въ Волынской губерніи изъ 12 уѣздныхъ комитетовъ крестьяне участвовали въ пяти (Дубенскомъ, Житомірскомъ, Новоградъ-Волынскомъ, Ровенскомъ и Староконстантиновскомъ). Весьма возможно, что приглашеніе крестьянъ въ уѣздные комитеты встрѣчало иногда внѣшнія препятствія. Въ первомъ засѣданіи Виленскаго губернскаго комитета губернаторъ (генералъ фонъ-Валь) высказалъ мнѣніе, что къ приглашенію крестьянъ слѣдуетъ относиться крайне осторожно, такъ какъ они могутъ, не понявъ цѣлей особаго совѣщанія, сдѣлать совершенно неопредѣленные и нежелательные выводы; цѣлесообразнѣе, поэтому, было бы узнавать мнѣнія крестьянъ черезъ разспросъ ихъ мировыми посредниками. Наоборотъ, Могилевскій губернаторъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что въ уѣздные комитеты Могилевской губерніи крестьяне большею частью не привлекались. Вообще можно сказать, что въ образованіи комитетовъ главную роль играла случайность—и это не могло быть иначе, разъ что все зависѣло отъ усмотрѣнія предсѣдателей. Тобольскій губернаторъ, напримѣръ, утверждаетъ, что за отсутствіемъ въ Тобольской губерніи представителей крупнаго землевладѣнія и безграмотностью сельскаго населенія пополненіе комитета мѣстными элементами не представлялось возможнымъ; между тѣмъ, въ мѣстностяхъ, поставленныхъ въ аналогичныя условія (напр. въ Томской губерніи, въ областяхъ Сыръ-Дарьинской и Ферганской), кругъ лицъ, изъ которыхъ составились комитеты, былъ

значительно раздвинутъ. О составѣ нѣкоторыхъ комитетовъ, какъ уѣздныхъ—напр. Вилькомирскаго, Россіенскаго и Тельшевскаго, Ковенской губерніи,—такъ и губернскихъ, напр. Иркутскаго, свѣдѣній нѣтъ. Уѣздные комитеты были открыты не повсемѣстно; въ Оренбургской губерніи, въ Кавказскомъ краѣ, въ Привислянскомъ краѣ ихъ не было вовсе. Труды нѣкоторыхъ комитетовъ остались безъ обработки по тѣмъ или другимъ случайнымъ причинамъ (напр. труды Новоалександровскаго комитета, Ковенской губерніи—за смертью предсѣдателя).

Другая черта, общая комитетамъ земскихъ и не-земскихъ губерній—это неодинаковое пониманіе предсѣдателями круга дѣйствій и компетенціи комитетовъ, неодинаковое отношеніе ихъ, къ такъ называемымъ сверхъ-программнымъ вопросамъ. Одни и тѣ же предметы въ однихъ комитетахъ обсуждались совершенно свободно, въ другихъ вовсе не допускались къ разсмотрѣнію. Не всѣ случаи послѣдняго рода отмѣчены въ оффиціальномъ изданіи трудовъ комитетовъ. Такъ напримѣръ, записка Н. Н. Шнитникова, поданная въ Пинскій (Минской губерніи) уѣздный комитетъ, была возвращена автору предсѣдателемъ комитета, признавшимъ, что она не подлежитъ обсужденію комитета; но въ обзорѣ дѣятельности комитета, вошедшемъ въ составъ оффиціальнаго изданія, объ этомъ не сказано ни слова. Не упомянута вышеназванная записка и въ обзорѣ трудовъ Минскаго губернскаго комитета, куда она была послана авторомъ, послѣ отклоненія ея предсѣдателемъ уѣзднаго комитета. Нерѣдко, однако, ограничительныя мѣры, принятыя предсѣдателями комитетовъ, оказываются занесенными и на страницы оффиціальнаго изданія. Мы узнаемъ изъ него, напримѣръ, что предсѣдатель Гродненскаго губернскаго комитета снялъ съ очереди вопросъ о земской реформѣ и ограничился пріобщеніемъ къ дѣламъ комитета записки, составленной по этому предмету однимъ изъ членовъ комитета. Въ томъ же комитетѣ не было допущено обсужденіе записки кн. Святополкъ-Четвертинскаго о неудобствахъ постановленій, регулирующихъ землевладѣніе въ западномъ краѣ. Въ Тобольскомъ губернскомъ комитетѣ нѣсколько членовъ (изъ числа

должностныхъ лицъ: управляющій государственными имуществами, непремѣнный членъ управленія, старшій чиновникъ по составленію отводныхъ записей, завѣдующій временной партіей по образованію переселенческихъ участковъ) отказались отъ подписанія журналовъ комитета, между прочимъ потому, что они не обнимаютъ собою всѣхъ сужденій, происходившихъ въ комитетѣ. Тобольскій губернаторъ, въ представленіи особому совѣщанію, говоритъ, по этому поводу, что „нѣкоторые изъ присутствовавшихъ въ засѣданіяхъ чиновниковъ предъявляли мнѣнія, основанныя на литературныхъ трудахъ и собственныхъ соображеніяхъ о пользѣ разныхъ нововведеній въ порядкѣ управленія губерніей и другихъ новшествъ, не относящихся до существа вопросовъ о пользахъ сельскаго хозяйства; обсуждать таковыя я не разрѣшилъ не вслѣдствіе какихъ-либо секретныхъ распоряженій, а просто въ силу дискреціонной власти предсѣдателя совѣщанія". Совершенно иначе отнеслись къ вопросу о полномочіяхъ комитетовъ и о предѣлахъ дискреціонной власти предсѣдателя нѣкоторые другіе губернаторы. Могилевскій губернаторъ, напримѣръ, въ своей вступительной рѣчи призналъ трудность проведенія точной грани между вопросами, подлежащими и неподлежащими разсмотрѣнію комитета, и не препятствовалъ обсужденію такихъ темъ, какъ некультурность населенія, обособленность крестьянъ въ правовомъ отношеніи, настоятельная необходимость земской реформы. Подольскій губернаторъ, въ своемъ представленіи предсѣдателю особаго совѣщанія, привелъ, безъ всякой оговорки, постановленіе губернскаго комитета, признавшаго первостепенное значеніе за внѣпрограмными вопросами о введеніи земской реформы (на основахъ положенія 1864 года) и о подчиненіи крестьянъ общему государственному правопорядку.

Мысль о необходимости уравненія крестьянъ съ другими сословіями заявляется комитетами не-земскихъ губерній можетъ быть менѣе часто, но отнюдь не менѣе настойчиво, чѣмъ комитетами губерній земскихъ. Въ *Волынской* губерніи

нѣсколько уѣздныхъ комитетовъ (Ровенскій, Дубенскій, Житомірскій, Острожскій) высказались противъ юридической обособленности крестянъ; губернскій комитетъ призналъ необходимымъ подчиненіе крестьянскаго населенія общимъ гражданскимъ законамъ и созданіе единаго для всѣхъ суда, близкаго къ населенію, выборнаго, коллегіальнаго и всесословнаго. Въ *Подольской* губерніи за уравненіе крестьянъ съ другими сословіями подали голосъ уѣздные комитеты Проскуровскій и Литинскій. Губернскій комитетъ нашелъ, что изолированность и замкнутость крестьянскаго сословія, противопоставляющія его другимъ классамъ населенія, болѣе полноправнымъ, вырабатываютъ въ крестьянинѣ особую, вредную для общественной жизни этику, построенную на недовѣріи и непріязненномъ отношеніи къ другимъ сословіямъ. Въ виду этихъ соображеній Подольскій губернскій комитетъ призналъ необходимымъ уничтожить тѣ правовыя особенности, которыя ограничиваютъ и принижаютъ личность крестьянина, и приравнять крестьянское сословіе къ общему государственному правопорядку. Въ *Кіевской* губерніи стремленіе къ юридической равноправности сословій выразилось не только въ разсужденіяхъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ комитетовъ (напр. Кіевскаго), но и въ заявленіяхъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ крестьянъ или крестьянскихъ группъ (напр. по уѣздамъ Каневскому и Радомысльскому). Губернскій комитетъ пришелъ къ заключенію, что для надлежащей постановки сельскаго управленія необходимо отмѣнить существующія ограниченія личныхъ правъ крестьянина и даровать ему общія гражданскія права. Важнѣйшими мѣропріятіями въ этомъ направленіи комитетъ призналъ отмѣну сословныхъ натуральныхъ повинностей, отмѣну особыхъ взысканій, штрафовъ и арестовъ, распространяющихся только на крестьянское сословіе, и отмѣну тѣлесныхъ наказаній.

Въ сѣверо-западномъ краѣ постановленія комитетовъ отличаются, вообще, меньшею рѣшительностью и опредѣленностью, чѣмъ въ юго-западномъ. И здѣсь, однако, вопросъ о равноправности сословій довольно часто ставился на очередь и разрѣшался въ утвердительномъ смыслѣ; исключеніе

составляетъ только Ковенская губернія, гдѣ онъ остался вовсе не затронутымъ. Изъ уѣздныхъ комитетовъ *Гродненской* губерніи заявленія въ вышеуказанномъ направленіи были сдѣланы уѣздными комитетами Бѣлостоко-Сокольскимъ и Гродненскимъ. Въ Себежскомъ уѣздномъ комитетѣ *Витебской* губерніи крестьянинъ Демешко (волостной судья) выразилъ пожеланіе, чтобы крестьянское сословіе не было „такъ унижено", какъ теперь, и рѣшительно высказался противъ тѣлеснаго наказанія. Въ *Могилевскомъ* губернскомъ комитетѣ за освобожденіе крестьянъ отъ излишней опеки подали голосъ два члена (въ томъ числѣ губернскій предводитель дворянства); такой же взглядъ выраженъ Чаусскимъ уѣзднымъ комитетомъ въ полномъ его составѣ. Въ Пинскомъ уѣздномъ комитетѣ *Минской* губерніи одинъ изъ членовъ выразилъ убѣжденіе, что для успѣха преобразованій экономическаго свойства, касающихся крестьянскаго землевладѣнія, необходимо уравненіе правъ крестьянскаго населенія съ правами прочихъ сословій. Въ *Виленской* губерніи на сторонѣ этого взгляда оказались совѣтъ Виленскаго сельскохозяйственнаго общества (въ запискѣ, поданной Виленскому губернскому комитету), Трокскій уѣздный комитетъ и одинъ изъ членовъ Дисненскаго уѣзднаго комитета (Н. С. Берновичъ). „Всѣ мы"—сказано въ письмѣ послѣдняго на имя представителя комитета,—„предъ закономъ должны быть на самомъ дѣлѣ равны, имѣть общее законоположеніе, общую администрацію и общій судъ. Это не личное мое мнѣніе: оно лежало на душѣ у каждаго почти совѣщателя, и только изъ малодушія или, быть можетъ, изъ того убѣжденія, что это—несбыточная мечта, не былъ на совѣщаніи нашемъ возбужденъ этотъ вопросъ—вопросъ нашего бытія".

Въ *Архангельской* губерніи необходимость пересмотра положенія о крестьянахъ въ видахъ возможнаго уравненія крестьянства съ другими сословіями, была выставлена на видъ нѣсколькими уѣздными комитетами, а также въ запискѣ крестьянина Исупова, поданной въ Шенкурскій уѣздный комитетъ. Съ особенною силой Шенкурскій комитетъ высказался за отмѣну тѣлесныхъ наказаній, назначаемыхъ приговоромъ волостныхъ

судовъ. Желательность пересмотра положеній о крестьянахъ призналъ и Архангельскій губернскій комитетъ. Въ области *войска Донского* за равноправность крестьянъ съ другими сословіями подалъ голосъ Ростовскій окружной комитетъ; Таганрогскій окружный комитетъ призналъ необходимой безусловную отмѣну тѣлесныхъ наказаній. Въ послѣднемъ смыслѣ высказалось, въ запискѣ на имя *Эстляндскаго* губернскаго комитета, Ниссимское сельско-хозяйственное общество. *Тобольскій* губернскій комитетъ нашелъ, что въ виду особенностей, присущихъ сибирскимъ крестьянамъ, слѣдовало бы предоставить сельскимъ обществамъ больше простора въ ихъ экономической и сельскохозяйственной дѣятельности, съ устраненіемъ всякаго вліянія на нихъ со стороны крестьянскихъ начальниковъ. По мнѣнію большинства Курганскаго (Тобольской губерніи) уѣзднаго совѣщанія „тяжелая бюрократическая опека надъ личностью и имуществомъ крестьянъ, постоянно висящая надъ каждымъ изъ нихъ угроза наказанія, безъ суда, со стороны крестьянскаго начальника, глубоко унизительная возможность тѣлеснаго наказанія—все это особенно угнетаетъ наиболѣе самостоятельную, энергичную и способную часть крестьянскаго сословія. Лишь измѣненіе нынѣ существующаго правового порядка въ смыслѣ уравненія правъ крестьянскаго сословія съ правами другихъ сословій можетъ уничтожить самообезсиленіе крестьянства (путемъ ухода изъ деревни лучшихъ людей ея), вдохнуть въ него жизнь и пробудить къ болѣе полной и самостоятельной дѣятельности“. Въ *Томской* губерніи вопросъ о полноправности крестьянъ былъ возбужденъ уѣздными комитетами Барнаульскимъ и Кузнецкимъ, къ которымъ, хотя и въ менѣе рѣшительной формѣ, присоединился и губернскій комитетъ. Въ *Енисейской* губерніи за равноправность сословій высказался Красноярскій уѣздный комитетъ. Въ Ачинскомъ уѣздномъ комитетѣ (той же губерніи) вопросъ объ уравненіи сословій былъ поднятъ однимъ изъ членовъ, докладъ котораго былъ представленъ въ губернскій комитетъ, но, по распоряженію предсѣдателя, оставленъ безъ разсмотрѣнія, равно какъ и вышеприведенное постановленіе Красноярскаго комитета и постановленія комитетовъ

Енисейскаго и Минусинскаго, направленныя противъ тѣлеснаго наказанія. Весьма энергично мысль о необходимости уравненія сословій проведена, наконецъ, въ запискѣ, составленной однимъ изъ членовъ *Акмолинскаго* областного комитета (совѣтникомъ Акмолинскаго областнаго правленія). Заключенія по поводу этой записки Акмолинскій комитетъ не постановилъ.

Одной изъ формъ, въ которыхъ выражается юридическая обособленность крестьянства, служитъ существованіе сословнаго волостного суда. Противъ него раздавались голоса и въ такихъ комитетахъ, которые не ставили общаго вопроса объ уравненіи сословій. Въ *Виленской* губерніи, напримѣръ, лидскій уѣздный комитетъ нашелъ, что нынѣшній волостной судъ не только не способствуетъ матеріальному и нравственному благосостоянію крестьянина, но часто въ конецъ его подрываетъ и дѣйствуетъ деморализирующимъ образомъ. За коренную реформу волостного суда подали голосъ въ Минскомъ уѣздномъ комитетѣ—одинъ изъ мѣстныхъ земскихъ начальниковъ (возстававшій также противъ тѣлесныхъ наказаній), въ Пинскомъ (Минской губерніи), Быховскомъ (Могилевской губерніи) и Ковенскомъ—мѣстные землевладѣльцы. Къ такому же заключенію пришли Витебскій губернскій и Гомельскій (Могилевской губ.) уѣздный комитеты. Весьма рѣзко недостатки волостного суда были подчеркнуты Балаганскимъ (Иркутской губ.) уѣзднымъ комитетомъ. Въ Перновскомъ (Лифляндской губ.) уѣздномъ комитетѣ на необходимость реформы волостного суда указалъ коммиссаръ по крестьянскимъ дѣламъ, но указаніе это не было допущено къ обсужденію предсѣдателемъ комитета. Не остались безъ вниманія и другія особенности мѣстнаго строя, отяготительныя для крестьянъ. Въ *Лифляндской* губерніи заявляемы были ходатайства объ упраздненіи дисциплинарной власти коммиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ и волостныхъ старшинъ. Въ *Эстляндской* губерніи со стороны небольшихъ (очевидно—крестьянскихъ) сельско-хозяйственныхъ обществъ слышались голоса противъ вотчинной (мызной) полиціи и въ пользу ея замѣны соотвѣтствующими взносами помѣщи-

ковъ на общую (волостную) полицію. Въ *Лифляндской* губерніи возникали вопросы о принудительной продажѣ тѣхъ помѣщичьихъ земель, которыя именуются крестьянскими и квотными, а также объ упраздненіи пасторатовъ [1]), съ назначеніемъ пасторамъ денежнаго содержанія, и объ отмѣнѣ „реальныхъ правъ“ (т. е. различныхъ привилегій) дворянскихъ вотчинъ. За послѣднюю реформу высказался и предсѣдатель губернскаго комитета. Вообще въ Остзейскихъ губерніяхъ довольно часто указывалась несправедливость возложенія на однихъ крестьянъ такихъ повинностей (напр. подводной, дорожной, почтовой), которыя имѣютъ общій, безсословный характеръ. За равномѣрное распредѣленіе дорожной повинности между всѣми землевладѣльцами высказался, напримѣръ, Юрьевскій (Лифлянской губерніи) уѣздный комитетъ. Въ Фридрихштадтскомъ комитетѣ (Курляндской губерніи) сторонники аналогичнаго мнѣнія (податный инспекторъ и два дворохозяина) остались въ меньшинствѣ; за сохраненіе существующаго порядка подали голосъ представители крупнаго землевладѣнія. И въ другихъ губерніяхъ возникалъ вопросъ о болѣе справедливомъ распредѣленіи натуральныхъ повинностей, лежащихъ на крестьянахъ. Особенно подробно онъ былъ разсмотрѣнъ *Оренбургскимъ* губернскимъ комитетомъ, разрѣшившимъ его въ смыслѣ возможно бо̀льшаго уравненія сословій. Аналогичное постановленіе состоялось и въ *Могилевскомъ* губ. комитетѣ.

Весьма большое мѣсто комитеты не-земскихъ губерній отводятъ вопросу о введеніи земскихъ учрежденій. Въ *Кіевской* губерніи онъ былъ поставленъ во *всѣхъ* уѣздныхъ комитетахъ—и *всѣми* разрѣшенъ утвердительно, въ виду *неотложной* необходимости объединенія сословій въ сферѣ хозяйственно-распорядительной и правильнаго удовлетворенія экономическихъ потребностей края. Подъ именемъ *земскихъ* понимались здѣсь, несомнѣнно, учрежденія самоуправляющіяся, т. е. зем-

---

[1]) Противъ пасторатовъ слышались голоса и въ Эстляндской губерніи.

скія не только по имени, но и по своему устройству и составу. „Всѣ успѣхи въ области экономической жизни— говоритъ, напримѣръ, Каневскій комитетъ, — которые достигнуты мѣстнымъ самоуправленіемъ по ту сторону Днѣпра, являются предметомъ отдаленной мечты для населенія, отдѣленнаго отъ земскихъ губерній только узкой полосой рѣки“. Поднятіе сельско-хозяйственной промышленности, по мнѣнію Звенигородскаго комитета, „возможно лишь при непосредственномъ знакомствѣ съ народными нуждами, бытомъ и характеромъ населенія, его духовными требованіями, развитіемъ и т. д., вплоть до знанія тѣхъ мелочей, изъ которыхъ создается жизнь. Какъ въ отдѣльномъ хозяйствѣ нуженъ опытный и умѣлый хозяинъ, такъ и въ губерніи. Этимъ хозяиномъ можетъ быть только земство, и *земство безъ ограниченій*, земство *положительно выборное*, съ расширенными хозяйственными полномочіями и повышеннымъ образовательнымъ цензомъ“. Черкасскій комитетъ находитъ, что „всѣ благія предначертанія правительства не принесутъ пользы мѣстному населенію, пока не будетъ введено земство, основанное на выборномъ началѣ“. Въ томъ же смыслѣ высказались и другіе уѣздные комитеты Кіевской губерніи, равно какъ и губернскій комитетъ. „Серьезныя основанія,—по словамъ послѣдняго,—имѣетъ высказанная уѣздными комитетами увѣренность, что подъемъ общественныхъ силъ и привлеченіе мѣстныхъ людей къ трудамъ мѣстнаго управленія и заботамъ о мѣстныхъ трудахъ благопріятно отразятся на многихъ сторонахъ мѣстной жизни“. Соглашаясь, поэтому, съ заключеніями уѣздныхъ комитетовъ о высокой полезности и своевременности введенія въ Кіевской губерніи земскихъ учрежденій, губернскій комитетъ выразилъ пожеланіе, чтобы это преобразованіе было осуществлено съ сохраненіемъ выборнаго начала, которое одно можетъ привлечь къ работѣ лучшія мѣстныя силы. Для того, чтобы дѣятельность земства была руководима выборными представителями дворянства, необходимо возстановленіе въ Кіевской губерніи дворянскихъ выборовъ, пріостановленныхъ въ 1863 году.

Большое единодушіе по вопросу о земской реформѣ

обнаружилось и въ *Подольской* губерніи. За введеніе земскихъ учрежденій, въ полномъ ихъ объемѣ (иногда—съ указаніемъ на положніе 1864-го года), высказались уѣздные комитеты Каменецкій, Винницкій, Могилевскій, Проскуровскій, Литинскій, Ямпольскій, Брацлавскій и Гайсинскій. Губернскій комитетъ съ своей стороны, пришелъ къ заключенію, что всѣ его предположенія, направленныя къ подъему сельскохозяйственной промышленности, представляется возможнымъ наилучшимъ образомъ осуществить и провести въ жизнь только при условіи самодѣятельности общества и введенія въ Юго-Западномъ краѣ, наравнѣ со всей Россіей, земскаго самоуправленія по положенію 1864-го года". Къ такому же выводу пришелъ и *Волынскій* губернскій комитетъ, вслѣдъ за многими уѣздными комитетами Волынской губерніи (Житомірскимъ, Дубенскимъ, Острогскимъ, Староконстантиновскимъ, Ковельскимъ, Новоградволынскимъ). Въ этой губерніи за введеніе земскихъ учрежденій въ полномъ ихъ объемѣ высказалось еще въ 1896-мъ году губернское совѣщаніе, составленное, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ тридцати трехъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ и землевладѣльцевъ.

Въ *Гродненской* губерніи вопросъ о земской реформѣ былъ поднятъ только Бѣлостоко-Сокольскимъ уѣзднымъ комитетомъ. Комитетъ единогласно высказался за необходимость и неотложность введенія земскихъ учрежденій; но по вопросу объ организаціи ихъ произошли разныя мнѣнія. Большинство комитета примкнуло къ мнѣнію А. А. Анненкова, находившаго, что устройству земскихъ учрежденій на выборномъ началѣ препятствуютъ исключительныя условія края (различіе національностей и вѣроисповѣданій). Нежелательны, съ другой стороны, и земскія учрежденія, составленныя отчасти изъ должностныхъ лицъ, отчасти изъ землевладѣльцевъ, приглашаемыхъ правительствомъ. Единственно цѣлесообразными для Гродненской губерніи г. Анненковъ признаетъ такія земскія учрежденія, которыя были бы составлены исключительно изъ плательщиковъ земскихъ налоговъ, но по назначенію правительства и съ представленіемъ земскихъ смѣтъ, черезъ Государственный Совѣтъ, на Высочайшее

утвержденіе. Въ запискѣ I. И. Глиндзича, представленной Гродненскому губернскому комитету, но оставшейся безъ разсмотрѣнія, была выражена мысль, что къ участію въ управленіи земскими дѣлами должны быть допущены всѣ мѣстные землевладѣльцы, безъ различія происхожденія. По словамъ г. Глиндзича, землевладѣльцы-поляки, вслѣдствіе независящихъ отъ нихъ условій, лично, за немногими лишь исключеніями, занимаются хозяйствомъ, стремясь къ постепенному подъему культуры въ своихъ имѣніяхъ, вслѣдствіе чего ихъ участіе въ дѣлахъ земства представляется не только полезнымъ, но и необходимымъ. Въ *Виленской* губерніи за введеніе земскихъ учрежденій, съ выборнымъ началомъ, высказался Виленскій уѣздный комитетъ, находя, что мѣропріятія, направленныя къ улучшенію сельскаго хозяйства, и проще и совершеннѣе осуществимы при наличности земства. Въ *Могилевской* губерніи за введеніе земства подали голосъ уѣздные комитеты Горецкій, Рогачевскій и Чериковскій; по словамъ послѣдняго, безъ земскихъ учрежденій всякаго рода начинанія и законы, хотя бы самые благодѣтельные, окажутся мертворожденными и принесутъ лишь столько пользы, сколько ладанъ—покойнику". Въ томъ же смыслѣ высказалось большинство членовъ Чаусскаго уѣзднаго комитета; но даже меньшинство признало необходимымъ расширеніе органовъ, нынѣ вѣдающихъ мѣстное хозяйство, *выборными* отъ населенія лицами, въ числѣ равномъ съ членами отъ правительства. Въ Могилевскомъ губернскомъ комитетѣ большинство подало голосъ за распространеніе на Могилевскую губернію земскаго положенія 1890 года. Въ *Минской* губерніи введеніе земства признано желательнымъ въ постановленіяхъ двухъ уѣздныхъ комитетовъ Пинскаго и Рѣчицкаго, а также въ запискахъ, поданныхъ губернскому комитету землевладѣльцемъ Любанскимъ и Минскимъ обществомъ сельскаго хозяйства. Въ первой изъ этихъ записокъ подробно разобранъ вопросъ о значеніи польскаго элемента среди землевладѣльцевъ Минской губерніи и убѣдительно доказана неосновательность опасеній, препятствующихъ введенію выборнаго земства.

Оказывается, что русскихъ землевладѣльцевъ въ Минской губерніи всего 8689, польскихъ — 4551, т. е. почти вдвое меньше. Правда, землевладѣльцевъ сравнительно крупныхъ (имѣющихъ болѣе 200 десятинъ) между поляками нѣсколько больше, чѣмъ между русскими (932 противъ 892), но, при значительномъ перевѣсѣ русскихъ между мелкими землевладѣльцами, большинство въ избирательныхъ собраніяхъ легко могло бы оказаться на сторонѣ русскаго элемента. Въ *Витебской* губерніи мысль о введеніи земства нашла поддержку въ полоцкомъ уѣздномъ комитетѣ. Губернскій комитетъ пришелъ къ заключенію, что для поднятія сельско-хозяйственной промышленности своевременна и настоятельно необходима полная реорганизація существующаго земскаго хозяйства, путемъ введенія земскаго управленія, съ привлеченіемъ къ участію въ немъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ въ той или иной формѣ какая будетъ признана правительствомъ наиболѣе цѣлесообразной. Меньшинство комитета (11 членовъ изъ числа 37), находя мнѣніе большинства недостаточно опредѣленнымъ, высказалось за введеніе въ Витебской губерніи земскихъ учрежденій въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ центральныхъ губерніяхъ.

Въ *Привислинскомъ* краѣ вопросъ о введеніи земства, по понятнымъ причинамъ, поставленъ не былъ; только въ *Ломжинскомъ* губернскомъ комитетѣ семнадцать членовъ (изъ 35) выразили убѣжденіе, что для успѣха преобразованій необходимо допустить мѣстныхъ людей къ участію въ дѣлѣ осуществленія реформъ. Большое мѣсто, за то, разсматриваемый нами вопросъ занимаетъ въ работахъ комитетовъ *Прибалтійскаго* края. За введеніе земскаго представительства, распространяющагося и на крестьянъ, высказались, въ представленіяхъ *Эстляндскому* губернскому комитету, земледѣльческія общества Ревельское (эстское), Ниссисское, Гольденбекское, Маріенъ—Магдалененское, Куусальское, Раппельское, а также крестьяне Райкюльской волости (Ревельскаго уѣзда). Весьма несочувственно отнеслись къ этимъ заявленіямъ представители крупнаго землевладѣнія. Везенбергскій уѣздный депутатъ дворянства усмотрѣлъ въ ходатайствахъ сель-

ско-хозяйственныхъ обществъ опасное желаніе воспользоваться извѣстными политическими правами и предложилъ оставить ихъ безъ разсмотрѣнія. Съ этимъ не согласился губернскій комитетъ, постановившій слѣдующую резолюцію: „имѣя въ виду, что правительство озабочено уже разработкою земскаго положенія въ Прибалтійскомъ краѣ, и что особенности мѣстнаго устройства вызываютъ необходимость весьма обширной законодательной работы, не предрѣшать въ настоящемъ комитетѣ ближайшихъ основаній проектируемой реформы, въ твердой увѣренности, что правительсто изыщетъ средства для соображенія мѣстныхъ историческихъ культурныхъ и аграрныхъ условій, дабы предполагаемая реформа дѣйствительно соотвѣтствовала нуждамъ какъ крупнаго, такъ и мелкаго землевладѣнія". Къ этой резолюціи Эстляндскій губернскій предводитель дворянства и всѣ присутствовавшіе въ комитетѣ представители дворянства сдѣлали оговорку въ томъ смыслѣ, что наиболѣе соотвѣтствуетъ мѣстнымъ нуждамъ проектъ земской реформы, составленный, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Эстляндскимъ ландтагомъ. Изъ особаго мнѣнія губернскаго предводителя по другому вопросу видно, что дворянскій проектъ предоставляетъ крестьянамъ участіе въ земскомъ самоуправленіи только въ *территоріально ограниченной единицѣ* (вѣроятно—въ волости). Въ Лифляндскомъ губернскомъ комитетѣ обсужденіе вопроса объ участіи крестьянъ въ земскомъ самоуправленіи не было допущено предсѣдателемъ, но, какъ видно изъ составленной имъ записки, многими членами были высказаны мнѣнія о желательности введенія въ губерніи земскаго устройства. Находя и съ своей стороны, что нынѣшній дворянско-земскій распорядокъ долженъ быть возможно скорѣе измѣненъ введеніемъ земскаго устройства въ той или другой формѣ, предсѣдатель губернскаго комитета высказался противъ того способа улучшенія земскаго представительства, на который указывали нѣкоторые члены комитета, т. е. противъ прибавленія къ нынѣшнему ландтагу и другимъ дворянско-земскимъ собраніямъ представителей мелкаго землевладѣнія. Результатъ подобной частичной реформы, по мнѣнію Лифляндскаго губернатора, былъ бы равенъ нулю, такъ какъ допущенные та-

кимъ образомъ представители мелкаго землевладѣнія фактически не имѣли бы ни малѣйшаго вліянія на рѣшенія собраній.

Въ *Архангельской* губерніи за введеніе земскихъ учрежденій высказались уѣздные комитеты Шенкурскій и Архангельскій, а затѣмъ и губернскій комитетъ. Въ *Астраханскомъ* губернскомъ комитетѣ сторонникомъ земства явился войсковой агрономъ Астраханскаго казачьяго войска, но комитетъ ограничился тѣмъ, что призналъ желательнымъ учрежденіе въ уѣздахъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, въ составъ которыхъ входили бы лица, хорошо ознакомленныя съ разнообразными хозяйственными, промышленными и народными нуждами каждой мѣстности. *Оренбургскій* губернскій комитетъ пришелъ къ заключенію, что давно назрѣвшая потребность въ переформированіи управленія земскими дѣлами должна быть удовлетворена въ ближайшемъ, по возможности, времени, съ привлеченіемъ къ участію въ этихъ дѣлахъ мѣстныхъ силъ. *Донской* областной комитетъ, находя, что намѣченная особымъ совѣщаніемъ программа можетъ быть осуществлена лишь при существованіи мѣстнаго органа самоуправленія, т. е. земства, единогласно высказался за скорѣйшее разрѣшеніе вопроса о введеніи земскихъ учрежденій въ области войска донского. Въ томъ же смыслѣ подали голосъ окружные комитеты Донецкій, первый Донской, Ростовскій, Таганрогскій и Хоперскій. Введеніе земскихъ учрежденій нашло сторонниковъ и въ *Кавказскомъ* краѣ. *Бакинскій* губернскій комитетъ нашелъ, что слѣдуетъ объединить губернскія и уѣздныя учрежденія, такъ или иначе соприкасающіяся съ сельскимъ хозяйствомъ, и предоставить имъ иниціативу и свободу дѣйствій приблизительно до предѣловъ, установленныхъ во внутреннихъ губерніяхъ для земства. *Кутаисскій* губернскій комитетъ выразилъ, въ сущности, ту же самую мысль, признавъ желательнымъ привлеченіе въ составъ раскладочныхъ комитетовъ спеціалистовъ по сельскому хозяйству и выборныхъ представителей отъ землевладѣльцевъ, съ правомъ рѣшающаго голоса. Аналогичныя пожеланія высказаны *Тифлисскимъ* губернскимъ и *Кубанскимъ* областнымъ коми-

тетами. *Терскій* областной комитетъ, разсмотрѣвъ мнѣніе одного изъ своихъ членовъ о цѣлесообразности введенія въ области земскихъ учрежденій, нашелъ, что въ виду разноплеменности и низкаго культурнаго состоянія мѣстнаго населенія, а также отсутствія такихъ руководителей, какими являются въ земскихъ губерніяхъ помѣщики (дворяне), необходимы пока такіе хозяйственные органы, которые, являясь средними между административными и земскими, подготовили бы населеніе къ дальнѣйшему развитію земскаго управленія. Такими органами могли бы служить распорядительные комитеты, при введеніи въ ихъ составъ выборныхъ представителей отъ землевладѣльцевъ и отъ сельскихъ и станичныхъ обществъ, съ правомъ хотя бы совѣщательнаго голоса.

Въ *Степномъ* краѣ введеніе земства было предложено однимъ изъ членовъ *Акмолинскаго* областного комитета. Комитетъ призналъ его въ принципѣ весьма желательнымъ, но въ настоящее время неосуществимымъ, по соображеніямъ финансоваго характера и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неустановившагося еще отношенія какъ русскаго, такъ и киргизскаго населенія къ землѣ, какъ главнѣйшему источнику земскаго обложенія. Въ качествѣ временной мѣры, впредь до окончательнаго землеустройства области, комитетъ допускаетъ, однако, привлеченіе мѣстнаго населенія къ участію въ разрѣшеніи вопросовъ хозяйственнаго и просвѣтительнаго характера.

Особое сочувствіе мысль о введеніи земскихъ учрежденій вызвала въ *Сибири*. Въ *Тобольской* губерніи этотъ вопросъ былъ поднятъ уѣздными совѣщаніями Ишимскимъ, Курганскимъ, Тюменскимъ и Ялуторовскимъ. Въ губернскомъ комитетѣ была сдѣлана попытка доказать, что мнѣнія интеллигентныхъ людей, руководившихъ совѣщаніями, нельзя считать голосомъ населенія. На это возражали, что сибирскіе крестьяне не могли прямо стоять за земство, котораго они не знаютъ [1]), но мысль о предоставленіи населенію большей

[1]) Это не совсѣмъ точно: въ совѣщаніяхъ Курганскомъ и Тюменскомъ за введеніе земства высказывались и крестьяне, знакомые, вѣроятно, съ положеніемъ сосѣдней земской губерніи (Пермской).

свободы дѣйствій въ хозяйственныхъ дѣлахъ была высказана именно крестьянами, что свидѣтельствуетъ о нецѣлесообразности существующей организаціи хозяйственнаго управленія. Значительное большинство голосовъ оказалось въ губернскомъ комитетѣ за сторонниками земства. Въ баллотировкѣ этого вопроса не участвовали губернаторъ, вице-губернаторъ и управляющій казенной палаты. Въ Томской губерніи за введеніе земскихъ учрежденій подали голосъ уѣздные комитеты Барнаульскій, Змѣиногорскій, Кузнецкій и Маріинскій. Въ губернскомъ комитетѣ аналогичное рѣшеніе было принято большинствомъ одиннадцати голосовъ противъ двухъ (предсѣдатель комитета принадлежалъ, повидимому, къ большинству). Въ *Енисейской* губерніи введеніе земскихъ учрежденій призналъ преждевременнымъ одинъ только Канскій уѣздный комитетъ; всѣ остальные нашли его вполнѣ возможнымъ и желательнымъ—и къ нимъ присоединился губернскій комитетъ, сославшись на составленную въ томъ же смыслѣ записку бывшаго генералъ-губернатора Горемыкина. Красноярскимъ уѣзднымъ комитетомъ былъ принятъ проектъ приспособленія земскихъ учрежденій къ Енисейской губерніи, одобренный, въ главныхъ чертахъ, губернскимъ комитетомъ. Весьма обстоятельныя записки по этому предмету были представлены въ Красноярскій уѣздный комитетъ А. А. Корниловымъ и Е. Г. Шольцемъ. Въ *Иркутской* губерніи за введеніе земства высказался прямо и опредѣленно Нижнеудинскій уѣздный комитетъ, къ которому примкнуло большинство членовъ губернскаго комитета. Весьма близко подошелъ къ тому же мнѣнію и Балаганскій уѣздный комитетъ, предложивъ устройство на мѣстахъ ежегодныхъ совѣщаній по сельско-хозяйственнымъ дѣламъ.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о введеніи земскихъ учрежденій стоитъ вопросъ о созданіи всесословной волости. Въ *Гродненской* губерніи за нее высказался предсѣдатель Бѣльскаго уѣзднаго комитета, въ *Ковенской* губ.—Шавельскій уѣздный комитетъ, въ *Могилевской* губ.—большинство Чаусскаго и одинъ изъ членовъ Чериковскаго уѣзднаго комитета, а также одинъ изъ членовъ губернскаго комитета, въ

Волынской губерніи—Дубенскій уѣздный комитетъ и одинъ изъ членовъ губ. комитета, въ *Кіевской* губерніи—уѣздные комитеты Каневскій, Бердичевскій, Васильковскій, Кіевскій и Черкасскій, а также губернскій комитетъ, въ *Подольской* губерніи—уѣздные комитеты Винницкій и Гайсинскій, съ которыми согласился губернскій комитетъ. Въ области *Войска Донского* за всесословную волость подали голосъ окружные комитеты Ростовскій, Хоперскій и Черкасскій. Областной комитетъ ограничился выраженіемъ желанія, чтобы къ участію въ административныхъ волостныхъ расходахъ были привлечены всѣ владѣльцы земель, находящихся въ районѣ волости. Въ *Кутаисскомъ* губернскомъ комитетѣ мнѣніе большинства, высказавшагося противъ всесословной волости, вызвало сильно мотивированное возраженіе со стороны восьми членовъ комитета. Въ *Тобольской* губерніи за устройство волостной земской единицы подали голосъ Ишимскій уѣздный комитетъ и значительное большинство губернскаго комитета, въ *Енисейской* губерніи—Красноярскій уѣздный комитетъ, съ которымъ согласился и губернскій, въ *Иркутской* губерніи—Балаганскій уѣздный комитетъ.

Суррогатомъ земства, въ постановленіяхъ многихъ комитетовъ, являются сельско-хозяйственные союзы и общества. Въ *Витебской* губерніи Двинскій комитетъ призналъ желательнымъ, чтобы для образованія подобныхъ союзовъ достаточно было простого извѣщенія о томъ администраціи. Въ *Могилевской* губерніи за увеличеніе числа сельскохозяйственныхъ обществъ и за привлеченіе ихъ къ участію въ сельскохозяйственныхъ мѣропріятіяхъ высказался Сѣнненскій уѣздный комитетъ. *Виленское* сельскохозяйственное общество указало Виленскому губернскому комитету на желательность учрежденія мѣстныхъ отдѣловъ общества. Въ *Привислинскомъ* краѣ учрежденіе крестьянскихъ экономическихъ союзовъ и товариществъ признали нужнымъ губернскіе комитеты *Варшавскій*, *Калишскій*, *Ломжинскій*, *Радомскій*, *Сѣдлецкій*. Съ избыткомъ осторожности отнесся къ этому вопросу *Петроковскій* губ. комитетъ, въ лицѣ своихъ оффиціальныхъ членовъ: всѣ входившіе въ его составъ землевладѣльцы одоб-

рили докладъ одного изъ нихъ, доказывавшій необходимость мелкихъ сельскохозяйственныхъ союзовъ, но предсѣдатель комитета и другіе члены отъ правительства, не отвергая возможной ихъ пользы, нашли, что разрѣшеніе этого вопроса высшими правительственными властями будетъ, вѣроятно, стоять въ зависимости и отъ другихъ соображеній и взглядовъ. *Лифляндскій* губ. комитетъ, соглашаясь, въ существѣ, съ мнѣніями уѣздныхъ комитетовъ, подалъ голосъ за изданіе общаго закона для хозяйственныхъ обществъ, товариществъ и союзовъ. Такой законъ, по мнѣнію комитета, долженъ охватывать всѣ коопераціи, основанныя на частно-правовомъ принципѣ добровольнаго участія, и ограничиваться установленіемъ руководящихъ началъ, предоставляя образованіе кооперацій, въ предѣлахъ закона, свободному усмотрѣнію ихъ членовъ. Въ *Курляндской* губерніи уѣздные комитеты Гробинскій, Добленскій, Иллукстскій, Туккумскій и Фридрихштадтскій высказались противъ нормальнаго устава сельскохозяйственныхъ обществъ, какъ стѣсняющаго ихъ учрежденіе. *Ставропольскій* губ. комитетъ, констатируя отсутствіе въ губерніи сельскохозяйственныхъ союзовъ, призналъ желательнымъ упрощеніе связанныхъ съ ихъ устройствомъ формальностей, объединеніе ихъ въ болѣе обширныя организаціи и открытіе имъ кредита изъ средствъ государственнаго казначейства. Къ аналогичному заключенію пришелъ *Кубанскій* областной комитетъ. За открытіе союзамъ кредита высказался и *Черноморскій* губ. комитетъ. Въ *Иркутской* губерніи Балаганскій уѣздный комитетъ постановилъ ходатайствовать объ учрежденіи Балаганскаго уѣзднаго сельскохозяйственнаго общества. Съ большимъ скептицизмомъ отнесся къ данному вопросу *Оренбургскій* губ. комитетъ, находя, что существующіе уставы сельскохозяйственныхъ обществъ соотвѣтствуютъ своему назначенію и что развитію сельскаго хозяйства среди крестьянъ всего лучше могутъ способствовать уѣздные агрономы и земскіе начальники.

Большое вниманіе было обращено многими комитетами на положеніе начальной народной школы, хотя въ программѣ

особаго совѣщанія былъ поставленъ только вопросъ о сельскохозяйственномъ образованіи. Губернскіе комитеты Подольскій, Кіевскій, Волынскій, Гродненскій и областные комитеты Терскій и Семирѣченскій [1]) высказались за введеніе нынѣ же или въ ближайшемъ будущемъ всеобщаго обязательнаго обученія. Въ основаніе этого пожеланія легли постановленія многихъ изъ числа мѣстныхъ уѣздныхъ комитетовъ. За всеобщее, но необязательное обученіе подали голосъ губ. комитеты Могилевскій, Архангельскій, Астраханскій, Енисейскій и Донской областной комитетъ. Объединеніе всѣхъ начальныхъ школъ въ одномъ вѣдомствѣ, и притомъ именно въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, признали необходимымъ губернскіе комитеты *Подольскій*, *Кіевскій* (большинствомъ голосовъ), *Могилевскій*. За возможно бóльшее увеличеніе число начальныхъ школъ подали голосъ *Карсскій* областной и *Ставропольскій* губернскій комитеты. Многими комитетами (напр. Эстляндскимъ) выражено желаніе, чтобы была увеличена продолжительность курса и расширена программа начальныхъ школъ. Нѣкоторые комитеты (напр. Витебскій, Могилевскій, Гродненскій) нашли, вопреки установившемуся въ настоящее время (и совершенно правильному) взгляду, что въ программу начальныхъ школъ слѣдовало-бы ввести сообщеніе ученикамъ элементарныхъ сельскохозяйственныхъ знаній. Въ разныхъ концахъ Россіи выразилось неудовольствіе церковно-приходской школой. Въ *Архангельскомъ* губернскомъ комитетѣ нѣкоторые члены предлагали, въ интересахъ распространенія народнаго образованія, считаться лишь съ свѣтскими школами, такъ какъ недостатки церковныхъ школъ хорошо извѣстны мѣстнымъ дѣятелямъ. Въ Гродненскомъ уѣздномъ комитетѣ трое крестьянъ заявили, что въ министерскихъ школахъ лучше учатъ, чѣмъ въ церковныхъ, учителя которыхъ мало подготовлены къ дѣлу обученія. Балаганскій (Иркутской губерніи) уѣздный комитетъ указалъ на неудовлетворительность преподаванія закона Божія, въ особенности тамъ, гдѣ преподавателями состоятъ миссіонеры.

---

[1]) Постановленіе Семирѣченскаго комитета имѣетъ въ виду только русское населеніе области.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о начальной школѣ стоитъ вопросъ о мѣстномъ языкѣ. Шавельскій (Ковенской губерніи) уѣздный комитетъ призналъ необходимымъ ввести во всѣхъ начальныхъ школахъ обученіе литовскому языку наравнѣ съ русскимъ и разрѣшить изданіе книгъ на литовскомъ языкѣ, съ цензурованіемъ ихъ на мѣстѣ, а не въ Петербургѣ или Вильнѣ [1]). Въ той же губерніи Россіенскій уѣздный комитетъ нашелъ желательнымъ устройство чтеній и изданіе книгъ и брошюръ по сельскому хозяйству на жмудскомъ языкѣ. Въ *Привислинскомъ* краѣ *Кѣлецкій* губ. комитетъ высказался за возвращеніе къ системѣ 1864 года, установлявшей преподаваніе въ начальной школѣ на мѣстномъ языкѣ; *Люблинскій* губ. комитетъ— за допущеніе сельскохозяйственныхъ бесѣдъ и курсовъ на мѣстномъ языкѣ. Аналогичныя мнѣнія были заявляемы въ комитетахъ петроковскомъ и радомскомъ. Въ *Эстляндской* губерніи за расширеніе круга предметовъ, при преподаваніи которыхъ допускается употребленіе мѣстнаго языка, высказалось нѣсколько сельскохозяйственныхъ обществъ, къ которымъ примкнулъ и губернскій комитетъ. Въ *Лифляндскомъ* губернскомъ комитетѣ большинство нашло желательнымъ, чтобы преподаваніе въ сельскохозяйственныхъ школахъ велось на мѣстномъ языкѣ; аналогичныя мнѣнія слышались и во многихъ уѣздныхъ комитетахъ Лифляндской губерніи. Въ *Кавказскомъ* краѣ за преподаваніе въ начальной школѣ—или по крайней мѣрѣ въ двухъ низшихъ ея классахъ—на мѣстномъ языкѣ подали голосъ областной комитетъ *Дагестанскій* и губернскій комитетъ *Тифлисскій*, а также нѣкоторые члены губернскихъ комитетовъ Елизаветпольскаго и Кутаисскаго.

Въ западныхъ губерніяхъ комитеты не могли не затронуть ограничительныя постановленія, касающіяся поляковъ и евреевъ. Въ большинствѣ случаевъ, однако, возникающіе отсюда вопросы ставились нерѣшительно и робко, только от-

[1]) Очень горячо и убѣдительно необходимость положить конецъ недовѣрію къ литовской литературѣ мотивирована въ двухъ запискахъ, поданныхъ Шавельскому комитету (авторъ одной изъ нихъ—крестьянинъ).

дѣльными лицами или учрежденіями (сельскохозяйственными обществами), и оставались безъ обсужденія въ полномъ составѣ комитета. Иногда, какъ напр. въ Гродненскомъ губернскомъ и Ковенскомъ уѣздномъ комитетахъ, они навлекали на себя предсѣдательское veto. Всего чаще высказывалась мысль, что отъ ограничительныхъ постановленій, относящихся къ землевладѣнію, страдаютъ не только землевладѣльцы, а все населеніе. „Покупателями земли"—читаемъ мы, напримѣръ въ отзывѣ *Виленскаго* сельско-хозяйственнаго общества, представленномъ въ Виленскій губернскій комитетъ,—являются преимущественно лица, стремящіяся извлечь изъ земли какъ можно больше ближайшихъ выгодъ и затѣмъ, возвративъ съ избыткомъ затраченный капиталъ, продать разоренное и обезцѣненное имѣніе. Солидные сельскіе хозяева изъ центральныхъ губерній рѣдко являются къ намъ за покупкою земли. Продавцы, имѣя дѣло съ весьма ограниченнымъ кругомъ контрагентовъ—нерѣдко даже лишь съ однимъ—вынуждены продавать имѣніе за ту цѣну, какую угодно будетъ предложить покупателю..... Если бы существовала возможность свободнаго перехода земли, общее экономическое состояніе нашего исключительно земледѣльческаго края выиграло бы отъ этого несомнѣнно". По словамъ общества, ограничительныя постановленія задерживаютъ развитіе промышленности, затрудняя пріобрѣтеніе земель, внѣ городской черты, для устройства фабрикъ или заводовъ. Аналогичное мнѣніе высказано въ запискѣ товарища предсѣдателя *Могилевскаго* общества сельскаго хозяйства. *Минское* сельскохозяйственное общество, находя, что стѣсненіе свободы пріобрѣтенія земельной собственности влечетъ за собою оскудѣніе деревни, напоминаетъ, что поколѣніе, участвовавшее въ смутѣ 1863 года, уже вымерло, а новое поколѣніе спокойнымъ, легальнымъ трудомъ на всѣхъ открытыхъ для него поприщахъ доказало свою правоспособность. Въ запискѣ члена *Гродненскаго* губернскаго комитета кн. Святополкъ - Четвертинскаго послѣдствіями ограничительныхъ постановленій выставлены обезцѣненіе имѣній, отсутствіе кредита, застой промышленности. Уѣздные комитеты Бобруйскій (Минской губерніи), Лепельскій (Витеб-

ской губерніи), Тельшевскій (Ковенской губерніи), Владиміро-волынскій (Волынской губерніи) признали желательнымъ предоставленіе дворянамъ-землевладѣльцамъ польскаго происхожденія права на полученіе ссудъ изъ дворянскаго земельнаго банка. Уѣздные комитеты Вилькомирскій (Ковенской губерніи) и Заславльскій (Волынской губерніи) прямо высказались за разрѣшеніе лицамъ польскаго происхожденія пріобрѣтать недвижимыя имѣнія. Гораздо рѣже выступалъ на сцену въ комитетахъ вопросъ еврейскій. Противъ отмѣны ограниченій, установленныхъ относительно пріобрѣтенія евреями земли, подали голосъ комитеты: губернскій—Петроковскій и уѣздные—Себежскій (Витебской губерніи) и Бердичевскій (Кіевской губерніи). Рѣчицкій (Минской губерніи) уѣздный комитетъ призналъ настоятельно необходимымъ принятіе дѣйствительныхъ мѣръ противъ арендованія евреями имѣній и вообще противъ совершенія ими, вопреки закону, другихъ сдѣлокъ относительно сельской поземельной собственности. За отмѣну временныхъ правилъ 3 мая 1882 года высказался членъ Кіевскаго губернскаго комитета Л. И. Бродскій.

Своеобразныхъ вопросовъ коснулись въ *Привислинскомъ* краѣ губернскіе комитеты Кѣлецкій и Ломжинскій. Первому была представлена однимъ изъ его членовъ (управляющимъ казенною палатою) записка, рекомендовавшая, какъ одно изъ средствъ противодѣйствія крестьянскому малоземелью, разрѣшеніе продажи мѣстныхъ маіоратныхъ имѣній. Законъ, учредившій (въ 1835 г.) эти маіораты, обязывалъ собственника лично исполнять функціи помѣщика и лишь въ случаѣ полной невозможности жить въ имѣніи разрѣшалъ ему имѣть управителя, но отнюдь не арендатора. Между тѣмъ, изъ 144 маіоратныхъ владѣльцевъ теперь нѣтъ ни одного, который былъ бы дѣйствительнымъ помѣщикомъ, а изъ числа поставленныхъ ими „управителей“ многіе являются даже не арендаторами, а фактическими владѣльцами имѣній.—Въ Ломжинскомъ комитетѣ возникъ вопросъ объ уравненіи мелкой шляхты, въ видахъ *улучшенія* ея быта, съ крестьянскимъ населеніемъ, и этотъ вопросъ признано было желательнымъ подвергнуть разработкѣ въ особой коммисіи.

Значительная часть трудовъ Оренбургскаго губернскаго комитета, областныхъ комитетовъ Акмолинскаго и Самаркандскаго и Минусинскаго (Енисейской губерніи) уѣзднаго комитета посвящена вопросамъ, касающимся быта инородцевъ.

Не смотря на неблагопріятныя условія, при которыхъ слишкомъ часто приходилось работать сельско-хозяйственнымъ комитетамъ не-земскихъ губерній, между ними и комитетами центральной Россіи оказалось, какъ видно изъ вышеизложеннаго, немало точекъ соприкосновенія. Стремленія, которыя можно объединить именемъ освободительныхъ, существуютъ, очевидно, во всѣхъ концахъ имперіи. Вездѣ чувствуется потребность въ расширеніи рамокъ личной и коллективной дѣятельности, въ устраненіи стѣсняющихъ ее препятствій.

К. Арсеньевъ.

ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ЗА СМЕРТЬ И УВѢЧЬЯ РАБОЧИХЪ ПО ЗАКОНУ 2-ГО ІЮНЯ 1093 Г.

(Практическія замѣтки).

Законъ 2-го іюня 1903 года, наряду съ нѣкоторыми достоинствами, отличается такимъ множествомъ крупныхъ недостатковъ, что ими—можно безъ преувеличенія сказать—парализуются не только эти достоинства, но и значительная доля практической цѣнности всего закона. Одни недостатки вытекаютъ, по преимуществу, изъ тѣхъ отправныхъ точекъ, изъ которыхъ исходилъ законодатель, таковы: установленіе отвѣтственности индивидуальной, а не коллективной — въ видѣ обязательнаго страхованія; устраненіе отвѣтственности за профессіональныя болѣзни; ограниченіе круга предпріятій, на которыя распространяется дѣйствіе закона; поставленіе права на вознагражденіе въ зависимость отъ отсутствія „грубой неосторожности, неоправдываемой условіями и обстановкой производства работъ"; низкіе размѣры вознагражденія; краткость давностнаго срока, и пр. — Объ этихъ недостаткахъ, — вѣрнѣе сказать, о нѣкоторыхъ изъ нихъ, — можно быть, пожалуй, разнаго мнѣнія, въ зависимости отъ общихъ воззрѣній на задачи и желательный характеръ соціальнаго законодательства. Но въ то же время въ законѣ 2-го іюня встрѣчаются еще недостатки и пробѣлы другаго рода,— дефекты формальнаго характера: несогласованность и несвязанность частей, пропуски и недомолвки, ошибки и неправильности. Недостатки послѣдняго рода создадутъ огромныя

затрудненія при пользованіи на практикѣ закономъ 2-го іюня 1903 г. и будутъ нерѣдко дѣлать напрасными попытки найти правильное разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ. А между тѣмъ законъ подготовлялся и разрабатывался при Министерствѣ Финансовъ въ теченіе—ни много, ни мало—*23-хъ лѣтъ!*

Многіе изъ недостатковъ новаго закона уже указаны въ печати. Мы предполагаемъ остановиться здѣсь лишь на такихъ, которые, насколько намъ извѣстно, еще печатью не отмѣчены, или отмѣчены съ недостаточной полнотой.

1.

Постановленія матеріальнаго права въ новомъ законѣ обратили на себя до сихъ поръ наибольшее вниманіе въ печати, и мы на нихъ потому долго останавливаться не будемъ. Укажемъ лишь на два—три пункта, возбуждающіе тѣ или другія недоумѣнія или устанавливающія нормы, нежелательныя съ точки зрѣнія интересовъ потерпѣвшихъ.

Объ огромномъ отрицательномъ и тормозящемъ мирное разрѣшеніе споровъ значеніи ст. 2-ой, вводящей пресловутую оговорку о „грубой неосторожности", высказано уже немало справедливыхъ замѣчаній. Добавимъ лишь слѣдующія соображенія.

Что изъ ссылки на „грубую неосторожность" владѣльцы предпріятій будутъ дѣлать частое примѣненіе въ цѣляхъ освобожденія себя отъ отвѣтственности,—можно убѣдиться, между прочимъ, изъ богатой практики желѣзныхъ дорогъ. У послѣднихъ, какъ извѣстно, давно установилась опредѣленная тенденція къ переложенію отвѣтственности за несчастные случаи на потерпѣвшихъ даже тогда, когда дѣло идетъ не о посторонних лицахъ, а объ ихъ собственныхъ служащихъ. Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія и на то, что однимъ изъ послѣдствій новаго закона будетъ, по всей вѣроятности, развитіе страхованія въ частныхъ Обществахъ. Если это ожиданіе оправдается, распространеніе страхованія, само по себѣ желательное, явится, въ свою очередь, причиною еще бо̀льшаго размноженія числа процессовъ. Не нужно

отличаться большимъ даромъ предвидѣнія, чтобы заранѣе сказать, что ссылка на „грубую неосторожность“ будетъ дѣлаться страховыми Обществами еще съ бо̀льшимъ упорствомъ, а процессы будутъ вестись еще съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ, нежели отдѣльными владѣльцами предпріятій.

2.

Однимъ изъ крупныхъ видимыхъ достоинствъ новаго закона представляется установленіе не только пенсій, но и пособій (ст. 5). При первоначальномъ знакомствѣ съ закономъ получается впечатлѣніе, будто пособія назначаются тотчасъ послѣ несчастнаго случая, что ихъ задача—служить поддержкою во время болѣзни потерпѣвшаго, и что затѣмъ, по окончаніи болѣзни, они замѣняются, или восполняются пенсіями, сообразно со степенью сохранившейся трудоспособности. Ст. 6 говоритъ: „пособія назначаются со дня несчастнаго случая по день возстановленія трудоспособности или признанія утраты ея постоянною, въ размѣрѣ половины дѣйствительнаго заработка потерпѣвшаго“. Сопоставленіе этой статьи съ другими положеніями закона 2-го іюня 1903 г. приводитъ однако къ убѣжденію, что дѣло обстоитъ далеко не такъ благопріятно для потерпѣвшаго. Дѣйствительно, въ ст. 5 и пособія, и пенсіи одинаково называются *вознагражденіемъ*, причемъ сдѣланная въ этой статьѣ ссылка на ст. 1, устанавливающую обязанность предпринимателя *вознаграждать* потерпѣвшихъ рабочихъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и подъ „вознагражденіемъ“ ст. 1-ой подразумѣваются какъ пенсіи, такъ и пособія. Статья-же 1-ая существенно ограничивается слѣдующею за нею статьею 2-ою, на основаніи которой владѣльцы предпріятій отвѣтственны за несчастные случаи лишь тогда, когда потерпѣвшими не проявлено ни злаго умысла, ни грубой, непростительной неосторожности. Такимъ образомъ очевидно, что, если грубая неосторожность была рабочимъ, по мнѣнію предпринимателя, допущена, то тѣмъ самымъ право больнаго на пособіе уже можетъ быть оспариваемо. Въ подобныхъ случаяхъ для по-

лученія пособія потерпѣвшій обязанъ будетъ начинать такой же процессъ, какъ и для полученія пенсіи, все равно— будетъ ли то у органовъ инспекціи или въ судѣ. Очевидно, что разницы между пособіями и пенсіями, по способу ихъ полученія, во многихъ случаяхъ не будетъ никакой, и потому нельзя не сдѣлать вывода, что, пожалуй, не къ чему было и устанавливать эти двѣ различныя категоріи вознагражденія пострадавшихъ.

На практикѣ дѣло, безъ сомнѣнія, сведется къ слѣдующему. Потерпѣвшіе тяжело (съ утратою трудоспособности), разсчитывающіе на полученіе пенсіи въ размѣрѣ, бо̀льшемъ половины ихъ заработка, не будутъ вовсе хлопотать о пособіи, а съ самаго начала будутъ ходатайствовать о пенсіи. И лишь тѣ изъ потерпѣвшихъ, которые, по выздоровленіи, не утратили трудоспособности, или же размѣръ пенсій которыхъ, вслѣдствіе незначительнаго ослабленія трудоспособности, будетъ ниже половины заработка, будутъ заинтересованы въ ходатайствѣ о пособіи.

Все сказанное относительно пособій примѣнимо одинаково и къ другимъ платежамъ по закону 2-го іюня 1903 г.: къ возмѣщенію рабочему расходовъ на леченіе, къ уплатѣ издержекъ по погребенію. Какъ платежи подсобные, они будутъ раздѣлять судьбу главныхъ платежей, съ которыми будутъ связаны.

3.

Менѣе выгодной для семьи потерпѣвшаго, по сравненію съ дѣйствующимъ законодательствомъ, является безспорно ст. 11. Согласно этой статьѣ, а также статьямъ 24 и 26 правилъ, право семьи на полученіе пенсіи обусловлено причинной связью между смертью и полученнымъ увѣчьемъ, при чемъ эта связь презумируется въ случаѣ смерти не позже 2 лѣтъ со дня увѣчья, или же въ случаѣ смерти, послѣдовавшей въ теченіе продолжающагося леченія (безъ ограниниченія срокомъ). Отвѣтчику предоставляется опровергать причинную связь и освободиться тогда отъ всякой отвѣтствен-

ности предъ семьей. Внѣ этихъ условій семья лишена права ходатайствовать объ установленіи причинной связи и не можетъ получить никакого вознагражденія. Сравнивая эти правила съ закономъ, изложеннымъ въ X т. ч. 1 (ст 661, 684—689), нельзя не придти къ заключенію, что по новымъ правиламъ положеніе семьи во многихъ случаяхъ хуже и интересы ея менѣе обезпечены. Десятый томъ не требуетъ установленія причинной связи между полученнымъ увѣчьемъ и смертью пострадавшаго. Права семьи по 681 ст. возникаютъ въ моментъ причиненія увѣчья, и только право осуществленія ихъ отсрочивается до момента смерти—если потерпѣвшій получаетъ лично пенсію или пособіе. Очевидно, законодатель исходилъ изъ того соображенія, что разъ лицо вслѣдствіе увѣчья потеряло трудоспособность, то оно лишено навсегда и возможности озаботиться обезпеченіемъ своей семьи на случай смерти, а потому виновный въ увѣчьѣ обязанъ принять эту заботу на себя. Принципъ во всякомъ случаѣ болѣе справедливый съ точки зрѣнія соціальной, чѣмъ проводимый въ новыхъ правилахъ.

4.

Въ случаѣ несостоятельности владѣльца предпріятія и ликвидаціи промышленнаго заведенія, претензіи потерпѣвшаго, признанныя и присужденныя судомъ, обречены оставаться неудовлетворенными. По этому поводу нѣкоторыми авторами было указано на существующій во Франціи „fond de garantie“. Французскій законъ объ отвѣтственности предпринимателей, также основанный на индивидуальномъ началѣ, постановляетъ, что непокрытые изъ конкурсной массы платежи потерпѣвшихъ выплачиваются изъ особаго фонда, составляемаго изъ добавленій къ промысловому налогу; этотъ фондъ и называется „fond de garantie“.

По поводу того, что законъ 2 іюня 1903 г. не предусматриваетъ никакого источника для удовлетворенія претензій рабочихъ къ несостоятельнымъ предпринимателямъ, намъ хотѣлось бы обратить вниманіе на слѣдующее: подобный

источникъ въ нашемъ фабричномъ законодательствѣ, строго говоря, существуетъ. Онъ только остается неиспользованнымъ новымъ закономъ. Это—штрафы, пени съ фабрикантовъ, взыскиваемыя на основанiи ст. 155[1] уст. о пром. Назначенiе ихъ—быть обращаемыми въ пользу больныхъ и увѣчныхъ рабочихъ. Такое же назначенiе имѣютъ и пени, взыскиваемыя по ст. 736 уст. горнаго, а также пени, предусматриваемыя и самимъ новымъ закономъ. Правда, въ послѣднемъ не имѣется, къ сожалѣнiю, указанiй, что суммы, составленныя изъ названныхъ пеней, могутъ быть обращаемы въ пользу рабочихъ въ случаѣ несостоятельности предпринимателей. Быть можетъ, однако, инспекцiя обратитъ вниманiе на возможность приходить въ этихъ случаяхъ рабочимъ на помощь указаннымъ путемъ.

И такъ съ точки зрѣнiя полноты обезпеченiя правъ потерпѣвшаго новый законъ даетъ въ матерiальной части своей мало новаго: расширяя случаи, дающiе право на вознагражденiе, законъ въ одной части суживаетъ размѣръ вознагражденiя, въ другой части ограничиваетъ существенно право семьи. Словомъ, въ общей экономiи страны онъ врядъ ли окажетъ существенное влiянiе на болѣе правильное распредѣленiе благъ производства.

Но быть можетъ, давая скромныя по объему права, новый законъ обезпечиваетъ вѣрный и скорый способъ осуществленiя ихъ путемъ улучшенiя процесса, введенiя въ послѣднiй новыхъ принциповъ, и тѣмъ уравновѣшиваются недочеты матерiальнаго права? Обратимся къ процессуальнымъ нормамъ.

5.

Начнемъ, держась хронологическаго порядка движенiя процесса по новому закону, съ протоколовъ полицiи.

Протоколы эти (ст. ст. 21, 22 Правилъ 2-го iюня 1903 г.) въ большинствѣ случаевъ, какъ можно предполагать, будутъ составляться низшими полицейскими агентами. О степени подготовленности послѣднихъ къ составленiю толковаго, до-

стовѣрнаго описанія несчастнаго случая, всегда болѣе или менѣе сложнаго, о высотѣ ихъ образовательнаго уровня и, въ частности, объ ихъ освѣдомленности въ вопросахъ техническаго свойства,—много распространяться не приходится. Едва-ли можно также утверждать, что низшіе агенты полиціи всегда отличаются желательнымъ безпристрастіемъ, тѣмъ болѣе, что на фабрикахъ—на большихъ, по крайней мѣрѣ,—существуетъ своя, спеціально къ фабричному поселку приставленная, полиція, не только содержимая на счетъ предпринимателей, но получающая отъ нихъ, что не составляетъ секрета, еще и дополнительное вознагражденіе. О цѣнности полицейскихъ протоколовъ достаточно говоритъ, между прочимъ, тотъ извѣстный всякому судебному дѣятелю,—какъ адвокату, такъ и судьѣ,—фактъ, что почти всегда въ протоколахъ, составляемыхъ органами и общей, и желѣзнодорожной (жандармской) полиціи,—виновникомъ несчастія оказывается самъ потерпѣвшій. Не рѣдкость встрѣтить даже протоколы, *отпечатанные* заранѣе въ видѣ бланковъ, гдѣ оставлены лишь пробѣлы для даты, имени и подписи потерпѣвшаго, и гдѣ значится, что несчастіе произошло по собственной винѣ пострадавшаго. Судъ давно уже утратилъ всякое довѣріе къ заявленіямъ подобнаго рода и къ полицейскимъ протоколамъ вообще.

Что касается до свидѣтелей, присутствіе которыхъ при составленіи протоколовъ законъ признаетъ желательнымъ, то и относительно ихъ объективности и достовѣрности допустимы сомнѣнія. Самъ потерпѣвшій въ большинствѣ случаевъ едва ли будетъ въ состояніи давать показанія тотчасъ вслѣдъ за несчастіемъ. Врачъ также не всегда будетъ розыскиваемъ и привлекаемъ для дачи заключеній немедленно послѣ несчастнаго происшествія. Такимъ образомъ фигурировать въ качествѣ свидѣтелей будутъ почти всегда—лишь предприниматель или лицо, его замѣняющее, и затѣмъ—фельдшеръ и очевидцы происшествія изъ рабочихъ, т. е. лица, подчиненныя хозяину предпріятія. Законъ предусматриваетъ еще привлеченіе въ качествѣ свидѣтеля, „если можно“, какъ онъ выражается, „посторонняго лица, свѣ-

дущаго въ работѣ", при которой произошло несчастіе; но окажутся ли такіе свидѣтели всегда налицо и будутъ ли они, въ дѣйствительности, „посторонними" предпріятію,— представляется, въ виду указанной зависимости полиціи отъ владѣльцевъ предпріятія, сомнительнымъ.

6.

Врачъ къ мѣсту происшествія, въ первый моментъ, долженъ согласно ст. 21, приглашаться полиціей; въ случаѣ отсутствія врача, его замѣняетъ фельдшеръ. Въ этотъ первый моментъ врачемъ приглашеннымъ будетъ въ большинствѣ случаевъ фабричный врачъ, какъ ближайшій. И фабричный врачъ, и замѣняющій его, въ большинствѣ случаевъ также фабричный, фельдшеръ не представляютъ однако необходимыхъ гарантій независимости и безпристрастія. Самому рабочему ст. 21 не предоставляетъ права приглашать въ первый моментъ врача по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ, права сторонъ въ этотъ моментъ оказываются фактически далеко неуравновѣшенными.

Если при составленіи протокола присутствіе врача необязательно, то послѣдующій врачебный отзывъ о характерѣ поврежденія, о вліяніи его на здоровье и трудоспособности рабочаго, а въ случаѣ смерти послѣдняго — и о связи ея съ несчастнымъ происшествіемъ, требуется закономъ безусловно. Но спрашивается: врачъ, приглашаемый для сужденія по всѣмъ этимъ вопросамъ, будетъ ли достаточно компетентенъ для надлежащаго разрѣшенія своей задачи? Законъ 2-го іюня 1903 г. не знаетъ, къ сожалѣнію, осмотра потерпѣвшаго врачемъ - хирургомъ или, что было бы еще правильнѣе, коллегіей независимыхъ врачей-спеціалистовъ. Это, однако, въ виду трудности медицинской экспертизы и важности ея для потерпѣвшаго, представлялось бы въ высокой степени полезнымъ. Въ силу ст. 28, а также ст. 33 (разбирательство у инспекціи), рѣшающее слово въ вопросахъ экспертизы, по новому закону, будетъ принадлежать лишь врачамъ уѣздному, городовому или полицейскому. Недоста-

точная же компетентность въ серьезныхъ вопросахъ этихъ врачей всѣмъ извѣстна. Извѣстно также, насколько они обременены своими обязанностями по службѣ. Можно, пожалуй, даже опасаться, что они не въ состояніи будутъ своевременно являться для производства требуемыхъ закономъ освидѣтельствованій. Это же поведетъ къ ряду споровъ и несогласій, къ проволочкѣ всего процесса.

7.

Статьи, касающіяся медицинскихъ свидѣтельствъ, вызываютъ не мало недоумѣній. Требуется ли при освидѣтельствованіяхъ присутствіе также и владѣльца предпріятія, можетъ ли потерпѣвшій быть подвергнутъ принудительной экспертизѣ, теряетъ ли онъ что либо въ случаѣ нежеланія быть освидѣтельствованнымъ? Статьи 24, 26, 27, 28 отвѣта на эти вопросы не даютъ. Онѣ отличаются неопредѣленностью и расплывчатостью, онѣ лишены публично-правоваго характера.

Значеніе медицинскихъ свидѣтельствъ будетъ опредѣляться единственно внутренними ихъ достоинствами, внутренней ихъ силой. Они ни мало не будутъ обязательными ни для органовъ инспекціи, ни для суда, ни для сторонъ. Въ дальнѣйшихъ стадіяхъ процесса заключенія врачей-экспертовъ будутъ, безъ сомнѣнія, подлежать провѣркѣ и измѣненіямъ. Заключенія эти и не могутъ, по существу своему, имѣть большаго значенія въ тѣхъ своихъ частяхъ, въ которыхъ ими опредѣляется возможная въ будущемъ степень утраты трудоспособности. Данныя вслѣдъ за несчастнымъ случаемъ или въ теченіе первыхъ четырехъ дней послѣ него (ст. 24), они будутъ по необходимости носить лишь гадательный характеръ. Въ общемъ о медицинскихъ свидѣтельствахъ можно сказать, что они будутъ съ большею или меньшею точностью передавать лишь внѣшнюю картину поврежденія, какъ она представлялась въ первый моментъ. Бо́льшаго медицинскія свидѣтельства давать не будутъ въ состояніи.

Если, такимъ образомъ, за исключеніемъ событія несчастія, всѣ остальныя свѣдѣнія, доставляемыя полицейскимъ

протоколомъ,—въ томъ числѣ и заключенія врачей,—способны вызывать сомнѣнія и подвергаться въ будущемъ измѣненіямъ, то очевидно, что протоколы, созданные закономъ 2-го іюня 1903 г., ничѣмъ не будутъ отличаться отъ общаго типа полицейскихъ протоколовъ. Съ достовѣрностью они будутъ свидѣтельствовать лишь объ одномъ—о фактѣ, о несчастномъ происшествіи. Въ остальныхъ частяхъ данныя протоколовъ не будутъ отличаться ни формальною обязательностью, ни, въ большинствѣ случаевъ, внутреннею доказательною силою.

8.

Роль органовъ инспекціи, этихъ блюстителей публично-правоваго интереса по новому закону, представляется намъ невыдержанной, плохо соотвѣтствующей той задачѣ, которую законодатель имѣлъ въ виду на нихъ возложить.

По мысли законодателя, казалось бы, именно органы инспекціи должны быть призваны заботиться о возможномъ сокращеніи количества *судебныхъ* дѣлъ о вознагражденіи. Именно инспекція, казалось бы, должна обезпечивать *быстрое* окончаніе переговоровъ сторонъ и вообще быстроту процесса; именно она должна быть облечена правомъ и обязанностью предупреждать нарушеніе интересовъ пострадавшихъ. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ далеко не такъ.

Начать съ того, что самое участіе инспекціи въ процессѣ наступаетъ лишь тогда, когда стороны, обѣ или одна, обратились къ ней съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ. Законъ не вступается за интересы потерпѣвшаго до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не обратится къ содѣйствію инспекціи. Въ то же время, однако, законъ неоднократно охраняетъ потерпѣвшаго отъ его собственнаго легкомыслія. Между тѣмъ въ практикѣ многочисленны случаи, когда органы инспекціи должны бы вступать въ процессъ сами, ex officio, въ цѣляхъ огражденія интересовъ потерпѣвшаго,—пріостановленія теченія давности, правильнаго направленія его дѣла. Если рабочій лежитъ больной и не въ состояніи ничего предпринять для получе-

нія вознагражденія, если рабочій умираетъ, а семья его находится въ отдаленной деревнѣ,—кто позаботится о пріостановленіи теченія давности,—давности, которая, при краткомъ срокѣ въ два года, начинаетъ къ тому же исчисляться для пострадавшаго съ момента несчастнаго случая. Лица, которое могло бы выступать въ такихъ случаяхъ представителемъ интересовъ потерпѣвшаго, законъ 2 іюня 1903 года не знаетъ. Придерживаясь принципа состязательности и собственной инціативы въ охраненіи права, законъ не разрѣшаетъ фабричной инспекціи возбуждать вопросъ о вознагражденіи потерпѣвшаго. Дѣятельность инспекціи, за исключеніемъ случаевъ несовершеннолѣтія пострадавшаго, начинается только по просьбѣ одной изъ сторонъ (ст. 32). Совершенно непонятно, почему понадобилось въ этотъ рѣшительный моментъ ограничивать дѣятельность инспектора выжиданіемъ заявленія. Если въ дальнѣйшемъ теченіи изслѣдованія инспекторъ, въ силу правильно присвоенной ему по ст. 33 власти, дѣйствуетъ со всей полнотой представителя публично-правового интереса, собирая свѣдѣнія, требуя предъявленія ихъ сторонами и даже отказывая въ утвержденіи (ст. 31) соглашенія, признаваемаго имъ явно нарушающимъ права потерпѣвшаго, то вынужденная бездѣятельность инспекціи до подачи заявленія стороной наноситъ смертельный ударъ самому принципу публичности и жизненнымъ интересамъ пострадавшаго. Стоитъ вспомнить невѣжество, безпомощность, неграмотность и малокультурность преобладающей массы населенія, чтобы понять, что разъясненіе потерпѣвшему его правъ и назначеніе ему юридическаго совѣтника и представителя, въ особенности при наличности болѣзненнаго состоянія или отдаленности мѣстожительства семьи пострадавшаго, напрашивалось силой вещей само по себѣ. Робость закона въ проведеніи указаннаго принципа тѣмъ непонятнѣе, что въ ст. 25 правилъ полиціи предписывается категорически вручать, безъ упоминанія о просьбѣ заинтересованныхъ сторонъ, копіи съ протокола потерпѣвшему или одному изъ членовъ семьи его. Это предписаніе возлагаетъ на полицію обязанность, въ случаѣ тяжкой болѣзни потерпѣвшаго или смерти

его, розыскать ближайшаго члена семьи его и вручить ему копію протокола въ цѣляхъ освѣдомленія заинтересованныхъ о несчастномъ случаѣ и вытекающемъ отсюда правѣ на вознагражденіе.

Въ сущности въ этомъ нѣтъ ничего новаго въ принципѣ: по ст. 1240 т. X, ч. 1 полиція также увѣдомляетъ наслѣдниковъ объ открывшемся наслѣдствѣ. Этимъ сообщеніемъ протокола однако нельзя считать достаточно огражденными интересы потерпѣвшихъ. Разъясненіе потерпѣвшему о *срокѣ* и сущности правъ его на вознагражденіе и содѣйствіе справедливому удовлетворенію законныхъ интересовъ пострадавшаго требовало бы, чтобы одновременно съ врученіемъ копіи протокола фабричный инспекторъ безъ всякой просьбы вызвалъ стороны для примиренія и, въ случаѣ болѣзни потерпѣвшаго или отдаленности семьи убитаго, получилъ право требовать назначенія представителя или опекуна для защиты правъ потерпѣвшаго. Назначеніе повѣреннаго при такихъ условіяхъ по существу ничѣмъ не отличалось бы отъ порядка, допущеннаго статьей 254 у. гр. суд., по которой предписано предсѣдателю до явки тяжущагося, оставшагося безъ повѣреннаго, назначать таковаго собственной властью въ охраненіе жизненныхъ интересовъ отсутствующаго. Предоставляя личной иниціативѣ потерпѣвшаго возбужденіе вопроса о вознагражденіи и предъявленіи требованія (въ инспекціи и въ судѣ), авторы правила забыли о реальныхъ бытовыхъ условіяхъ той среды, для потребностей которой изданъ законъ, и пока коррективъ, указываемый выше, не будетъ введенъ, случаи пропуска срока и оставленія семьи безъ вознагражденія будутъ, ко вреду интересовъ малоимущихъ, повторяться не рѣдко.

9.

Вопросъ о назначеніи повѣреннаго или опекуна для защиты интересовъ отсутствующаго ставитъ попутно общій вопросъ: допускаются ли вообще и въ какой степени повѣренные при производствѣ дѣлъ у фабричной инспекціи? Хотя потерпѣвшіе и пользуются правомъ бѣдности, но право ихъ

на помощь повѣреннаго по назначенію по п. 4 ст. 367 у. с. у. сомнительно, ибо цитируемый законъ говоритъ о хожденіи по дѣламъ лицъ, пользующихся на *судѣ* правомъ бѣдности,—для внѣсудебнаго ходатайства у членовъ фабричной инспекціи назначеніе повѣреннаго не обязательно. Допустимъ однако, что практика выработаетъ толкованіе, благопріятное для просителей. Обставлена ли дѣятельность повѣреннаго у членовъ фабр. инспекціи такими условіями, которыя гарантируютъ плодотворность ея? Въ законѣ нѣтъ на то никакихъ указаній, зато, съ другой стороны, содержаніе ст. 34 заставляетъ придти къ заключенію, что ходатайства и требованія сторонъ о провѣркѣ доказательствъ, дополненіи свѣдѣній, указанія на желательный способъ производства ихъ— все это, какъ и всякія возраженія сторонъ противъ дѣйствій фабр. инспекціи, не найдетъ никакого слѣда въ актѣ, составленномъ фабр. инспекціей. При обще-распространенномъ у чиновъ администраціи недоброжелательномъ отношеніи ко всякому вмѣшательству „постороннихъ“ лицъ въ ихъ дѣло, можно ожидать даже, что въ большинствѣ случаевъ всякія ходатайства и замѣчанія стороны, представленной повѣреннымъ, будутъ оставлены безъ удовлетворенія „въ видахъ ускоренія“. Очевидно, что роль повѣреннаго при отсутствіи указанія закона на гарантіи, требуемыя интересами дѣла и достоинствомъ повѣреннаго, будетъ тягостна и заставитъ повѣренныхъ избѣгать участія въ этой стадіи производства. Послѣдствіемъ же акта, составленнаго по 34 ст. безъ приведенныхъ выше оговорокъ, будетъ обязательность для суда провѣрки содержанія его, что сведетъ всю работу инспекціи къ нулю.

10.

Для производства дѣлъ у чиновъ инспекціи законъ не устанавливаетъ никакихъ сроковъ. Дѣло объ увѣчьѣ или о смерти рабочаго можетъ тянуться мѣсяцами, даже годами. Строго говоря, трудно и требовать отъ инспекціи большой быстроты, если вспомнить, что у ея органовъ имѣются и другія трудныя обязанности (канцелярская работа, надзоръ

за правонарушеніями, составленіе по нимъ протоколовъ) въ то время, когда число находящихся въ ихъ вѣдѣніи заведеній составляетъ въ среднемъ не менѣе 80, а число паровыхъ котловъ доходитъ до 181. Начальственныя же инструкціи, конечно, не будутъ въ состояніи увеличить ихъ работоспособность. Правда, впредь до окончанія разслѣдованія дѣла у инспекціи теченіе давности пріостанавливается. Но это не представляется утѣшительнымъ для лишеннаго трудоспособности рабочаго или для потерявшей кормильца семьи.

Съ другой стороны, заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что законъ, поставившій во главу угла интересы рабочаго и быстроту процесса, рѣшительно воспротивился перенесенію дѣла въ судъ въ случаѣ замедленія его у органовъ инспекціи. За силою ст. 40 такое перенесеніе сдѣлано фактически довольно затруднительнымъ, если не считать обхода закона, о которомъ рѣчь ниже. Названная статья караетъ истца за предъявленіе иска въ судъ, *не ожидая* выдачи инспекціей акта о разслѣдованіи дѣла,—лишеніемъ права на полученіе судебныхъ издержекъ и вознагражденія за веденіе дѣла. Если принять къ тому же въ соображеніе ст. 53, освобождающую платежи, получаемые пострадавшими, отъ всякаго рода взысканій, то сдѣлается очевиднымъ, что случаевъ, когда найдутся у пострадавшихъ повѣренные, едва ли будетъ много. Конечно, мысль руководившая законодателемъ,—затруднить развитіе среди рабочихъ сутяжничества,—весьма почтенна, но реальные интересы рабочаго и его семьи, нуждающихся въ немедленномъ хлѣбѣ, не могутъ не представляться болѣе важными.

Здѣсь нельзя кстати не отмѣтить одной изъ ошибокъ, допускаемыхъ г. Литвиновымъ-Фалинскимъ. Названный авторъ сравниваетъ [1]) ст. 40 закона 2-го іюня со ст. 124 общ. уст. росс. жел. дор.; онъ даже считаетъ первую позаимствованною изъ второй. Однако, г. Литвиновъ-Фалинскій упускаетъ при этомъ изъ вида два обстоятельства: для наступленія невыгодныхъ для истца послѣдствій обращенія

---

[1]) „Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ", стр. 139.

въ судъ уставъ росс. жел. дор. требуетъ, во первыхъ, предъявленія иска *раньше* полученія отвѣта отъ правленія дороги, *на каковой отвѣтъ полагается извѣстный закономъ опредѣленный срокъ*, и, во вторыхъ, *признанія иска* желѣзною дорогою на судѣ. Для производства же у чиновъ инспекціи *никакого срока*, какъ упомянуто выше, не установлено, и признаніе иска на судѣ владѣльцемъ предпріятія не освобождаетъ рабочаго отъ матеріальныхъ потерь такъ же, какъ и его непризнаніе.

11.

Мы сказали выше, что едва ли найдется много повѣренныхъ, готовыхъ, при ограниченіяхъ, которыми ихъ обставилъ законъ, выступать по дѣламъ увѣчныхъ въ судѣ раньше, нежели дѣла эти не пріобрѣтутъ права быть перенесенными въ судъ. Новый законъ предоставляетъ, однако, потерпѣвшимъ право бѣдности (о немъ нѣсколько подробнѣе—ниже). Въ силу этого права потерпѣвшему, между прочимъ, можетъ быть назначенъ повѣренный совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ. И можетъ случиться (и это, безъ сомнѣнія, и будетъ случаться), что рабочій *сознательно* будетъ обращаться въ совѣтъ,—хорошо понимая, что невыгодныя послѣдствія его необращенія къ органамъ инспекціи или его чрезмѣрныхъ денежныхъ притязаній будутъ падать не на него, а на его повѣреннаго. Въ этомъ случаѣ весь смыслъ статей новаго закона, касающихся посредничества инспекціи, исчезнетъ, можно сказать, безъ слѣда.

Возможно даже сдѣлать и другое предположеніе, идущее еще нѣсколько дальше. Возможно допустить, что сами органы инспекціи, заваленные работой и не надѣясь на скорое окончаніе начатаго разслѣдованія, будутъ указывать потерпѣвшимъ на пріобрѣтеніе повѣреннаго по праву бѣдности, какъ на удобный для нихъ выходъ. Выходъ—удобный безъ сомнѣнія не только для потерпѣвшаго, но и для чиновъ фабричной инспекціи.

Предъявленіе иска помимо обращенія къ ф. инспектору

вызывается сверхъ того и слѣдующими чисто-практическими соображеніями. Представимъ себѣ, что владѣлецъ предпріятія уклоняется отъ добровольнаго исполненія соглашенія, или допускаетъ просрочку въ платежѣ. Потерпѣвшему, согласно ст. 44 правилъ и ст. 141 правилъ о произв. у зем. нач., остается тогда требовать исполненія судебнымъ порядкомъ. Въ видѣ льготы требованіе это осуществляется въ порядкѣ понудительнаго исполненія. При всѣхъ кажущихся преимуществахъ этого послѣдняго порядка, онъ потеряетъ всякое значеніе при практическомъ его примѣненіи для подавляющаго большинства случаевъ по той простой причинѣ, что потерпѣвшіе—крестьяне живутъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находится фабрика или заводъ, а такъ какъ при предъявленіи какихъ бы то ни было исковъ и просьбъ въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства истецъ обязанъ являться лично или чрезъ повѣреннаго (ст. 42 прав. произв. у земск. нач.), то очевидно, что либо потерпѣвшій будетъ ждать истеченія 6 мѣсяцевъ для пріобрѣтенія права на истребованіе обезпеченія по 44 ст. правилъ, что конечно сопряжено съ тяжелыми лишеніями, либо долженъ будетъ тратиться на поѣздки или приглашеніе повѣреннаго, что не менѣе тягостно. Чѣмъ большими затрудненіями обставлено осуществленіе хотя бы и самаго безспорнаго права, тѣмъ неуступчивѣе и придирчивѣе становится обязанная сторона, такъ что въ массѣ мелкихъ владѣльцевъ предпріятій можно, при обычномъ у насъ отсутствіи привычки къ аккуратному исполненію обязательствъ, ожидать уклоненія и затяжекъ въ добровольномъ исполненіи соглашеній съ рабочими; рабочіе окажутся вынужденными поэтому ходатайствовать въ судахъ о приданіи сдѣлкамъ исключительной силы,—послѣдствіе, по поводу котораго даже г. Литвиновъ-Фалинскій считаетъ необходимымъ замѣтить, что этимъ „въ сильной степени умаляется практическое значеніе“ соотвѣтствующаго положенія закона. Если же обращеніе къ суду будетъ представляться потерпѣвшему во всякомъ случаѣ неизбѣжнымъ, то въ рабочей средѣ вскорѣ же установится справедливое убѣжденіе, что посредничество инспекціи безполезно, излишне, и что можно вѣрнѣе и быстрѣе

достигнуть результата путемъ непосредственнаго обращенія въ судъ, по исполнительному листу коего судебный приставъ, получивъ заявленіе, самъ наблюдаетъ за взносомъ платежей подъ угрозой мѣръ принужденія по отношенію къ неисправному должнику.

12.

Въ частности считаемъ нужнымъ отмѣтить, что подсудность акта соглашенія въ порядкѣ понудительнаго исполненія земскому начальнику опредѣляется не цѣной *всего* акта, исчисляемой по правиламъ уст. гражд. суд. по десятилѣтней сложности выговоренныхъ платежей, а цѣной срочнаго и подлежащаго исполненію платежа, который, конечно, никогда не превыситъ подсудности гражданскаго дѣла земскому начальнику (300 р.). Это явствуетъ изъ пункта 4 ст. 273 уст. гражд. суд. и п. 4 ст. 30 прав. о пр. у зем. нач., по смыслу коихъ подсудность исковъ о срочныхъ платежахъ опредѣляется суммой отыскиваемыхъ, а не суммой условленныхъ платежей.

13.

Правомъ бѣдности, по новой ст. 880[1] уст. гр. суд., потерпѣвшіе рабочіе будутъ пользоваться лишь на судѣ. Какъ будетъ разсчитываться оплата услугъ повѣренныхъ за ихъ участіе въ дѣлѣ во время производства у инспекціи, если такое участіе будетъ допущено? Вопросъ этотъ будетъ, очевидно, разрѣшаться частнымъ соглашеніемъ. Впрочемъ, быть можетъ, окажется возможнымъ примѣнять и таксу, по аналогіи съ разбирательствомъ дѣлъ въ третейскомъ судѣ. Такъ или иначе, но здѣсь, какъ и въ вопросѣ о вознагражденіи повѣреннаго за представительство на судѣ, возникаетъ немаловажное препятствіе, могущее имѣть неблагопріятныя послѣдствія для потерпѣвшихъ: мы разумѣемъ воспрещенія (ст. 53) обращать на вознагражденіе потерпѣвшаго какія бы то ни было взысканія. Постановленіе ст. 53-й, какъ постановленіе ст. 41-й, признающей недѣйствительными условія

относительно превышающихъ таксу гонораровъ, направлены, безъ сомнѣнія, противъ представителей подпольной адвокатуры. Однако, остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что и въ предѣлахъ таксы договоръ повѣреннаго съ потерпѣвшимъ оказывается лишеннымъ законной охраны. Точно также, въ преувеличенной заботѣ объ интересахъ рабочихъ, законодатель оставилъ безъ защиты и всѣ притязанія кредиторовъ. Между тѣмъ возможны случаи, когда размѣръ вознагражденія по новому закону будетъ простираться даже до 1000 руб. въ годъ (ст. 51). Думается, что было бы цѣлесообразнѣе установленіе,—подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ Германіи (ст. 749 герм. уст. гражд. суд.),—*минимума* вознагражденія, свободнаго отъ взысканія,—съ тѣмъ, чтобы остальная часть могла идти на удовлетвороніе справедливыхъ требованій кредиторовъ. Вѣдь легко представить себѣ даже, что лицо, получающее на правахъ увѣчнаго большую пенсію, окажется поставленнымъ въ болѣе выгодное положеніе по сравненію съ получающимъ самый ничтожный заработокъ здоровымъ рабочимъ. Нельзя, въ частности, не признать уже вполнѣ несправедливой неприкосновенность платежей по новому закону даже въ отношеніи къ искамъ объ алиментахъ: малолѣтнія дѣти, удаленная мужемъ жена точно также не могутъ обращать взысканій на пенсіи, получаемыя на основаніи новаго закона. Германскій уст. гр. суд., въ случаѣ иска объ алиментахъ, признаетъ неприкосновенность опять таки лишь за частью вознагражденія.

14.

Еще одно замѣчаніе, касающееся производства дѣла у инспекціи. Ст. 33 предоставляетъ означеннымъ лицамъ право собирать всѣ необходимыя для дѣла свѣдѣнія въ дополненіе къ тѣмъ, которыя доставлены полицейскимъ протоколомъ. Будутъ ли, однако, органы надзора располагать достаточными средствами для провѣрки и дополненія протоколовъ полиціи? Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду, что у инспекціи свидѣтели будутъ допрашиваться такъ же,

какъ передъ тѣмъ, при составленіи полицейскаго протокола,— *безъ присяги.* Это обстоятельство можетъ пріобрѣсти огромное значеніе при оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній. Затѣмъ, что касается до допроса или передопроса отсутствующихъ свидѣтелей или самого потерпѣвшаго, если его нѣтъ на лицо, то очевидно, что они будутъ производиться либо снова черезъ полицію, либо чрезъ инспекцію той мѣстности, гдѣ требуемыя лица будутъ находиться. Такимъ образомъ дополнительныя свѣдѣнія ст. 33-й будутъ въ большинствѣ случаевъ имѣть письменный характеръ и въ будущемъ едва ли будутъ значительно дополнять первоначальныя данныя полицейскаго протокола.

15.

Если отъ изложенныхъ частныхъ замѣчаній перейти къ общему обзору процесса по новому закону, то предъ нами обрисуется слѣдующая картина. Процессъ распадается на три стадіи: 1) полицейскій протоколъ и медицинское освидѣтельствованіе, 2) разбирательство у инспекціи, 3) производство на судѣ. Всѣ эти стадіи, однако, при внимательномъ разсмотрѣніи, оказываются лишенными взаимной связи: дѣйствія, произведенныя въ предшествующей стадіи, ни мало необязательны для стадіи послѣдующей. И каждая изъ стадій въ дѣйствительности какъ бы существуетъ сама по себѣ и сама для себя.

Значеніе указанныхъ трехъ ступеней процесса приходится оцѣнивать лишь на основаніи общихъ положеній о силѣ доказательствъ и оффиціальныхъ актовъ. Съ этой точки зрѣнія для органовъ инспекціи обязателенъ установленный полицейскимъ протокомъ *фактъ* несчастія. Все остальное,—какъ показанія свидѣтелей, данныя безъ присяги и безъ перекрестнаго допроса, такъ и мнѣнія врачебной экспертизы,—для инспекціи необязательно. Послѣдняя все это будетъ, безъ сомнѣнія, провѣрять, производя такимъ образомъ вновь работу, уже совершенную другими лицами. Для суда, въ свою очередь, за исключеніемъ того же событія несчастія, ни мало

не обязательны свѣдѣнія, добытыя и инспекціей и полицейскими властями.

Съ другой стороны, гарантіей успѣха и полезности трехчленной процедуры не будетъ служить и личный составъ дѣйствующихъ въ первыхъ двухъ стадіяхъ органовъ: агентовъ полиціи по недостатку авторитета, органовъ инспекціи—по отсутствію фактической возможности къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей. Кромѣ того, и способъ дѣйствій тѣхъ и другихъ органовъ не можетъ считаться ни предусмотрѣннымъ во всѣхъ желательныхъ деталяхъ, ни всегда строго легальнымъ, ни всегда цѣлесообразнымъ. Онъ не можетъ внушать сторонамъ увѣренности, что ихъ споръ будетъ разрѣшенъ быстро и справедливо.

Полныя внутреннихъ дефектовъ, первыя двѣ стадіи процесса будутъ способствовать лишь его замедленію. Судъ почти всегда будетъ вынужденъ выполнять сызнова произведенную ранѣе другими работу. За дѣятельностью инспекціи едва ли будетъ признано даже значеніе litis contestatio. Она едва ли будетъ устанавливать предѣлы спора. И лишь на судѣ получится возможность должнаго разрѣшенія спора; только здѣсь онъ будетъ обставленъ и со стороны свидѣтелей, и со стороны врачебной экспертизы, и со стороны представительства интересовъ потерпѣвшаго и въ другихъ отношеніяхъ достаточными гарантіями справедливости.

Итакъ на поставленный выше вопросъ: достигается ли новыми процессуальными правилами быстрое и вѣрное обезпеченіе значительно урѣзанныхъ правъ потерпѣвшихъ—приходится дать отрицательный отвѣтъ. Тяжелый и сложный аппаратъ движется медленно и притомъ приводится въ движеніе только по инициативѣ тѣхъ, кто о правахъ своихъ менѣе всего освѣдомленъ и къ веденію своихъ дѣлъ неприспособленъ, а всею окружающею обстановкой пріученъ только къ пассивному исполненію приказаній.

Насъ могутъ упрекнуть въ мелочной злостной критикѣ новаго закона, который все же является въ извѣстномъ смыслѣ шагомъ впередъ, вводя публично-правовой элементъ въ отношенія, нормируемыя пока на почвѣ частно-правовой. Мы считаемъ себя

однако вправѣ предъявлять къ закону, появленія коего ждали 40 лѣтъ, требованія, соотвѣтствующія важности вопроса. Мы желали бы видѣть въ законѣ дѣйствительный шагъ впередъ, знаменующій вступленіе на широкій путь соціальнаго законодательства, проникнутаго заботой объ интересахъ малоимущихъ, безъ трусливой оглядки и безъ недомолвокъ и уступокъ, никого не удовлетворяющихъ. Осуждая принципъ индивидуальной отвѣтственности, положенный въ основу закона 2 іюня 1903 года, мы находили бы возможнымъ помириться съ нимъ, еслибъ новый законъ не былъ отмѣченъ яркой печатью компромисса—желаніемъ мирить непримиримое, еслибъ начала публично-правовыя были проведены твердо и послѣдовательно. Въ этомъ отношеніи законъ 2 іюня 1903 г. раздѣляетъ судьбу многихъ другихъ нашихъ реформъ: задаваясь широкими началами, исходя изъ правильно сознанныхъ нуждъ, они путемъ перекрещивающихся вліяній, путемъ уступокъ тѣмъ, кто защищалъ старыя начала, постепенно сводились къ скромнымъ передѣлкамъ стараго и выходили въ свѣтъ не въ блескѣ первоначальной свѣжести, а съ безоброчными заплатами на ветхомъ рубищѣ. Вспомните только реформу крестьянскую—ту, въ которой всего больше проведено компромиссовъ!

А много-ли нужно было, чтобы провести скромную реформу 1903 г. въ цѣльномъ видѣ? Не нужно было во всякомъ случаѣ производить ломки вродѣ той, которой ознаменована реформа 1889 г., введенная въ интересахъ поддержанія „порядка". Нужно было только послѣдовательно провести нѣкоторыя процессуальныя положенія, не чуждыя нашему законодательству при защитѣ другихъ интересовъ. Вотъ вкратцѣ схема желательнаго направленія дѣла о вознагражденіи потерпѣвшаго:

Получивъ увѣдомленіе о несчастномъ случаѣ, фабричный инспекторъ въ теченіе 10 дней вызываетъ стороны и производитъ ex officio разслѣдованіе. Если стороны придутъ къ соглашенію, протоколъ за подписью сторонъ посылается фабричнымъ инспекторомъ въ недѣльный срокъ къ мировому судьѣ, земскому начальнику или въ окружный судъ, который въ дальнѣйшемъ руководствуется правилами статей 1394—1400 уст. гр. суд. о тре-

тейскомъ судѣ (т. е. выдаетъ исполнительный листъ и т. д.). Если же соглашенія не послѣдуетъ, то инспекторъ составляетъ актъ по 34 ст. правилъ и пересылаетъ его по принадлежности къ мировому судьѣ, земскому начальнику или въ окружный судъ. Получивъ актъ, судебное мѣсто постановляетъ о предварительномъ исполненіи акта, для чего выдаетъ на сумму, признанную въ заключеніи инспектора, исполнительный листъ, а въ дальнѣйшемъ предоставляется сторонамъ обжаловать рѣшеніе суда по правиламъ, установленнымъ для обжалованія рѣшеній въ упрощенномъ порядкѣ судопроизводства. Въ предлагаемомъ порядкѣ нѣтъ ничего рѣзко отступающаго отъ дѣйствующаго права. Если соглашеніе состоялось, и стороны ему подчиняются, то роль фабричнаго инспектора, дѣйствующаго въ качествѣ узаконеннаго третейскаго судьи, оправдываетъ и примѣненіе въ дальнѣйшемъ порядка, указаннаго въ 1394—1400 ст. уст. гр. суд. Тѣмъ самымъ устраняется необходимость вторичнаго обращенія въ судъ для полученія исполнительнаго листа въ случаѣ просрочки или отказа должника отъ добровольнаго исполненія. Въ случаѣ же составленія акта инспекторомъ по 34 ст., жизненные интересы многомилліонной неимущей массы требуютъ, чтобы права, безспорно имъ принадлежащія и закономъ за ними безспорно предполагаемыя, были осуществляемы не смотря на споръ отвѣтчика, который долженъ доказать свое право на освобожденіе отъ законной отвѣтственности. И если по *векселю* въ интересахъ быстроты *оборота* законъ устраняетъ споръ въ моментъ предъявленія требованія (не лишая отвѣтчика права искать и спорить безъ пріостановленія взысканія), то тѣмъ умѣстнѣе примѣнить *тотъ же* порядокъ къ случаю взысканія насущнаго хлѣба изувѣченнымъ рабочимъ: тутъ тоже вѣдь идетъ вопросъ о быстромъ спасеніи человѣка отъ голода.— Единственное отступленіе, допущенное въ этомъ порядкѣ, это представленіе акта въ судебное мѣсто непосредственно фабричнымъ инспекторомъ безъ ходатайства стороны. Но и это отступленіе оправдывается прецедентами судопроизводственнаго свойства. Духовныя завѣщанія (1062 уст. гр. суд.) представляются въ судъ отъ тѣхъ, въ рукахъ коихъ они на-

ходятся, и утверждаются судомъ безъ особаго о томъ ходатайства заинтересованныхъ (1060²). Несомнѣнно, что ограждаемыя этими законами права наслѣдниковъ съ точки зрѣнія законодателя не менѣе важны, чѣмъ вопросы обезпеченія потерпѣвшихъ рабочихъ, и потому распространеніе на неимущихъ того же принципа, которымъ ограждены наслѣдственныя права по завѣщаніямъ, явилось бы только актомъ законодательной справедливости. Будемъ надѣяться, что желательныя измѣненія закона 2 іюня 1903 г. не заставятъ себя долго ждать.

Б. Р.

ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ПО ТРУДАМЪ МѢСТНЫХЪ КОМИТЕТОВЪ О НУЖДАХЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

(Окончаніе).

Нельзя не признать, что жизненный укладъ, при которомъ имущество время отъ времени перераспредѣляется между всѣми обитателями селенія пропорціонально числу душъ каждой семьи, коренным образомъ отличается отъ привычнаго намъ строя, покоящагося на принципѣ перехода имущества по наслѣдству въ предѣлахъ связанныхъ родствомъ группъ. Въ общинѣ дѣти получаютъ землю не потому, что оставляетъ ее имъ отецъ или мать или какой нибудь отдаленный родственникъ, а на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ получилъ ее въ свое время и самъ отецъ: земля отводится имъ какъ членамъ общины. Сынъ можетъ получить надѣлъ и при жизни отца безъ того, чтобы отцу пришлось поступаться своимъ добромъ; съ другой стороны, смерть отца не влечетъ за собой имущественныхъ выгодъ для дѣтей: освобождающаяся земля поступаетъ не имъ, а всему обществу. Принципъ семейной имущественной связи замѣняется принципомъ солидарности въ имущественномъ отношеніи всего общиннаго союза. Въ силу этого на положеніи дѣтей не отражается такъ непосредственно, какъ при обычномъ порядкѣ, образъ дѣйствій родителей. Отецъ пьяница или мотъ не можетъ лишить своихъ дѣтей всѣхъ средствъ къ существованію, такъ

какъ земля достается имъ не отъ него. Еще болѣе существенно то обстоятельство, что на положеніи дѣтей не отражается численность семьи. При обычномъ жизненномъ строѣ чѣмъ больше въ семьѣ дѣтей, тѣмъ меньше имущества достается каждому, и если дѣлить вообще немного, то изъ многочисленной семьи всѣ дѣти выходятъ на жизненную борьбу нищими. Въ общинѣ же, сколько родители ни наплоди потомства, дѣти отъ этого страдаютъ не болѣе нежели отъ того, что у сосѣда семья велика. Такъ какъ дѣти не повинны въ томъ, что родители плохо соображаются съ имѣющимися въ распоряженіи матеріальными средствами, то подобной формѣ взаимнаго страхованія семей отъ невыгодъ быстраго размноженія нельзя отказать въ извѣстной долѣ сочувствія. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что эта система, устраняя наиболѣе сильный стимулъ, сдерживающій приростъ населенія, способна неблагопріятно отражаться на положеніи всей связываемой взаимнымъ страхованіемъ группы. Община съ передѣлами мало доступна мальтузіанской проповѣди воздержанія; политика французскаго мужика, не позволяющаго себѣ имѣть болѣе двухъ дѣтей, здѣсь почти немыслима; это форма землевладѣнія, исходящая изъ принципа „плодитесь и множитесь". Если приростъ населенія находитъ себѣ мѣсто, при многоземельѣ, при наличности широкаго поля для колонизаціи, при быстро развивающейся промышленности, въ ней можно и не видѣть опасности. Но разъ малоземелье даетъ себя чувствовать, а избытку земледѣльческаго населенія отливать некуда, то невольно приходится задуматься, не покупается ли само по себѣ безспорно весьма симпатичное страхованіе дѣтей отъ страданій за безпечность родителей черезчуръ уже дорогой цѣной. Я, конечно, далекъ отъ мысли ставить общинному землевладѣнію на счетъ чрезвычайно высокую рождаемость Россіи, и видѣть въ уничтоженіи общины средство задержать приростъ населенія въ малоземельной русской деревнѣ. Высота рождаемости зависитъ отъ массы разнообразныхъ факторовъ. Zweikindersystem французскаго крестьянина нѣмецкому сельскому населенію напр. мало знакома, и если бы забота о благополучіи потомства

способна была удерживать русскаго мужика отъ необдуманнаго умноженія семьи, то было бы вполнѣ достаточно и того, что сельскохозяйственный капиталъ не подвергается передѣламъ, а переходитъ по наслѣдству дѣтямъ въ предѣлахъ семьи. Что не надежда на общину и не разсчетъ обезпечить дѣтямъ черезъ нее безбѣдное существованіе обусловливаютъ собой многосемейность русскаго мужика, доказывается съ полной очевидностью, между прочимъ, высокой дѣтской смертностью, по которой мы не имѣемъ себѣ равныхъ въ Европѣ; изъ тысячи рождающихся у насъ умираетъ 500 въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ жизни, тогда какъ въ Англіи поколѣніе уполовинивается лишь къ 47 годамъ: ясно вѣдь, что не отъ избытка благополучія дѣти мрутъ у насъ какъ мухи. Если къ этому прибавить, что всѣ наблюденія обнаруживаютъ наибольшую плодовитость какъ разъ среди необезпеченныхъ классовъ населенія, а наклонность держать величину семьи въ границахъ лишь тамъ, гдѣ можно разсчитывать хоть одному-двумъ дѣтямъ оставить средства къ обезпеченному существованію, то невозможность винить въ перенаселеніи нашей деревни общинное землевладѣніе станетъ очевидной. Но хотя, такимъ образомъ, вопросъ объ отношеніи общины къ проблемѣ населенія и не имѣетъ для насъ жизненной остроты, я тѣмъ не менѣе придаю ему первостепенную важность для установленія нашего принципіальнаго отношенія къ общинному строю. Мальтузіанецъ, даже самый умѣренный, всегда будетъ чувствовать къ общинѣ легкое недовѣріе. Пусть въ настоящую минуту виновна въ бѣдственномъ положеніи крестьянства и не она, но она способна начать оказывать пагубное вліяніе, какъ только благосостояніе повысится. Это, на мой взглядъ, самое важное принципіальное возраженіе противъ идеи передѣльной общины.

Съ другой стороны, то, именно, свойство общиннаго строя, что въ немъ, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, воплощается принципъ общественной солидарности, и эгоистическій институтъ семейной собственности замѣняется признаніемъ права на средства существованія всѣхъ, кто имѣлъ счастье появиться на свѣтъ, и привлекаетъ къ общинѣ симпатіи тѣхъ,

кого не удовлетворяетъ современный экономическій порядокъ. Но то, что есть въ общинѣ съ этой точки зрѣнія вызывающаго сочувствіе, оказывается, такимъ образомъ, неразрывно связаннымъ съ тѣми сторонами общинныхъ порядковъ, которыя заставляютъ болѣе всего относиться къ общинѣ съ опасеніемъ. И эта форма реализаціи соціалистическаго идеала оказывается не въ силахъ избѣжать подводнаго камня, о который разбиваются иныя построенія лучшаго будущаго: для того, кому вѣра въ силу человѣческаго генія не закрываетъ глазъ на мальтусовы сомнѣнія, проблема бѣдности остается нерѣшенной.

Но какія бы сомнѣнія страхованіе противъ невыгодъ излишне быстраго размноженія ни вызывало съ точки зрѣнія мальтузіанства, нельзя не считаться съ тѣмъ фактомъ, что русское крестьянство относится къ этому виду страхованія съ большимъ сочувствіемъ и справедливо усматриваетъ въ немъ основную идею и главную цѣнность общины. Весьма любопытно, что въ то время какъ защитники и противники общины изъ иныхъ сословій рѣдко разсматриваютъ ее съ этой точки зрѣнія, сами крестьяне, когда ихъ приглашаютъ высказать свое мнѣніе объ общинѣ, сейчасъ же указываютъ на то, что передѣлъ поддерживаетъ многосемейные дворы и невыгоденъ для малосемейныхъ. Для крестьянъ эта функція общины и представляется важнѣйшей. За передѣльную общину стоятъ тѣ, чьи семьи со времени послѣдняго передѣла сильно выросли; противъ нея и за переходъ къ подворному владѣнію, напротивъ, тѣ, чья семья расла медленно или убывала. Въ Варнавинскомъ у. комитетѣ всѣ крестьяне высказались за отмѣну общиннаго землевладѣнія, но одинъ изъ нихъ при этомъ пояснилъ, что лично у него земли много, а семья не велика; потому онъ и противъ передѣльной общины; остальные же его односельчане всѣ были бы за общину. При разспросѣ обнаружилось, что и остальные приглашенные въ Варнавинскій комитетъ крестьяне находятся въ томъ же положеніи, что ихъ отношеніе къ общинѣ опредѣляется именно невыгодностью для нихъ передѣла въ данный моментъ въ силу сравнительно малыхъ размѣровъ ихъ

семей. Можно быть увѣрену, что будь имъ вопросъ объ общинѣ поставленъ немедленно послѣ передѣла, т. е. въ такой моментъ, когда еще не опредѣлилось, кому придется по страховому обязательству платить, а кому получать, всѣ они стали бы на сторону передѣльнаго владѣнія. Но разъ заинтересованными лицами потребность въ страхованіи разсматриваемаго вида ощущается не менѣе настоятельно, нежели потребность въ страхованіи отъ пожара или падежа скота, то для того, чтобы принять рѣшеніе искоренять эту форму, необходимы соображенія болѣе вѣскія и, главное, болѣе настоятельныя, нежели теоретическія сомнѣнія въ прочности покоящагося на ней строя. Надо доказать, что передѣлы сейчасъ уже причиняютъ настолько существенный вредъ, что ихъ нельзя долѣе терпѣть.

Изъ возраженій противъ передѣловъ наиболѣе вѣскимъ съ народно-хозяйственной точки зрѣнія представляется формулированное еще покойнымъ Кейслеромъ и съ тѣхъ поръ постоянно повторяемое указаніе на экономическую невыгодность обусловливаемыхъ ими перемѣнъ въ строѣ отдѣльныхъ хозяйствъ. Возьмемъ деревню, въ которой передѣлъ былъ произведенъ уже давно. Дворы, которые съ тѣхъ поръ сильно разрослись и которымъ земли не хватаетъ, приспособляются къ этому, отправляя часть своихъ рабочихъ силъ на стороннiе заработки; нѣкоторые изъ ихъ членовъ, быть можетъ, даже прочно водворились гдѣ нибудь на сторонѣ и только оказываютъ время отъ времени денежную поддержку родному гнѣзду. Тѣ же дворы, у которыхъ земли сравнительно много, ведутъ чисто земледѣльческое хозяйство. Происходитъ передѣлъ, у многоземельныхъ земля отбирается и передается малоземельнымъ. Что получается въ результатѣ? Тѣ дворы, которые раньше имѣли мелкое хозяйство, получаютъ сразу столько земли, что ихъ обычныя рабочія силы, ихъ живой и мертвый инвентарь оказываются не достаточными. Имъ приходится расширять хозяйство, между тѣмъ на покупку инвентаря часто нѣтъ средствъ, и въ результатѣ уровень хозяйства понижается; съ другой стороны не обойтись безъ того, чтобы вызывать въ деревню отсутствующихъ членовъ семьи, и

ставить за соху работниковъ, привыкшихъ уже шить въ городѣ сапоги или работать на фабрикѣ. Тѣ же дворы, у которыхъ отбирается земля, оказываются вынужденными не менѣе радикально перестраивать весь жизненный укладъ. Часть инвентаря становится лишней, и приходится сбывать ее за безцѣнокъ или держать, не утилизируя, а рабочія силы, которыя только и знали, что сельскохозяйственный промыселъ, приходится отправлять на заработки, къ которымъ они долго еще не съумѣютъ приспособиться. Въ цѣломъ, въ силу такой внезапной передачи земли отъ однихъ хозяйствъ другимъ, получается величайшая растрата народнаго капитала и крайне нецѣлесообразное перемѣщеніе рабочихъ силъ изъ однихъ отраслей хозяйственной дѣятельности въ другія.

Сила этого аргумента была бы безспорно чрезвычайно велика, если бы картина переворота хозяйственнаго строя затрогиваемыхъ передѣломъ дворовъ вполнѣ отвѣчала дѣйствительности. Кейслеръ упускаетъ изъ виду одинъ существенный элементъ, именно аренду, которая, какъ извѣстно, играетъ чрезвычайно важную роль въ хозяйствѣ русскаго крестьянства. Добрая половина, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ чуть не всѣ крестьяне арендуютъ землю на сторонѣ; во многихъ мѣстахъ весьма сильно распространена и сдача надѣльной земли. Если учесть этотъ факторъ, то картина дѣйствія передѣла можетъ сильно измѣниться. Вполнѣ возможно, что тѣ крестьяне, которыхъ Кейслеръ отправляетъ въ города, находятъ иной исходъ, именно, прибѣгаютъ къ арендѣ, отнюдь не порывая съ земледѣліемъ, и тогда весь переворотъ сведется къ тому, что одни дворы перестанутъ арендовать землю, а другіе начнутъ, другими словами къ перераспредѣленію ренты безъ измѣненія хозяйственнаго строя отдѣльныхъ предпріятій. Крестьянинъ, у котораго до передѣла было мало земли при большой семьѣ, снималъ землю у сосѣда помѣщика; передѣлъ прибавилъ ему нѣсколько десятинъ, и онъ сократилъ аренду. Напротивъ, тотъ дворъ, который покрывалъ свои надобности до передѣла обработкой надѣльной земли, потерявъ при передѣлѣ часть своего надѣла, пополняетъ потерю арендой. Никакой растраты капитала, никакой потери

пріобрѣтенныхъ долгимъ трудомъ навыковъ нѣтъ. Съ народно-хозяйственной точки зрѣнія не теряется ничего.

Къ сожалѣнію, нѣтъ прямыхъ наблюденій, которыя позволяли бы категорически рѣшить, которое изъ двухъ построеній болѣе отвѣчаетъ дѣйствительности. Вопросомъ объ отраженіи передѣла на распредѣленіи аренды не занимался никто изъ нашихъ мѣстныхъ изслѣдователей. Меня лично косвенныя статистическія соображенія приводятъ къ убѣжденію, что Кейслеровская схема не вѣрна, и что переворотъ, вызываемый передѣломъ, затрогивая очень сильно интересы отдѣльныхъ семей, не отражается рѣзко на общемъ уровнѣ хозяйства.

Столь же мало убѣдительнымъ, какъ разобранный нами основный аргументъ принципіальныхъ противниковъ передѣловъ, представляется и любимый доводъ защитниковъ общины. Надѣляя всѣхъ землей, говорятъ они, передѣлы осуществляютъ принципъ права на трудъ и спасаютъ Россію отъ пролетаріата; нашъ сельскохозяйственный рабочій самъ землевладѣлецъ, нашъ фабричный не порвалъ связи съ землей; продажа рабочей силы не составляетъ единственнаго источника существованія ихъ, возможность приложить свой трудъ къ своей землѣ освобождаетъ ихъ отъ необходимости во чтобы то ни стало добиваться соглашенія съ работодателемъ и спасаетъ отъ кабальной зависимости, въ какой стоитъ отъ работодателя при капиталистическомъ строѣ европейскій рабочій.

Обычно на это отвѣчаютъ ссылкой на русскую дѣйствительность: поглядите на русскую деревню и вы увидите, что не смотря на общинное землевладѣніе пролетаріатъ растетъ съ каждымъ годомъ. Въ доказательство приводятся затѣмъ безчисленныя статистическія данныя о количествѣ безлошадныхъ дворовъ, о хозяйствахъ, не имѣющихъ инвентаря, о семьяхъ, не занимающихся земледѣліемъ. Въ этихъ статистическихъ подтвержденіяхъ, въ сущности, нѣтъ даже надобности; настолько очевидно, что общинное землевладѣніе не можетъ служить радикальнымъ средствомъ противъ развитія пролетаріата, т. е. класса лицъ, вынужденныхъ отчуждать свою рабочую силу. Для веденія самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства крестьянская семья должна обладать всѣми

тремя такъ называемыми факторами производства: трудомъ, землей и капиталомъ. Трудомъ она, по предположенію, обезпечена въ достаточной мѣрѣ; земля дается передѣломъ. Но, вѣдь, ей можетъ не хватать капитала. Тогда обладаніе земельнымъ участкомъ не спасетъ ее отъ необходимости прибѣгать къ продажѣ труда: воздѣлывать свою землю ей нечѣмъ, нѣтъ ни скота, ни орудій; рентой же существовать нѣтъ возможности, такъ какъ передѣлъ въ лучшемъ случаѣ даетъ земли лишь столько, чтобы можно было жить съ нея, прилагая свой собственный трудъ, земледѣльцу-мужику. А такъ какъ капиталъ при общинномъ землевладѣніи находится въ индивидуальной собственности и не подлежитъ перераспредѣленіямъ между общинниками, то въ результатѣ и получается, что несмотря на обобществленіе одного изъ элементовъ производства, большее или меньшее число семей оказывается не въ силахъ вести самостоятельное хозяйство, а вынуждено отчуждать рабочую силу на сторону. Нѣкоторую поддержку могла бы, правда, оказать населенію раціональная организація общедоступнаго кредита, но полное устраненіе пролетаріата мыслимо лишь при условіи распространенія общиннаго начала на всѣ средства производства. Подчиненіе же ему одной земли такъ же мало спасаетъ населеніе отъ пролетаризаціи, какъ гарантировало бы отъ раззоренія при пожарѣ страховка зданія въ одну десятую его дѣйствительной стоимости. Лица, указывающія на общину какъ на средство элиминировать изъ общества классъ лицъ, обреченныхъ на вѣчную торговлю своимъ трудомъ, обольщаются лишь тѣмъ, что въ общинѣ имъ на встрѣчу идетъ частичное осуществленіе того принципа, широкое проведеніе котораго способно было бы привести къ намѣчаемой ими цѣли. Само по себѣ общинное землевладѣніе не достигаетъ и не можетъ достигнуть освобожденія страны отъ пролетаріата, оно неспособно создать такія условія существованія, въ которыхъ часть населенія не была бы вынуждена продавать свой трудъ въ чужое предпріятіе. Этого не могутъ не признать и самые рѣшительные сторонники общины, если только они дадутъ себѣ трудъ продумать проблему до конца.

„Пусть будетъ такъ“, могутъ возразить. „Все же община, надѣляя всѣхъ землею, ставитъ рабочій классъ въ сравнительно выгодное положеніе. Не представляя изъ себя радикальнаго средства противъ развитія пролетаріата, она по крайней мѣрѣ задерживаетъ его и хоть нѣсколько обезпечиваетъ тѣхъ, кто при ней оказывается вынужденнымъ работать въ чужомъ предпріятіи“. Намъ приходится, слѣдовательно, остановиться на вопросѣ о вліяніи на народную жизнь той тѣсной связи, которая, благодаря общинному землевладѣнію, сохраняется въ Россіи между рабочимъ классомъ и землей.

Но предварительно слѣдуетъ разобраться въ довольно часто встрѣчающейся попыткѣ доведенія общиннаго принципа ad absurdum, дающей противникамъ общины аргументъ, который они, видимо, считаютъ очень сильнымъ, такъ какъ постоянно имъ пользуются. „Распредѣляя землю между всѣмъ потомствомъ тѣхъ лицъ, которыя въ данный моментъ состоятъ ея членами, община надѣляетъ каждаго все меньшимъ и меньшимъ клочкомъ земли, такъ какъ населеніе растетъ. Въ концѣ концовъ неминуемо должно наступить время, когда доля каждаго не будетъ имѣть никакой цѣнности; она будетъ такъ мала, что на ней немыслимо будетъ вести хозяйство. Кончится тѣмъ, что право всѣхъ на землю будетъ равносильно праву умереть съ голоду на участкѣ земли, недостаточномъ для пропитанія человѣка. Община обусловливаетъ собой равенство всѣхъ, но равенство передъ нищетой; она даетъ всѣмъ достаточно земли, чтобы не умереть, но не достаточно чтобы жить, и обрекаетъ все населеніе на полуголодное существованіе“. Наивность этого разсужденія поразительна. Какъ будто то обстоятельство, что человѣкъ получаетъ отъ общины клочекъ земли, недостаточный для благополучнаго существованія, обязываетъ его ничѣмъ инымъ кромѣ обработки этого клочка и не заниматься. Какъ будто работа на своемъ участкѣ не можетъ быть совмѣщаема съ арендой земли на сторонѣ или съ промышленной дѣятельностью. Не говоря уже о разнообразныхъ формахъ мелкой промышленности—о ремеслѣ, о кустарныхъ промыслахъ во всѣхъ ихъ видахъ вплоть до домашней системы крупнаго производства—

но даже съ работой на фабрикахъ обработка собственной земли можетъ совмѣщаться вполнѣ успѣшно. Я пишу эти строки въ мѣстности съ сильно развитой фабричной промышленностью, въ Саксонской Швейцаріи. Населеніе деревни, гдѣ я живу, работаетъ на сосѣднихъ фабрикахъ въ долинѣ Эльбы. Но въ то же время несмотря на полное отсутствіе общины, которая навязывала бы ему землю, оно не порываетъ съ земледѣліемъ; не только тѣ рабочіе, у которыхъ есть собственный клочекъ земли, находятъ выгоднымъ обрабатывать его въ свободное время, но даже тѣ, у кого земли нѣтъ, снимаютъ въ аренду у сосѣдей небольшія полоски подъ картофель, подъ огороды. Лошадей не держатъ, такъ какъ это не окупается, пашутъ на коровахъ, но хозяйство ведется весьма интенсивное, всѣ пользуются напр. искусственными удобреніями. Подобное сохраненіе связи съ земледѣліемъ встрѣчается нерѣдко и въ другихъ странахъ съ развитой промышленностью, напр. въ нѣкоторыхъ промышленныхъ кантонахъ Швейцаріи.

Примѣръ указанныхъ странъ обнаруживаетъ, на мой взглядъ, съ полной очевидностью всю фантастичность рисуемой намъ противниками общины ужасной картины мужика общинника, издыхающаго съ голода на клочкѣ земли, недостаточномъ даже для того, чтобы помѣстить его гробъ. Ростъ населенія и при общинѣ, какъ и безъ общины, конечно, заставитъ земледѣльческое населеніе, если не будутъ совершенствоваться пріемы агрикультуры, отчасти обратиться къ промышленной дѣятельности. Но переходъ этотъ такъ же свободно можетъ совершиться при общинѣ, какъ безъ нея.

Разсуждая трезво, приходится признать, что община не въ силахъ остановить развитіе пролетаріата, но отнюдь и не обрекаетъ населенія на вѣчное прозябаніе въ полуголодномъ состояніи; въ дѣйствительности ея роль болѣе скромная, но и болѣе сложная, и намъ предстоитъ сдѣлать попытку разобраться во вліяніи на народную жизнь устанавливаемой ею связи рабочаго населенія съ землей.

Мнѣнія по этому вопросу чрезвычайно расходятся. Даже сравнительно болѣе простой вопросъ, какъ вліяетъ связь съ

землей на положеніе самихъ рабочихъ, встрѣчаетъ различные отвѣты. Одни указываютъ на то блестящее по сравненію не только съ нашими рабочими, но и съ самыми богатыми мужиками положеніе, въ которомъ находятся фабричные передовыхъ странъ западной Европы и Америки, и не безъ основанія винятъ общину въ томъ, что, привязывая фабричнаго рабочаго къ землѣ и препятствуя отдаться всецѣло интересамъ фабричной жизни, она мѣшаетъ ему добиться удовлетворительнаго положенія въ новой сферѣ дѣятельности, на которую онъ продолжаетъ смотрѣть какъ на переходную. Пользуясь возможностью переложить на деревню содержаніе увѣчныхъ и престарѣлыхъ, а нерѣдко и всей семьи рабочаго, фабрикантъ держитъ заработную плату на такомъ низкомъ уровнѣ, на какомъ она не могла бы стоять, если бы рабочему приходилось жить исключительно своимъ заработкомъ. Въ отвѣтъ на эти соображенія можно указать на общеизвѣстный фактъ повышенія на многихъ фабрикахъ заработной платы въ лѣтнее время, когда возникаетъ опасеніе, что рабочіе уйдутъ въ деревню на сельскія работы, и на не менѣе характерное повышеніе заработной платы въ годы хорошихъ урожаевъ и низкихъ цѣнъ на хлѣбъ; можно сослаться также на то, что въ иныхъ условіяхъ, при наличности крѣпкой рабочей организаціи, возможность опереться на общину могла бы служить рабочему классу еще болѣе сильнымъ оружіемъ въ борьбѣ противъ капитала, а безъ помощи союзовъ и на западѣ пролетаріату не удается добиться сносныхъ условій существованія: въ положеніи массы неорганизованныхъ промышленныхъ рабочихъ, не говоря уже о рабочихъ сельскохозяйственныхъ, мало завиднаго даже для нашего мужика.

Съ нѣсколько большей опредѣленностью, нежели на вопросъ о вліяніи общины на заработки ушедшаго изъ деревни промышленника, можно отвѣтить на вопросъ о томъ, какъ отражается общинный строй на положеніи мѣстнаго рабочаго рынка. Несомнѣнно, что мужикъ охотнѣе согласится работать по сосѣдству даже за сравнительно невысокую плату, нежели идти вдаль отъ дома. Привязывая населеніе къ деревнѣ, община роняетъ заработную плату, а, съ другой стороны, не-

сомнѣнно содѣйствуетъ поднятію арендныхъ цѣнъ. Что эти апріорныя соображенія отвѣчаютъ дѣйствительности, ясно видно изъ отношенія нашихъ крупныхъ помѣщиковъ къ общинѣ. Играя видную роль въ уѣздныхъ и губернскихъ комитетахъ, землевладѣльцы отстаивали мѣстами общину съ циничной откровенностью. Съ особенной яркостью обнаруживаются мотивы симпатій помѣщика къ общинѣ въ заключеніяхъ Бѣлгородскаго уѣзднаго комитета, по мнѣнію котораго роль общины состоитъ „вовсе не въ томъ, чтобы обезпечить каждому количество земли, необходимое для веденія хозяйства по рецепту господъ агрономовъ", а въ томъ, чтобы дать возможно большему числу семей клочекъ земли и усадьбу и, привязывая къ нимъ рабочее населеніе, побуждать мужика снимать въ аренду помѣщичьи земли по завѣдомо неокупающимся цѣнамъ, платить „25 рублей за десятину, съ которой онъ получитъ 40 пудовъ ржи и 12 копенъ соломы". Средства на оплату аренды населеніе должно добывать работой на сторонѣ, т. е. преимущественно у помѣщиковъ же; а для облегченія крестьянскому хозяйству возможности отпускать рабочихъ на сторонніе заработки заботливый бѣлгородскій комитетъ желалъ бы окончательно пріостановить семейные раздѣлы.

Весьма любопытно, что жалобы на Schollenkleberei, на то, что община привязываетъ населеніе къ мѣсту и понижаетъ жизненный уровень, не давая излишку отливать на сторону, раздаются и внѣ Россіи, въ юго-западной Германіи и Швейцаріи. Правда, такіе знатоки какъ проф. К. Бюхеръ, не оспаривая самаго факта меньшей подвижности населенія деревень, владѣющихъ большими алльмендами, не придаютъ ему большаго вѣса. Но не надо забывать, что въ Германіи и Швейцаріи общинная земля за очень рѣдкими исключеніями играетъ лишь роль придатка къ собственному землевладѣнію крестьянъ и въ силу этого не можетъ имѣть такого вліянія на жизнь, какъ у насъ. Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать способность общины привязывать населеніе къ мѣсту рожденія и въ нашихъ условіяхъ. Факты свидѣтельствуютъ, что тамъ, гдѣ уходъ изъ деревни представляетъ

жизненный интересъ, крестьяне выселяются, несмотря на общину. Повторное статистическое изслѣдованіе Вяземскаго уѣзда Смоленской губерніи обнаружило, напримѣръ, что за протекшіе со времени перваго описанія уѣзда 16 лѣтъ число отсутствующихъ семей возрасло въ 5 разъ, составляя въ настоящее время уже около $^1/_8$ всего числа приписныхъ семей; между тѣмъ общинный механизмъ функціонировалъ все время весьма исправно.

Мы видимъ, что даже по вопросамъ, касающимся положенія лицъ, непосредственно затрогиваемыхъ общинными порядками, нѣтъ возможности за недостаточностью наблюденій прійти къ опредѣленнымъ выводамъ. Еще труднѣе получить точные отвѣты на болѣе сложные вопросы о вліяніи осуществляемаго въ передѣлахъ права всѣхъ на землю на болѣе отдаленныя стороны народной жизни. Я ограничусь лишь краткимъ указаніемъ тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя при этомъ намѣчаются.

Въ уѣздныхъ комитетахъ неоднократно высказывалось, что, надѣляя всѣхъ землей, община ведетъ къ нецѣлесообразному распредѣленію рабочихъ силъ населенія. Она привязываетъ къ землѣ лицъ, которыя не имѣютъ къ земледѣлію истиннаго влеченія, и черезъ то препятствуетъ сосредоточенію земли въ рукахъ наиболѣе способныхъ земледѣльцевъ. Стѣсняя перемѣщеніе рабочихъ въ тѣ отрасли производства, въ которыхъ ихъ силы могли бы быть использованы наилучшимъ образомъ, она понижаетъ производительность народнаго труда, а заставляя заниматься земледѣліемъ тѣхъ, у кого не лежитъ къ нему душа, она порождаетъ въ нихъ безучастное отношеніе къ дѣлу, вредно отражающееся и на общемъ состояніи сельскаго хозяйства какъ разъ въ силу особенностей общиннаго строя, обрекающихъ отдѣльныхъ хозяевъ на зависимость отъ большинства.

Не отрицая, что въ этихъ разсужденіяхъ есть доля справедливости, я не думаю, чтобы имъ можно было придавать очень большой вѣсъ, тѣмъ болѣе, что они отпадаютъ съ облегченіемъ выхода изъ общины для желающихъ, на чемъ сходятся не только противники, но и большинство сторон-

никовъ общины. Дѣло въ томъ, что и въ странахъ съ свободной мобилизаціей въ земледѣліи почти не наблюдается той тенденціи къ переходу предпріятій въ руки наиспособнѣйшихъ предпринимателей, которой характеризуется промышленная дѣятельность. Въ доказательство сошлюсь на свидѣтеля, котораго нельзя заподозрѣть въ сочувствіи мало производительнымъ формамъ экономическихъ отношеній, на бреславльскаго профессора В. Зомбарта, въ своей послѣдней книгѣ „о развитіи германскаго хозяйства въ 19 вѣкѣ“ съ грустью признающаго, что деревня плохо поддается раціонализирующему хозяйственный строй вліянію капиталистическаго духа.

Въ извѣстныхъ кругахъ пользуется сочувствіемъ какъ аргументъ противъ общины указаніе на вредный въ политическомъ отношеніи коммунистическій характеръ общиннаго строя. „Не зная въ предѣлахъ общины прочной собственности, мужикъ перестаетъ уважать всякую собственность. Это причина бѣдственнаго положенія нашего частнаго землевладѣнія, которое не въ силахъ охранять свое достояніе отъ покушеній окрестныхъ крестьянъ [1]). Въ этомъ и истинный корень аграрныхъ волненій. Дабы избѣжать повторенія Полтавскихъ и Харьковскихъ безпорядковъ [2]), правительство должно озаботиться искорененіемъ коммунистическаго духа изъ народной среды“. Къ этимъ наивнымъ тирадамъ трудно отнестись серьезно. Я не говорю уже о томъ, что какъ разъ Полтавская и Харьковская губерніи менѣе другихъ подвержены вліянію общиннаго коммунизма, такъ какъ въ нихъ крестьянская земля въ своей главной массѣ не подвергается передѣламъ; но и тамъ, гдѣ община царитъ въ чистомъ видѣ, чувство собственности настолько хорошо знакомо крестьянину, что съ неменьшимъ правомъ сторонники общины раз-

---

[1]) Въ настоящее время широкія мѣры къ охранѣ собственности—призналъ Чебоксарско-Козьмодемьянскій у. ком.—не достигнутъ цѣли, такъ какъ при общинномъ порядкѣ каждый отдѣльный крестьянинъ фактически не имѣетъ никакой земельной собственности и, при низкомъ умственномъ развитіи, не можетъ потому имѣть достаточнаго понятія и уваженія къ чужой собственности.

[2]) До указанія на Полтавскіе и Харьковскіе безпорядки договаривается въ своихъ нападкахъ на общину предсѣдатель Харьковскаго уѣзднаго комитета.

виваютъ діаметрально противоположный взглядъ на политическое значеніе общины. Надѣляя всю массу сельскаго населенія собственностью—говорятъ они—община поддерживаетъ консервативные элементы въ деревнѣ; крестьянинъ общинникъ имѣетъ свой участокъ земли; какъ всякій крестьянинъ-собственникъ онъ недоступенъ революціонно-соціалистическимъ идеямъ. „Онъ нравственнѣе и Бога боится“ [1]). Поддержаніе этого элемента общества должно быть первой задачей правительственной политики. Въ подтвержденіе опасности, которой сопровождается обезземеленіе сельскохозяйственныхъ рабочихъ, можно не безъ успѣха ссылаться на примѣръ соціалистическаго броженія среди сельскаго населенія въ Венгріи и на постоянныя стачки и рабочіе безпорядки въ тѣхъ мѣстностяхъ Италіи, гдѣ господствуетъ крупное землевладѣніе. Всѣ эти психологическія разсужденія лишены твердой почвы и не поддаются учету; подвести итогъ противоположнымъ тенденціямъ совершенно невозможно. Ясно одно: на основаніи такихъ неуловимыхъ тенденцій нельзя приводить въ дѣйствіе государственный механизмъ; такими аргументами нельзя мотивировать требованіе ломки существующихъ порядковъ.

Больше вѣса имѣетъ, на первый взглядъ, указаніе на тѣ затрудненія, которыя передѣлами создаются организаціи кредита для крестьянскаго населенія. Задача привлечь капиталъ къ крестьянскому хозяйству представляется, безспорно, въ настоящее время одной изъ самыхъ насущныхъ. Старые пріемы хозяйства начинаютъ повсюду отживать, вездѣ ощущается потребность перехода къ болѣе раціональнымъ системамъ, мѣстами переходъ уже и совершается и даже весьма быстро. Но для реформы необходимы средства и весьма значительныя. Взять хотя бы переходъ къ травосѣянію. Уже однѣ затраты на сѣмена представляются при безденежьѣ нашего мужика иной разъ непосильными, а нужны, вѣдь, и улучшенныя орудія—безъ плуга напр. при культурѣ клевера обходиться крайне затруднительно—и искусственныя удобренія. Чтобы реформа

[1]) Земскій начальникъ В. Гутьяръ въ Горбатовскомъ у. ком.

шла быстро и гладко, безъ разочарованій и попятныхъ движеній, необходимъ приливъ капитала со стороны. Но какъ привлечь капиталъ, говорятъ противники общины, разъ передѣлы несовмѣстимы съ ипотечнымъ кредитомъ? То обстоятельство, что мужикъ лишенъ права продавать свою землю, само по себѣ, можетъ быть еще и не служило бы непреодолимымъ препятствіемъ для ипотеки; обезпеченіемъ могла бы служить и аренда, въ случаѣ неуплаты долга участокъ переходилъ бы во владѣніе заимодавца, пока долгъ не покроется арендной платой. Но при передѣлахъ трудно осуществимъ и этотъ способъ обезпеченія. Распорядиться участкомъ на долгій срокъ нѣтъ возможности, такъ какъ размѣры владѣнія могутъ быть сокращены; въ обезпеченіе займа предлагается участокъ въ 10 десятинъ, а черезъ два года, когда является надобность обратить взысканіе на землю, община отбираетъ половину участка. Какое же возможно при этихъ условіяхъ обезпеченіе?

Разсужденія эти, безспорно, правильны. Организовать на началахъ ипотечнаго кредита приливъ капиталовъ къ крестьянскому хозяйству при общинномъ землевладѣніи крайне затруднительно, чтобы не сказать невозможно. Но въ этомъ нѣтъ и надобности. Вся разсматриваемая аргументація покоится на совершенно устарѣвшей теоріи кредита и на полномъ незнакомствѣ съ тѣмъ, какъ организуется въ дѣйствительности кредитъ для мелкихъ земледѣльцевъ. Пора бы перестать видѣть обезпеченіе кредитной сдѣлки въ имуществѣ заемщика. Въ области крупнаго кредита эта точка зрѣнія давно стала анахронизмомъ; достаточно просмотрѣть отчеты крупныхъ промышленныхъ предпріятій, чтобы убѣдиться въ этомъ: многія изъ нихъ кредитуются на суммы, далеко превосходящія ихъ собственные капиталы; при оказаніи имъ кредита главную роль играетъ разсчетъ на то, что ссужаемый капиталъ обернется въ предпріятіи съ достаточной прибылью. Совершенно то же имѣетъ мѣсто и по отношенію къ мелкимъ земледѣльческимъ хозяйствамъ; и здѣсь долгъ уплачивается не изъ имущества заемщика, а изъ повышенія дохода, обусловленнаго дополнительной затратой занятаго капитала, и истин-

нымъ обезпеченіемъ ссуды служитъ, что она затрачивается производительно. Но спрашивается, какъ обезпечить, въ свою очередь, производительность затраты? Если у заемщика есть имущество, на которое можетъ обратиться взысканіе, кредитору объ этомъ нѣтъ надобности и заботиться. Его деньги все равно не пропадутъ. Если же заемъ не обезпеченъ имуществомъ, то надо быть вполнѣ увѣреннымъ въ томъ, что средства въ предпріятіи обернутся съ прибылью—иначе нечего будетъ и взыскать. А откуда заимодавцу знать такъ хорошо дѣло заемщика, если заемщикомъ является мелкій земледѣлецъ? Я не буду описывать способовъ, которыми эта проблема разрѣшается тамъ, гдѣ организація мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита прочно поставлена. Для насъ достаточно того, что задача въ существѣ своемъ одна и та же при общинѣ и безъ общины, и что вездѣ, гдѣ на нее обращено вниманіе общества и государства, ее удается разрѣшать безъ большихъ затрудненій. Главную роль при рѣшеніи ея играетъ ассоціативное начало, и въ нашей земельной общинѣ мы имѣемъ готовую организацію, которая легко могла бы быть приспособлена къ этой функціи [1]).

Вопросомъ объ организаціи кредита мы закончимъ разборъ такихъ дѣйствій общиннаго строя, которыя—основательно или нѣтъ—пріурочиваются непосредственно въ коренной функціи русской общины, къ передѣлу. Они заслуживали особаго вниманія, такъ какъ, поскольку они, дѣйствительно, оказываются неразрывно связанными съ передѣлами, ихъ приходится считать необходимой составной частью проблемы объ общинѣ: кто сочувствуетъ общинѣ, долженъ мириться и съ ними; для кого они непріемлемы, долженъ проститься и съ общиннымъ строемъ. Но прежде чѣмъ подводить итоги, намъ надо разсмотрѣть также вліяніе на народную жизнь тѣхъ

---

[1]) Теоретическія представленія о кредитѣ, на которыхъ покоится приводимая выше аргументація, развиты обстоятельно въ работѣ В. Косинскаго: Учрежденія для мелкаго кредита въ Германіи, Москва, 1901; лица же, интересующіяся спеціально организаціей мелкаго *сельско-хозяйственнаго* кредита, могутъ познакомиться съ современными способами разрѣшенія этой задачи изъ статей проф. А. И. Чупрова, помѣщенныхъ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ за 1901 г.

проявленій общиннаго начала, которыя, сопровождая обычно передѣлы, не стоятъ съ ними во внутренней связи. Соображенія, на которыхъ мы остановимся при этомъ, имѣютъ уже меньшее значеніе, такъ какъ въ случаѣ, если намъ встрѣтятся явленія, которыя будутъ признаны крайне вредными, бороться противъ нихъ можно будетъ, и не затрагивая основной передѣльной функціи русской общины.

Нѣкоторыя изъ этихъ явленій—принудительный сѣвооборотъ, переверстки—мы уже разсматривали. Изъ болѣе отдаленныхъ отраженій общиннаго строя на ходѣ народной жизни заслуживаетъ вниманія поднимавшійся во многихъ комитетахъ вопросъ о вліяніи общинныхъ порядковъ на разселеніе крестьянъ. Вопросъ о разселеніи ставится у насъ въ двухъ формахъ: или рѣчь идетъ о водвореніи хуторскаго хозяйства на участкахъ, лежащихъ въ одной межѣ съ дворомъ посрединѣ и свободныхъ отъ принудительнаго сѣвооборота; или же имѣется въ виду раздѣленіе слишкомъ большихъ селеній, особенно часто встрѣчающихся на югѣ, на болѣе мелкія.

Чисто экономическое превосходство хуторской системы тамъ, гдѣ не дѣлаютъ ее невозможной мѣстныя условія, напр. безводье, какъ въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, не подлежитъ сомнѣнію и не нуждается въ доказательствахъ. Единственное преимущество черезполоснаго владѣнія, заключающееся въ томъ, что находящееся въ одной межѣ крестьянское хозяйство въ силу своей малой протяженности совершенно не застраховано отъ случайностей погоды, хотя на него и указываютъ постоянно мелкіе черезполосные владѣльцы у насъ и заграницей, отступаетъ далеко на задній планъ по сравненію съ экономіей средствъ и силъ, получающейся въ результатѣ округленія владѣній. Но жизнь человѣка не замыкается кругомъ хозяйственныхъ заботъ, а съ точки зрѣнія удовлетворенія большей части культурныхъ потребностей совмѣстная жизнь въ деревнѣ представляетъ значительныя выгоды. Поколѣніями сложившаяся привычка къ жизни въ болѣе или менѣе крупныхъ поселкахъ не легко поддается искорененію, и нужны совершенно исключительныя условія, чтобы ее вы-

травить. Въ Германіи увлекались хуторскимъ хозяйствомъ не меньше, чѣмъ у насъ теперь, но увлеченія эти почти не имѣли практическихъ результатовъ. Всѣ стремленія искусственно привить хуторское начало разбиваются о сопротивленіе крестьянской массы. Правда, и въ Германіи и у насъ встрѣчаются примѣры отселенія отдѣльныхъ дворовъ и даже разселенія цѣлыхъ деревень. Но это единичные случаи, и великъ рискъ лишь затормозить образованіе хуторскихъ хозяйствъ, если начать навязывать разселеніе всѣмъ, желающимъ и нежелающимъ [1]), и тамъ, гдѣ въ сознаніи населенія выгоды хуторскаго хозяйства начинаютъ уже перевѣшивать тяжесть перелома жизненныхъ привычекъ, и тамъ, гдѣ населеніе не хочетъ идти на такой переломъ. Если же принять во вниманіе также техническія трудности реформы, то мечты о повсемѣстномъ водвореніи въ Россіи хуторскаго хозяйства всякій, кто знакомъ съ экономической исторіей, не можетъ не признать утопическими [2]). Тѣмъ не менѣе вопросъ о возможности разселенія при общинномъ строѣ не теряетъ своего значенія, и указаніе на то, что община обусловливаетъ собою скученность нашихъ деревень, если бы оно было справедливо, служило бы вѣскимъ доводомъ противъ общины.

Къ сожалѣнію, это обвиненіе выдвигается безъ всякихъ доказательствъ [3]). Чѣмъ, какими своими сторонами община мѣшаетъ мужикамъ разселяться, противники общины не говорятъ. Развивая ихъ мысль, приходится предположить, что переверстками. Безспорно, при условіи періодическаго обмѣна участками выселеніе двора изъ деревни на отведенный ему

---

[1]) Ср. напримѣръ, мнѣнія ком. Витебскаго губ. и Рѣмицкаго, которые желали бы установить право обязывать всѣхъ членовъ общины къ разселенію въ предѣлахъ надѣла большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, или Жиздринскаго у. ком., который признаетъ желательнымъ изданіе закона, обязывающаго выселяться на отрубной участокъ послѣ семейныхъ раздѣловъ.

[2]) Ср. мнѣнія комитетовъ Владимірскаго губ., Мещовскаго у., Свіяжскаго у., Тетюшскаго у., Чадскаго у.

[3]) Кромѣ отдѣльныхъ лицъ въ разныхъ комитетахъ оно выдвигается Гжатскимъ у. ком., Гдовскимъ у. ком., Казанскимъ губ. ком., Спасскимъ у. ком. (Казанской губ.).

хотя бы даже въ одной межѣ участокъ представляется совершенно нецѣлесообразнымъ; не перебираться же при каждой переверсткѣ со всѣми строеніями на новое мѣсто. Но не надо забывать, что передѣльная община мыслима и безъ переверстокъ, что, съ другой стороны, преслѣдуя вполнѣ опредѣленную цѣль — уничтоженіе черезполосицы — переверстки время отъ времени должны повторяться и при хуторской системѣ поселенія, если нѣтъ на лице далеко идущихъ ограниченій мобилизаціи. Такимъ образомъ не переверстка сама по себѣ, а лишь не ко времени производимый обмѣнъ участками несовмѣстимъ съ хуторскимъ хозяйствомъ. Но можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что, разъ убѣжденіе въ полезности хуторскихъ поселеній проникнетъ въ сознаніе крестьянъ, переверстки будутъ производиться такъ, чтобы не мѣшать образованію хуторовъ. Съ другой же стороны, образованіе хутора не можетъ состояться иначе какъ черезъ посредство переверстки, и право общины производить принудительный обмѣнъ участками можетъ при желаніи оказать весьма существенную поддержку развитію хуторскаго хозяйства.

Тѣ же соображенія приложимы и къ вопросу о раздробленіи слишкомъ большихъ деревень на болѣе мелкіе поселки [1]). Въ цѣломъ, трудно не признать вполнѣ справедливымъ заключеніе Елецкаго уѣзднаго комитета, пришедшаго послѣ обстоятельнаго разбора вопроса къ выводу, что община является наиболѣе благопріятной для разселенія формой землевладѣнія.

Нѣкоторыя изъ соображеній, развиваемыхъ по поводу общины, не пріурочиваются опредѣленно ни къ какому виду проявленія общиннаго начала. Наиболѣе вѣскія изъ нихъ носятъ психологическій характеръ. Къ сожалѣнію, и здѣсь мы

---

[1]) Рядъ комитетовъ, въ числѣ ихъ особенно настойчиво Симбирскій губ. комитетъ, выразилъ желаніе, чтобы было предоставлено группамъ крестьянъ право выселяться въ предѣлахъ надѣла на болѣе удобное мѣсто, составляя самостоятельное общество; предложеніе это отчасти выходитъ уже изъ рамокъ вопроса о разселеніи (см. ниже), съ точки же зрѣнія исключительно этого вопроса оно представляется вполнѣ пріемлемымъ и для сторонника общиннаго землевладѣнія.

встрѣчаемъ очень мало единодушія: сторонники и противники общины по разному изображаютъ вліяніе общины на психику крестьянской массы. Одни указываютъ на то, что необходимость постоянно дѣйствовать сообща, невозможность въ своемъ собственномъ хозяйствѣ ступить шагу безъ благословенія общины, развиваетъ привычку къ общественной дѣятельности и воспитываетъ чувство солидарности. Другіе называютъ это чувство солидарности, развиваемое общиной, стадностью и настаиваютъ на томъ, что, связывая крестьянина по рукамъ и по ногамъ, община притупляетъ его, а черезъ то, что по отношенію къ главному источнику средствъ существованія, землѣ, ему не остается никакихъ правъ, которыя онъ могъ бы отстаивать, понижаетъ его правосознаніе; привычка подчиняться произволу большинства развиваетъ пассивность и склонность слушаться всякаго приказа. Чувства же общественности община не въ состояніи воспитывать, такъ какъ она является принудительной ассоціаціей, въ которую входятъ не по доброй волѣ, а по рожденію и изъ которой тѣмъ, кому она не по душѣ, не легко вырваться. На это защитники общины въ свою очередь возражаютъ, что община, освобожденная отъ полицейско-фискальныхъ функцій и превращенная въ частно-правовой союзъ, изъ котораго выходъ не будетъ возбраненъ, перестанетъ давить личность и понижать ея правосознаніе; воспитывающее же ея вліяніе будетъ постоянно расти съ ростомъ культурности крестьянства.

Большій вѣсъ имѣетъ, на первый взглядъ, указаніе на то, что община, охватывающая лишь однихъ крестьянъ, выдѣляетъ ихъ въ замкнутую группу и поддерживаетъ ихъ сословную обособленность. Въ связи съ характернымъ для нашего времени стремленіемъ къ смягченію сословныхъ различій аргументъ этотъ пріобрѣтаетъ особую силу. Но онъ опять таки отпадаетъ въ предположеніи, что съ общины земельной будутъ, наконецъ, сняты, навязанныя ей, но нисколько ей несвойственныя административно-фискальныя функціи, чего требуютъ повсемѣстно, и чему правительство пошло уже навстрѣчу, отмѣнивъ круговую поруку. Если община будетъ

исключительно земельнымъ союзомъ, то трудно сказать, почему принадлежность къ ней будетъ создавать большую сословную обособленность нежели мѣсто директора банка или обладаніе акціями желѣзной дороги. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ высказывалось убѣжденіе, что при общинномъ строѣ нельзя установить свободы передвиженія населенія и придется удерживать систему выдачи паспортовъ обществомъ. Я не вижу основаній для подобныхъ стѣсненій, которыя коренились бы въ существѣ общиннаго строя. Дѣйствительно, въ предположеніи, что съ земли приходится платить больше, чѣмъ она приноситъ, и при наличности круговой поруки, нельзя не дать обществу власти не выпускать на сторону своихъ членовъ безъ гарантіи, что они будутъ вносить причитающіеся на ихъ долю платежи, такъ какъ иначе всѣ разбѣгутся. Но развѣ подобныя условія существованія нормальны? Спора нѣтъ, здѣсь крестьянинъ прикрѣпленъ къ общинѣ и не можетъ не быть къ ней прикрѣпленъ. Но развѣ для освобожденія его отъ этого новаго крѣпостнаго права, какъ любятъ выражаться противники общины, необходимо уничтожать общину? Достаточно установить соотвѣтствіе между платежами и доходностью земли и устранить то ненормальное положеніе, въ силу котораго владѣніе землей является бременемъ.

Мы уже останавливались на возраженіи противъ общины, что она, задерживая мобилизацію, навязывая землю всякому, кто только имѣлъ счастье родиться членомъ ея, препятствуетъ цѣлесообразному распредѣленію земли между отдѣльными предпріятіями и не допускаетъ, чтобы земледѣліемъ занимались именно тѣ, кто къ нему наиболѣе способенъ. Изъ того же свойства общины задерживать мобилизацію дѣлаются нерѣдко и иные выводы; на него опираются и защитники общины. При общинѣ, говорятъ они, худо ли хорошо ли идетъ хозяйство, но земля остается въ рукахъ крестьянъ, и они могутъ существовать. Освободите ихъ отъ общины, дайте свободу распоряжаться землей по собственному усмотрѣнію, и въ самомъ непродолжительномъ времени земля уйдетъ отъ нихъ и вся будетъ скуплена кулаками; выкинутая же дерев-

ней за бортъ масса обезземеленныхъ крестьянъ принуждена будетъ влачить жалчайшее существованіе, перебиваясь работой на фабрикахъ, на которыхъ заработная плата при такомъ колоссальномъ предложеніи труда неминуемо упадетъ до самыхъ низкихъ предѣловъ, или закабаливаясь въ холопы къ тѣмъ же кулакамъ. Эти соображенія сторонниковъ общиннаго землевладѣнія врядъ ли могутъ выдержать критику. Прежде всего: ограниченія мобилизаціи мыслимы и безъ общины; для того, чтобы закрѣпить землю за крестьянами нѣтъ необходимости во всемъ сложномъ механизмѣ общиннаго землевладѣнія. Но даже и при свободѣ мобилизаціи нѣтъ основаній ожидать такого рѣзкаго обезземеленія крестьянства. Можно считать болѣе или менѣе доказаннымъ, что въ условіяхъ нашего времени мелкое хозяйство въ земледѣліи вполнѣ успѣшно выдерживаетъ конкурренцію съ крупнымъ, и нѣтъ причинъ предполагать, чтобы у насъ въ Россіи свободная мобилизація повела къ образованію латифундій. Торговля землей, конечно, оживится, но чтобы началась сплошная скупка земель въ немногія руки, бояться нечего: не распродаютъ же своихъ участковъ наши мелкіе собственники изъ крестьянъ, не распродавали ихъ, даже будучи свободными отъ всякихъ стѣсненій, наши однодворцы или крестьяне западныхъ губерній [1]). Сильной концентраціи землевладѣнія можно было бы ожидать лишь въ предположеніи, что дробленіе земли въ общинѣ зашло уже слишкомъ далеко, и на участкахъ, которые достались бы отдѣльнымъ дворамъ при раздѣлѣ, не было бы возможности вести хозяйство. Тогда, дѣйствительно, могла бы наступить скупка мелкихъ участковъ для образованія болѣе крупныхъ, но все же еще мужицкихъ хозяйствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемо было бы и обезземеленье нѣкотораго количества дворовъ. Мѣстами, быть можетъ, такъ и есть на дѣлѣ. Но ясно, что подобное состояніе и при общинномъ строѣ имѣетъ мало привлекательнаго, и допущеніе, что повсемѣстно лишь община поддерживаетъ совершенно нежизнеспособныя сами по себѣ хозяйственныя предпріятія въ ихъ

---

[1]) См., напримѣръ, мнѣніе Себежскаго у. ком. Витебской губерніи.

настоящемъ видѣ, было бы болѣе умѣстно въ рѣчахъ противниковъ общиннаго землевладѣнія, нежели въ устахъ его защитниковъ. Если, дѣйствительно, наши крестьянскія хозяйства до того измельчали, что не могутъ держаться, то мало смысла ихъ и поддерживать.

Ссылка на затрудненіе мобилизаціи оказывается, такимъ образомъ, не болѣе сильнымъ доводомъ въ пользу общины, нежели противъ нея.

Мнѣ остается отмѣтить одинъ рядъ соображеній, который охотно привлекаютъ къ рѣшенію спора и противники и сторонники общиннаго землевладѣнія, именно аргументы, опирающіеся на историческое прошлое русской земельной общины. „Община—исконное наслѣдіе русскаго народа, въ ней онъ выросъ, къ ней онъ привыкъ съ незапамятныхъ временъ, и было бы измѣной передъ страной и грѣхомъ противъ исторіи обречь ее на гибель". Противники общины съ полнымъ основаніемъ отвѣчаютъ, что если бы даже община была дѣйствительно своеобразнымъ порожденіемъ славянскаго духа и исконной формой землевладѣнія русскихъ крестьянъ, то это нисколько не свидѣтельствовало бы въ пользу сохраненія ея въ настоящее время. Крѣпостное право держалось у насъ тоже не одинъ вѣкъ. Политика должна опредѣляться реальными нуждами настоящаго, а не сентиментальными воспоминаніями о прошломъ. Ссылка на историческія заслуги защищаемаго института есть testimonium paupertatis; въ лучшемъ случаѣ она только подтверждаетъ, что onus probandi лежитъ на томъ, кто требуетъ вмѣшательства въ народную жизнь, а не на томъ, кто отстаиваетъ status quo. Но это и не нуждается въ доказательствахъ. Но и помимо этого, разбираемый аргументъ не выдерживаетъ критики, такъ какъ фактическія основанія его болѣе нежели сомнительны. Я не говорю даже о томъ, что попытка пріурочить общину къ таинственнымъ особенностямъ уклада славянской души свидѣтельствуетъ лишь о невѣжествѣ того, кто ее дѣлаетъ, ибо совершенно сходные порядки мы встрѣчаемъ у народовъ германскихъ и романскихъ, въ Индіи и на Явѣ, но и спеціально въ вопросѣ о происхожденіи нашей русской современной общины есть еще не

мало невыясненнаго. Многіе и сейчасъ продолжаютъ раздѣлять Чичеринскую теорію происхожденія общины и даже стремятся, апеллируя въ свою очередь къ исторіи, ссылкой на то, что община порожденіе фискальныхъ интересовъ правительства и эгоистическихъ вожделѣній помѣщиковъ, скомпрометировать общину ея прошлымъ. Новѣйшія же наблюденія надъ общинными порядками въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, которыя сравнительно недавно подверглись заселенію, снимаютъ съ общины ореолъ стародавности и въ глазахъ тѣхъ, кому Чичеринскія построенія не внушали довѣрія; они показываютъ, что въ развитіи общиннаго землевладѣнія главную роль играетъ не давленіе извнѣ, со стороны государства или помѣщиковъ, а внутренняя борьба: введеніе передѣловъ есть результатъ побѣды низшихъ классовъ деревни надъ высшими, своего рода соціальная революція на аграрной почвѣ, приводящая къ обобществленію одного изъ элементовъ производства, земли. Но, устраняя окончательно этотъ и безъ того мало убѣдительный доводъ въ пользу общины, расширеніе поля нашихъ наблюденій замѣняетъ его несравненно болѣе сильнымъ: при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній объ общинѣ нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ общинныхъ порядкахъ происходитъ постоянная эволюція, постепенное приспособленіе къ мѣняющимся условіямъ жизненной обстановки. Это, вытекающее изъ всѣхъ новѣйшихъ изслѣдованій [1]) убѣжденіе въ пластичности общины является въ глазахъ реальнаго политика самымъ вѣскимъ аргументомъ въ пользу того, чтобы не вмѣшиваться въ общинные распорядки, а предоставить общинѣ развиваться безъ помѣхъ въ томъ направленіи, въ какомъ ее влечетъ жизнь.

Сводя результаты анализа доводовъ въ пользу и противъ общины, я прихожу къ такому выводу. Русская передѣльная община представляетъ въ своемъ существѣ своеобразную форму взаимнаго страхованія противъ многосемейности.

---

[1]) Для интересующихся этой стороной вопроса укажу на извѣстное сочиненіе К. Качоровскаго: Русская община СПб. 1900 и на 2 и 3 части моей выше цитированной нѣмецкой работы.

Освобождая отъ отвѣтственности за неумѣренное размноженіе и даже назначая премію тѣмъ семьямъ, которыя произведутъ на свѣтъ больше дѣтей, она должна вызывать въ насъ то или иное отношеніе, смотря по тому, раздѣляемъ мы мальтузіанскую точку зрѣнія на проблему народонаселенія или нѣтъ. Но встрѣчая сочувствіе въ народной массѣ, находящей въ ней удовлетвореніе настоятельно ощущаемой потребности обезпеченія потомства отъ полной нищеты, эта форма страхованія, какъ бы мы лично ни относились къ ней, требуетъ бережнаго обращенія, и необходимы весьма вѣскіе доводы для того, чтобы имѣть право настаивать на принятіи рѣшительныхъ мѣръ противъ нея; необходимо ясно обнаружить бѣдственное вліяніе ея на народную жизнь. Между тѣмъ, тѣ возраженія, которыя обычно приводятся противниками общины, или вовсе не выдерживаютъ критики, попадая не въ общину, а въ случайно сосуществующія съ ней явленія совершенно внѣ-общиннаго происхожденія, или же находятъ себѣ болѣе чѣмъ достаточный противовѣсъ въ доводахъ защитниковъ общины. Черезполосицы община не обусловливаетъ, она наоборотъ представляетъ изъ себя механизмъ борьбы съ черезполосицей, который тамъ, гдѣ его нѣтъ, приходится создавать ad hoc, если желать сокращенія черезполосицы. Неувѣренность въ прочности владѣнія, обусловливаемая переверстками, далеко не всегда сопровождается вредными послѣдствіями, а тамъ, гдѣ она оказывается вредна для сельскаго хозяйства, ея дѣйствіе можетъ быть смягчаемо цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ мѣръ, да, наконецъ, передѣлы могутъ производиться и безъ переверстокъ. Принудительный сѣвооборотъ можетъ и не примѣняться тамъ, гдѣ онъ ощущается какъ обуза, а, съ другой стороны, на настоящей стадіи культурнаго развитія человѣчества онъ представляетъ изъ себя болѣе рычагъ, нежели тормазъ движенія сельскохозяйственной техники впередъ. Разселеніямъ община не мѣшаетъ, скорѣе даже содѣйствуетъ. Что касается зловреднаго вліянія общиннаго уклада на народную психику, то и здѣсь ему противостоятъ указанія на то, что община способна развивать въ массѣ весьма цѣнныя душевныя свойства, да притомъ же эти соображенія покоятся на столь

субъективныхъ впечатлѣніяхъ, что было бы крайне рисковано опираться на нихъ при требованіи активнаго вмѣшательства въ народную жизнь. Правда, что, съ другой стороны, и тѣ доводы, которые приводятся въ пользу общины ея сторонниками, оказываются не болѣе вѣскими. Способностью устранять пролетаріатъ община, представляющая собой лишь частичное осуществленіе того принципа, радикальное примѣненіе котораго являлось бы дѣйствительнымъ средствомъ противъ развитія пролетаріата, не обладаетъ, а вопросъ, представляется ли балансъ вліяній на народную жизнь того обстоятельства, что нашъ рабочій классъ не порываетъ вполнѣ связи съ землей, активнымъ или пассивнымъ, весьма еще проблематиченъ. Окончательный выводъ изъ этихъ соображеній ясенъ: нейтралитетъ государства по отношенію къ общинѣ. Не имѣя достаточныхъ поводовъ искоренять общину, но не имѣя основаній и навязывать ее, необходимо предоставить мужикамъ самимъ рѣшать удерживать ее или нѣтъ; для этого надо, съ одной стороны устранить изъ законодательства всѣ тѣ мѣры, которыя стѣсняютъ свободное развитіе общины, а съ другой озаботиться тѣмъ, чтобы лица, въ которыхъ подобная форма страхованія не встрѣчаетъ сочувствія, могли безъ ущерба для себя оставлять общину. Но эти соображенія переводятъ насъ уже къ разсмотрѣнію вопроса о желательныхъ измѣненіяхъ въ нашемъ законодательствѣ объ общинѣ.

Различныхъ пожеланій относительно измѣненія современнаго положенія общины высказывалось въ комитетахъ чрезвычайно много. Среди нихъ по глубинѣ жизненнаго значенія выдвигаются на первое мѣсто требованія освободить земельную общину отъ административно-фискальныхъ функцій и облегчить выходъ изъ общины для тѣхъ ея членовъ, которые тяготятся общинными порядками.

На требованіи снять съ общины публично-правовыя обязанности, которыя она несетъ въ настоящее время, и придать ей характеръ частно-правоваго союза земледѣльцевъ я не буду останавливаться, такъ какъ оно переходитъ уже за предѣлы реформы общины и захватываетъ вопросы общей

финансовой политики и административной организаціи. Отмѣчу лишь, что ни по одному вопросу общиннаго быта не встрѣчалось въ комитетахъ такого единомыслія какъ по этому. Выражалось желаніе отмѣны круговой поруки, отмѣны права ссылки на поселеніе по общественному приговору; требовали измѣненія порядка, по которому для поступленія на государственную службу равно какъ для поступленія въ высшія и среднія учебныя заведенія необходимъ увольнительный приговоръ общества; требовали реформы паспортной системы. Въ видѣ же возраженія указывалось лишь на то, что право общины перераспредѣлять налоги представляетъ изъ себя хоть какой ни на есть коррективъ нашей финансовой системы.

Необходимость облегчить условія выхода изъ общины признается почти всѣми [1]). Насильно навязывать общину тѣмъ, кому она не по душѣ, не желаютъ даже сторонники общиннаго землевладѣнія. И, дѣйствительно, трудно привести доводы, по которымъ эта форма страхованія потомства отъ нищеты заслуживала бы признанія обязательной болѣе нежели, напримѣръ, обычное страхованіе жизни; напротивъ, изъ самаго существа страховой операціи вытекаютъ довольно вѣскіе доводы противъ основнаго принципа передѣльной общины—надѣленія всѣхъ рождающихся въ общинѣ дѣтей, сколько бы ихъ ни было въ отдѣльной семьѣ, землей въ равной мѣрѣ. Дѣло въ томъ, что здѣсь событіе, противъ печальныхъ послѣдствій котораго страхуются, не представляется случайнымъ, какъ того требуетъ обычная форма стра-

---

[1]) Облегчить условія выхода изъ общины желаютъ комитеты: Ардатовскій, Арзамасскій, Бузулукскій, Бѣлозерскій, Бѣльскій, Ветлужскій, Вольскій, Воронежскій губ., Горбатовскій, Духовщинскій, Елисаветградскій, Епифанскій, Жиздринскій, Изюмскій, Казанскій губ., Козловскій, Коротоякскій, Краснинскій, Курскій губ., Курскій у., Невельскій, Нижегородскій (съ согласія половины членовъ схода безъ земли), Новомосковскій, Новоржевскій, Островскій, Переяславскій, Петергофскій, Петровскій, Псковскій губернскій, Псковскій уѣздный, Рославльскій, Семеновскій, всѣ уѣздные комитеты Симбирской губерніи, Смоленскій губернскій, Спасскій (Казанской губерніи), Сычевскій, Суджанскій, Устюженскій, Харьковскій уѣздный, Чистопольскій, Юрьевецкій, Ярославскій губернскій.

хованія; въ значительной мѣрѣ, оно зависитъ отъ воли страхующихся лицъ, такъ что въ сущности передѣльная община можетъ быть уподоблена страхованію противъ пожаровъ, при которомъ не воспрещалось бы страхователямъ поджигать застрахованныя зданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ осуществленіе финансовыхъ и административныхъ реформъ, на путь которыхъ правительство уже вступило, освободивъ общину отъ круговой поруки, устраняетъ и то препятствіе къ свободному выходу изъ общины, которымъ служатъ въ настоящее время навязанныя общинѣ фискальныя и полицейскія функціи.

Единственною трудностью является опредѣленіе условій выхода изъ общины. Для тѣхъ, кому община настолько въ тягость, что они готовы отказаться отъ своихъ правъ безъ всякаго вознагражденія, вопросъ рѣшается просто: имъ слѣдуетъ предоставить право выхода безъ всякихъ ограниченій [1]). Сомнѣніе могло бы возбуждать, единственно, предоставлять ли родителямъ право отказываться отъ участія въ общинѣ за малолѣтнихъ дѣтей, но разрѣшеніе этого вопроса уже выходитъ за предѣлы общиннаго права. Но такихъ лицъ, которыхъ принадлежность къ земельной общинѣ, освобожденной отъ ея теперешнихъ фискальныхъ и полицейскихъ функцій, будетъ настолько тяготить, что они готовы будутъ отказаться отъ своихъ правъ безъ вознагражденія, несомнѣнно будетъ не много. Въ настоящее время главнымъ мотивомъ выхода изъ общины служитъ желаніе освободиться отъ круговой поруки или намѣреніе перейти въ другое сословіе и освободиться отъ стѣсненій правъ личности, связанныхъ съ принадлежностью не къ земельной общинѣ, а къ сельскому обществу. Съ устраненіемъ совпаденія частно-правоваго земельнаго союза съ административной сословной единицей эти мотивы отпадутъ, и предоставленіе свободнаго выхода изъ общины безъ вознагражденія за утрачиваемое право принимать участіе въ пользованіи общинной землей, вопроса,

---

[1]) Лишь Нижегородскій у. комитетъ высказался за то, чтобы даже въ случаѣ отказа отъ вознагражденія (отъ земли?) выходъ былъ поставленъ въ зависимость отъ согласія половины голосовъ схода.

несомнѣнно, не разрѣшаетъ. Разъ община будетъ преобразована въ частно-правовой союзъ, то столь же несправедливо будетъ требовать безмезднаго отказа отъ своихъ правъ отъ лица, желающаго изъ нея выйти, какъ предписывать отказъ отъ своей доли лицу, желающему прекратить участіе въ промышленномъ предпріятіи. Можно было бы, конечно, надъ вопросомъ объ установленіи размѣровъ вознагражденія и не задумываться, предоставивъ дѣло добровольному соглашенію: на чемъ община и желающій выдѣла членъ ея сторгуются, то и хорошо. Но врядъ ли политика невмѣшательства можетъ быть признана въ данномъ случаѣ правильной: силы сторонъ слишкомъ неравны; если не установить законныхъ размѣровъ вознагражденія, на которые имѣетъ право выдѣляющійся общинникъ, то община, несомнѣнно, будетъ сильно прижимать стремящихся къ выдѣлу хозяевъ.

Вопросъ о вознагражденіи крестьянина, намѣревающагося выйти изъ общины, распадается на два: о формѣ и о размѣрахъ вознагражденія. Выходъ изъ общины можетъ сопровождаться выдѣломъ въ личное владѣніе участка земли тѣхъ или иныхъ размѣровъ, но можетъ также связываться лишь съ уплатой денежнаго вознагражденія. И та и другая форма имѣютъ своихъ сторонниковъ. За систему денежнаго выдѣла, оставляя въ сторонѣ вопросъ о принципіальной желательности сохранить общинное землевладѣніе неприкосновеннымъ, говоритъ то, что во многихъ случаяхъ выдѣляющемуся нѣтъ никакого интереса получить участокъ земли: онъ или вовсе предполагаетъ бросить земледѣліе или, чему при нашемъ малоземельѣ нельзя не сочувствовать, желаетъ выселиться въ болѣе свободныя мѣста и нуждается только въ средствахъ на дорогу и на обзаведеніе [1]). Между тѣмъ для

[1]) Уплату вознагражденія за оставляемый выселяющимся домохозяиномъ надѣлъ призналъ желательнымъ цѣлый рядъ комитетовъ: Ардашовскій, Витебскій губ., Горецкій, Городокскій, Дмитріевскій, Дриссенскій, Казанскій губ., Краснослободскій, Лепельскій, Могилевскій губ., Пензенскій губ., Полоцкій, Себежскій, Фатежскій, Щигровскій, Ядринскій. Надо, впрочемъ, замѣтить, что во многихъ случаяхъ—въ особенности въ Западномъ краѣ—пожеланія эти имѣютъ въ виду не столько реформу общиннаго строя, сколько измѣненіе законодательства о неотчуждаемости крестьянской земли.

общества въ нормальномъ случаѣ, опять таки въ силу нашего малоземелья, представляетъ значительный интересъ удержать землю за собой. Но съ другой стороны несомнѣнно возможны случаи, когда крестьянинъ потребуетъ выдѣла не для чего иного какъ для того, чтобы выйти изъ общиннаго союза, когда его единственнымъ мотивомъ будетъ желаніе прекратить этотъ видъ страхованія путемъ фиксированья разъ на всегда размѣровъ своего владѣнія, и обязательный отказъ отъ земли, хотя бы и съ уплатой денежнаго вознагражденія, будетъ сильно противорѣчить его интересамъ. Въ виду такого противорѣчія интересовъ затрогиваемыхъ законодательствомъ о выдѣлѣ лицъ, мнѣнія относительно мѣръ, которыя слѣдуетъ принять, въ комитетахъ сильно раздѣлились. Многіе стоятъ за то, чтобы вознагражденіе выходящему члену выдавалось въ денежной формѣ [1]): при этомъ Смоленскій губернскій комитетъ желаетъ предоставить обществу право выбора между выдѣломъ земли и уплатой денегъ, а Новоржевскій уѣздный комитетъ, предвидя, что могутъ встрѣтиться случаи, когда ни община, ни выдѣляющійся хозяинъ не захотятъ взять землю за себя, высказываетъ пожеланіе, чтобы въ такихъ условіяхъ выходящему члену было предоставлено право продавать землю на сторону. Но не меньшее число комитетовъ высказывается за то, чтобы выдѣлъ производился землей [2]).

Еще болѣе сложнымъ представляется вопросъ о размѣрахъ вознагражденія. Бо́льшая часть комитетовъ — почти всѣ, стоящіе за систему денежнаго вознагражденія, и добрая половина тѣхъ, которые стоятъ за выходъ съ землей—обошли его молчаніемъ, остальные же, за крайне не

---

[1]) За вознагражденіе въ денежной формѣ высказались комитеты: Боровичскій, Бузулукскій, Ветлужскій, Духовщинскій, Новомосковскій, Новоржевскій, Островскій, Свіяжскій, Смоленскій губернскій, Сквчевскій.

[2]) За выдѣлъ земли стоятъ комитеты Ардатовскій, Бѣльскій, Вольскій, Горбатовскій, Елисаветградскій (но съ тѣмъ, чтобы въ однихъ рукахъ не сосредоточивалось болѣе трехъ надѣловъ), Козловскій, Краснинскій, Курскій губ., Петергофскій, Псковскій уѣздный, Псковскій губернскій, Рославльскій, Спасскій (Казанской губерніи), Устюженскій, Чистопольскій, Ярославскій губернскій.

многочисленными исключеніями, не нашли лучшаго исхода какъ возстановленіе 165 статьи положенія о выкупѣ въ ея первоначальной редакціи [1]). Между тѣмъ, вопросъ этотъ имѣетъ, несомнѣнно, первостепенное значеніе, а статья 165 ни въ новой, ни, еще менѣе, въ старой редакціи не разрѣшаетъ его удовлетворительнымъ образомъ.

Статья 165 въ первоначальной редакціи разрѣшаетъ каждому желающему члену общины выходить изъ нея съ тѣмъ количествомъ земли, какимъ онъ владѣетъ въ данный моментъ, ограничивая свободу выхода лишь требованіемъ погасить остатокъ долга по выкупной операціи, лежащій на выдѣляемой землѣ. Условіе это, не стоящее ни въ какой связи съ общинными порядками, а навязанное страхомъ оказаться не въ состояніи собрать съ отдѣльныхъ крестьянъ, не связанныхъ круговой порукой, наложенныя на ихъ земли платежи, первое время являлось фактически почти непреодолимымъ препятствіемъ къ выходу изъ общины, такъ какъ желающему выдѣлиться приходилось за землю уплачивать часто болѣе того, что она стоила. Но по мѣрѣ того, какъ повышалась стоимость земли, а остающаяся сумма долга съ постепеннымъ погашеніемъ падала, выдѣлъ по статьѣ 165 началъ принимать замѣтные размѣры. Между тѣмъ ясно, что эта система выхода изъ общины противорѣчитъ самому существу общинной организаціи и неминуемо должна была бы привести въ концѣ концовъ къ полному распаденію общины. Въ самомъ дѣлѣ, основная задача передѣльной общины страховая: рас-

---

[1]) Размѣръ выдѣла считаютъ желательнымъ опредѣлять по статьѣ 165 комитеты: Ардатовскій, Витебскій губ., Владимірскій у., Горбатовскій (выдѣлъ въ размѣрѣ надѣла), Дмитріевскій, Козловскій, Корочанскій (съ сокращеніемъ надѣла на $^1/_3$, остающуюся въ общинномъ владѣніи, за что выдѣляющійся получаетъ право совмѣстнаго выпаса на общинныхъ земляхъ), Краснинскій, Кирскій у. (право выдѣляться съ тѣмъ количествомъ земли, за какое отбывались повинности по мірской раскладкѣ, въ годъ выдѣла), Курскій губ. (право требовать выдѣла всей части принадлежащаго домохозяину надѣла), Новооскольскій, Псковскій уѣздный, Устюженскій. Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что, ходатайствуя о возстановленіи 165 ст., нѣкоторые комитеты имѣли, несомнѣнно, въ виду не способъ опредѣленія размѣровъ выдѣла, а предоставлявшееся этой статьей выходящему общиннику право требовать отвода земли въ одномъ участкѣ.

предѣлять равномѣрно на всѣ семьи, входящія въ ея составъ, убыль надѣла отъ прироста населенія. Передѣлъ есть операція, соотвѣтствующая распредѣленію понесенныхъ за страховой періодъ убытковъ въ обществѣ взаимнаго страхованія. Предоставлять каждому члену земельной общины право выходить во всякое время изъ общины съ тѣмъ количествомъ земли, которое имѣется у него въ этотъ моментъ, совершенно равносильно разрѣшенію каждому члену страховаго отъ огня общества, основаннаго на взаимности и распредѣленіи убытковъ въ концѣ болѣе или менѣе долгаго періода времени, выходить, ничего не внося, въ любое время. Такое общество не можетъ существовать, такъ какъ оно не достигаетъ своей цѣли: ибо несомнѣнно, что къ концу расчетнаго періода всѣ не горѣвшіе за это время члены предпочтутъ уклониться отъ возмѣщенія убытковъ пострадавшихъ отъ пожара товарищей и выйдутъ изъ общества; тѣмъ же, которые имѣли бы право на возмѣщеніе потерь, оставалось бы только признать, что они обмануты въ своихъ ожиданіяхъ, и принять на себя расходы по управленію. Точно такъ же и въ земельной общинѣ право выхода по статьѣ 165 логически приводитъ къ тому, что къ моменту разсчета, къ передѣлу, всѣ семьи, приростъ которыхъ за истекшее съ прошлаго передѣла время былъ ниже средняго, и которымъ въ силу этого предстоитъ уступать землю, откажутся отъ соблюденія условія и выйдутъ изъ общины; въ общинѣ же останутся только тѣ семьи, приростъ которыхъ былъ значителенъ, и которыя, слѣдовательно, имѣли бы по существу общинныхъ отношеній право на увеличеніе надѣла. Воплощать идею страхованія въ подобную форму такъ же безсмысленно, какъ было бы напримѣръ ввести въ развитой вексельный уставъ дополнительное примѣчаніе, разрѣшающее должнику отказываться отъ платежа по векселю. Чѣмъ вводить въ общинное право статью 165, стоящую въ такомъ внутреннемъ противорѣчіи съ задачами общины, было бы уже цѣлесообразнѣе откровенно признать общину подлежащей уничтоженію и съ сегодня на завтра закрѣпить за всѣми семьями тѣ участки, которыми они владѣютъ [1]), какъ это и дѣлалось

[1]) Симбирскій губ. ком. Балаганскій ком., Витебскій у. (запретить передѣлы),

въ нѣкоторыхъ странахъ, напр. австрійскимъ правительствомъ въ Буковинѣ при крестьянской реформѣ. Если не смотря на 165 статью русская община продержалась до 1893 года, то это объясняется только тѣмъ, что выходъ былъ связанъ съ непосильнымъ для большей части крестьянства предварительнымъ погашеніемъ выкупнаго долга.

Въ защиту 165 статьи приводятъ иногда то соображеніе, что она будто бы вытекаетъ изъ существа выкупной операціи: было бы несправедливо, если бы семья, выплачивавшая въ теченіе долгихъ лѣтъ выкупъ за свою землю, затѣмъ по волѣ общества могла быть лишена оплаченнаго ея потомъ и кровью участка. Но, если признавать это несправедливымъ, нельзя было съ самаго начала предоставлять обществу право производить передѣлы. Соображеніе это имѣетъ силу лишь для времени до перваго передѣла. Послѣ же того, какъ выкупаемая земля была передѣлена хоть одинъ разъ, разрѣшеніе уходить изъ общины съ тѣмъ количествомъ земли, какое дворъ имѣетъ въ данный моментъ, теряетъ смыслъ даже съ этой точки зрѣнія: у двора, напр., пять душевыхъ надѣловъ, предстоящій передѣлъ грозитъ уменьшить число ихъ до трехъ, лишая дворъ двухъ надѣловъ за которые онъ въ теченіе нѣкотораго времени вносилъ выкупные платежи; но, вѣдь, возможно, что до перваго передѣла у этого двора было только два надѣла, а за остальные три ранѣе платилъ кто нибудь другой; за что же мы теперь этому двору, который не такъ давно получилъ оплаченные не имъ надѣлы, отдадимъ ихъ въ полную собственность?

Но если статья 165 въ первоначальной редакціи находится въ коренномъ противорѣчіи съ задачами общины и представляетъ изъ себя лишь неудачную форму уничтоженія общиннаго строя, то та же статья въ новой ея редакціи стоитъ

Дриссенскій (необходимо, чтобы признаніе за каждымъ фактическимъ домохозяиномъ права владѣнія находящеюся въ его пользованіи землею было утверждено законодательнымъ порядкомъ), Обоянскій (желательно, чтобы надѣльная земля, за исключеніемъ лѣса и выгоновъ, была раздѣлена по наличнымъ душамъ обоего пола и поступила въ подворно-наслѣдственное владѣніе) прямо и высказываются въ пользу такого рѣшительнаго уничтоженія общины.

во внутреннемъ противорѣчіи сама съ собою. По редакціи 1893 г. выходъ изъ общества разрѣшается съ тѣмъ количествомъ земли, какимъ хозяинъ владѣетъ въ данный моментъ, но не иначе какъ съ согласія общины. Этимъ дополнительнымъ условіемъ опасность статьи 165 для общины несомнѣнно устраняется; благодаря нему община въ состояніи не допустить желающаго выдѣлиться члена уйти, не разсчитываясь, въ минуту расплаты; она всегда можетъ заставить его разсчитаться, отказывая въ согласіи на выходъ. Но за то это дополненіе устраняетъ въ сущности самое право требовать опредѣленнаго выдѣла. Какой смыслъ указывать размѣръ вознагражденія, на которое имѣетъ право одинъ контрагентъ, если въ то же время предоставляется другому право, отказываться отъ сдѣлки на этихъ условіяхъ. Въ этомъ не больше смысла, чѣмъ въ установленіи таксы для извощиковъ съ предоставленіемъ извощику, даже если онъ не занятъ, права не ѣхать по таксѣ: все сведется неминуемо къ тому, что стороны начнутъ торговаться, и дѣйствительные размѣры вознагражденія будутъ опредѣляться, выражаясь обще, спросомъ и предложеніемъ. Весь смыслъ статьи 165 въ томъ, чтобы установить субъективное право каждаго члена общины на выдѣлъ извѣстнаго размѣра, и ставить выходъ въ зависимость отъ согласія общества, опредѣляя въ то же время точно размѣры выдѣла, есть и contradictio in adjecto и отказъ отъ намѣченной цѣли.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ двумъ постулатамъ, которымъ должна удовлетворять будущая редакція статьи 165: выходъ изъ общины долженъ быть или вполнѣ свободнымъ или въ случаѣ, если извѣстныя ограниченія будутъ признаны необходимыми, подвергаться стѣсненіямъ, въ законѣ точно намѣченнымъ, а отнюдь не стоять въ зависимости отъ согласія общества; размѣры выдѣла не могутъ быть опредѣляемы исключительно на основаніи того, что принадлежитъ выходящему члену общины въ моментъ заявленія требованія о выходѣ. Но какъ же опредѣлять размѣры выдѣла? На первый взглядъ, всего лучше отвѣчалъ бы задачамъ общинной организаціи такой исходъ: такъ какъ пере-

дѣльная община представляетъ изъ себя особую форму взаимнаго страхованія съ періодической разверсткой убытковъ за истекшій періодъ, то и пріурочить выходъ изъ общины къ моментамъ расплаты, къ передѣламъ; другими словами, предоставить всѣмъ членамъ общины право выходить изъ нея сейчасъ же послѣ передѣла съ тѣмъ количествомъ земли, которое они при передѣлѣ получили, или съ соотвѣтственнымъ денежнымъ вознагражденіемъ, если будетъ принята система денежнаго выдѣла. Этотъ способъ ликвидаціи не стоялъ бы въ противорѣчіи съ задачами общины и обращалъ бы ее въ совершенно добровольный страховой союзъ того же типа, какъ взаимныя страховыя общества отъ падежа скота или отъ огня. Но противъ этого рѣшенія можно возразить, что періоды между передѣлами очень различны, во многихъ общинахъ чрезвычайно длинны, что было бы въ силу этого весьма желательно предоставить возможность выходить изъ общины и въ промежуткахъ между ними. Размѣры выдѣла можно было бы опредѣлять на тѣхъ же основаніяхъ, т. е. надѣлять выходящаго члена тѣмъ количествомъ земли, которое онъ получилъ бы, если бы въ данный моментъ былъ произведенъ передѣлъ. Но это предложеніе встрѣчаетъ затрудненіе въ томъ, что наша община не связана опредѣленной системой разверстки; она имѣетъ право мѣнять самыя основанія, на которыхъ земля распредѣляется; сегодня она дѣлитъ по рабочимъ, завтра на наличныя души мужскаго пола, потомъ переходитъ къ разверсткѣ на наличныя души обоего пола. Стѣснять въ этомъ отношеніи ея свободу было бы врядъ ли желательно и трудно исполнимо, тѣмъ болѣе, что разнообразіе примѣняемыхъ въ настоящее время системъ чрезвычайно велико; правда, кое гдѣ можно подмѣтить эволюцію въ направленіи къ разверсткѣ на наличныя души обоего пола, но было бы преждевременно обобщать эти наблюденія и только компрометировало бы принципъ, если бы сдѣлать его для всѣхъ обязательнымъ. Если же предоставить отдѣльнымъ членамъ право требовать выдѣла на основаніяхъ старой системы разверстки, то право общины мѣнять основанія разверстки обратится въ иллюзію, такъ какъ вся-

кій, кому новая система будетъ невыгодна, будетъ въ состояніи аннуллировать рѣшеніе большинства, потребовавъ выдѣла. Возраженію же, что перемѣна основанія разверстки въ сущности представляетъ изъ себя измѣненіе самаго существа страховаго отношенія, и что надо гарантировать право отдѣльныхъ лицъ, согласившихся принять участіе въ одномъ видѣ общества, отказываться отъ участія въ измѣненномъ, врядъ ли можно придавать большій вѣсъ, чѣмъ аналогичному требованію воспретить акціонернымъ обществамъ расширять и сокращать предпріятіе большинствомъ голосовъ.

Наиболѣе практичнымъ исходомъ было бы, быть можетъ, разрѣшить каждому члену общины требовать выдѣла во всякое время, общинѣ же предоставить выбирать по собственному усмотрѣнію принципъ, на основаніи котораго должны быть опредѣлены размѣры выдѣла, но подъ условіемъ, чтобы, если будетъ избранъ новый принципъ, а не тотъ, который примѣнялся при предшествующемъ передѣлѣ, ближайшій передѣлъ былъ произведенъ дѣйствительно на новыхъ основаніяхъ. Этимъ достигались бы двѣ цѣли: съ одной стороны, право мѣнять основанія разверстки оставалось бы за общиной, такъ какъ хозяину, который, видя, что община склоняется къ маловыгодной для него системѣ, вздумалъ бы накануне передѣла потребовать выдѣла, община могла бы установить вознагражденіе уже по новой системѣ: съ другой же стороны, и выдѣляющійся хозяинъ былъ бы обезпеченъ отъ прижимокъ, такъ какъ трудно думать, чтобы изъ за незначительнаго выигрыша община стала связывать себя обязательствомъ передѣлять землю и между остающимися членами на не коренящихся въ условіяхъ жизни основаніяхъ. Такой способъ ликвидаціи отношеній между желающими выдѣлиться общинниками и общиной налагалъ бы, на мой взглядъ, всего менѣе стѣсненій на отдѣльныхъ членовъ общины и въ то же время сводилъ бы къ минимуму объемъ давленія на общество.

Вопросъ объ опредѣленіи размѣровъ выдѣла поднимался, какъ отмѣчено выше, только въ комитетахъ, которые стоятъ за выходъ изъ общины съ землей. Тѣ, которые предпочитаютъ

систему денежнаго вознагражденія, не сочли нужнымъ останавливаться на немъ спеціально, и лишь немногіе изъ нихъ затронули его попутно при обсужденіи вопроса о желательности оказать денежную поддержку переселенцамъ. Комитеты Ардатовскій и Полоцкій высказались при этомъ за выдачу вознагражденія въ размѣрѣ внесенныхъ выселяющимся домохозяиномъ выкупныхъ платежей. Щигровскій комитетъ предлагалъ признать сумму внесенныхъ выкупныхъ платежей низшимъ предѣломъ вознагражденія; къ той же мысли склонялся Новооскольскій комитетъ, но оставилъ ее, въ виду оппозиціи со стороны членовъ изъ крестьянъ. Казанскій губернскій комитетъ стоитъ за вознагражденіе по дѣйствительной стоимости оставляемаго надѣла. Дмитріевскій комитетъ предлагаетъ, чтобы размѣры вознагражденія опредѣлялись уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Городокскій комитетъ ограничивается пожеланіемъ, чтобы была для каждой мѣстности установлена опредѣленная норма вознагражденія. Между тѣмъ ясно, что вопросъ этотъ по существу одинъ и тотъ же въ обоихъ случаяхъ, что соображенія, которыя заставляютъ отдать предпочтеніе той или иной формѣ выдѣла, ничего не имѣетъ общаго съ основаніями, на которыя опирается опредѣленіе размѣровъ вознагражденія. Различія въ техникѣ выдѣла начинаются уже послѣ того, какъ будетъ установлено, какая часть общаго имущества приходится на долю выходящаго.

При денежномъ выкупѣ—безразлично, будетъ ли эта система признана основной или ей выпадетъ болѣе скромная роль замѣщать выдѣлъ земельныхъ участковъ въ случаѣ, если онъ почему либо оказывается неосуществимымъ—вся техническая сторона сводится къ оцѣнкѣ земли. Но вопросъ этотъ не поднимался въ комитетахъ, и я не стану развивать собственныхъ соображеній по его поводу. Замѣчу только, что непогашенная часть долга по выкупной операціи должна, конечно, вычитаться изъ капитальной стоимости доли выходящаго члена, такъ какъ обязательство доплачивать выкупные платежи остается лежать на общинѣ, удерживающей землю. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ высказывалось пожеланіе, чтобы

для облегченія выплаты денежнаго выкупа общинѣ на помощь приходилъ крестьянскій банкъ.

Больше вниманія привлекъ къ себѣ вопросъ, какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда выдѣлъ долженъ быть произведенъ землей. Въ виду той связи, которая устанавливается ст. 165 между выдѣломъ и погашеніемъ выкупныхъ платежей, естественно прежде всего возникаетъ вопросъ, какъ въ этомъ случаѣ поступать съ выкупными платежами. Несомнѣнно, что въ настоящее время, съ отмѣной круговой поруки, нѣтъ болѣе основаній ставить выдѣлъ въ зависимость отъ внесенія за выдѣляемую землю недоплаченнаго еще долга по выкупной операціи. Выкупные платежи могутъ быть свободно переводимы на выдѣляемый участокъ въ той долѣ общей суммы непогашеннаго еще долга общины, какая соотвѣтствуетъ его размѣрамъ. Если же признавать почему либо подобный переводъ долга неудобнымъ и для возможно скорой ликвидаціи выкупной операціи требовать непремѣнно взноса выкупнаго платежа, то нельзя не присоединиться къ высказывавшемуся въ комитетахъ пожеланію, чтобы на помощь выдѣляющимся пришелъ крестьянскій банкъ.

Дальнѣйшій вопросъ: какъ поступать съ землей выдѣляющагося члена общины? Есть два способа: можно порвать окончательно всякую связь съ прежними товарищами по общинѣ и выдѣлить въ одной межѣ совершенно свободный отъ всякихъ общинныхъ стѣсненій участокъ. Съ другой стороны, можно ограничиться тѣмъ, что путемъ фиксаціи размѣровъ владѣнія будетъ порвана связь съ передѣльной общиной, во всѣхъ же иныхъ отношеніяхъ кромѣ передѣла выдѣленный хозяинъ будетъ продолжать входить въ общину такъ, какъ входилъ ранѣе: участки его будутъ лежать черезполосно съ остальными, будутъ вмѣстѣ съ ними подвергаться переверсткамъ, будутъ стоять подъ дѣйствіемъ принудительнаго сѣвооборота; община только не будетъ болѣе имѣть права отбирать у него землю, не замѣняя взятыхъ участковъ иными, равноцѣнными. Въ комитетахъ большинство лицъ, высказывавшихся за выходъ съ землей, принадлежало къ сторонникамъ хуторскаго хозяйства и стояло за

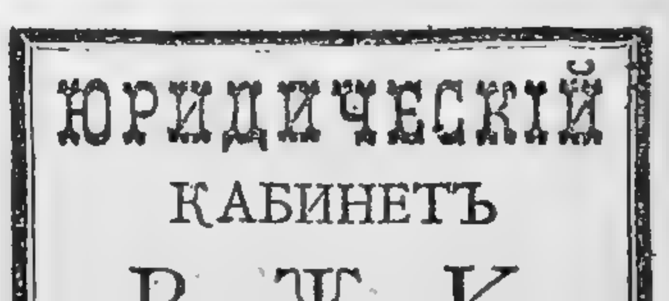
первую систему: если порывать съ общиной, такъ ужъ на чисто; другого исхода, посредствующихъ формъ послѣдовательные противники общины не допускаютъ. Между тѣмъ крестьянство наше, какъ показываетъ практика примѣненія статьи 165, въ большинствѣ случаевъ останавливается на второмъ способѣ, и я полагаю, что, въ виду выясненныхъ выше хозяйственныхъ функцій переверстокъ и принудительнаго сѣвооборота, нѣтъ никакихъ основаній стѣснять въ этомъ отношеніи его свободу, тѣмъ болѣе, что необходимость возложить на желающаго выдѣлиться расходы по вымежеванію его участка служила бы сильнымъ тормазомъ выхода [1]). Возлагать же эти расходы на остающихся въ общинѣ крестьянъ было бы явной несправедливостью и совершенно непосильнымъ бременемъ, такъ какъ при свободѣ выхода требованія размежеванія могли бы повторяться чуть не каждый годъ. Наиболѣе практичнымъ исходомъ здѣсь могло бы служить, какъ это и предлагается нѣкоторыми комитетами, предоставленіе лицамъ, желающимъ получить участокъ въ одной межѣ, права требовать этого при предпринимаемыхъ самой общиной переверсткахъ; право это могло бы распространяться и на хозяевъ, не выходящихъ изъ общины [2]).

---

[1]) Вольскій у. ком. предлагаетъ для облеченія вымежеванія хуторскихъ участковъ обязать всѣ общества имѣть заблаговременно составленную вѣдомость земель съ раздѣленіемъ ихъ по достоинству на районы и предоставить выдѣляющимся общинникамъ право выбирать себѣ по этой вѣдомости надѣлъ въ одномъ кускѣ по своему усмотрѣнію. Выдѣляющагося хозяина этотъ проектъ, безспорно, устраиваетъ хорошо, но онъ совершенно не считается съ интересами остальныхъ общинниковъ, которымъ вѣдь послѣ каждаго подобнаго выдѣла пришлось бы производить переверстку для отвода земли тѣмъ изъ дворовъ, на чьи полосы палъ выборъ уходящаго изъ общины сочлена.

Сходное, но не столь далеко идущее требованіе выставляетъ Симбирскій у. ком., предлагающій разрѣшить извѣстному меньшинству выселяться, выбирая себѣ землю по заблаговременно составленной табели. Медынскій у. комитетъ останавливается на иномъ рѣшеніи вопроса: онъ предлагаетъ обязать крестьянъ держать извѣстную часть надѣльной земли въ запасѣ нераспредѣленной между отдѣльными дворами для выдѣла изъ нея отрубныхъ участковъ домохозяевамъ, желающимъ выселиться изъ деревни.

[2]) Елецкій у. ком.; Корочанскій у. ком.; Симбирскій у. ком.; Симбирскій губ. ком.; Шадринскій у. ком.

Если же признать эту мѣру слишкомъ слабой въ виду того обстоятельства, что переверстки мѣстами производятся нечасто, то, чтобы оградить интересы большинства, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, ограничиться представленіемъ права требовать отвода отрубнаго участка болѣе или менѣе значительнымъ группамъ домохозяевъ, а не давать его отдѣльнымъ лицамъ [1]).

Въ нѣкоторыхъ комитетахъ, сверхъ пожеланія обезпечить отдѣльнымъ общинникамъ право выхода изъ общины, высказывалось также требованіе облегчить переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному цѣлымъ общинамъ. Въ настоящее время для такого перехода требуется согласіе двухъ третей членовъ общины; предлагалось понизить число голосовъ до простого большинства [2]). Никакихъ спеціальныхъ мотивовъ, кромѣ общаго нерасположенія къ общинному строю, въ пользу этого предложенія не приводилось. На мой взглядъ, въ предположеніи, что каждый хозяинъ въ отдѣльности получитъ право безпрепятственнаго выдѣла изъ общины, нѣтъ никакихъ основаній предоставлять большинству общинниковъ право принуждать къ оставленію общинныхъ порядковъ сочувствующее имъ меньшинство. Если двѣ трети хозяевъ могутъ безвозбранно осуществить свое намѣреніе выйти изъ общины, не задѣвая остальныхъ, то къ чему давать имъ право навязывать другимъ свое отношеніе къ общинѣ. Предоставленіе права большинствомъ голосовъ ликвидировать общинные порядки имѣло бы смыслъ единственно въ предположеніи, что закономъ будетъ воспрещенъ выдѣлъ земли. Но въ такую форму регламентація выдѣла врядъ ли облечется; даже

---

[1]) Ср. мнѣнія комитетовъ Дмитровскаго, Дриссенскаго, Калужскаго губ., Керенскаго, Корочанскаго, Краснослободскаго, Курскаго губ., Курскаго у., Люцинскаго, Нижне-Ломовскаго, Острогожскаго, Пензенскаго.

[2]) Поставить переходъ къ подворному владѣнію въ зависимость отъ простого большинства голосовъ желаютъ комитеты Ардатовскій, Изюмскій, Купянскій, Новгородскій губернскій (предоставить право свободнаго выбора), Петергофскій, Псковскій губернскій, С.-Петербургскій губернскій, Семеновскій, Смоленскій губернскій, Устюженскій (свобода выбора), Харьковскій уѣздный, Царскосельскій (съ непремѣннымъ условіемъ закрытой баллотировки шарами), Ямбургскій.

сторонники системы денежныхъ вознагражденій требуютъ лишь предоставленія общинѣ выбора между выдѣломъ земли и уплатой денегъ [1]), а разъ выборъ будетъ зависѣть отъ воли общины, то, при желаніи большинства выдѣлиться съ землей, ничто не будетъ препятствовать осуществленію такого намѣренія. Въ общемъ, порядокъ перехода цѣлыми общинами къ подворному владѣнію, если и нуждается въ измѣненіяхъ, то развѣ лишь въ смыслѣ замѣны большинства двухъ третей тѣмъ же единогласнымъ рѣшеніемъ, которое требуется въ настоящее время для обратнаго перехода отъ подворнаго владѣнія къ общинѣ.

Свое отношеніе къ вопросу о выходѣ изъ общины многіе облекаютъ въ форму требованія той или иной юридической квалификаціи общиннаго строя. Тѣ, кто стоитъ за выходъ съ землей, желаютъ, чтобы общинное землевладѣніе было признано общимъ владѣніемъ и тѣмъ было гарантировано каждому совладѣльцу право требовать въ обычномъ порядкѣ выдѣла принадлежащей ему доли общаго имущества. Напротивъ, сторонники системы денежныхъ вознагражденій требуютъ, чтобы община была признана юридическимъ лицомъ, а общинная земля собственностью этого юридическаго лица. Къ этимъ попыткамъ привнесенія юридическихъ категорій, поскольку онѣ прикрываются флагомъ выясненія существующихъ правоотношеній, надо относиться съ большой осторожностью. Подведеніе бытоваго института подъ юридическое понятіе—если оно не имѣетъ чисто теоретическаго интереса—преслѣдуетъ цѣль дать твердый базисъ для рѣшенія возникающихъ между заинтересованными сторонами конфликтовъ. Но рѣшеніе спора путемъ логической дедукціи изъ теоретическихъ концепцій допустимо лишь въ предположеніи, что эти юридическія представленія болѣе или менѣе отчетливо сознаются сторонами и стороны на нихъ дѣйствительно опи-

[1]) Впрочемъ за полное воспрещеніе выдѣла земли высказалось меньшинство въ Сычевскомъ у. ком., а Нижегородскій у. ком., высказываясь за облегченіе выхода путемъ пониженія требующагося большинста $^2/_3$ голосовъ до половины, дѣлаетъ оговорку, что земля выходящаго члена должна оставаться въ распоряженіи общины.

раются при своихъ расчетахъ. Иначе роль суда сводится не къ защитѣ существующихъ субъективныхъ правъ, а къ насильственному внесенію въ народную среду новыхъ юридическихъ представленій; примѣровъ подобной ломки правовыхъ отношеній дѣятельностью суда извѣстно изъ исторіи права не мало. Но русское законодательство объ общинѣ настолько исполнено противорѣчій, а съ другой стороны, если бы даже эти противорѣчія поддавались примиренію, дѣйствительная жизнь нерѣдко такъ уклоняется отъ писанаго закона—напомню хотя бы, что усадебную землю, которая принадлежитъ по закону отдѣльнымъ семьямъ на правахъ потомственнаго владѣнія община мѣстами передѣляетъ наравнѣ съ полевой—что всякая попытка резюмировать дѣйствующее право въ одной юридической формулѣ обречена на вѣрный неуспѣхъ: найденная формула будетъ не отраженіемъ дѣйствительности во всемъ ея фактическомъ разнообразіи, а лишь выраженіемъ симпатій и антипатій того, кто ее установляетъ. Съ этой точки зрѣнія, не какъ къ попыткамъ кодифицировать существующее право, а какъ къ пожеланіямъ de lege ferenda, и надо относиться къ предлагаемымъ юридическимъ квалификаціямъ русской общины. Вопросъ ставится, слѣдовательно, не такъ, носитъ ли русская община по дѣйствующему законодательству или по тому, какъ отношенія складываются въ жизни, характеръ общаго владѣнія или нѣтъ—на этотъ вопросъ не можетъ быть дано опредѣленнаго отвѣта,—а желаемъ ли мы, хотя бы цѣной ломки существующихъ правоотношеній, привести ее къ этому виду.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ постановки вопроса мѣняются и способы рѣшенія. Отвѣтъ уже не можетъ быть полученъ путемъ анализа параграфовъ закона; онъ можетъ быть найденъ лишь послѣ того, какъ будутъ формулированы пожеланія относительно реорганизаціи общиннаго строя, путемъ подведенія ихъ подъ опредѣленную юридическую категорію. При этомъ нужно только остерегаться, чтобы содержаніе юридической категоріи, на которой мы останавливаемся, не оказалось богаче того, что собственно заключается въ нашихъ требованіяхъ, такъ какъ это могло бы повести на практикѣ къ слѣдствіямъ, къ которымъ мы вовсе не стремимся.

Вопросъ объ юридическомъ опредѣленіи русскаго общиннаго строя теряетъ такимъ образомъ самостоятельный интересъ, юридическая характеристика представляетъ изъ себя лишь резюме спора и должна логически вытекать изъ тѣхъ рѣшеній относительно задачъ государственной политики, къ которымъ насъ приводитъ анализъ доводовъ въ пользу и противъ общины. Естественно, вмѣстѣ съ тѣмъ, что по вопросу объ юридической природѣ русской общины не можетъ установиться единомыслія, пока не воцарится согласія во взглядахъ на значеніе общины въ русской жизни и на цѣли, которыя должно поставлять себѣ по отношенію къ ней законодательство.

Въ связи съ вопросомъ о выходѣ изъ общины возникаетъ вопросъ о пріемѣ въ общину новыхъ членовъ. Вопросъ этотъ распадается на два: о правѣ общины отказывать въ пріемѣ обитателямъ селенія, желающимъ войти въ нее, и о правѣ общины понуждать тѣхъ, кто не желаетъ быть ея членомъ.

На первомъ вопросѣ во всемъ его объемѣ комитеты почти не останавливались. Если онъ и затрогивался, то преимущественно вскользь при обсужденіи желательности измѣненій въ крестьянскомъ законодательствѣ, имѣющихъ лишь косвенное отношеніе къ пріему новыхъ членовъ въ общину, или же въ весьма съуженныхъ рамкахъ. Напримѣръ, въ Опочецкомъ уѣздномъ комитетѣ было сдѣлано указаніе на ненормальность положенія, при которомъ мальчикъ, усыновляемый членомъ общины безъ согласія общины, получаетъ право требовать надѣла, и комитетъ высказался за то, чтобы лица, усыновляемые безъ формальнаго согласія общины, не имѣли права на надѣлъ. Между тѣмъ вопросъ этотъ имѣетъ весьма важное принципіальное значеніе. Имѣетъ ли право всякій, кто живетъ въ деревнѣ, требовать пріема въ члены общины на опредѣленныхъ условіяхъ или пріемъ долженъ быть всецѣло предоставленъ усмотрѣнію самой общины? Въ послѣднемъ случаѣ мы признаемъ за общиной характеръ исключительно частно-правоваго союза, а общинную землю будемъ разсматривать какъ достояніе кружка лицъ, входящихъ въ общину въ данный моментъ, подобно тому какъ

это было сдѣлано во многихъ случаяхъ въ Швейцаріи, гдѣ старыя общинныя земли поступили во владѣніе издавна живущихъ въ общинѣ семей и ихъ потомства, а вновь поселяющіяся лица были лишены права пользованія ими. Въ первомъ случаѣ, напротивъ, возлагая на общину извѣстныя обязательства по отношенію ко всѣмъ обывателямъ селенія, мы признаемъ за ней значеніе публично-правоваго института, какъ это было сдѣлано въ южной Германіи. Къ сожалѣнію, вполнѣ яснаго отвѣта на эти вопросы мы не находимъ въ работахъ комитетовъ. Но изъ общей тенденціи придать общинѣ характеръ частно-правового отношенія можно сдѣлать выводъ, что считается желательнымъ оставить за общиной право отказывать въ пріемѣ обитателямъ деревни, къ ней непринадлежащимъ, но стремящимся войти въ нее. Дальнѣйшій выводъ изъ этого будетъ, что условія пріема въ случаѣ, если община соглашается принять новаго члена, должны устанавливаться по свободному соглашенію, и что отдѣльнымъ общинникамъ, которымъ предполагается предоставить право выхода изъ общины, не должно быть предоставляемо право переуступать свои права членства безъ согласія общины стороннимъ лицамъ.

Вопросу о правѣ понуждать къ вступленію въ общину посчастливилось болѣе. Въ нѣсколькихъ комитетахъ высказывалось желаніе облегчить переходъ къ общинѣ и предлагалось поставить его въ зависимость отъ того же большинства голосовъ, отъ какого въ настоящее время зависитъ оставленіе общинныхъ порядковъ [1]). Къ сожалѣнію, остается невыясненнымъ, что слѣдуетъ при этомъ разумѣть подъ переходомъ къ общинѣ. Если введеніе передѣловъ тамъ, гдѣ до сихъ поръ большинство не имѣло на то права, то такое требованіе стояло бы въ противорѣчіи съ желаніемъ обезпечить право выдѣла за членами существующихъ передѣльныхъ общинъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ принуждать рѣшеніемъ

[1]) Ардатовскій у. ком. высказывается даже за то, чтобы переходъ къ общинѣ, равно какъ, впрочемъ, и переходъ къ подворному владѣнію, зависѣлъ отъ простаго большинства голосовъ.

большинства нежелающихъ, если они могутъ немедленно потребовать выдѣла изъ вновь образовавшейся общины? Что касается права переверстки, то, какъ разъяснено выше, безъ признанія его не обойтись тамъ, гдѣ предполагается борьба противъ чрезполосицы (см. выше, Вѣстникъ Права, № 2, стр. 56), но реформа эта и должна быть проведена въ связи съ законодательствомъ о размежеваніи. Наконецъ, подчиненіе отдѣльныхъ хозяевъ волѣ большинства по отношенію къ пользованію участками имѣетъ значеніе только для тѣхъ мѣстностей, гдѣ въ настоящее время существуетъ фактическій принудительный сѣвооборотъ; здѣсь, безспорно, предоставленіе обществу права большинствомъ голосовъ измѣнять систему хозяйства было бы крупнымъ шагомъ впередъ. При этомъ необходимо было бы только принять мѣры для обезпеченія безземельныхъ хозяевъ, которые при перемѣнѣ легко могутъ лишиться столь для нихъ существеннаго въ настоящее время права совмѣстнаго выпаса, какъ это произошло во многихъ мѣстностяхъ Германіи [1]).

Но если такимъ образомъ и не видится надобности въ законодательномъ понужденіи низшихъ общинныхъ формъ къ переходу къ высшимъ, то нельзя не признать, что чувствуется настоятельнѣйшая потребность въ законодательномъ признаніи самаго факта существованія низшихъ формъ общиннаго землевладѣнія. Положеніе о крестьянахъ знаетъ только передѣльную общину и подворное владѣніе, причемъ содержаніе послѣдняго понятія остается весьма туманнымъ. Существованія столь распространенной въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи общины долеваго типа съ переверстками и принудительнымъ сѣвооборотомъ, но безъ передѣловъ, оно не признаетъ. Многочисленныя общины среднечерноземной полосы, владѣющія землей на такъ называемомъ четвертномъ правѣ, живутъ въ настоящее время внѣ закона. Нельзя не присоединиться къ пожеланію Епифанскаго уѣзднаго коми-

[1]) Вопросъ объ измѣненіи системы „общихъ смѣнъ" обстоятельно разобранъ въ запискѣ, представленной М. И. Туганъ-Барановскимъ въ Лохвицкій уѣздный комитетъ.

тета, чтобы этотъ пробѣлъ законодательства былъ возможно скорѣе заполненъ [1]).

Полную аналогію съ вопросомъ о выходѣ отдѣльныхъ членовъ изъ общины представляетъ вопросъ о правѣ выдѣла цѣлыхъ селеній изъ состава сложныхъ многоселенныхъ общинъ [2]). Многоселенный механизмъ оказывается въ большинствѣ случаевъ настолько тяжеловѣснымъ, что даже среди сторонниковъ общиннаго начала встрѣчаются лица, сочувствующія распаденію сложныхъ общинъ. Но съ другой стороны, страховое начало, лежащее въ основѣ идеи передѣла, плохо мирится съ слишкомъ ограниченнымъ полемъ примѣненія; во всѣхъ страховыхъ предпріятіяхъ мы встрѣчаемъ тенденцію расширять по возможности сферу дѣятельности и обезпечивать себя отъ слишкомъ крупныхъ рисковъ путемъ перестраховокъ. Сложная община представляетъ изъ себя, въ сущности, не что иное какъ примѣненную къ задачамъ передѣльной общины систему перестраховокъ, и я бы считалъ, что уничтожать ее или хотя бы полагать ей путемъ государственнаго вмѣшательства значительныя препятствія нѣтъ причинъ, тѣмъ болѣе, что иногда сложнымъ общинамъ удается функціонировать довольно правильно, какъ тому есть примѣры изъ сѣверной Россіи и изъ Сибири. Но нѣтъ никакихъ основаній и противиться ихъ распаденію болѣе, нежели распаденію односеленной общины. Въ силу этого наиболѣе правильнымъ представлялось бы дать селеніямъ, входящимъ въ составъ сложной общины, право выходить изъ нея на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ отдѣльные члены выходятъ изъ простыхъ общинъ, именно, съ тѣмъ количествомъ земли,

---

[1]) Ср. заключенія комитетовъ Корочанскаго, Курскаго губ., Курскаго у., Обоянскаго. Витебскій губ. комитетъ поднимаетъ аналогичный вопросъ относительно земель, пріобрѣтаемыхъ товариществами, и высказывается за то, чтобы предоставить лицамъ, участвующимъ въ товарищеской покупкѣ, право производить, для устраненія черезполосицы, переверстки по большинству ²/₃ голосовъ (считая по землѣ).

[2]) Елецкій у. ком.; крестьяне въ Костромскомъ у. комитетѣ; Шадринскій у. ком.; Екатеринбургскій у. ком.; Клинскій у. ком.; Козьмодемьянско-Чебоксарскій у. ком.; Красноуфимскій у. ком.; Кунгурскій у. ком.; Острогожскій у. ком.; Пермскій губ. ком.; Свіяжскій у. ком.; Чистопольскій у. ком.

какое причиталось бы имъ получить въ случаѣ повторенія передѣла. Самый раздѣлъ сложныхъ обществъ можно было бы безъ всякихъ затрудненій пріурочить ко времени общаго передѣла.

Обращаясь къ болѣе мелкимъ измѣненіямъ въ общинномъ строѣ, о которыхъ шла рѣчь въ комитетахъ, остановимся прежде всего на преобразованіи системы управленія. Довольно единодушно признавалось, что современная система, при которой для законности постановленій общины по наиболѣе важнымъ вопросамъ текущей жизни—о передѣлѣ, о переверсткѣ—требуется согласіе большинства двухъ третей хозяевъ, имѣющихъ право голоса, а право голоса принадлежитъ главамъ всѣхъ семей, входящихъ въ составъ общины, независимо отъ того, живутъ ли они въ селеніи или нѣтъ, ведутъ ли свое хозяйство или забросили его, представляетъ значительныя неудобства. Въ настоящее время крестьянство настолько уже дифференцировано, извѣстная, мѣстами довольно значительная, доля общинниковъ настолько потеряла соприкосновеніе съ интересами общины, а временами и живетъ такъ далеко, не поддерживая съ роднымъ селеніемъ почти никакихъ сношеній, что бываетъ крайне затруднительно добиться не то что согласія двухъ третей хозяевъ на какое нибудь дѣйствіе, а хотя бы присутствія ихъ на сходѣ. Въ Опочецкомъ уѣздномъ комитетѣ баронъ Розенъ приводилъ примѣры, какъ сторонники передѣла для того, чтобы получить голоса отсутствующихъ членовъ, отправлялись за ними на поиски, послѣ долгихъ хлопотъ добывали отъ нихъ довѣренности, а затѣмъ по ихъ слѣдамъ пускались въ путь противники передѣла и покупали у тѣхъ же отсутствующихъ членовъ новыя довѣренности; какъ тратилась, такимъ образомъ, масса силъ на привлеченіе къ фиктивному участію въ дѣлахъ общины лицъ, общиной совершенно не интересующихся. Относительно же того, что не представляется возможнымъ собирать на сходъ двѣ трети домохозяевъ, жалобы идутъ почти отовсюду, въ особенности изъ мѣстностей съ очень крупными селеніями. Проектовъ улучшенія предлагалось нѣсколько: наиболѣе простымъ представляется на первый взглядъ, понизить требуемое

число голосовъ съ ²/₃ до простаго большинства [1]), но можно опасаться, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ сильно развитымъ отходомъ на долгіе сроки будетъ нелегко собирать и такое число хозяевъ на сходъ. Въ виду этого предлагается ограничить кругъ общинниковъ, имѣющихъ право голоса, семьями, живущими въ деревнѣ или даже только семьями, фактически ведущими хозяйство на надѣльной землѣ [2]). Послѣднее предложеніе идетъ, несомнѣнно, слишкомъ далеко, въ особенности въ примѣненіи къ передѣламъ: осуществленіе передѣла интересуетъ безхозяйнаго члена общины не менѣе, нежели ведущаго хозяйство, такъ какъ онъ можетъ разсчитывать какъ разъ съ передѣломъ стать на ноги и приняться за земледѣліе. Что же касается отсутствующихъ членовъ общины, то лишеніе ихъ права голоса въ случаѣ, если они не озаботятся своевременно правильной передачей его кому нибудь изъ односельчанъ, врядъ ли можетъ встрѣтить возраженія. Не нанося никому ущерба, такъ какъ интересующіеся дѣлами общины, но живущіе на сторонѣ хозяева, могли бы продолжать слѣдить за ними и въ случаѣ надобности или являться лично или передавать голосъ, такое измѣненіе счета голосовъ значительно облегчало бы общинное управленіе.

Въ селеніяхъ очень многодворныхъ, встрѣчающихся напримѣръ у насъ на югѣ, дѣйствія общины затрудняются необходимостью обсуждать всѣ вопросы на общихъ сходахъ, крайне многолюдныхъ, шумныхъ и мало способныхъ входить въ разсмотрѣніе дѣла по существу. Въ виду этого въ нѣкоторыхъ комитетахъ высказывалось пожеланіе замѣнить общіе сходы совѣщаніями уполномоченныхъ, выбираемыхъ по одному отъ 10,20 дворовъ [3]). Не отрицая цѣлесообразности

---

1) Дмитріевскій у. ком.; Купянскій у. ком.; Курскій у. ком.; Курскій губ. ком.; Новооскольскій у. ком.; Сергачскій у. ком.; Тарусскій у. ком.; для постановленій о разселеніи—также комитеты Дриссенскій, Калужскій, Корочанскій, Люцинскій, Острогожскій, Пензенскій.

2) Епифанскій у. ком.; Опочецкій у. ком.

3) Кромѣ отдѣльныхъ лицъ въ разныхъ комитетахъ, Корочанскій у. ком.; Курскій губ. ком.; Маріупольскій у. комитетъ, Сергачскій у. ком.

подобнаго сокращенія числа участниковъ на сходахъ, я полагалъ бы, что вопросъ этотъ не нуждается въ законодательной регламентаціи. Самое большее, что требовалось бы, это ясно опредѣлить, что община имѣетъ право поручать веденіе дѣлъ выборнымъ, обязывать же замѣнить систему общихъ сходовъ подобными выборными управами нѣтъ цѣли; гдѣ трудность веденія дѣлъ на общихъ сходахъ остро ощущается, крестьяне и безъ принужденія перейдутъ къ системѣ выборныхъ, навязывать же ее всѣмъ имѣетъ тѣмъ менѣе смысла, что она представляетъ немалыя опасности: способность сопротивляться внѣшнимъ давленіямъ, со стороны ли мѣстной администраціи или со стороны сосѣдей помѣщиковъ или своего же брата кулака, несомнѣнно у схода всѣхъ домохозяевъ, какъ ни слаба въ настоящее время, но все же сильнѣе, нежели была бы у подобнаго собранія выборныхъ.

Изъ проектовъ реформъ, затрогивающихъ отдѣльныя воплощенія общиннаго начала, надо прежде всего остановиться на тѣхъ, которые касаются важнѣйшей функціи общины, передѣла. Пожеланій относительно упорядоченія передѣловъ, правда, крайне недружныхъ, почти единоличныхъ, раздавалось не мало. Въ Опочецкомъ комитетѣ земскій начальникъ бар. Розенъ, указывая на затрудненія, съ которыми въ настоящее время связано осуществленіе передѣла, выражалъ желаніе, не поддержанное, впрочемъ, комитетомъ, сдѣлать правильно-періодическое повтореніе передѣловъ обязательнымъ. Многіе комитеты нападали на регламентировку передѣловъ закономъ 1893 года и требовали ея отмѣны; въ другихъ, наоборотъ, выражалось сочувствіе запрещенію производить передѣлы чаще, нежели черезъ опредѣленные, закономъ установленные сроки, и мѣстами присоединялось желаніе промежутки между передѣлами еще удлиннить [1]). Всѣхъ дальше на пути регламентировки передѣловъ пошелъ Бѣлгородскій комитетъ; озабочиваясь, какъ мы уже видѣли, обез-

[1]) Арзамасскій у. ком.; Владимірскій у. ком.; Гороховецкій у. ком.; Козельскій у. ком.; Лукояновскій у. ком.; Мамадышскій у. ком.; Новоладожскій у. ком.; Юхновскій у. ком.

печеніемъ помѣщичьяго хозяйства рабочей силой, онъ видитъ въ упорядоченіи передѣловъ средство къ осуществленію своихъ вождѣленій: по совершенно непонятнымъ соображеніямъ онъ принимаетъ, что передѣлы, производимые не на наличныя души, а по работникамъ сократятъ семейные раздѣлы и тѣмъ поведутъ къ созданію крупныхъ крестьянскихъ дворовъ, способныхъ отпускать рабочихъ на сторону; на этомъ основаніи бѣлгородскій комитетъ рекомендуетъ сдѣлать распредѣленіе по работникамъ обязательнымъ для всѣхъ общинъ. Отъ этой мѣры онъ ожидаетъ много добрыхъ послѣдствій, онъ надѣется при помощи ея задержать также дробленіе надѣловъ. Вѣроятно, ему предносится при этомъ мысль, что, такъ какъ рабочихъ въ деревнѣ меньше, нежели мужчинъ всякаго возраста, то на одного рабочаго придется больше земли, чѣмъ на одну наличную мужскую душу безъ различія возрастовъ. Разсчетъ арифметически совершенно правильный, но, къ сожалѣнію, имѣющій весьма слабое отношеніе къ росту дробности надѣловъ. Не говоря уже о томъ, что приростъ рабочаго населенія приблизительно пропорціоналенъ общему приросту населенія и, слѣдовательно, темпъ дробленія мало зависитъ отъ системы разверстки, нельзя не подивиться, какъ можно упустить изъ виду то обстоятельство, что при раздѣлѣ земля у насъ никогда не нарѣзается на каждую надѣляемую душу отдѣльно, а всегда всѣ надѣлы одного двора отводятся ему подъ рядъ; въ силу этого дробность полосъ зависитъ не столько отъ числа надѣляемыхъ душъ, сколько отъ числа дворовъ; измѣненіе же основаній разверстки можетъ сказаться на землевладѣніи лишь тѣмъ, что нѣкоторымъ дворамъ придется получить больше земли, а потому и болѣе широкія полосы, а другіе дворы получатъ земли меньше и полосы болѣе узкія; абсолютные размѣры минимальныхъ участковъ, встрѣчающихся въ общинѣ, могутъ измѣниться только въ силу наличности дворовъ, получающихъ земли на одну душу, да и то, если община не имѣетъ обыкновенія отводить однодушникамъ землю въ меньшемъ противъ обычнаго числѣ полосъ; при томъ же и это незначительное измѣненіе купится цѣной увеличенія числа однодушниковъ и полнаго обез-

земеленья дворовъ, не имѣющихъ въ моментъ передѣла въ своемъ составѣ взрослыхъ работниковъ.

На измышленіяхъ Бѣлгородскаго комитета не стоило бы останавливаться съ такой подробностью, если бы онъ стоялъ одиноко въ своихъ пожеланіяхъ. Но, къ удивленію, надежду достигнуть какихъ то результатовъ, навязывая общинамъ тягольную разверстку, питаютъ не одни лишь бѣлгородскіе помѣщики. Эта мысль повторяется въ рядѣ записокъ, представленныхъ какъ въ мѣстные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, такъ и непосредственно въ особое совѣщаніе. Съ особенной подробностью развиваетъ ее Д. П. Семеновъ въ длинной запискѣ „О способахъ улучшенія порядковъ землепользованія у русскихъ крестьянъ“. И г. Семеновъ стремится положить предѣлъ дробленію крестьянскихъ надѣловъ; онъ желалъ бы также устранить изъ крестьянскаго обихода переверстки; въ этихъ видахъ онъ и предлагаетъ ввести тягольную систему разверстки, вполнѣ правильно обнаруживая, что при тягольной системѣ обѣ цѣли вполнѣ осуществимы. Но онъ забываетъ доказать, что привлекающія его симпатіи мѣры не осуществимы при иныхъ системахъ распредѣленія земли, и пріурочиваетъ ихъ къ тягольной разверсткѣ, не приводя никакихъ доводовъ. Между тѣмъ ни ограниченіе предѣловъ, до которыхъ могутъ быть дробимы надѣлы, ни устраненіе обмѣна участками не стоятъ ни въ какой связи съ основаніями разверстки; не стоятъ они въ связи и между собой. Въ этомъ не трудно убѣдиться путемъ теоретическаго разсужденія, это подтверждается и жизнью; въ южной Германіи напр., на алльмендныхъ земляхъ, мы встрѣчаемъ самыя разнообразныя комбинаціи интересующихъ насъ явленій. Если желать установленія минимума дробимости надѣловъ или устраненія переверстокъ, то и надо этого требовать, не припутывая совершенно постороннихъ соображеній. Тягольная разверстка для осуществленія этихъ цѣлей не нужна, а, съ другой стороны, введеніемъ ея одной все равно не обойтись; можно дѣлить по тягламъ, и производить постоянныя переверстки, а дробленіе надѣловъ доводить дальше, чѣмъ при раздѣлѣ по ѣдо-

8*

камъ. Чтобы остановить дробленіе надѣловъ, при тягольной ли, при другой ли разверсткѣ, необходимо спеціальное постановленіе или самой общины или закона.

Нѣкоторые комитеты и высказались въ пользу законодательнаго опредѣленія размѣровъ, ниже которыхъ надѣлы не должны быть дробимы [1]). Удовлетвореніе этого желанія, если бы оно не наталкивалось въ жизни на непреоборимыя препятствія, могло бы повести къ послѣдствіямъ, о которыхъ комитеты, повидимому, не задумывались. Подобная система встрѣчается въ дѣйствительности во многихъ селеніяхъ въ южной Германіи. Общины, владѣющія аллымендами, устанавливаютъ здѣсь опредѣленный размѣръ надѣла на дворъ, ниже котораго аллыменда не дробится. Такъ какъ число дворовъ не остается неизмѣннымъ, то, какъ общее правило, аллымендныхъ участковъ при такой системѣ не хватаетъ на всѣхъ, и нѣкоторое число хозяевъ не получаетъ до поры до времени общинной земли. Надѣлъ, переданный опредѣленному двору, остается обычно въ его владѣніи, пока глава семьи не умретъ или не выселится изъ деревни. Освобождающіеся надѣлы поступаютъ не имѣющимъ еще общинной земли хозяевамъ въ порядкѣ старшинства, причемъ очередь опредѣляется въ большинствѣ случаевъ временемъ основанія самостоятельнаго хозяйства, иногда временемъ достиженія совершеннолѣтія, т. е., проще говоря, возрастомъ. Лицамъ, не получавшимъ еще надѣла, выплачивается въ нѣкоторыхъ общинахъ небольшая денежная рента. Сходные порядки встрѣчаются кое-гдѣ и въ Россіи, преимущественно на югѣ, иногда довольно точно воспроизводя нѣмецкую схему, иногда уклоняясь отъ нея болѣе или менѣе значительно.

Эту систему нѣкоторые комитеты и желали бы сдѣлать обязательной для всѣхъ общинъ. Безспорно, въ ней, на первый взглядъ, не мало привлекательнаго. Она вела бы къ

---

[1]) Комитеты Ардатовскій, Бузулукскій, Бѣлозерскій, Велижскій, Витебскій у., Казанскій губ., Курмышскій, Лаишевскій, Льговскій, Обоянскій, Рѣжицкій, Симбирскій губ., Спасскій (Казанской губерніи), Чебоксарско-Козьмодемьянскій; повидимому также: Новосильскій у., ком.; Торопецкій у., ком.; Ельницкій у. ком.

тому, что семьи, которыя получали бы землю, представляли бы изъ себя уже дѣйствительно крѣпкія крестьянскія хозяйства, способныя къ вполнѣ самостоятельному существованію; тѣхъ же изъ членовъ общины, которые временно остаются безъ земли, можно было бы вознаграждать деньгами, собирая ихъ въ видѣ своего рода арендной платы съ надѣленныхъ землей хозяйствъ, напр. по образцу заставившей въ послѣднее время не мало говорить о себѣ „арендной" общины Оренбургской губерніи. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ Германіи алльменда, распредѣляемая этимъ способомъ, даже въ наиболѣе богатыхъ общинной землей селеніяхъ играетъ для большинства хозяевъ лишь роль придатка къ тому, что принадлежитъ имъ на правахъ собственности. При распредѣленіи же на этихъ основаніяхъ всей земли чередованіе дворовъ въ пользованіи ею было бы совершенно неосуществимо, и распространеніе этой системы на земли нашихъ общинниковъ неминуемо повело бы въ самомъ непродолжительномъ времени къ тому, что община раскололась бы на сравнительно небольшую группу крестьянъ, хозяйничающихъ безсмѣнно на общинной землѣ, и на многочисленную группу ремесленниковъ, фабричныхъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ, своего земледѣльческаго хозяйства не имѣющихъ, но получающихъ зато нѣкоторый денежный доходъ отъ раздѣла аренды, собираемой съ ихъ однообщинниковъ-земледѣльцевъ. Въ болѣе же отдаленномъ будущемъ это несомнѣнно кончилось бы для неполучившихъ земельнаго надѣла дворовъ выкупомъ рентъ и полнымъ разрывомъ съ землей и общиной [1].

Что касается плана навязать эту систему пользованія общинной землей путемъ законодательства всѣмъ русскимъ общинамъ, то его можно смѣло признать совершенно неосуществимымъ. Уже одно предоставленіе общинѣ права

---

[1]) Нѣкоторые комитеты, какъ напр. Лаишевскій и Чебоксарско-Козьмодемьянскій, на это и идутъ, предлагая выселять остающихся безъ надѣла домохозяевъ на новыя земли, съ правомъ на преимущественное пособіе отъ государства и на поддержку со стороны общества.

исключать отъ надѣленія землей то количество членовъ, которое превышаетъ число нарѣзаемыхъ по закону минимальныхъ участковъ, сопряжено съ великими трудностями [1]). Но этимъ затрудненія не исчерпываются. Необходимо установить самые размѣры минимальныхъ участковъ. Въ Германіи руководствуются чисто техническими соображеніями, алльмендный надѣлъ не долженъ быть такъ малъ, чтобы его нельзя было обрабатывать, предѣлъ устанавливается по большей части въ $^1/_2$ моргена, около $^1/_8$ десятины. У насъ до этихъ предѣловъ дробленіе земли еще не дошло и, надо надѣяться, не скоро дойдетъ. Когда у насъ рѣчь идетъ объ установленіи минимума, то имѣется въ виду такое количество земли, на которомъ могло бы самостоятельно существовать крестьянское хозяйство. Но минимальные размѣры площади, съ которой можетъ жить крестьянская семья, зависятъ отъ системы хозяйства, отъ пріемовъ обработки, отъ характера почвы, отъ климата, наконецъ отъ величины семьи. Они будутъ различаться въ двухъ сосѣднихъ общинахъ, въ одной общинѣ они могутъ измѣняться чрезвычайно быстро въ связи съ измѣненіемъ системы хозяйства; болѣе того, въ одной и той же общинѣ они могутъ быть для разныхъ дворовъ и въ разныхъ частяхъ поля неодинаковы. Для того чтобы законъ о минимумѣ дробленія надѣловъ могъ прилагаться въ жизни, пришлось бы устанавливать минимальные размѣры для каждаго случая отдѣльно [2]). Для каждаго же случая особо пришлось бы устанавливать и размѣры вознагражденія, на которое имѣютъ право остающіеся безъ земли крестьяне, ибо лишать ихъ вознагражденія было бы ничѣмъ съ ихъ стороны невызванной конфискаціей

---

[1]) Изъ этого затрудненія комитеты Лаишевскій и Чебоксарско-Козьмодемьянскій находятъ исходъ въ томъ, что предлагаютъ лишь пріостановить дальнѣйшее дробленіе надѣловъ въ малоземельныхъ селеніяхъ и выселять только вновь образующіеся дворы, которые въ силу этого останутся безъ земли.

[2]) Ср. мнѣнія Казанскаго губ. ком. (размѣры неподлежащихъ дальнѣйшему дробленію участковъ должны опредѣляться самими обществами) и Лаишевскаго у. ком. (опредѣленіе минимума должно быть произведено въ каждомъ отдѣльномъ сельскомъ обществѣ при обязательномъ участіи самихъ крестьянъ послѣ тщательнаго выясненія экономическихъ условій даннаго селенія въ зависимости отъ существующихъ мѣстныхъ промысловъ и постороннихъ заработковъ).

ихъ имущества. Наконецъ, надо помнить и о томъ, что въ очень многихъ деревняхъ хозяйство большинства крестьянъ ведется не только на надѣльной, но и на арендуемой землѣ, что здѣсь общинная земля играетъ въ сущности ту же роль, какъ въ Германіи, именно роль одной изъ составныхъ частей хозяйственной площади. Въ такихъ условіяхъ обязательство не дробить надѣловъ ниже предѣла, достаточнаго для самостоятельнаго существованія, вызвало бы переворотъ неописуемый.

Но если даже допустить, что съ техническими затрудненіями удалось бы справиться, возможность провести реформу будетъ далеко еще не доказана. Для того, чтобы наши недробимые участки могли держаться, необходимо измѣнить кореннымъ образомъ порядокъ наслѣдованія: въ формѣ ли майората или минората, но неизбѣжно ввести совершенно чуждый намъ принципъ единонаслѣдія. Утопичность подобныхъ мечтаній ясна безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Единственно о чемъ могла бы идти рѣчь, это о предоставленіи самой общинѣ права принимать мѣры противъ дробленія надѣловъ, когда оно заходитъ, по ея убѣжденію, слишкомъ далеко. Въ настоящее время община не можетъ лишать часть своихъ членовъ пользованія надѣломъ ради увеличенія участковъ остальныхъ, земля должна распредѣляться между всѣми на общихъ основаніяхъ. Въ силу этого стремленіе противодѣйствовать сокращенію размѣровъ хозяйства съ ростомъ населенія облекается иногда въ такія уродливыя формы, какъ возстановленіе старой, напр. ревизской, разверстки, по которой земля распредѣлялась между меньшимъ числомъ дворовъ. Замѣнить подобные обходы закона правомъ ограничивать дробленіе надѣловъ извѣстнымъ минимумомъ, быть можетъ, было бы и желательно, но не слѣдуетъ забывать о злоупотребленіяхъ, къ которымъ легко можетъ повести право большинства ограничивать кругъ лицъ, пользующихся фактически надѣломъ. Врядъ ли можно признать, что имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя оправдываютъ столь рискованный экспериментъ.

Весьма разнообразны и не лучше обоснованы и поже-

ланія законодательнаго вмѣшательства, пріурочивавшіяся въ комитетахъ къ переверсткамъ. Новосильскій уѣздный комитетъ требуетъ отмѣны общихъ переверстокъ, а для нѣкоторыхъ частей поля, навозниковъ, желаетъ переверстки вовсе запретить. Терскій комитетъ, озабочиваясь разведеніемъ садовъ, высказывается за то, чтобы всѣмъ членамъ общины было разрѣшено занимать землю подъ спеціальныя культуры съ правомъ выключать эту землю изъ переверстокъ и передѣловъ. Мѣстами требуютъ продлить срокъ между переверстками, мѣстами жалуются на то, что закономъ 1893 года установлены слишкомъ длинные промежутки; нѣкоторые комитеты стоятъ за систему вознагражденія за сдѣланныя на отходящемъ участкѣ улучшенія, другіе требуютъ установить предѣлъ для дробленія полосъ при раздѣлѣ земли или ограничить число участковъ, которые можно отводить при переверсткѣ одному двору [1]). Всѣ эти требованія носятъ одинъ характеръ: мѣропріятія, которыя въ опредѣленной мѣстности или даже въ одной деревнѣ, случайно извѣстной поднимающему ихъ лицу, являются весьма цѣлесообразными и хорошо достигающими той или иной цѣли, обобщаются и распространяются на всю необъятную площадь, занимаемую въ Россіи общиннымъ землевладѣніемъ, какъ будто то, что хорошо въ однихъ условіяхъ, не можетъ оказаться безполезнымъ и даже вреднымъ въ другихъ, и какъ будто нельзя въ разныхъ условіяхъ достигать одной и той же цѣли разными средствами. Возьмемъ хотя бы систему вознагражденія за сдѣланныя на участкѣ улучшенія. Безспорно, она можетъ обезпечивать затраты на меліораціи весьма удовлетворительнымъ образомъ. Но для этого надо, если рѣчь идетъ, напр., о навозномъ удобреніи, вести учетъ всему вывозимому на поля навозу; между тѣмъ, тамъ, гдѣ всѣ удобряютъ болѣе или менѣе равно-

[1]) Комитеты Арзамасскій, Великолуцкій, Гжатскій, Екатеринбургскій, Камышловскій, Мологскій, Торопецкій, Шадринскій, Юхновскій (въ формѣ пожеланія понизить число голосовъ, требующееся для переверстки, до простаго большинства въ случаѣ, если переверстка производится съ цѣлью отвода болѣе широкихъ полосъ); быть можетъ также (ср. выше) комитеты Ельнинскій, Курмышскій, Новосильскій.

мѣрно, выгоднѣе мѣняться участками безъ вознагражденія, чѣмъ возиться съ такимъ учетомъ. Въ другихъ же случаяхъ системой вознагражденія вовсе не достигнешь цѣли. Вспомнимъ разсмотрѣнный выше примѣръ съ повышеніемъ урожая озимаго хлѣба послѣ посѣва гречихи въ яровомъ полѣ. Мы видѣли, что мценскіе мужики нашли гораздо болѣе совершенный способъ разрѣшенія задачи, нежели тѣ, которые предлагаетъ имъ законъ 1893 года. И дѣйствуя въ духѣ разбираемыхъ нами проектовъ, мы должны были бы немедленно выставить требованіе, чтобы законъ воспретилъ производить переверстки по пару, а сдѣлалъ обязательными переверстки по яровому, за что крестьяне всей остальной Россіи насъ врядъ ли поблагодарили бы.

Вся тщетность подобныхъ попытокъ втиснуть сложные жизненные процессы въ Прокрустово ложе закономъ санкціонируемыхъ схемъ видна на судьбѣ закона о передѣлахъ 1893 года. Участь этого закона, какъ еще разъ съ полной очевидностью обнаружилось въ комитетахъ, самая плачевная: фактически онъ не примѣняется. Почему? Да потому, что, выхвативъ изъ жизни нѣсколько случайныхъ нормъ, онъ попытался навязать ихъ всѣмъ, не спрашивая, подходятъ онѣ къ жизненнымъ условіямъ или нѣтъ. Онъ запрещаетъ частные передѣлы, но частные передѣлы, при превышеніи платежами доходности земли, необходимы, и въ слѣдующемъ же параграфѣ онъ самъ видитъ себя вынужденнымъ предоставить отдѣльнымъ хозяевамъ право отказываться отъ земли, а общинѣ право наваливать землю на остальныхъ членовъ, которые въ свою очередь могутъ жаловаться на общину земскому начальнику; въ результатѣ всѣ права и общины и отдѣльныхъ членовъ расплываются до неуловимости, и все вершитъ по своему произволу земскій начальникъ. Но частные передѣлы представляютъ не малыя удобства въ чисто техническомъ отношеніи и тамъ, гдѣ землей дорожатъ, такъ какъ позволяютъ легче избѣгать общихъ переверстокъ [1])— въ силу этого, напр., южно-германская община часто обхо-

[1]) На это указываетъ, напр., Епифанскій у. комитетъ.

дится исключительно при ихъ помощи, никогда не прибѣгая къ общимъ передѣламъ. Въ результатѣ тамъ, гдѣ въ частныхъ передѣлахъ чувствуется потребность, они продолжаютъ производиться, хотя и противозаконно. Законъ 1893 года запрещаетъ производить передѣлы и переверстки чаще какъ черезъ 12 лѣтъ; нѣкоторые находятъ и этотъ срокъ слишкомъ краткимъ и требуютъ продлить его, но въ другихъ условіяхъ въ особенности тамъ, гдѣ распредѣленіе происходитъ по наличнымъ душамъ всякаго возраста, срокъ этотъ оказывается слишкомъ длиннымъ, и фактически передѣлы и переверстки производятся чаще, а Купянскій уѣздный комитетъ даже требуетъ сократить этотъ срокъ до трехъ лѣтъ, т. е. свести законныя ограниченія на нѣтъ, такъ какъ чаще трехъ лѣтъ при господствующемъ трехпольѣ переверстки не производятся никогда. Законъ 1893 года дѣлаетъ принципіально обязательнымъ возмѣщеніе затратъ за сдѣланныя на участкѣ улучшенія, но и послѣ него, какъ и раньше, крестьяне обращаютъ на затраты вниманіе только тамъ, гдѣ дѣйствительно видятъ въ возмѣщеніи ихъ надобность.

Удивительно ли послѣ этого, что сами крестьяне почти единодушно высказываются за полную отмѣну закона 1893 года, что въ рядѣ случаевъ имъ удается даже провести это пожеланіе въ постановленія комитета [1]). На отношеніи къ закону 1893 года, представляющему самую рѣзкую попытку правительства взять общинные порядки подъ свою высокую руку, ярко сказывается проходящее красной нитью черезъ всѣ работы комитетовъ убѣжденіе въ томъ, что не въ законодательной регламентаціи деталей хозяйственной жизни спасеніе Россіи. Поменьше бюрократическаго схематизма, поменьше административной опеки, больше личной свободы, больше общественной самодѣятельности, больше просвѣщенія—и русское сельское хозяйство, и съ общиной и безъ нея, съумѣетъ подняться, съумѣетъ выйти изъ того застоя, въ которомъ прозябаетъ нынѣ.

А. Чупровъ.

---

[1]) Епифанскій у. ком.; Ардатовскій у. ком.; Корочанскій у. ком.; повидимому, Курскій у. ком.; Макарьевскій у. ком.; Новоржевскій у. ком. (должно быть улучшено право общины производить передѣлъ), Пензенскій у. ком.

ВМѢНЯЕМОСТЬ АЛКОГОЛИКОВЪ.

(Доложено въ Юридическомъ Обществѣ при Спб. Университетѣ 6 марта 1904 г.).

Мнѣ нѣтъ надобности объяснять, почему я остановился на вопросѣ о вмѣняемости алкоголиковъ. Если бы даже у меня подъ рукою и не было запаса внушительныхъ цифръ, указывающихъ на то, какимъ могучимъ факторомъ преступности является алкоголь, мнѣ бы повѣрили на слово—до такой степени стало аксіомою положеніе, что алкоголизмъ одинъ изъ ужаснѣйшихъ бичей человѣчества, что въ глубинѣ большинства преступныхъ дѣйствій, въ той непроницаемой глубинѣ, въ которой зарождаются мрачныя проявленія звѣрской натуры человѣка, надо прежде всего искать присутствіе яда—алкоголя. Но эта распространенность болѣзни—алкоголизма—распространенность повсемѣстная и настолько общая всѣмъ культурнымъ странамъ, что борьба за первенство по количеству лицъ, предающихся въ нихъ злоупотребленію спиртными напитками, становится все труднѣе, распространенность эта крайне затрудняла и затрудняетъ правильное отношеніе къ вопросу о вмѣняемости алкоголиковъ. Призракъ ужасающаго роста употребленія спиртныхъ напитковъ мѣшаетъ отдѣлить мѣры общеполицейскаго характера отъ задачъ уголовной репрессіи, и многіе не прочь подписаться подъ словами главнаго военно-морскаго прокурора, заявившаго въ замѣчаніяхъ на 39 ст. улож. о нак. отъ 22 марта 1903 г., что подведеніе „подъ

общее начало невмѣняемости по безсознательному состоянію и безсознательное состояніе, происходящее отъ опьянѣнія .... представляется .... неосновательнымъ и *неблагороднымъ*" (св. замѣчаній, т. III, стр. 62).

Въ этомъ отношеніи нельзя не привѣтствовать точки зрѣнія редакціонной коммисіи по составленію проекта новаго уложенія, твердою рукою введшую алкоголизмъ въ родственную ему семью душевныхъ разстройствъ и уничтожившую многочисленныя схоластическія, безполезныя категоріи опьянѣнія въ связи съ моментомъ появленія преступнаго умысла.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній перехожу къ нѣкоторымъ цифровымъ даннымъ.

Заимствую ихъ изъ книги Hoppe: Die Thatsachen über den Alkohol.

Д-ръ Баеръ, старшій врачъ тюремной больницы въ Плацензее, нашелъ въ срединѣ 70-хъ годовъ, что изъ 32837 заключенныхъ въ 120 пенитенціарныхъ учрежденіяхъ Германіи 41,7% совершили преступленія болѣе или менѣе подъ вліяніемъ алкоголя; причемъ изъ числа осужденныхъ за тѣлесное поврежденіе—изъ отбывающихъ наказаніе въ тюрьмахъ, совершили это дѣяніе подъ вліяніемъ алкоголя—81,7%; изъ числа заключенныхъ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ 72,7%;

въ случаяхъ осужденія за сопротивленіе властямъ алкоголь замѣшанъ въ 89%
за грабежъ въ 57%
за убійство въ 58,6%
за преступленія противъ нравственности въ . 73,3%

Въ Гессенѣ въ 1885 г. за легкое и тяжкое тѣлесное поврежденія судилось 1231 человѣкъ, изъ нихъ

24,7%—были пьяны при совершеніи преступленія,
30%—не задолго до этого пили.

Итого: 54,7%—совершившихъ преступленіе, вѣроятно, въ состояніи опьянѣнія.

Баденъ въ 1895 г. (я беру даты все болѣе и болѣе приближающіяся къ современности):

изъ 2437 преступленій, совершенныхъ за послѣднюю

четверть года,—34,7%—было совершено въ пьяномъ видѣ и 3,14%—привычными пьяницами.

Не болѣе утѣшительны и цифры, даваемыя другими странами.

Англія:

Въ Эдинбургѣ за время между 1874—1878 г.г. оказались пьяными при задержаніи:

58,3% всѣхъ задержанныхъ мужчинъ и
41,3% всѣхъ женщинъ.

Америка:

Въ Штатѣ Массачузетсъ въ 1872—1874 г.г., по мнѣнію изслѣдователей, пьянство такъ или иначе замѣчалось въ 81,97% всѣхъ преступленій.

Бельгія:

Статистика Masoin'а за время отъ 1874—1895 г. показываетъ, что въ исправительныхъ заведеніяхъ въ Лувенъ изъ приговоренныхъ къ пожизненной каторгѣ

во время совершенія преступленія было пьяно—40,7%
привычныхъ пьяницъ 54,6%
изъ приговоренныхъ къ смерти было пьяно . 43,1%
привычныхъ пьяницъ 60%

Въ 4 большихъ бельгійскихъ тюрьмахъ изъ всѣхъ заключенныхъ за время 1876—1895 г.г. 40,1% были совершенно пьяны во время совершенія преступленія.

Россія (по Григорьеву).

Къ 1 апрѣля 1894 г. содержалось 28046 человѣкъ въ русскихъ исправительныхъ заведеніяхъ, изъ нихъ было пьяныхъ 10% во время совершенія преступленія и 18,2% привычныхъ пьяницъ; въ 1896—1897 г. изъ 5490 заключенныхъ въ исправительныхъ заведеніяхъ было

22,1% пьяныхъ при совершеніи преступленій
и 20,2% привычныхъ пьяницъ.

Въ С.-Петербургѣ и С.-Петербургской губерніи за время 1893—1898 г. изъ 10000 преступниковъ было пьяно во время совершенія преступленія— 40,5%

привычныхъ пьяницъ—16,43%.

Въ общемъ участіе алкоголя отмѣчено въ 44,78% всѣхъ случаевъ. *По видамъ* указанныя цифры разбиваются такъ.

Въ преступленіяхъ противъ нравственности участіе алкоголя

замѣчено въ	62% всѣхъ случ.
въ оскорбленіи святыни въ . .	60,5%
въ тѣлесныхъ поврежденіяхъ въ .	53,5%
въ оскорбленіяхъ личности въ .	42,8%
въ грабежѣ въ	42,1%
въ убійствѣ въ	39%
въ разбоѣ въ	32%
въ поджогѣ въ	31,2%

Если отбросить въ этихъ статистическихъ данныхъ все, что есть въ нихъ недостаточно провѣреннаго, недостовѣрнаго, случайнаго, то можно будетъ все же съ увѣренностью сказать, что алкоголь въ качествѣ виновника или пособника преступленія является не менѣе, чѣмъ въ ¹/₄ всѣхъ случаевъ.

Будущее въ этомъ отношеніи еще болѣе мрачно. Пьянство имѣетъ прогрессивныя тенденціи, и могучимъ факторомъ въ увеличеніи потребленія алкоголя, кромѣ общаго соціальнаго и экономическаго неустройства, должно явиться крайнее удешевленіе производства его.

Въ этомъ отношеніи удручающія данныя были сообщены Г-номъ Скаржинскимъ въ докладѣ его отъ 25 февраля этого года въ коммисіи по вопросу объ алкоголизмѣ, учрежденной при обществѣ охраненія народнаго здравія. На Бременскомъ антиалкогольномъ конгрессѣ, собиравшемся въ 1903 г., были сообщены данныя о выработкѣ алкоголя изъ торфа, изъ карбида, изъ человѣческаго кала, причемъ выработанный изъ этого дешеваго матеріала алкоголь, ни въ чемъ качественно не уступающій картофельному, обходился въ 10—12 коп. ведро.

Можно себѣ представить, во что превратится потребленіе алкоголя, если фабрикація его изъ торфа или кала приметъ широкіе размѣры.

Итакъ несомнѣнно—алкоголизмъ тяжкій факторъ преступности. Но что такое алкоголизмъ? Терминъ этотъ вве-

денъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, извѣстнымъ шведскимъ врачемъ Magnus'омъ Гуссомъ. Онъ сдѣлалъ быструю карьеру и, ставши достояніемъ массъ, утратилъ ясность и опредѣленность своихъ контуровъ. По опредѣленію Magnus'a Гусса подъ алкоголизмомъ надо понимать *всѣ тѣ патологическія измѣненія въ организмѣ, которыя развиваются подъ вліяніемъ потребляемаго алкоголя.*

Съ другой стороны принято подъ алкоголизмомъ понимать и самое потребленіе алкоголя; такимъ образомъ, напримѣръ, доктора Чечоттъ и Нижегородцевъ въ предложенныхъ ими въ засѣданіи отъ 28 января 1898 г. коммисіи по вопросу объ алкоголизмѣ классификаціяхъ алкоголизма отожествляютъ понятіе алкоголизма съ понятіемъ пьянства.

Алкоголизмъ дѣлятъ на 2 большія группы: острый и хроническій алкоголизмъ. Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ массу подраздѣленій; важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

1) Острое пьянство, иначе опьянѣніе (Нижегородцевъ), случайное пьянство (Чечоттъ), дѣлится на

A. физіологическое, простое опьянѣніе, Rausch, ivresse, ebrietas и B.—патологическое—ivresse pathologique, pathologischer Rausch, inebriatio morbida.

Это патологическое опьянѣніе создается: либо почвою, на которомъ оно развивается—наслѣдственнымъ предрасположеніемъ къ пьянству, къ нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, слабостью и истощенностью организма, либо—присутствіемъ вредныхъ примѣсей къ вину.

Вторая большая категорія—

2) *Хроническое пьянство*—alcoolismus chronicus, Trunksucht, дѣлится на:

a) болѣзненное, конституціональное влеченіе къ алкоголю—запой (dipsomania),

b) хроническій алкоголизмъ въ узкомъ смыслѣ слова, понимаемый, какъ совокупность психическихъ и физическихъ стойкихъ функціональныхъ разстройствъ, которыя обусловливаются продолжительнымъ, привычнымъ злоупотребленіемъ алкоголя—(Крафтъ-Эбингъ, учеб. псих., стр. 709). Я сейчасъ выдѣлю форму

алкоголизма, которая съ интересующей насъ точки зрѣнія не вызываетъ сомнѣній ни въ спеціалистахъ, ни въ большой публикѣ—я говорю о запоѣ. Его рѣзко патологическій, устраняющій вмѣняемость характеръ на столько очевиденъ, что не возбуждаетъ сомнѣній и при толкованіи соотвѣтствующихъ статей нынѣ дѣйствующаго улож. о нак., хотя бы потому уже, что въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ отъ 18 февраля 1835 г. объ освидѣтельствованіи сумасшедшихъ, правилахъ легшихъ въ основаніе 96 ст. улож. о нак., въ числѣ состояній, производящихъ безпамятство, прямо указывается и на запой (Таганцевъ, Русск. уг. пр., ч. общ., т. I стр. 468).

Распознаніе запойной формы опьянѣнія также сравнительно легко, благодаря основной чертѣ его: періодичности и насильственному импульсивному характеру влеченія къ опьянѣнію. Форма эта въ уголовной хроникѣ, на сколько мнѣ извѣстно, сравнительно съ другими видами опьянѣнія, встрѣчается рѣдко.

Также съ психіатрической точки зрѣнія не создаетъ затрудненій патологическое острое опьянѣніе: одинъ эпитетъ патологическій ставитъ внѣ спора вопросъ о вмѣненіи.

Совершенно иначе стоитъ вопросъ о двухъ другихъ формахъ алкоголизма — остромъ физіологическомъ и хроническомъ алкоголизмѣ-не запойномъ.

Какъ смотритъ психіатрія на острое физіологическое опьянѣніе?

Въ послѣднее время было произведено въ Германіи много прекрасныхъ лабораторныхъ работъ, которыя должны были выяснить вопросъ о вліяніи алкоголя въ опредѣленныхъ дозахъ на психическія отправленія человѣка. Начало работъ этихъ относится къ 1873 г., когда появилась работа Вѣнск. проф. Exner'а. Наиболѣе извѣстны работы проф. Гейдельбергскаго университета Крепелина, изданныя въ 1892 г., и работы многочисленныхъ его послѣдователей.

Въ упомянутой работѣ Крепелина отъ 1892 г., озаглавленной: „О вліяніи различныхъ врачебныхъ средствъ на элементарные психическіе акты“, указаны результаты опытовъ, произведенныхъ авторомъ на здоровыхъ людяхъ. Опыты эти

выяснили, что даже при малыхъ дозахъ—отъ 7, 5 до 10 gr.= $^1/_5$—$^1/_4$ л. пива:

1) въ двигательныхъ актахъ замѣчается ослабленіе, ослабленію предшествуетъ незначительное, продолжающееся отъ 20—30 мин., облегченіе въ движеніяхъ, относящееся при томъ не къ силѣ, а лишь къ быстротѣ реакціи;

2) въ психическихъ актахъ—время реакціи на раздраженіе короче, но ассоціаціи поверхностнѣе, внѣшнія ассоціаціи,—консонансы, рифмы—преобладаютъ надъ внутренними—идейными.

При употребленіи дозъ среднихъ, отъ 30—45 gr. алкоголя, соотвѣтствующихъ $^3/_4$—1 литру пива, и большихъ въ 60 gr., принимаемыхъ на протяженіи нѣсколькихъ часовъ, замѣчаются тѣ же явленія, но болѣе глубокаго и длительнаго характера, выражающіяся въ слѣдующихъ измѣненіяхъ въ психикѣ пьянаго:

1) отягченное пониманіе, мѣшающее пьяному слѣдовать принятому въ окружающемъ, правильно оріентироваться, затрудняющее способность фиксировать вниманіе;

2) замедленіе ассоціативныхъ способностей, вызывающее пониженіе интеллектуальныхъ способностей, неспоспобность понимать сложныя интеллектуальныя построенія, неспособность критическаго отношенія къ окружающему, неспособность понимать значеніе и послѣдствія своихъ словъ и дѣйствій;

3) качественныя измѣненія ассоціацій, сказывающіяся въ склонности къ стереотипному, къ тривіальному, къ пошлому;

4) облегченіе двигательныхъ реакцій, являющееся источникомъ преувеличеннаго сознанія силы и влекущее за собою безцѣльныя насильственныя дѣйствія;

5) наконецъ исчезновеніе всѣхъ сдерживающихъ мотивовъ и побужденій.

Я упомяну еще объ интересныхъ опытахъ учениковъ Крепелина, освѣщающихъ вопросъ о длительности вліянія небольшихъ сравнительно дозъ алкоголя.

A. Fürer въ своей работѣ („о вліяніи остраго алкогольнаго опьяненія на элемент. психич. процессы", отчетъ между-

народнаго конгресса противъ злоупотребленія алкоголемъ, стр. 355), устанавливаетъ, что 80 gr., соотвѣтствующіе 2 л. пива или 4/5 л. Мозеля, вызывающихъ легкое опьянѣніе, замѣтное подчасъ лишь экспериментально, дѣйствуютъ слѣдующимъ образомъ: доза алкоголя дается на первый день; вечеромъ черезъ часъ испытуемый ложится спать; сейчасъ по принятіи алкоголя—рѣзкое пониженіе способности сложенія цифръ, пониженіе сохраняющееся и весь слѣдующій день; при ученіи наизусть—способность остается пониженною еще и въ началѣ 3-го дня; то же самое и относительно способности ассоціировать, при чемъ внутреннія мыслительныя ассоціаціи остаются ослабѣвшими до утра 3-го дня, а внѣшнія—способность къ созвучіямъ—увеличиваются и спадаютъ лишь на протяженіи 3-го дня.

Изъ сказанныхъ опытовъ дѣлается выводъ, что и легкое опьяненіе понижаетъ психическую работоспособность на время отъ 24—36 часовъ.

Наконецъ опыты Smith'a. Этотъ экспериментаторъ доказалъ, что при дозахъ отъ 40—80 gr., соотвѣтствующихъ 1—2 л. пива, ½—1 бут. Мозеля, повторяемыхъ нѣсколько дней подрядъ, остаются слѣды на нѣсколько дней; Крепелинъ, дѣлая опыты въ томъ же направленіи, что и Smith, приходитъ къ выводу, что при принятіи новой дозы алкоголя прежде, чѣмъ достаточно продолжительное воздѣйствіе ранѣе воспринятаго алкоголя прекратило свое дѣйствіе, вызываетъ съ поразительною быстротою явленія хроническаго алкоголизма.

Указывая на доказанную экспериментально потерю пьяными способности обозрѣвать отдѣльныя дѣйствія въ ихъ совокупности, ихъ portée—т. е. возможныя ихъ послѣдствія—и на потерю господства надъ волею, выражающуюся въ невозможности противодѣйствовать ея импульсамъ, Крепелинъ приходитъ къ выводу о невмѣняемости простыхъ, непатологическихъ пьяныхъ въ извѣстной степени опьянѣнія какъ психически больныхъ людей; тѣ же опыты приводятъ Hoppe къ слѣдующему заключенію: „состояніе опьянѣнія, какъ сопровождающееся нарушеніемъ духовной дѣятельности, должно

быть разсматриваемо какъ преходящее умопомѣшательство" (Норре стр. 106).

Къ тѣмъ же выводамъ, но по соображеніямъ клиническаго характера, приходитъ и Крафтъ Эбингъ.

„Опьянѣніе въ сущности есть ничто иное какъ искусственное помѣшательство", говоритъ онъ на стр. 40 и 41 своего учебника психіатріи.

„Въ большинствѣ случаевъ вліяніе алкоголя обнаруживается въ началѣ подъ видомъ легкаго маніакальнаго возбужденія. Всѣ тѣлесныя и умственныя отправленія при этомъ усиливаются, теченіе идей облегчается. Молчаливый становится болтливымъ, человѣкъ спокойный—подвижнымъ. Повышенное самочувствіе ведетъ къ самоувѣреннымъ смѣлымъ выходкамъ, веселости. Усиленная потребность въ мышечномъ движеніи, неодолимое стремленіе двигаться, проявляется въ пѣніи, крикѣ, смѣхѣ, пляскѣ, всякихъ шумныхъ и часто безцѣльныхъ дѣйствіяхъ.

„Законы приличія въ началѣ еще сознаются, извѣстнымъ формамъ и обычаямъ отдается должное, нѣкоторое самообладаніе сохраняется. Но при возрастающемъ дѣйствіи алкоголя у пьянаго, какъ у неистоваго больнаго (маніака), постепенно угасаютъ ряды эстетическихъ представленій и моральныхъ сужденій, находящіеся, какъ элементы задерживающіе и контролирующіе, во всегдашнемъ полномъ распоряженіи здороваго „*Я*".

„Въ этомъ періодѣ пьяный неспособенъ сдерживать себя, выдаетъ недостатки своего характера, свои тайны,—in vino veritas—пренебрегаетъ обычаями и приличіемъ, дѣлается циничнымъ, грубымъ, неуступчивымъ и склоннымъ къ насилію. Теперь онъ теряетъ и способность судить о своемъ состояніи: онъ также не считаетъ себя пьянымъ, какъ помѣшанный—больнымъ, и жестоко обижается, если ему ставятъ правильный діагнозъ его состоянія.

„Наконецъ дѣло доходитъ до слабоумія, до потери сознанія, до помраченія внѣшнихъ чувствъ; появляются галлюцинаціи и иллюзіи, спутанность идей и въ заключеніе всего—состояніе глубокаго умственнаго отупѣнія (stupor), невнятный

лепетъ, шаткая походка, невѣрность всѣхъ движеній, совершенно какъ у паралитика.

Сходство этого искусственнаго помѣшательства съ дѣйствительнымъ выражается еще въ томъ, что иногда—конечно, на почвѣ особеннаго предрасположенія—опьянѣніе всякій разъ протекаетъ у даннаго субъекта, какъ острый бредъ (delirium acutum) или какъ скоропреходящее неистовство (mania transitoria), или же случайный алкогольный эксцессъ служитъ ближайшимъ поводомъ къ появляющемуся непосредственно вслѣдъ за нимъ продолжительному помѣшательству".

Изъ приведенныхъ данныхъ экспериментальной психологіи и клиническаго наблюденія несомнѣнно, думается мнѣ, вытекаетъ что такъ называемое физіологическое опьянѣніе въ высокихъ, по крайней мѣрѣ, степеняхъ развитія, есть психическая болѣзнь.

Перехожу къ хроническому алкоголизму.

Если вспомнить вышеприведенные опыты Smith'a и Крепелина о вліяніи принятія новыхъ дозъ алкоголя, когда дѣйствіе раньше принятыхъ не успѣло еще изгладиться, то необходимо будетъ прійти къ заключенію, что хроническое опьяненіе съ бо́льшимъ основаніемъ и въ значительно бо́льшемъ числѣ случаевъ, чѣмъ острое, должно быть, съ психологической точки зрѣнія, по крайней мѣрѣ, признаваемо психическимъ разстройствомъ.

Съ чисто психіатрической точки зрѣнія, независимо отъ вопроса о вмѣняемости алкоголиковъ, тоже сомнѣнія врядъ ли возбуждаются. Хроническій алкоголизмъ въ любомъ учебникѣ или трактатѣ по психіатріи и судебной психопатологіи разсматривается какъ психическая болѣзнь. Въ учебникѣ психіатріи Крафтъ Эбинга, ссылкою на авторитетъ котораго часто рѣшаютъ въ судѣ дѣла—хроническій алкоголизмъ и его осложненія отнесены къ категоріи „психозовъ вслѣдствіе отравленія" (стр. 709). Къ судебной психопатологіи того же Крафтъ-Эбинга (стр. 236) мы читаемъ: „хроническій алкоголизмъ нельзя считать простою страстью—это несомнѣнно мозговая болѣзнь". Таково же мнѣніе Корсакова, Сербскаго. Наконецъ и въ связи съ вопросомъ о вмѣняемости не возникаетъ сомнѣній

о рѣзкомъ патологическомъ характерѣ слѣдующихъ формъ хроническаго алкоголизма (по класс. Корсакова, курсъ псих. т. II стр. 1064):

1) Скоропреходящіе и затяжные психозы, составляющіе выраженіе хроническаго алкоголизма и

2) психозы, развивающіеся на почвѣ хроническаго алкоголизма.

Къ первымъ т. е. къ скоропр. и затяжнымъ психозамъ, Корсаковъ относитъ:	delirium tremens алкогол. трансъ	скоропр.
	запойный бредъ бредъ ревности бредъ преслѣдов. слабоуміе	затяжн.
Ко вторымъ:	меланхолія mania gravis полиневретическій психозъ	potatorum

Споръ обыкновенно вызываетъ такъ называемое психическое вырожденіе пьяницъ—degeneratio psychica potatorum. Эта та категорія испытуемыхъ, о которыхъ эксперты даютъ заключеніе: „никакою опредѣленною формою психическаго разстройства не страдаетъ, представляетъ признаки хроническаго алкоголизма или алкогольной дегенераціи“.

Формула, пожалуй, удобная для эксперта, но убійственная для всѣхъ остальныхъ участниковъ процесса и болѣе всѣхъ, разумѣется, для обвиняемаго.

Я не буду настаивать на описаніи всѣхъ тѣхъ глубокихъ измѣненій въ психической и физической сферѣ, которыя наблюдаются въ болѣе или менѣе развитой формѣ психической дегенераціи алкоголиковъ; относительно клиническихъ проявленій этой послѣдней разногласія нѣтъ. Нарисовать краткій рельефный клиническій портретъ алкогольнаго дегенерата, какъ это сдѣлалъ Крафтъ Эбингъ, для алкоголика въ состояніи остраго опьянѣнія — трудно, такъ какъ слагаемыя этого портрета и болѣе многочисленны и болѣе сложны, чѣмъ въ случаѣ остраго опьянѣнія; укажу лишь на то, что, по общему признанію, нѣтъ та-

кой сферы психической дѣятельности, а зачастую и органа, который бы въ той или иной степени не былъ страждущимъ у алкогольнаго дегенерата. Въ нѣсколькихъ словахъ: алкогольная дегенерація сказывается прежде всего въ явленіяхъ психической слабости, возрастающей недостаточности нравственныхъ и познавательныхъ отправленій. Психическая слабость алкогольнаго дегенерата проявляется въ глубокомъ измѣненіи характера, въ появленіи непривычной жестокости, цинизма, въ крайней, съ трудомъ обуздываемой, раздражительности, въ подавляющей, парализующей лучшія стремленія и намѣренія, слабости воли, въ ослабленіи памяти, тупости воспріятій. Не менѣе глубоко пораженіе и въ области общихъ чувствованій, сказывающееся въ безпокойномъ снѣ, тяжести головы, нерасположеніи къ умственнымъ занятіямъ и, наконецъ, въ области спеціальныхъ чувствъ, реагирующихъ на хроническое отравленіе алкоголемъ, зрительными и слуховыми иллюзіями и галлюцинаціями. Наконецъ въ физической сферѣ всѣмъ извѣстно дрожаніе рукъ у алкоголиковъ, нарушенія правильности кровообращенія, вызывающія характерные застои крови, въ частности на лицѣ и, наконецъ, проявленія патологическаго состоянія разныхъ внутреннихъ органовъ, подъ вліяніемъ алкоголя, въ родѣ хроническаго катарра желудка, жироваго перерожденія сердца и т. д.

Забѣгая нѣсколько впередъ, я подчеркиваю то на судѣ рѣдко признаваемое экспертами и еще чаще отвергаемое судьями и присяжными положеніе, что, независимо отъ осложненія какими либо рѣзко выраженными психозами, одно алкогольное вырожденіе, само по себѣ, когда имѣются на лицо тѣлесные симптомы хроническаго алкоголизма и измѣненія характера и нравственнаго облика пьяницы, должно быть разсматриваемо, какъ душевное разстройство, на ряду съ прочими устраняющее вмѣняемость. „Вполнѣ выраженное психическое вырожденіе пьяницъ, конечно, уничтожаетъ собою условія вмѣняемости“, говоритъ Крафтъ Эбингъ въ своей судебной психопатологіи, стр. 237; „способность ко вмѣненію совершенно уничтожаетъ при рѣзко выраженной степени алкогольной дегенераціи“, говоритъ Сербскій въ судебной

психопатологіи вып. 2-ой стр. 367; и такихъ цитатъ можно было бы привести еще очень много.

Итакъ, думается мнѣ, можно разсматривать какъ доказанные два факта: извѣстная степень остраго опьянѣнія такъ называемаго физіологическаго характера и извѣстная степень алкогольной дегенераціи суть виды душевныхъ болѣзней.

Какіе выводы можно сдѣлать изъ этого положенія?

„Разъ будетъ доказано клиническимъ путемъ, что человѣкъ душевно-больной, то дѣйствія его уже не могутъ считаться вмѣняемыми“, говоритъ проф. *Мержеевскій*.

„Если врачебнымъ изслѣдованіемъ доказано существованіе душевной болѣзни у обвиняемаго, то этимъ доказано и существованіе невмѣняемости“ (*Черемшанскій*).

Если приведенную точку зрѣнія др-овъ Мержеевскаго и Черемшанскаго, раздѣляемую очень многими, сопоставить съ тѣмъ, что на судѣ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, степень остроты опьяненія съ трудомъ можетъ быть установлена, что свидѣтели, судъ и присяжные склонны считать опьянѣніе менѣе сильнымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ изъ боязни, что обвиняемый прикрывается сильнымъ опьяненіемъ, что далѣе распознаніе разрушеній въ психической сферѣ, вызванныхъ алкогольной дегенераціею, также крайне затруднено, какъ недостаточностью свѣдѣній о прежнемъ харатерѣ испытуемаго, такъ и крайнимъ несовершенствомъ методовъ наблюденія надъ элементами психическаго характера, даже и въ лечебныхъ заведеніяхъ, если стать на точку зрѣнія Крафтъ Эбингъ „что умственное состояніе пьяницы, съ суд. медиц. точки зрѣнія, всегда будетъ подозрительнымъ“—(суд. психоп. 236), если, наконецъ, принять во вниманіе, что всякое сомнѣніе должно быть истолковываемо въ пользу обвиняемаго, то можно будетъ выставить слѣдующія положенія: *всякій доказанный случай значительнаго остраго и всякаго хроническаго опьянѣнія долженъ считаться достигшимъ степени психической болѣзни, пока противное не доказано; всякая душевная болѣзнь устраняетъ вмѣняемость; слѣдовательно, во всѣхъ доказанныхъ случаяхъ значительнаго остраго опьянѣнія и во всѣхъ случаяхъ хронич. пьянства не-*

вмѣняемость презумируется—противное должно быть доказано.

Выставляемыя положенія должно разсматривать, разумѣется, только какъ тенденцію, имѣющую въ настоящее время потому важное значеніе, что въ обществѣ и судебныхъ сферахъ господствуетъ противное теченіе. Фактически большинство психіатрическихъ дѣлъ рѣшается, какъ уже указывалось, не по точно доказаннымъ даннымъ — такихъ данныхъ почти никогда нѣтъ, а по впечатлѣніямъ и болѣе или менѣе основательнымъ предположеніямъ. Однимъ изъ такихъ предположеній, создающимъ уголъ зрѣнія, которымъ и будетъ опредѣляться отношеніе къ проходящимъ на судѣ, какъ блѣдные фантомы, фактамъ и нужно считать приведенное нами положеніе.

Разумѣется, большинство дѣятелей на судебномъ и судебно-психіатрическомъ поприщѣ не раздѣляетъ ни перваго, ни второго изъ высказанныхъ положеній. Первое положеніе ограничиваютъ выдѣленіемъ цѣлыхъ большихъ группъ алкоголизма, предполагающихъ будто-бы a priori вмѣняемость.

Такъ, какъ уже было сказано, острое опьянѣніе дѣлятъ на физіологическое и патологическое, этимъ подчеркивается какъ бы нормальный характеръ перваго; изъ чего слѣдуетъ выводъ, что такое опьянѣніе не есть душевная болѣзнь. Въ свою очередь изъ категоріи хроническаго алкоголизма—выдѣляютъ алкогольную дегенерацію, опредѣляя ее какъ непредставляющуюся опредѣленною формою психическаго разстройства.

Эти выдѣленія однако врядъ ли можно признать удачными. Выраженіе „физіологическое опьянѣніе", равносильное признанію нормальнымъ отравленіе алкогольнымъ ядомъ—nonsens. Дѣленіе опьянѣнія на физіологическое и патологическое пытаются обосновать ссылкою на ту почву, свойства того организма, въ который вводится ядъ: въ первомъ случаѣ, въ случаѣ физіологическаго опьянѣнія, организмъ предполагается нормальнымъ, здоровымъ, во второмъ, при патологическомъ—патологически оттягченнымъ. Но введеніе для нуждъ классификаціи—почвы, „свойствъ организма" тоже не даетъ ничего твердаго, ничего устойчиваго, въ особенности

для разрѣшенія сомнительныхъ случаевъ, такъ какъ къ трудно опредѣляемымъ понятіямъ—физіологическая и патологическая реакція,—прибавляется еще не менѣе трудно опредѣляемое понятіе — патологически отягченный и нормальный организмъ.

То же самое нужно сказать и объ алкогольной дегенераціи. О больныхъ, страдающихъ этою формою алкоголизма, эксперты отзываются такъ: „Опредѣленной формы психическаго разстройства не представляетъ". Какой смыслъ имѣетъ такое опредѣленіе? Что имъ желаютъ сказать? Психически боленъ, но форма болѣзни трудно опредѣлима, или же психически *не* боленъ? Очевидно, не второе, такъ какъ тогда было бы сказано просто психически здоровъ.

Значитъ, признаютъ, что боленъ, — но что формы болѣзни не опредѣлили; а кто спрашиваетъ экспертовъ о формѣ? Кому это интересно знать? Вѣдь законъ говоритъ о припадкахъ умоизступленія или безпамятства, о безуміи и сумасшествіи, то есть о всемъ, что угодно, кромѣ признанныхъ психіатріею формъ; зачѣмъ же выдвигать вопросъ о формѣ, который только сбиваетъ всѣхъ съ толку?

Наконецъ, и съ чисто психической точки зрѣнія никакого значенія не имѣетъ такая формула. Правъ Кандинскій, говоря въ своей книгѣ „къ вопросу о невмѣняемости" стр. 104: я, какъ экспертъ, немного объяснилъ бы, если бы сказалъ на судѣ: въ данномъ случаѣ опредѣленной формы сумасшествія я не вижу.

Вѣдь это значитъ только, что я въ этомъ случаѣ не встрѣтился ни съ дною изъ формъ, являющихся для меня въ настоящее время опредѣленными; но вѣдь можетъ быть, что черезъ два—три мѣсяца я къ числу формъ для меня опредѣленныхъ прибавлю новую; можетъ быть, наконецъ, для моего коллеги уже теперь является весьма опредѣленнымъ то, что для меня еще не стало таковымъ.

Ссылка на неопредѣленность формы дѣлается, очевидно, какъ компромиссъ: признать алкоголика дегенерата психически здоровымъ психіатръ не можетъ, признать его психически больнымъ—опасается, т. к. возможно признаніе его и невмѣняе-

мымъ; берется нѣчто среднее, неопредѣленное, никому кромѣ психіатра не нужное. Я потому остановился на этомъ компромиссѣ, что онъ наиболѣе часто встрѣчается въ трудныхъ случаяхъ хроническаго алкоголизма въ особенности въ дѣлахъ о крупныхъ преступленіяхъ; а вѣдь именно по такимъ дѣламъ желательно было бы требовать отъ экспертовъ отчетливой постановки психіатрическаго вопроса.

Итакъ, вотъ одни способы выйти изъ затрудненія, создаваемаго выше поставленнымъ силлогизмомъ о невмѣняемости при доказанности душевной болѣзни; способъ этотъ—изъятіе изъ семьи психическихъ разстройствъ цѣлыхъ группъ алкогольныхъ отравленій. Есть еще другой способъ—это иная постановка вопроса о вмѣненіи при доказанности психическаго разстройства.

Формулѣ: разъ доказана душевная болѣзнь, доказана невмѣняемость, противополагается утвержденіе: не всякая душевная болѣзнь обусловливаетъ невмѣняемость. На эту точку зрѣнія стали доктора Чечоттъ и Рагозинъ въ соединенныхъ засѣданіяхъ Спб. юрид. и псих. о-въ въ 1883 году, когда обсуждалась редакція 33 ст. проекта, соотвѣтствующая ст. 39 новаго улож.; на нее сталъ и проф. Вульфертъ въ Московск. юр. общ. и редакторы объяснит. записки. (Объясн. зап. т. I стр. 298). „Не каждый помѣшанный есть лицо неотвѣтственное, неправоспособное,—говорилъ д-ръ Чечоттъ. Какъ это ни парадоксальнымъ можетъ показаться на первый взглядъ, однако, это вполнѣ согласуется съ дѣйствительностью.... Съ теоретической точки зрѣнія всѣ они (подъ словомъ „они“ д-ръ Чечоттъ понимаетъ разныя сомнительныя душевныя состоянія) могутъ быть по справедливости отнесены къ той или другой группѣ, приведенной въ 33 ст.; на практикѣ же, когда за такимъ теоретическимъ выводомъ будетъ слѣдовать практическое освобожденіе всѣхъ ихъ изъ подъ отвѣтственности, такой способъ окажется неправильнымъ или просто неосуществимымъ“; и дальше—перечисливъ различныя сомнительныя формы душевнаго разстройства, въ томъ числѣ и алкоголизмъ, д-ръ Чечоттъ говоритъ:

„Всѣ эти состоянія, съ чисто теоретической точки зрѣ-

нія, научной, безъ приложенія ея къ опредѣленному практическому вопросу, разсматриваются какъ психическія заболѣванія"...

Итакъ, ясно—препятствіемъ къ признанію всякаго психическаго заболѣванія умопомѣшательствомъ, устраняющимъ вмѣняемость, является опасеніе практическихъ послѣдствій такого признанія, возможная безнаказнность большого количества преступниковъ, угрожающихъ общественной безопасности. Постановка, даваемая вопросу д-ръ Чечоттомъ, имѣетъ то преимущество, что она подводитъ насъ къ самому центру, къ ядру этого вопроса. Нельзя сказать того же о попыткахъ обосновать вмѣняемость при наличности душевнаго разстройства ссылкою на сохраненіе сознанія и возможность управлять своими поступками.

Не останавливаясь на сложныхъ вопросахъ о психологическомъ критеріи вмѣняемости, о необходимости включенія его въ законъ, я скажу лишь попутно, что не придаю этому вопросу большого значенія по той простой причинѣ, что на практикѣ вопросъ о невмѣняемости эксперта и рѣшается не на основаніи психологическихъ критеріевъ, а на основаніи клиническаго критерія. Объяснюсь. Разрѣшеніе вопросовъ психологическаго характера, каковыми являтся вопросъ о пониманіи свойствъ и значенія содѣяннаго, о возможности руководствоваться своими поступками, необыкновенно трудно не только потому, что понятіе „пониманіе свойствъ и значенія" „руководство", несмотря на весь прогрессъ естественной науки, еще не отрѣшились отъ метафизическаго ихъ прошлаго, но главнымъ образомъ потому, что обсолютно никакихъ критеріевъ внѣ клиническаго для ихъ разрѣшенія нѣтъ. Лабораторно, точнѣе экспериментально, въ лабораторіяхъ опытной психологіи, можно, подвергая испытуемаго въ строго научной обстановкѣ и послѣдовательности, научнымъ наблюденіямъ, вычислить количественные моменты его психическихъ отправленій: быстроту интеллектуальной или физической реакціи, количество правильныхъ и ошибочныхъ элементарныхъ психическихъ актовъ, совершаемыхъ на протяженіи опредѣленнаго времени и подъ вліяніемъ опредѣленныхъ факторовъ и т. д.

Опредѣлить же черезъ большой промежутокъ времени, на основаніи показаній, въ большинствѣ случаевъ не только спеціально не подготовленныхъ, но крайне неразвитыхъ и абсолютно ненаблюдательныхъ случайныхъ свидѣтелей, тончайшіе психическіе акты, происходившіе въ сознаніи преступника— по меньшей мѣрѣ претенціозно.

Гдѣ найти матеріалъ въ большинствѣ случаевъ, для разрѣшенія тонкихъ психологическихъ вопросовъ, когда на судѣ съ трудомъ добываются и грубыя, матеріальныя данныя? Въ этомъ отношеніи данныя, добываемыя наблюденіемъ въ спеціальныхъ заведеніяхъ, также не даютъ надлежащаго матеріала. Наблюденія въ лечебныхъ заведеніяхъ дѣлаются обыкновенно черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ задержанія преступника, въ лучшемъ случаѣ черезъ нѣсколько недѣль, когда отъ состоянія испытуемаго въ моментъ совершенія преступленія не осталось почти никакого слѣда, что особенно часто случается относительно алкоголиковъ. Иной разъ, случайно, удается наблюдать испытуемаго алкоголика въ пьяномъ видѣ въ лечебномъ заведеніи. Но наблюденіе въ больничной обстановкѣ, т. е. надъ алкоголикомъ тепло одѣтымъ, хорошо накормленнымъ, отдохнувшимъ, дѣлаютъ этотъ случайный экспериментъ, въ случаѣ отрицательныхъ для испытуемаго результатовъ, совершенно бездоказательнымъ для выясненія того, что было въ моментъ совершенія преступленія. Я резюмирую: работа экспертовъ-психіатровъ на судѣ лубочная, грубая—вотъ почему необходима крайняя осторожность, почему всякій экспертъ меньше всего думаетъ о сознаніи и способности къ волеопредѣленію, а рѣшаетъ болѣе легкій для него вопросъ о наличности душевнаго разстройства или отсутствіи его. И въ зависимости отъ разрѣшенія этого послѣдняго вопроса, на основаніи клинической картины и физическаго изслѣдованія испытуемаго, рѣшается съ безконечными натяжками поддающійся безконечному растяженію вопросъ: „сознавалъ ли больной свойство и значеніе содѣяннаго“ и т. д.

Вотъ почему большинство психіатровъ въ засѣданіи С.-Петербургскаго Психіатрическаго Общества въ февралѣ 1883 г. высказалось противъ включенія психологическаго критерія

въ статью закона, трактующую о невмѣненіи, вотъ почему вызываютъ и будутъ вызывать сочувствіе психіатровъ постановленія стараго гильдейсгеймскаго съѣзда германскихъ психіатровъ, постановившаго въ 1865 г. (св. замѣч. т. III, стр. 28).

Пол. 3. „Главнымъ образомъ подлежитъ рѣшенію вопросъ, здоровъ ли психически или боленъ подсудимый. Это только долженъ доказывать судебный врачъ, какъ бы ни былъ поставленъ вопросъ судомъ.

Пол. 15. „Существованію душевной болѣзни нисколько не противорѣчитъ то, что данный субъектъ:

A) въ состояніи предвидѣть послѣдствія своего дѣянія;

B) что по отношенію къ совершаемому поступку въ состояніи различать законное отъ незаконнаго;

C) что онъ въ состояніи чувствовать раскаяніе въ совершенномъ;

D) что у даннаго субъекта нельзя открыть связи между его поступкомъ и болѣзненными идеями, настроеніемъ духа и стремленіями;

E) что у него нельзя доказать никакихъ идей бреда“.

Итакъ, не говоря уже о томъ, что, по справедливому замѣчанію проф. Мержеевскаго, дико говорить о безнаказности душевно-больнаго, когда самою душевною болѣзнью онъ жестоко наказанъ, простая добросовѣстность, порождающая священный страхъ предъ легкою возможностью ошибки при оперированіи надъ такимъ сложнымъ матеріаломъ, какъ человѣческая душа, съ такими примитивными орудіями, какъ тѣ, что въ распоряженіи современной психіатріи, заставляетъ присоединиться къ тѣмъ, кто вмѣстѣ съ Мержеевскимъ и Черемшанскимъ требуютъ признанія невмѣняемыми всѣхъ душевно-больныхъ.

Но какъ быть со страхомъ, вызываемымъ послѣдствіями признанія безнаказными многихъ алкоголиковъ, страхомъ, высказаннымъ др. Чечотомъ и раздѣляемымъ большинствомъ юристовъ? Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи процитировать наиболѣе характерное выраженіе такого страха

въ замѣчаніяхъ Главн. Военно-Морск. Прокурора на проектъ 36 ст. (Свод. замѣч. т. III, стр. 61).

Возражая на объясненіе составителей проекта, что если лицо совершило что-либо въ безсознательномъ состояніи, то оно невмѣняемо, будь та безсознательность вызвана горячкою, тифомъ, хлороформомъ или алкоголемъ—г. прокуроръ пишетъ: „подобное разсужденіе... не только можетъ повести къ весьма невыгоднымъ для правосудія послѣдствіямъ, особенно въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ, гдѣ большинство преступленій противъ дисциплины и порядка службы совершается нижними чинами подъ вліяніемъ опьянѣнія, но едва-ли теоретически вѣрно, потому что болѣзнь не зависитъ отъ воли человѣка, какъ зависитъ обыкновенное опьянѣніе, которое притомъ и само по себѣ составляетъ предосудительный поступокъ“. Это, *притомъ* подчеркиваетъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ отрицательнаго отношенія къ вопросу о невмѣняемости алкоголиковъ.

Мнѣнія, близкія къ приведенному, высказали въ замѣчаніяхъ на проектъ редакц. коммиссіи Московская Суд. Палата (Св. III, 64), Вологод. Окр. Судъ (ib. 65), заявившій, что „въ пьянствѣ состояніе безсознательности произвольное, зависящее отъ порока и совершенно отличное отъ другихъ случаевъ безсознательности, возникающихъ помимо воли человѣка“, Кіевскій прокурорскій надзоръ (ib. 67), Сарапульская прокуратура (ib. 68), Ржевская прокуратура (ib. 71) и т. д.

Эти мнѣнія не новы. Въ 1848 г. въ 6 Д—тѣ Сената разбиралось дѣло сотника Яковлева, страдавшаго запоемъ и галлюцинаціями; по этому дѣлу Министръ Юстиціи призналъ, что обвиняемый въ сущности страдалъ психическимъ разстройствомъ, но что подведеніе его подъ это состояніе было бы опасно въ виду народной нравственности, правосудія и общественной безопасности. Съ этимъ мнѣніемъ согласился и Госуд. Совѣтъ (Таганцевъ, Рус. уг. пр. ч. Общ. т. I, стр. 468).

Мы не будемъ останавливаться на опроверженіи смѣшенія болѣзни съ порокомъ; мнѣніе это отголосокъ отжившей религіозной концепціи патологическихъ явленій въ психиче-

ской сферѣ. Позволимъ себѣ привести прекрасную отповѣдь, сдѣланную С. С. Корсаковымъ тѣмъ, кто въ пьянствѣ ничего кромѣ порочности не видитъ (Курсъ психіатріи, т. II, стр. 1076). „Да и что считать порокомъ, говоритъ Корсаковъ? если подъ порокомъ разумѣть недостатокъ, подобно тому, какъ мы называемъ „порокомъ“ недостатки, напр., лошадей, то, конечно, пьянство будетъ такимъ порокомъ, потому что оно, въ большинствѣ случаевъ, и обусловливается „недостаточностью“ личности. Если подъ порокомъ разумѣть такой недостатокъ, который въ значительной степени зависитъ отъ неправильнаго воспитанія, отъ вліянія примѣра и можетъ предотвращаться, и иногда даже устраняться, моральнымъ воздѣйствіемъ на человѣка, то и тогда пьянство часто можетъ быть названо порокомъ; если, наконецъ, порокомъ называть тотъ недостатокъ, который можетъ сопровождаться сознаніемъ своей отвѣтственности и виновности, то и тогда пьянство во многихъ случаяхъ считается самими пьяницами порокомъ. Но, если порокомъ называть то, что находится въ полной зависимости отъ доброй воли человѣка, то пьянство далеко не принадлежитъ къ такимъ порокамъ: оно въ большинствѣ случаевъ является результатомъ патологической неуравновѣшенности организма, обусловленной или наслѣдственнымъ расположеніемъ („пить вино можетъ всякій по своей волѣ, но пьяницей дѣлается не всякій, а кто къ этому предрасположенъ“)—или тѣмъ, что вино, употребляемое иногда изъ подражанія, противъ воли, иногда даже какъ гигіеническое средство по предписанію врачей, при продолжительности употребленія вызываетъ болѣзненную привычку къ нему или такое состояніе, при которомъ даже небольшое количество спиртныхъ напитковъ вызываетъ рѣзкія болѣзненныя явленія. А, если это такъ, то въ громадномъ большинствѣ случаевъ пьянство является уже не порокомъ, а болѣзнью, причина которой коренится какъ въ наслѣдственной неустойчивости, такъ и въ окружающей средѣ, способствующей разными способами развитію пьянства“.

Не останавливаясь на прочихъ соображеніяхъ противни-

ковъ уравненія пьянства съ прочими видами психическаго разстройства съ точки зрѣнія его вліянія на вмѣняемость, я перехожу къ вопросу о томъ, какъ примирить требованіе психіатріи и уголовной справедливости, съ одной стороны, общественной безопасности—съ другой.

Я вижу только два способа: одинъ изъ нихъ отвергнутъ новымъ уложеніемъ—уменьшеннъя вмѣняемость или точнѣе уменьшенная отвѣтственность, другой—спеціальныя мѣры, принимаемыя по отношенію къ признаннымъ невмѣняемыми преступникамъ.

Уменьшенную отвѣтственность я понимаю, не какъ послѣдствіе признанія существованія уменьшенной вмѣняемости, а какъ необходимый компромисъ, вызываемый съ одной стороны колебаніями въ психіатрической оцѣнкѣ нѣкоторыхъ видовъ алкогольнаго опьянѣнія—какъ напр. привычнаго пьянства физіологическаго опьянѣнія, алкогольной дегенераціи, съ другой—неизбѣжными погрѣшностями въ матеріалѣ для сужденія о степени опьянѣнія, собираемомъ, какъ предварительнымъ, такъ и судебнымъ слѣдствіемъ. На колебаніяхъ въ психіатрической оцѣнкѣ я не буду больше останавливаться; они, вѣроятно, не скоро исчезнутъ, а потому насущность парализованія невыгодныхъ для испытуемаго послѣдствій этихъ колебаній путемъ особаго смягченія закономъ назначенной ему кары—не требуетъ доказательства.

Что же касается до погрѣшностей въ собираемомъ слѣдствіемъ матеріалѣ для сужденія о степени опьянѣнія, то необходимо прежде всего замѣтить, что картина остраго опьянѣнія, рисуемая Крафтъ Эбингомъ, на практикѣ могла бы наблюдаться вѣроятно, очень часто, если бы только были каждый разъ налицо достаточно опытные и вдумчивые наблюдатели; судебный опытъ однако показываетъ, что свидѣтелями состоянія обвиняемаго, ссылающагося на пьянство, являются либо товарищи его и собутыльники, сами бывшіе не менѣе пьяными, чѣмъ обвиняемый, либо полицейскіе агенты, мало склонные признавать сильно пьяными тѣхъ индивидовъ, для которыхъ потребовалось энергичное и часто для полиціи не проходящее безнаказанно вмѣшательство ея агентовъ. Съ

другой стороны, нерѣдко внѣшнія проявленія алкоголизма, не доходя до большой выпуклости, хотя бы въ силу индивидуальныхъ особенностей пьющаго, вызываютъ, тѣмъ не менѣе, въ психической его сферѣ крайне серьезныя измѣненія, ничѣмъ не уступающія измѣненіямъ быстро преходящаго помѣшательства отъ другой причины; провѣрка степени пониженія психическихъ способностей въ этихъ случаяхъ невозможна даже и экспериментальнымъ путемъ, такъ какъ въ лабораторіи крайне трудно воспроизвести даже главнѣйшіе изъ факторовъ, вліяющихъ на реакцію даннаго индивида на алкоголь, какъ то: атмосферу того мѣста, гдѣ алкоголь поглощался, качество выпитаго алкоголя, психическое и физическое состояніе изнуренія и тревоги, въ которой средній преступникъ изъ бѣднѣйшаго класса населенія обыкновенно находится. Остаются такимъ образомъ почти всегда, въ случаяхъ совершенія преступленія подъ вліяніемъ алкоголя или въ пьяномъ видѣ, большія открытыя скобки, заставляющія относиться съ крайнею осторожностью къ этимъ случаямъ. Эта осторожность настолько по моему должна быть велика, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ доказано потребленіе предъ совершеніемъ преступленія болѣе или менѣе значительныхъ дозъ алкоголя—а это обыкновенно не трудно установить—необходимо для избѣжанія ошибки, въ которую такъ легко впасть, признавать уменьшенную отвѣтственность; не настаивая на этомъ вопросѣ, я считаю нужнымъ обратить на него, тѣмъ не менѣе, особое вниманіе, въ особенности въ виду той широты въ выборѣ наказанія, которую новое уложеніе предоставило судьямъ.

Перехожу теперь къ другой мѣрѣ предотвращенія опасности, возникающей для общества отъ признанія преступника невмѣняемымъ: къ мѣрѣ, санкціонированной 2 ч. 39 ст. новаго уложенія о нак. 22 марта 1903 г. Эта часть 39 ст. редактирована такъ:

„Въ случаяхъ, когда оставленіе *такого* лица безъ особаго присмотра судъ признаетъ опаснымъ онъ отдаетъ это лицо подъ отвѣтственный надзоръ родителямъ или другимъ лицамъ, пожелавшимъ принять его на свое попеченіе или

помѣщаетъ его во врачебное заведеніе. Въ случаяхъ же учиненія убійства, весьма тяжкаго тѣлеснаго поврежденія, изнасилованія, поджога или покушенія на одно изъ сихъ преступныхъ дѣяній лицо, совершившее такое дѣяніе, обязательно помѣщается во врачебное заведеніе".

Подъ „такимъ лицомъ", о которомъ говорится въ процитированной статьѣ, разумѣется лицо, признанное невмѣняемымъ.

Будетъ излишнимъ настаивать на крайней важности правильнаго пониманія и примѣненія 2 ч. 39 ст., статьи, дающей возможность, внѣ гарантій, представляемыхъ нормальнымъ судебнымъ разбирательствомъ, ограничивать и притомъ на неопредѣленные и всегда, болѣе или менѣе продолжительные сроки, свободу испытуемыхъ. Важность правильнаго пониманія этой статьи по отношенію къ алкоголикамъ усугубляется тѣмъ, что новое уложеніе вводитъ болѣе широкое и раціональное пониманіе условій невмѣняемости алкоголиковъ, что изъ всѣхъ душевно-больныхъ алкоголики наиболѣе часто привлекаются за незначительныя полицейскія правонарушенія, незначительность которыхъ однако, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, не устраняетъ возможности примѣненія и къ такимъ обвиняемымъ мѣръ продолжительной секвестраціи. Важно правильное пониманіе 2 ч. 39 ст. по отношенію къ алкоголикамъ еще и потому, что въ этой статьѣ могутъ въ извѣстныхъ случаяхъ, въ особенности при примѣненіи ея органами судебно-административными, найти выходъ сторонники ограниченія гражданской правоспособности привычныхъ пьяницъ, лишенные возможности добиться ограниченія свободы и дѣеспособности такихъ пьяницъ инымъ путемъ, въ виду отсутствія надлежащихъ узаконеній.

Объектомъ мѣръ, предусмотрѣнныхъ 2 ч. 39 статьи, какъ видно изъ ея текста, можетъ быть всякое признанное невмѣняемымъ лицо, *за что бы оно ни привлекалось* къ отвѣтственности. Если принять во вниманіе, что новое уложеніе должно замѣнить и уложеніе и уставъ—необходимо заключить, что указаннымъ во 2 ч. 39 ст. мѣрамъ можетъ подвергнуться и лицо, совершившее самое ничтожное полицейское право-

нарушеніе,—напримѣръ обычный для пьяницъ скандалъ на улицѣ, предусмотрѣнный 38 ст. уст. Нельзя не отмѣтить, что такое значительное отступленіе отъ правилъ, изображенныхъ въ 95 и 96 ст. нынѣ дѣйствующаго улож. о наказ., представляетъ неожиданную и ничѣмъ не оправдываемую уступку теоріямъ антропологической школы. Судъ, примѣняя 2 ч. 39 ст., является не столько судомъ, сколько органомъ полиціи безопасности. Если же распространить и на соціальный организмъ законъ физическихъ организмовъ—функція создаетъ органъ—то нельзя не ожидать, безъ нѣкотораго безпокойства за участь испытуемыхъ, послѣдствій отправленія судомъ полицейскихъ обязанностей.

Въ замѣчаніяхъ на проектъ общей части новаго уложенія нѣкоторыя лица и учрежденія высказались противъ распространенія права, предоставляемаго 2 ч. 39 ст., на лицъ, учинившихъ незначительныя нарушенія.

Такъ, прокуроръ Полтавскаго окружнаго суда замѣчаетъ, „что едва ли представляется необходимымъ распространять это право, т. е. право секвестраціи и на случаи обвиненія упомянутыхъ въ 39 ст. лицъ въ какихъ либо нарушеніяхъ. Въ особенности было бы *неудобно* предоставить на усмотрѣніе мировыхъ судей помѣщать во врачебное заведеніе всякаго, кто будетъ ими признанъ совершившимъ какое либо нарушеніе въ безсознательномъ состояніи.

Я подчеркиваю эвфемизмъ г. Люце, называющаго это *неудобствомъ*; это не неудобно, а прямо ужасно, если хотя немного быть знакомымъ съ условіями, при которыхъ иной разъ единоличными судебными органами, въ особенности административно-судебными, отправляется правосудіе.

Г. Закревскій, въ 80-хъ годахъ прокуроръ Харьковской судебной палаты, находилъ невозможнымъ допустить, чтобы кто либо былъ отданъ во врачебное заведеніе потому только, что онъ засаривалъ рѣки и каналы бросаніемъ въ нихъ такихъ веществъ, отъ которыхъ не можетъ послѣдовать порчи воды, что онъ не исполнилъ обязанности чистить колодцы, что онъ охотился или ловилъ рыбу недозволенными способами и т. п.

Редакціонная коммисія однако не нашла возможнымъ согласиться съ этими замѣчаніями на томъ основаніи (объясн. зап. т. I стр. 331), что душевно-больной постоянно, напр., прогуливающійся голымъ по улицѣ или ломающій публично выставленныя статуи или засаривающій общественные водостоки и водохранилища и т. п., за коимъ притомъ нельзя устроить надзоръ родственниковъ, несомнѣнно долженъ быть отданъ въ заведеніе для душевно-больныхъ, если *судъ найдетъ его дѣйствія* опасными для общества".

Подчеркиваю заключительную часть мотивовъ редакціонной коммисіи, „если судъ найдетъ *дѣйствія опасными*" и обращаю вниманіе на примѣры, ею приводимые. Изъ сопоставленія выраженія *дѣйствія* съ примѣрами редакціонной коммисіи можно было бы заключить, что вопросъ о секвестраціи можетъ возникнуть лишь тогда, когда содѣянное невмѣняемымъ признается само по себѣ опаснымъ для общества—какъ засариваніе колодцевъ, разбиваніе стоющихъ большія деньги статуй и т. д. Между тѣмъ текстъ 39 ст. не даетъ никакого основанія толковать ее именно въ такомъ ограничительномъ смыслѣ, такъ какъ въ этой статьѣ предоставляется право интернировать психическихъ больныхъ обвиняемыхъ не тогда лишь, когда дѣйствія ихъ опасны, а во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, „когда оставленіе такого лица безъ особаго присмотра судъ признаетъ опаснымъ", слѣдовательно независимо отъ того, что̀ обвиняемый сдѣлалъ. „Предоставляя усмотрѣнію суда такое широкое право, редакціонная коммисія, говорится далѣе въ объяснительной запискѣ т. I, стр. 331, убѣждена, что судебныя мѣста будутъ пользоваться своимъ правомъ съ должною осторожностью и будутъ прибѣгать къ этимъ мѣрамъ только послѣ тщательнаго обсужденія всѣхъ, имѣющихся въ виду суда свѣдѣній о состояніи психическаго здоровья лица, а равно и предъявленныхъ по сему предмету экспертами заключеній".

Одного убѣжденія редакціонной коммисіи однако мало, когда рѣчь идетъ о такомъ благѣ, какъ свобода; нужны опредѣленныя мѣры для охраненія ея. Такихъ же мѣръ новое уложеніе совсѣмъ не указываетъ. Неудобство этого умолчанія

особенно станетъ очевиднымъ если разсмотрѣть, кто можетъ рѣшить вопросъ объ интернированіи душевно больного, и въ какомъ порядкѣ этотъ вопросъ рѣшается.

Въ общихъ судебныхъ мѣстахъ умственныя способности обвиняемыхъ испытываются въ порядкѣ 353—356 уст. угол. судопр. судомъ; если сомнѣніе въ умственной ненормальности, возникшее на предварительномъ слѣдствіи, подтвердилось,—то этимъ изслѣдованіе и ограничивается; если же невмѣняемость не доказана, дѣло идетъ въ общемъ порядкѣ, и вопросъ о состояніи умственныхъ способностей обвиняемаго рѣшается въ судебномъ засѣданіи, разсматривающемъ дѣло по существу. Изслѣдованіе умственныхъ способностей въ порядкѣ 353—356 ст. происходитъ въ большинствѣ судовъ въ распорядительномъ засѣданіи и лишь въ нѣкоторыхъ—въ судебномъ (объясн. зап. къ проекту новой редакціи уст. угол. суд. т. II, стр. 334).

Замѣтимъ попутно, 1) что мировые судьи и съѣзды, согласно 112 ст. уст. угол. суд. и разъясненія общаго собранія 82/9, въ отношеніи возбужденія сомнѣнія въ здравомъ смыслѣ обвиняемаго, должны поступать, какъ судебный слѣдователь, т. е. они обязаны все производство по вышеупомянутому вопросу безъ какихъ бы то ни было заключеній, передать на дальнѣйшее распоряженіе прокурора окружнаго суда, который и даетъ дѣлу направленіе въ порядкѣ 353—356 ст. уст. угол. суд.;

2) что ст. 198 правилъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ повторяетъ буква въ букву 353 ст. уст. угол. суд., вслѣдствіе чего судебно-административныя учрежденія, созданныя 12 іюля 1889 г., слѣдуютъ тому же порядку, что и мировыя учрежденія;

3) что относительно порядка, которому должны слѣдовать въ этомъ отношеніи волостные суды, ничего нигдѣ въ законѣ не указано.

Итакъ, въ конечномъ результатѣ, въ фазисѣ предварительнаго слѣдствія вопросъ объ умственныхъ способностяхъ рѣшается въ большинствѣ случаевъ въ распорядительномъ засѣданіи окружнаго суда. Въ этомъ же засѣданіи, слѣдова-

тельно, рѣшается и вопросъ о мѣрахъ, которыя надлежитъ принять по отношенію къ испытуемымъ, признаннымъ невмѣняемыми. Вопросы эти рѣшаются въ большинствѣ случаевъ судомъ по выслушаніи экспертовъ, такъ какъ порядокъ, при которомъ судьи и врачи рѣшаютъ вопросъ на одинаковыхъ правахъ, крайне рѣдки (объясн. зап., т. II, стр. 336).

Въ качествѣ экспертовъ участвуетъ ex officio инспекторъ или его помощникъ и два врача по назначенію врачебнаго отдѣленія губернскаго правленія.

Врачебный инспекторъ или его помощникъ—никогда, насколько мнѣ извѣстно, не психіатры по спеціальности, а если когда нибудь и были спеціалистами, то успѣли забыть свою спеціальность; другіе два врача могутъ быть и бываютъ часто въ провинціи какіе нибудь—по желанію и выбору врачебнаго управленія.

Данныя, на основаніи которыхъ эксперты даютъ свое заключеніе, а судьи въ распорядительномъ засѣданіи рѣшаютъ вопросъ о секвестраціи испытуемаго—письменный матеріалъ предварительнаго слѣдствія, скорбный листъ больничнаго наблюденія надъ испытуемымъ, если онъ испытывался въ больницѣ, что не обязательно и, наконецъ, самъ испытуемый.

Не трудно замѣтить, съ перваго взгляда, что достовѣрность одной части этого матеріала выигрываетъ по мѣрѣ того, какъ уменьшается достовѣрность другой части—и наоборотъ. Чтобы матеріалъ, собранный предварительнымъ слѣдствіемъ, устранялъ всякое сомнѣніе въ виновности испытуемаго во вмѣняемомъ ему въ вину дѣяніи, необходимъ разумѣется тѣмъ большій промежутокъ времени, чѣмъ строже критерій достовѣрности, примѣняемый судомъ; съ другой же стороны, чѣмъ отдаленнѣе моментъ изслѣдованія испытуемаго отъ момента совершенія имъ преступленія, тѣмъ меньше шансовъ выяснить состояніе его психики въ этотъ моментъ, тѣмъ болѣе легко рѣшить этотъ вопросъ на основаніи данныхъ, мало общаго съ психіатріею имѣющихъ.

Примирить этотъ конфликтъ двухъ достовѣрностей—достовѣрности учиненія испытуемымъ преступнаго дѣянія съ достовѣрностью данныхъ, необходимыхъ для опредѣленія его

психическаго состоянія—нельзя, какъ это практикуется нынѣ, направленіемъ дѣла въ порядкѣ 353—355 уст. угол. суд. до заключенія слѣдствія; нельзя потому, что тяжкія послѣдствія 2-ой ч. 39 ст. новаго уложенія могутъ быть примѣняемы лишь въ случаяхъ доказанности совершенія испытуемымъ преступнаго дѣянія.

Это послѣднее требованіе опредѣленно выдвинуто редакціонной коммисіей по составленію новаго уст. угол. суд., предложившею статью 317 новаго уст. въ слѣдующей редакціи:

„Окружный судъ по дѣламъ ему подсуднымъ, прежде назначенія освидѣтельствованія, входитъ въ разсмотрѣніе вопросовъ о наличности въ дѣлѣ признаковъ преступнаго дѣянія и о достаточности собранныхъ противъ обвиняемаго уликъ". Въ связи съ нею находится ст. 315, по которой „судья передаетъ производство по изслѣдованію состоянія умственныхъ способностей обвиняемаго на дальнѣйшее распоряженіе прокурора, *но не ранѣе признанія предварительнаго слѣдствія по отношенію къ лицу*, о коемъ сіе изслѣдованіе производилось, оконченнымъ"...

Въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ этихъ правилъ нѣтъ, и посему практика судовъ въ этомъ отношеніи разнообразна. Общее собраніе Сената въ рѣшеніи 81/59, С.-Петербургскій окружный судъ въ разъясненіи, преподанномъ судебнымъ слѣдователямъ (отчетъ по С.-Петербургскому окружному суду за 1886 г., стр. 13 и 14) требуютъ передачи дѣла слѣдователемъ прокурору, когда весь матеріалъ по вопросу о психически обвиняемомъ собранъ, независимо отъ того, закончено ли слѣдствіе по вопросу о содѣянномъ или нѣтъ.

Такого же взгляда держится и И. Г. Щегловитовъ въ статьѣ своей „Порядокъ освидѣтельствованія умственныхъ способностей лицъ, привлекаемыхъ къ уголовной отвѣтственности" (Юр. В. 1889 г. № 2) и Макалинскій (Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей т. II, стр. 311 и 313). Самарскій и Тверской окружные суды, напротивъ, предписываютъ судебнымъ слѣдователямъ отсылать въ судъ дѣло лишь по окончаніи слѣдствія (Макалинскій l. c.—212).

На практикѣ, какъ удостовѣряетъ коммисія для пересмотра законоположеній по судебной части, „какъ видно изъ ревизіонныхъ отчетовъ, въ значительномъ большинствѣ судовъ, предварительно освидѣтельствованія, въ порядкѣ ст. 355 уст. угол. суд. не производится провѣрки достаточности собранныхъ противъ обвиняемаго уликъ, а требуется лишь, чтобы въ дѣлѣ имѣлось постановленіе слѣдственной власти о привлеченіи лица, подлежащаго освидѣтельствованію, въ качествѣ обвиняемаго“ (объясн. зап. т. II, стр. 330).

Итакъ, резюмируя всѣ гарантіи осторожнаго пользованія судомъ предоставляемымъ ему широкимъ, по признанію самой редакціонной коммисіи, правомъ многолѣтней секвестраціи человѣка, провинившагося въ ничтожномъ полицейскомъ правонарушеніи, мы отмѣчаемъ: негласный инквизиціонный порядокъ изслѣдованія въ распорядительномъ засѣданіи, экспертизу въ лицѣ не спеціалистовъ, а представителей медицинской администраціи и избранныхъ ею врачей, письменный матеріалъ предварительнаго слѣдствія, неизбѣжно крайне односторонній и несовершенный, и, наконецъ, какъ это устанавливаетъ 321 ст. проекта уст. угол. суд., безприсяжное показаніе свидѣтелей, вызываемыхъ судомъ „при обнаружившейся неполнотѣ собранныхъ свѣдѣній о состояніи умственныхъ способностей обвиняемаго“. Если мы къ этому прибавимъ, что заключеніе суда о секвестраціи лица, признаннаго судомъ невмѣняемымъ, не подлежитъ обжалованію, то врядъ ли можно будетъ признать преувеличеніемъ, что новый законъ никакихъ гарантій правильной секвестраціи испытуемыхъ, признанныхъ невмѣняемыми, не даетъ. И я не вижу другого выхода для предоставленія испытуемому всѣхъ гарантій, элементарныхъ гарантій, на которыя онъ имѣетъ право и о которыхъ не можетъ быть спора, какъ внесеніе въ разрѣшеніе вопроса о послѣдствіяхъ признанія испытуемаго невмѣняемымъ, того свѣта, который дается гласнымъ и публичнымъ процессомъ.

Такой порядокъ разсмотрѣнія этого вопроса не вноситъ ничего новаго, такъ какъ онъ примѣняется къ разсмотрѣнію вопроса о послѣдствіяхъ по 2 ч. 39 ст. улож. въ тѣхъ случаяхъ, когда судьи или присяжные, въ судебномъ засѣданіи

признаютъ обвиняемаго невмѣняемымъ. Слѣдовательно, принципіальныхъ матеріальнаго характера возраженій быть не можетъ никакихъ.

Разумѣется, при настоящемъ положеніи вещей разсчитывать на допущеніе защиты хотя бы къ участію въ отдѣльныхъ актахъ предварительнаго слѣдствія — надежды мало; тѣмъ не менѣе вопросъ, разсматриваемый нами, настолько важенъ, что обойти его молчаніемъ нельзя.

Если перейти теперь отъ порядка разсмотрѣнія вопроса объ умственныхъ способностяхъ обвиняемаго и о послѣдствіяхъ признанія его невмѣняемымъ въ фазисѣ предварительнаго слѣдствія, къ порядку разрѣшенія этихъ вопросовъ въ судебномъ фазисѣ, то необходимо отмѣтить, что безъ возможности обжалованія рѣшенія суда въ части, относящейся къ примѣненію 2 ч. 39 ст., гарантіи испытуемаго и въ этомъ фазисѣ процесса нельзя признать ни полными, ни даже достаточными. Эта неполнота особенно очевидна въ тѣхъ случаяхъ, когда о секвестраціи будетъ постановлять единоличный судья. Оправданіе обвиняемяго, какъ слѣдствіе признанія его невмѣняемымъ, пресѣкаетъ дорогу къ обжалованію рѣшенія въ слѣдующую инстанцію. Примириться же съ непререкаемостью приговоровъ земскаго начальника, посылающаго въ лечебное заведеніе на годы пьяницу, учинившаго уличный дебошъ, разумѣется нельзя.

Обращаясь къ вопросу о томъ, къ какимъ мѣрамъ судъ долженъ прибѣгать въ случаяхъ признанія испытуемаго невмѣняемымъ алькоголикомъ: къ отдачѣ ли его подъ надзоръ родителямъ и другимъ лицамъ, или же къ помѣщенію въ лечебныя заведенія, въ тѣхъ случаяхъ, разумѣется, когда законъ предоставляетъ суду свободу этого выбора, необходимо замѣтить слѣдующее. Въ случаяхъ остраго опьянѣнія, когда это опьянѣніе представляется, если не единичнымъ явленіемъ въ жизни обвиняемаго, то во всякомъ случаѣ не хроническимъ—вопросъ разрѣшается легко: какъ бы ни было тяжко преступленіе—надзоръ достаточенъ, такъ какъ единичность такого опьянѣнія—лучшая гарантія противъ преступнаго рецидива. Труднѣе вопросъ о хроническихъ алкоголикахъ—

труднѣе потому, что люди эти несомнѣнно a priori опасны; леченіе же ихъ въ запущенныхъ формахъ—трудно и продолжительно; съ другой стороны, болѣзнь ихъ далеко невсегда влечетъ за собою, по крайней мѣрѣ съ житейской точки зрѣнія, недѣеспособность ихъ. Во всякомъ случаѣ—одно несомнѣнно: сдѣлать безопаснымъ хроническаго алкоголика, надзоръ и даже отвѣтственный надзоръ врядъ ли можетъ; слѣдовательно можно признать за руководящее правило, что хроническихъ алкоголиковъ нужно помѣщать во врачебныя заведенія.

Разрѣшеніе вопроса о томъ, нужны ли спеціальныя заведенія для алкоголиковъ или нѣтъ, значительно облегчается тѣмъ, что алкоголиковъ въ преступной сферѣ очень много: а разъ группа лицъ, о леченіи которыхъ въ спеціальныхъ учрежденіяхъ возникаетъ вопросъ, настолько велика, что можетъ наполнить собою и не одно заведеніе такого рода, то a priori спеціализація леченія ихъ, а слѣдовательно и сосредоточеніе ихъ въ однородныхъ заведеніяхъ, желательна.

Правила, изображенныя въ приложеніи IV къ ст. 95 улож. о нак. 1845 г. о порядкѣ освобожденія изъ домовъ для умалишенныхъ, Государственный Совѣтъ предположилъ сохранить и впредь, но перенести въ уставъ угол. судопр., исключивъ изъ улож. даже упоминаніе о такомъ порядкѣ. (Таганцевъ Нов. улож. ст. 39 п. IV, 6). Врядъ ли однако правила эти можно признать удовлетворительными. Въ нихъ нѣтъ самаго важнаго — разъясненія того, какое учрежденіе опредѣляетъ, можетъ ли быть больной выпущенъ изъ лечебнаго заведенія, и можетъ ли ходатайство о выпускѣ исходить отъ самаго содержащагося или его родныхъ.

Въ этомъ отношеніи обыкновенно признается необходимымъ, чтобы постановленіе объ освобожденіи дѣлалось тѣмъ же учрежденіемъ, которое постановило о заключеніи, и въ томъ же порядкѣ освидѣтельствованія, при чемъ инціатива освобожденія возлагается на врачей, дѣлающихъ соотвѣтствующее заключеніе.

И то и другое представляется намъ мало обоснованнымъ. Коммисія для пересмотра законоположеній по судебной части

(т. II стр. 327) основываетъ желательность освидѣтельствованія освобождаемаго судомъ на томъ только соображеніи, что вопросъ объ освобожденіи есть вопросъ объ отмѣнѣ распоряженія, сдѣланнаго судомъ. Руководствуясь этимъ формальнымъ основаніемъ, однако, можно было бы требовать лишь того, чтобы судомъ было составлено опредѣленіе объ освобожденіи; но этого основанія недостаточно для того, чтобы мотивировать новое освидѣтельствованіе содержащагося, въ порядкѣ той же 355 ст. уст. угол. суд. Это послѣднее врядъ ли можно признать цѣлесообразнымъ, ибо вопросъ о томъ, выздоровѣлъ ли содержащійся въ лечебномъ заведеніи—чисто медицинскій вопросъ. Возраженіе, что въ порядкѣ 355 ст. при освидѣтельствованіи умственныхъ способностей обвиняемаго въ фазисѣ предварительнаго слѣдствія, также изслѣдуется медицинскій вопросъ о томъ, боленъ ли обвиняемый, было бы неправильнымъ, ибо судъ въ порядкѣ 355 ст. рѣшаетъ вопросъ не о болѣзни, а о вмѣняемости, т. е. вопросъ юридическій, разрѣшаемый при содѣйствіи медицинской экспертизы. Для выясненія же вопроса о выздоровленіи врачи и испытуемый въ помощи юристовъ врядъ ли нуждаются.

Съ другой стороны, если достаточно заключенія однихъ врачей о томъ, можно или нѣтъ освободить содержащагося въ домѣ умалишенныхъ обвиняемаго, въ виду его выздоровленія, то было бы неосторожнымъ возложить на *однихъ* врачей иниціативу въ этомъ вопросѣ, хотя бы потому, что всякое административное учрежденіе склонно къ нежелательной въ интересахъ частныхъ лицъ медлительности; правила прилож. IV къ 95 ст. должны были бы быть дополнены предоставленіемъ какъ самому содержащемуся въ лечебномъ заведеніи, такъ и его законнымъ представителямъ или родственникамъ, права ходатайствовать черезъ прокурорскій надзоръ предъ администраціей лечебнаго заведенія объ освидѣтельствованіи содержащагося, для разрѣшенія вопроса о его выздоровленіи.

Заканчивая бѣглый обзоръ того, что сдѣлано, что предполагается сдѣлать и что слѣдовало бы сдѣлать въ одномъ

изъ легко забываемыхъ уголковъ обширной судебной арены, въ которомъ тѣмъ не менѣе рѣшается вопросъ о человѣческой свободѣ, я чувствую всю неполноту, всю недостаточность сказаннаго мною. Но моею задачею было *не* разрѣшить всѣ эти трудные вопросы, а лишь привлечь къ нимъ ту долю вниманія, на которое они имѣютъ право разсчитывать.

М. С. Маргуліесъ.

УСЛОВІЯ ВМѢНЯЕМОСТИ ПРИ ОСТРОМЪ И ХРОНИЧЕСКОМЪ ОТРАВЛЕНІИ АЛКОГОЛЕМЪ.

Подобно тому, какъ представляется немыслимымъ при настоящемъ состояніи нашихъ знаній установить точно и опредѣленно границу между душевнымъ здоровьемъ и душевною болѣзнью, такъ же точно и въ частномъ случаѣ этого общаго вопроса установить границу между тѣмъ, что на обыденномъ языкѣ называется „пьянствомъ“ и на языкѣ медиковъ „хроническимъ алкоголизмомъ“, едва ли возможно— оба эти понятія чрезвычайно растяжимы и заключены въ широкія рамки. Какъ въ обыденной жизни кличкой „пьяница“ клеймятъ иногда человѣка, просто изрѣдка въ кампаніи выпивающаго, человѣка не отказывающагося отъ водки при предложеніи „пройтись по маленькой“, такъ и наименованіе алкоголика врачи примѣняютъ и къ тѣмъ случаямъ, гдѣ при продолжительномъ употребленіи алкоголя у человѣка клинически очень мало въ чемъ проявляется результатъ хроническаго отравленія этимъ ядомъ.

При болѣе рѣзкихъ проявленіяхъ однако того же пьянства и жизнь и наука уже начинаютъ идти рука объ руку и не ошибутся въ точности своего діагноза.

Что разумѣютъ обычно подъ именемъ пьянства или опьянѣнія? Да всѣмъ намъ очень извѣстную картину.

Человѣкъ трезвый приходитъ въ общество, держитъ себя очень прилично, толково бесѣдуетъ о политикѣ, ухаживаетъ за дамами и пьетъ чай....... Но вотъ—ужинъ, бесѣда сопро-

вождается возліяніями, и послѣ большаго или меньшаго количества рюмокъ водки, стакановъ пива и вина—тотъ же человѣкъ перемѣняется—рѣчь его дѣлается несвязною, сбивчивой, вниманіе ослаблено, онъ циниченъ въ выраженіяхъ, придирается къ окружающимъ, лицо красное, глаза мутные, руки дрожатъ, походка неровная..... Про него говорятъ: онъ опьянѣлъ..... врачи говорятъ: у него острое отравленіе алкоголемъ.

Другой примѣръ: аккуратный, скромный, исполнительный чиновникъ и добрый отецъ семейства, подъ давленіемъ какихъ обстоятельствъ—безразлично, начинаетъ пристращаться къ спиртнымъ напиткамъ, и постепенно жизнь его и онъ самъ начинаютъ мѣняться: онъ пропускаетъ служебные дни, работаетъ медленнѣе и хуже, всячески отлыниваетъ отъ труда, не интересуется семьею, его прогоняютъ съ мѣста, семья впадаетъ въ нищету, онъ—грубый, раздражительный, циничный проводитъ время съ оборванцами по трактирамъ и чайнымъ, и видъ его мѣняется: лицо опухло, руки дрожатъ, походка неровная, глаза стеклянные, голосъ хриплый..... знакомые говорятъ про него—„совсѣмъ спился“, „пьяницею сталъ“, „пропойцей“ и т. п. Врачи говорятъ: онъ страдаетъ хроническимъ алкоголизмомъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при тщательномъ изслѣдованіи и того и другого врачи найдутъ еще много и другихъ признаковъ, указывающихъ на острое и хроническое отравленіе алкоголемъ, но главные признаки, бросающіеся въ глаза, уже и безъ нихъ отмѣтила сама жизнь—простыя житейскія наблюденія.

Правда, врачи могутъ найти эти несомнѣнные признаки тамъ, гдѣ окружающіе ихъ еще не замѣчаютъ, но часто ли это?—По совѣсти сказать, очень и очень рѣдко, да и мало практическаго значенія могутъ имѣть эти микроскопически только находимые признаки отравленія.....

Бываютъ случаи (и они нерѣдки), когда жизнь забѣгаетъ впередъ и человѣка пьющаго, и не мало, знакомые называютъ кличкой „пьяницы“, а врачи не находятъ какихъ-либо маломальски значительныхъ ясно выраженныхъ измѣненій ни въ психи-

ческой ни въ физической его сферѣ—они, эти измѣненія, конечно, идутъ постепенно, но пока еще мало выражены, и вотъ почему я употребилъ выраженіе, что жизнь въ этихъ случаяхъ „забѣгаетъ впередъ“ и ставитъ свой діагнозъ тогда, когда наука еще не имѣетъ права поставить своего діагноза.

Такъ какъ и при остромъ и при хроническомъ алкоголизмѣ въ извѣстной степени нарушается психическая жизнь человѣка, то въ интересующемъ насъ вопросѣ высказанныя соображенія, по моему мнѣнію, имѣютъ большое практическое значеніе—и вотъ почему.

Каждый разъ, когда на судебномъ слѣдствіи возникаетъ вопросъ о состояніи опьянѣнія или пьянства обвиняемаго—поднимается ли онъ самимъ обвиняемымъ, его родственниками или знакомыми, привлеченіе спеціалиста-психіатра въ качествѣ эксперта является насущною необходимостью для правильнаго отправленія правосудія въ смыслѣ выясненія истины и значенія, степени упомянутаго состоянія. Свидѣтельскія показанія въ этомъ смыслѣ чрезвычайно цѣнны и цѣнны именно, какъ свидѣтельство самой жизни, въ общемъ по данному вопросу соотвѣтствующей научнымъ опредѣленіямъ того же состоянія.

Если нерѣдко эта экспертиза дастъ отрицательные результаты—то это еще не бѣда; опасно обратное, когда тяжело больному организму отравленнаго алкоголемъ человѣка не дадутъ того, что необходимо всякому больному, и поставятъ его въ одинаковыя условія отвѣтственности, какъ и здороваго. Мыслительныя способности человѣка поражаются при этомъ отравленіи если и не позднѣе всѣхъ остальныхъ, то во всякомъ случаѣ менѣе рѣзко бросается это измѣненіе въ глаза окружающимъ; намъ, русскимъ, стоитъ только припомнить цѣлую плеяду нашихъ русскихъ художниковъ и публицистовъ, отравленныхъ этимъ ядомъ, и тѣмъ не менѣе употребившихъ свои мыслительныя способности на наше же развитіе, чтобы имѣть подтвержденіе высказанному въ русской живой дѣйствительности.....

Переходя сейчасъ къ самой основной задачѣ моего сообщенія, я считаю нужнымъ прежде всего установить ту точку

зрѣнія на острое и хроническое отравленіе алкоголемъ и на ихъ послѣдствія, какой я буду придерживаться во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи вопроса. Вотъ въ какомъ порядкѣ идетъ ходъ развитія типичнаго хроническаго алкоголика.

Болѣзненная наслѣдственность (гомогенная или гетерогенная) въ связи съ окружающими благопріятными для того условіями порождаетъ страсть къ одурманивающему напитку („пьянство" въ широкомъ смыслѣ этого слова)—послѣднее же въ результатѣ даетъ тѣ явленія въ организмѣ человѣка, совокупность которыхъ мы называемъ хроническимъ алкоголизмомъ или алкогольной дегенераціей; наконецъ эти явленія порождаютъ тѣ многочисленныя формы душевныхъ разстройствъ, которыя, будучи сходны по своимъ проявленіямъ съ аналогичными разстройствами и безъ участія алкоголя, въ данномъ случаѣ однако носятъ на себѣ характерную, типичную алкоголическую печать.

Кратко говоря: болѣзненная наслѣдственность порождаетъ страсть къ пьянству—пьянство порождаетъ хроническій алкоголизмъ, а послѣдній—разнообразныя формы острыхъ и хроническихъ алкогольныхъ психозовъ вплоть до слабоумія.

Звенья этой цѣпи однако не такъ уже неразрывны—это только общая, наиболѣе частая схема теченія событій. Родоначальникъ можетъ отсутствовать, а лишь однѣ несчастливо сложившіяся обстоятельства жизни могутъ натолкнуть человѣка на страсть къ спиртнымъ напиткамъ со всѣми ея дальнѣйшими послѣдствіями.

Далѣе, болѣзненная наслѣдственность можетъ выразиться въ крайней невыносливости къ алкоголю и, вырвавъ второе звено цѣпи, сразу дать картину остраго психоза алкогольнаго характера и т. д. и т. д.

Какія бы исключительные примѣры ни представлялись, мое личное мнѣніе, основанное на томъ, что я самъ изучалъ и видѣлъ, остается неизмѣннымъ, что обычная картина развитія разстройства у такъ называемаго „привычнаго пьяницы" такова, какъ она выражается въ представленной мною схемѣ.

Уже изъ этой схемы можно видѣть, что роль собственно

хроническаго алкоголизма—роль посредствующая—это лишь почва, на которой могутъ взрости самые разнообразные алкогольные цвѣтки..... На крайнихъ концахъ цѣпи стоятъ: съ одной стороны, любовь къ легкой выпивкѣ, съ другой—глубокое алкогольное слабоуміе съ тяжелыми органическими пораженіями центральной нервной системы.

Говорить о томъ, что съ психической точки зрѣнія хроническіе алкоголики—душевно-больные люди при этой точкѣ зрѣнія едва-ли возможно.

Въ такомъ же положеніи стоитъ у насъ и вопросъ о такъ называемой дегенераціи; можемъ ли мы съ психіатрической даже точки зрѣвія сказать, что всякій дегенерантъ—есть душевно-больной человѣкъ? Мнѣ думается, что для такихъ душевно-больныхъ пришлось-бы строить специальные города, а не больницы—такъ широки рамки, въ которыя укладывается понятіе о дегенераціи, и не ушла-ли бы въ эти города половина нашихъ талантливѣйшихъ и полезнѣйшихъ людей?....

Теперь, я думаю, само собою станетъ понятнымъ, отчего для условій вмѣняемости при хроническомъ алкоголизмѣ не можетъ быть сейчасъ по крайней мѣрѣ предложена одна общая формула. Хроническій алкоголикъ на крайней точкѣ развитія этого болѣзненнаго состоянія, безъ развитія какого-либо опредѣленнаго психоза представляетъ такую степень алкогольной дегенераціи, при которой онъ, конечно, во время учиненія преступнаго дѣянія не можетъ понимать свойства и значенія имъ совершеннаго, или руководить своими поступками. Невмѣняемость его въ этомъ смыслѣ является очевидною.

И наоборотъ, хроническій алкоголикъ можетъ въ значительной степени сохранять всѣ эти способности, представляя лишь незначительныя особенности въ характерѣ, въ способѣ занятій („запой труда“ особенно свойственъ такимъ людямъ) и въ его соматической сферѣ.... Мы не можемъ равнять этихъ двухъ людей, какъ не можемъ равнять дегенерантовъ высшаго и нисшаго типа.

Условія вмѣняемости при хроническомъ алкоголизмѣ мы

можемъ опредѣлять лишь по разсмотрѣніи въ каждомъ частномъ случаѣ степени развитія признаковъ этого болѣзненнаго состоянія; намъ приходится предоставлять въ частныхъ случаяхъ рѣшеніе вопроса въ этомъ смыслѣ спеціалистамъ врачамъ.

Что касается послѣдняго звена нашей схемы, т. е. уже развившихся острыхъ или хроническихъ алкогольныхъ психозовъ, то нѣтъ надобности останавливаться на вопросѣ объ условіяхъ вмѣняемости для такихъ больныхъ—для этого достаточно, если наличность такого душевнаго разстройства діагносцирована съ точностью, ибо вѣдь отчего, отъ какихъ причинъ произошло сумасшествіе, намъ въ данномъ случаѣ не интересно: важно, что оно констатируется, а съ нимъ вмѣстѣ опредѣляется и условіе для невмѣняемости въ вину такому больному человѣку его проступка, ибо онъ нуждается не въ наказаніи, а въ леченіи.

Гораздо болѣе сложнымъ, чѣмъ разрѣшеніе вопроса о вмѣняемости хроническихъ алкоголиковъ мнѣ представляется вопросъ объ остромъ отравленіи алкоголемъ—вопросъ о томъ, какъ въ этомъ смыслѣ должны мы оцѣнивать то большинству извѣстное состояніе, которое мы называемъ „опьянѣніемъ".

Клиническая картина опьянѣнія такъ безконечно разнообразна въ зависимости отъ индивидуальности человѣка, его привычекъ, образованія, его характера, болѣе или менѣе поддающагося раздраженію, и его физическихъ свойствъ, физическаго здоровья, и такъ разнообразны случаи совершенія преступныхъ дѣяній въ этомъ состояніи, что казалось-бы немыслимо придумать общія формулы для оцѣнки этихъ состояній. Однако кое что въ этомъ смыслѣ удалось установить. И прежде всего въ состояніяхъ остраго отравленія алкоголемъ мы различаемъ два существенныхъ различія. Это во первыхъ, когда отрава подѣйствовала на мозгъ здоровый, и во вторыхъ, когда она коснулась мозга инвалиднаго, т. е. пала на благодарную почву и дала пышный цвѣтъ въ формѣ такъ называемаго патологическаго опьянѣнія. Откуда взялась эта болѣзненная почва, безразлично—пріобрѣтена-ли она по на-

слѣдству (дегенерація), или психическая неустойчивость человѣка явилась плодомъ перенесенной имъ или существующей болѣзни (травматическая или вообще пріобрѣтенная дегенерація), или она есть результатъ имѣющейся эпилепсіи.

Разъ алкоголь падаетъ на эту почву, то нечего удивляться, что дѣйствіе его оказывается исключительнымъ по своимъ послѣдствіямъ. При этомъ сила степени опьянѣнія не соотвѣтствуетъ количеству воспринятаго яда, измѣняется и характеръ картины опьянѣнія: неожиданно возникаетъ доходящее до неистовства возбужденіе, теченіе представленій дѣлается безсвязнымъ, сознаніе затуманивается. Въ такихъ ясно выраженныхъ случаяхъ, при доказанной болѣзненной почвѣ, едва-ли можетъ возникнуть сомнѣніе о томъ, какъ разсматривать наличность условій для вмѣненія дѣянія такимъ лицомъ содѣяннаго.

Но если болѣзненной почвы мы не находимъ, можетъ-ли тѣмъ не менѣе острое отравленіе алкоголемъ дать въ результатѣ такую же клиническую картину, или нѣтъ? Приходится на основаніи практики сказать—да, можетъ, т. е. физіологическое опьянѣніе (назовемъ его такъ въ отличіе отъ патологическаго) въ своемъ наисильнѣйшемъ проявленіи можетъ дать такую же клиническую картину, какъ и патологическое. Что же мы можемъ изъ этого заключить?

Если-бы экспертъ въ подобномъ случаѣ ограничился тѣмъ, что констатировалъ фактъ отсутствія въ данномъ случаѣ болѣзненности и поставилъ бы точку, то онъ не былъ бы настоящимъ экспертомъ.

Это было-бы все равно, какъ, заявивъ, что этотъ человѣкъ дегенерантъ или хроническій алкоголикъ—поставить точку и этимъ ограничиться.

Экспертъ обязанъ войти въ обсужденіе степени развитія того или иного состоянія, хотя-бы оно не могло быть подведено ни подъ одну изъ имѣющихся въ законѣ 4-хъ рубрикъ для невмѣняемыхъ состояній. Вполнѣ логично поэтому въ новомъ уголовномъ уложеніи введена статья 39, дающая право эксперту пользоваться психологическимъ критеріемъ при разсмотрѣніи каждаго конкретнаго случая. Болѣе чѣмъ

гдѣ-либо онъ будетъ цѣненъ при обсужденіи разсматриваемыхъ нами душевныхъ измѣненій личности при остромъ отравленіи алкоголемъ. Конечно, при этихъ условіяхъ разъ установлена вышеописанная картина опьянѣнія, то практически будетъ безразлично, что ее вызвало—больной-ли мозгъ или высшая степень остраго отравленія здоровой до того мозговой ткани.

Мы знаемъ однако, что степени опьянѣнія безконечно разнообразны: до извѣстной границы человѣкъ еще сохраняетъ сознаніе своей личности, а за этой чертой сознаніе мало по малу блѣднѣетъ вплоть до полной его утраты, т. е. до такъ называемаго безсознательнаго состоянія. Въ этихъ предѣлахъ, какъ должны мы разбираться въ вопросахъ вмѣняемости—вотъ важный пунктъ въ нашихъ сегодняшнихъ разсужденіяхъ.

Тамъ, гдѣ сознаніе еще не нарушено, какъ должны мы разсматривать поступки опьянѣвшаго лица? Я вовсе не думаю давать схему изслѣдованія состоянія опьянѣнія; конечно, надо изслѣдовать и степень пониженія интеллекта, и степень пониженія нравственнаго чувства и степень растройства въ области душевныхъ чувствованій (аффективность) и многое другое, но кардинальнымъ пунктомъ при разсмотрѣніи такого состоянія, для выясненія степени наличности сознательности въ дѣйствіяхъ такого человѣка, будетъ сопоставленіе самаго дѣянія (и „характера“ дѣянія) съ характеромъ человѣка. Въ важныхъ случаяхъ для выясненія этого нечего бояться помѣщать такого субъекта въ спеціальное заведеніе, именно чтобы имѣть возможность выяснить себѣ его характеръ, прослѣдивъ за нимъ въ теченіе извѣстнаго срока. Вѣдь одна внѣшняя послѣдовательность и логичность дѣянія недостаточна, чтобъ вывести заключеніе о полномъ сознаніи въ томъ или иномъ поступкѣ. Эта послѣдовательность и логичность зависятъ отъ нашихъ чувственныхъ представленій, а если послѣднія носятъ такой характеръ, то соотвѣтственно этому и дѣйствія проявятся въ такомъ же видѣ.

Если-же по наблюденіи выяснится, что характеръ человѣка, вся личность его совершенно идетъ въ разрѣзъ съ

характеромъ его дѣянія, въ состояніи опьянѣнія содѣяннаго, то уже это будетъ указывать и на измѣненіе его личности и на большее или меньшее омраченіе сознанія въ моментъ опьянѣнія. Мысль эта, высказанная С. С. Хрулевымъ въ его докладѣ „характеръ преступныхъ дѣяній душевно-больныхъ“ (Спб. 1893 г.)—мысль очень цѣнная и практически, по моему мнѣнію, выполнимая...

Такъ какъ я придаю этой части своего сообщенія наибольшее значеніе, то я попытаюсь иллюстрировать послѣднія положенія 2—3-мя примѣрами изъ моей суд.-медицинской практики.

На испытаніе въ больницу Св. Николая Чудотворца поступаетъ ученикъ химико-техническаго училища Б. 19 лѣтъ—обвиняется онъ въ жестокомъ убійствѣ двухъ проститутокъ, совершенно почти ему незнакомыхъ. Убійство произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Вечеромъ 18 іюня 1902 года часовъ въ 9—10 молодой человѣкъ явился къ одной проституткѣ (у которой до этого былъ лишь 1 разъ)—передъ этимъ онъ выпилъ съ знакомымъ въ трактирѣ $^1/_2$ бутылки водки и 2 бутылки пива, въ помѣщеніи проститутки пилъ съ ея хозяевами пиво и водку (вмѣстѣ они выпили 8 бут. пива и 2 сороковки водки), часовъ съ 12 до 2 часовъ пилъ онъ вмѣстѣ съ пришедшею къ этому времени проституткой, а затѣмъ пошелъ въ ея спальню—она быстро заснула, онъ же еще выпилъ вмѣстѣ съ зашедшею въ ихъ комнату сосѣдкой (другой проституткой) еще сотку водки. Среди ночи эта сосѣдка вновь зашла въ ихъ спальню, спавшая съ Б. дѣвушка проснулась и стала гнать изъ комнаты непрошенную посѣтительницу—между ними началась ругань и даже драка, Б. вмѣшался и сталъ ихъ разнимать, одна изъ нихъ обругала его и толкнула на кровать—тогда онъ схватилъ финскій ножъ, бывшій у него въ карманѣ сюртука, лежавшаго на кровати и сталъ имъ полосовать обѣихъ дѣвушекъ куда ни попало—обѣ онѣ оказались убитыми, а Б. тщательно прибралъ свои вещи и, разбудивъ хозяина квартиры, попросилъ его открыть ему дверь и затѣмъ, запрятавъ замаранныя кровью вещи и бѣлье, явился домой. Около $8^1/_2$ ч. утра онъ былъ

уже на Балтійскомъ вокзалѣ, гдѣ встрѣтилъ пріѣхавшую въ Петербургъ тетку, а затѣмъ уѣхалъ и самъ изъ Петербурга.

Проскитавшись по разнымъ мѣстамъ, побывавъ въ Гатчинѣ, въ Псковѣ, въ Двинскѣ—онъ, наконецъ, явился въ послѣднемъ городѣ въ полицію и заявилъ про совершенное имъ преступленіе.

Опуская всѣ подробности дѣла, я остановлюсь лишь на томъ, что сейчасъ представляетъ для меня интересъ.

Изслѣдованіе характера Б. въ больницѣ за время 8 мѣсяцевъ рисуетъ обвиняемаго, какъ человѣка нѣсколько скрытнаго, замкнутаго, довольно развитого, безъ наклонности къ лживости, цинизму, бахвальству, вѣжливаго въ обращеніи съ окружающими, отлично умѣющаго понимать свои выгоды и интересы, и очень самолюбиваго. Такимъ же рисуютъ его и всѣ свидѣтельскія показанія—и его хозяева и воспитатели и знакомые отзываются объ немъ, какъ о человѣкѣ скромномъ, сдержанномъ, нѣсколько скрытномъ.

Его начальство въ общ. электр. освѣщ., гдѣ работалъ Б., отзывается о немъ болѣе чѣмъ хорошо, ему довѣряютъ, его ставятъ примѣромъ другимъ. Онъ не предавался эксцессамъ ни in baccho ни venere (къ проституткамъ онъ ходилъ съ отвращеніемъ, начитавшись книжекъ о вредѣ онанизма, и съ ближайшими товарищами не любилъ говорить объ этомъ вопросѣ). Свидѣтели рисуютъ его даже тихимъ и застѣнчивымъ человѣкомъ. Страстное желаніе учиться и выйти въ люди изъ той среды, гдѣ онъ жилъ (отецъ его сторожъ Николаевскагъ вокзала) побуждали его трудиться; кончивъ городское училище, онъ поступилъ въ химико-техническое училище, желая впослѣдствіи добиться званія инженера. . . . Несоотвѣтствіе свойствъ его характера тому безчеловѣчному и грязному убійству, которое онъ совершилъ, здѣсь бросается въ глаза всякому.

Другой примѣръ даетъ обратную картину. Передъ нами отставной хорунжій Б. 29 лѣтъ; обвиняется онъ въ томъ, что, находясь въ сильномъ подпитіи въ ресторанѣ Палкина, затѣялъ пьяную ссору съ незнакомымъ ему человѣкомъ и, по выходѣ изъ ресторана, на улицѣ нанесъ ему незначи-

тельную рану шашкой по головѣ, а затѣмъ, доставленный въ участокъ и въ комендантское управленіе, оскорбилъ тамъ и тутъ начальство потокомъ ругательствъ и даже дѣйствіемъ.

Наблюденіе характера этого человѣка въ больницѣ рисуетъ его человѣкомъ вспыльчивымъ, дерзкимъ, надменно относящимся ко всему міру, кромѣ военнаго, къ которому онъ имѣлъ честь принадлежать; своихъ невольныхъ товарищей по заключенію, по отдѣленію онъ называетъ шайкою воровъ, убійцъ и негодяевъ—онъ возмущенъ, что ему, честному человѣку, приходится жить съ такими людьми. Онъ не скрываетъ своего презрѣнія къ нимъ. По существу онъ труслив и способенъ сдержаться, когда сила не на его сторонѣ. Поведеніе его способствовало тому, что его ненавидѣло все отдѣленіе испытуемыхъ. Онъ пораженъ, что за такой пустой проступокъ, какъ ударъ шашкой по головѣ, въ Петербургѣ судятъ офицера!—въ Новочеркаскѣ (гдѣ онъ родился и жилъ) это явленіе сочли-бы заурядным и на основаніи этого онъ осуждаетъ и Петербургъ и его жителей. Показанія свидѣтелей лишь подтверждаютъ общую характеристику Б., создавшуюся при больничномъ наблюденіи. Всѣ эти показанія отмѣчаютъ обычную для него вспыльчивость, раздражительность съ наклонностью къ аггрессивнымъ дѣйствіямъ. Проживая въ Новочеркасскѣ (гдѣ отецъ его занималъ видное положеніе), онъ всему городу былъ извѣстенъ своими наклонностями къ буйству, представляя изъ себя какъ бы „грозу города",—только, дѣйствительно, многочисленныя его столкновенія съ полиціей и обывателями тамъ благополучно въ большинствѣ случаевъ сходили ему съ рукъ, благодаря особымъ условіямъ жизни въ этомъ городѣ; и, конечно, въ этомъ отношеніи только способствовали, а не сокращали присущую ему распущенность нрава. Сопоставляя совершенное имъ преступленіе съ характеромъ этого человѣка развѣ мы можемъ сказать, что оно явилось неожиданностью? нѣтъ, оно вполнѣ соотвѣтствовало всему складу его характера, и ударъ шашкою, кулакомъ, пощечина для такого типа есть вещь пустая, обычная—состояніе опьянѣнія не измѣнило его характера, и совершенное имъ дѣяніе могло бы быть имъ совершено и въ трезвомъ состояніи.

Нѣтъ надобности въ дальнѣйшихъ примѣрахъ, чтобы подтвердить высказанную мысль о томъ, какъ важно въ такихъ случаяхъ изученіе характера, типа человѣка, совершившаго дѣяніе въ состояніи опьянѣнія. Переходя къ точкѣ зрѣнія закона на состояніе опьянѣнія, поскольку онъ участвуетъ въ совершеніи преступнаго дѣянія, мы видимъ, что статьей 106 улож. о наказ. предусматривается лишь одинъ казуистическій случай такого состоянія—это, когда человѣкъ намѣренно привелъ себя въ состояніе опьянѣнія, дабы имѣть храбрость совершить то, на что въ трезвомъ состояніи онъ не рѣшается. И таковое дѣйствіе карается закономъ сугубою карою. Всякій, кто занимался судебною медициною и юриспруденціею, пусть спроситъ себя, часто ли встрѣчалъ онъ такіе случаи? И я увѣренъ, что онъ отвѣтитъ, что встрѣчалъ ихъ, какъ величайшее исключеніе. За 6 лѣтъ моей судебно-медицинской практики по всѣмъ частямъ обширнаго юридическаго механизма—и въ камерѣ слѣдователя и въ камерѣ мирового судьи, мировомъ съѣздѣ, окружныхъ судахъ, въ больницѣ и даже въ жандармскомъ управленіи мнѣ не пришлось натолкнуться на подобное явленіе. Нѣчто вродѣ этого одинъ только разъ я встрѣтилъ у одного дегенеранта (признаннаго нынѣ вердиктомъ г.г. присяжныхъ засѣдателей больнымъ). Онъ обвинялся въ кражахъ и обвинялся уже не первый разъ. 12 лѣтъ своей жизни провелъ онъ по тюрьмамъ, сидя тамъ, будучи обвиненъ за подобныя же преступленія. Онъ говорилъ мнѣ, что вообще не имѣлъ пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ (запахъ спирта былъ ему противенъ, и потому онъ обычно пилъ, смѣшивая водку съ квасомъ), онъ „для храбрости“, идя на кражу обычно выпивалъ немного водки... Это была, конечно, его добрая воля сказать мнѣ о своемъ побужденіи, но безъ этого доказать объективно то, что онъ мнѣ сообщилъ, едва ли было бы возможно.

Если разобрать побужденіе человѣка, идущаго на преступленіе смѣло, увѣренно, съ яснымъ сознаніемъ, на что онъ идетъ, и сопоставить его съ преступленіемъ человѣка, не рѣшающагося въ трезвомъ состояніи нарушить велѣнія своей совѣсти или законъ своего государства и въ виду этого „для

храбрости" одурманивающаго свою совѣсть спиртомъ, то простое житейское соображеніе склонитъ наши симпатіи на сторону второго изъ нихъ.

Если взглянуть на то же еще съ иной точки зрѣнія—нашей, врачебной, то развѣ можно измѣнить свое мнѣніе о природѣ и характерѣ самаго отравленія алкоголемъ человѣческаго организма, разъ эта отрава имѣла передъ его дѣйствіемъ какія то специфическія цѣли. Дѣйствіе ея отъ этого не измѣнится—и самъ ли или другіе, съ худой или хорошей цѣлью человѣкъ пришелъ въ состояніе опьянѣнія—оно все таки остается тѣмъ же острымъ отравленіемъ алкоголемъ, судя по степени коего мы можемъ судить и о степени вмѣняемости человѣка. Человѣкъ никогда самъ не можетъ разсчитать къ чему его приведетъ выпитое имъ количество спирту—приведетъ ли оно его къ совершенію преступленія или къ тому, что онъ будетъ рыдать на груди предполагаемой жертвы. Покушеніе на преступленіе съ такимъ орудіемъ, какъ намѣренное опъянѣніе, вполнѣ можетъ быть приравнено къ покушенію съ негодными средствами...

Вотъ почему, по какимъ соображеніямъ, мнѣ думается, эта часть ст. 106 улож. о наказ. не оправдываетъ своего существованія.

Мнѣ незачѣмъ здѣсь среди спеціалистовъ—юристовъ и врачей приводить доказательства, статистическія данныя, цитировать авторитетныхъ авторовъ, чтобы подкрѣпить извѣстный всѣмъ фактъ о томъ какое громадное значеніе играетъ алкоголь и какъ производитель и какъ спутникъ преступности.

Въ моемъ личномъ распоряженіи имѣется всего 50 подробно обслѣдованныхъ наблюденій надъ лицами, помѣщавшимися на испытаніе въ больницу Св. Николая Чудотворца, о которыхъ мнѣ приходилось давать свои болѣе или менѣе обширныя мотивированныя заключенія въ С.-Петербургскій окружный судъ.

Изъ этихъ 50-ти случаевъ, самыхъ разнообразныхъ и по характеру заболѣваній и по характеру преступленій,—въ 40 было наблюдаемо участіе алкоголя, прямое или косвенное. При этомъ главнымъ образомъ участіе это сказывается

въ случаяхъ убійствъ или покушеніи на убійство: изъ 26 лицъ, обвинявшихся въ этихъ преступленіяхъ, наблюдались:

Алкогольная наслѣдственность	. въ 16	случаяхъ
Алкогольныя излишества	„ 14	„
Непосредственное участіе алкоголя при совершеніи преступленія.	„ 19	„

Эти цифровыя данныя, ничтожныя по своему количеству, могутъ имѣть нѣкоторый интересъ лишь постольку, поскольку случаи дѣйствительно „случайно“ попадали въ мои руки— никакого подбора ихъ не дѣлалось ни въ какомъ направленіи, и тѣмъ не менѣе детальное разслѣдованіе ихъ въ результатѣ подтверждаетъ общій выводъ изъ данныхъ „большой“ статистики...

Разъ мы разсматриваемъ вопросъ о соотношеніи преступленія и пьянства, то намъ непремѣнно придется столкнуться съ общимъ вопросомъ о томъ, имѣемъ ли мы вообще право, карать человѣка за то, что онъ пьянѣетъ, когда пьетъ, а пьянѣя т. е. когда его душевное состояніе измѣняется подъ вліяніемъ отравы, совершаетъ преступленіе.

Мы выше уже говорили о томъ, какъ трудно справляется съ незначительнымъ количествомъ алкоголя мозгъ, отягощенный наслѣдственнымъ предрасположеніемъ, когда ничтожныя дозы алкоголя вызываютъ яркую болѣзненно-душевную картину. Въ рѣзкости вліянія на него алкоголя такой человѣкъ невиновенъ—въ этомъ надо винить его предковъ — стало быть, онъ виновенъ лишь въ одномъ—это въ томъ, что онъ вообще принимаетъ въ себя отраву. Но если это такъ, то это должно относиться вообще ко всѣмъ тѣмъ, кто употребляетъ спиртные напитки . . . и въ концѣ концовъ хотя и немногіе, но начинаютъ приходить къ этому заключенію.

Для такого заключенія однако необходимо, чтобы само общество стало на эту точку зрѣнія, чтобъ въ конечномъ идеалѣ борьбы съ пьянствомъ это пожеланіе свѣтилось, какъ путеводный огонекъ, каждому работнику за освобожденіе человѣческаго мозга отъ одурманивающей силы „такъ называемыхъ возбуждающихъ напитковъ“. Какъ далекъ отъ насъ этотъ идеалъ, нечего говорить. Я только напомню слова

одного изъ такихъ борцовъ,—слова, тѣмъ болѣе имѣющія значеніе, что это говорится про такую высококультурную страну, какъ Англія. „Единственное средство остановить зло пьянства—это устраненіе вмѣшательствомъ государства возможности пить... Пока нельзя даже опредѣлить времени, когда можно было бы ожидать въ будущемъ подобной реформы (въ соединенномъ королевствѣ), несмотря на ликованія наиболѣе восторженныхъ адептовъ воздержанія“ [1])...

Докторъ В. В. Чеховъ.

[1]) Dr. Norman Kerr. Пьянство, его причины, леченіе и юридическое значеніе. Пер. подъ ред. проф. П. И. Ковалевскаго. Спб. 1889 г.

НАСЛѢДОВАНІЕ ВОСХОДЯЩИХЪ И БОКОВЫХЪ РОДСТВЕННИКОВЪ, СУПРУГА И ВНѢБРАЧНЫХЪ ДѢТЕЙ ПО ПРОЕКТУ УЛОЖЕНІЯ.

Сочувствуя безусловно основнымъ положеніямъ, принятымъ составителями IV книги проекта гражданскаго уложенія, каковы: уничтоженіе различія между родовыми и благопріобрѣтенными имуществами, установленіе обязательной доли необходимыхъ наслѣдниковъ, установленіе равенства между лицами мужскаго и женскаго пола, признаніе наслѣдственныхъ правъ родителей и внѣбрачныхъ дѣтей, расширеніе правъ супруговъ и ограниченіе правъ отдаленныхъ родственниковъ,—мы желали бы указать лишь на нѣкоторыя частности проекта, представляющія неясность или непослѣдовательность и могущія вызвать на практикѣ болѣе или менѣе серьёзныя неудобства.

16-я статья проекта, перечисливъ 6 разрядовъ родственниковъ, которые могутъ быть призваны къ наслѣдованію по закону, постановляетъ: „Родственники, не принадлежащіе ни къ одному изъ перечисленныхъ разрядовъ, не имѣютъ права наслѣдованія по закону“. Это послѣднее постановленіе является новостью сравнительно съ постановленіями о наслѣдствѣ X тома Свода Законовъ, и на оправданіе такого новшества направлены объясненія къ данной статьѣ. Какъ нѣкоторое ограниченіе существующаго нынѣ безпредѣльнаго права отдаленныхъ родственниковъ получать наслѣдство отъ лицъ, къ которымъ они не имѣли при жизни

ихъ никакого отношенія, подобное постановленіе не можетъ не вызывать сочувствія. Совершено вѣрно говорится въ объясненіяхъ къ проекту (стр. 46): „право наслѣдованія родственниковъ основывается на предполагаемомъ чувствѣ родственной связи между наслѣдодателемъ и лицомъ, призываемымъ къ наслѣдованію. Родственная же связь между наслѣдодателемъ и родственниками *отъ шестой и дальнѣйшихъ восходящихъ степеней* представляется столь отдаленною, что въ обыденной жизни едвали принимается когда либо въ расчетъ. *Казалось бы,* что и закону нѣтъ надобности принимать въ въ расчетъ то, что не имѣетъ значенія въ дѣйствительности".

Да, *казалось бы такъ.* Но неужели въ дѣйствительности имѣетъ значеніе родственная связь *до шестой* восходящей степени? Не стану утверждать, что нѣтъ людей, обладаюшихъ и нынѣ родственнымъ чувствомъ по отношенію ко всѣмъ родичамъ. Очень можетъ быть, найдутся и люди, питающіе особое теплое чувство къ самымъ отдаленнымъ родственникамъ, даже за предѣлами устанавливаемой проектомъ грани. Но никто имъ не помѣшаетъ выразить такое чувство посредствомъ завѣщанія, правила же для наслѣдованія по закону не должны быть разсчитаны на явленія исключительныя. Законъ о наслѣдованіи безъ завѣщанія какъ бы предугадываетъ лицъ, которымъ наслѣдодатель самъ передалъ бы свое имущество, если бы имѣлъ къ тому возможность. Если есть основаніе предполагать, что большинство нынѣ живущихъ людей (которыхъ имущественныя отношенія опредѣляются общими гражданскими законами) стали бы сами руководиться при передачѣ своего наслѣдства родственными связями, то такое предположеніе можетъ быть признано вѣрнымъ лишь для самаго близкаго родства, говоря языкомъ проекта—для перваго и второго разряда родственниковъ. Для третьяго и четвертаго разряда родственниковъ подобное предположеніе уже едвали можетъ быть признано вѣроятнымъ. Можно однако согласиться, что число такихъ наслѣдодателей, которые захотѣли бы сами принять въ основаніе распоряженія своимъ имуществомъ родственныя связи въ предѣлахъ 3 или 4 разряда, отнюдь не составляя большинства,

всетаки еще довольно значительно. Какъ въ виду этого обстоятельства, такъ и во избѣжаніе слишкомъ крутыхъ перемѣнъ въ гражданскихъ законахъ, можно было бы сохранить наслѣдственныя права родственниковъ 3 и 4 разрядовъ въ случаяхъ, когда конкуррентами ихъ не являются ни внѣбрачныя дѣти наслѣдодателя (согласно п. 3 статьи 23 проекта), ни оставшійся въ живыхъ супругъ его (вопреки последней части п. 2 статьи 28 проекта).

Но сохраненіе наслѣдственныхъ правъ дальнѣйшихъ двухъ разрядовъ родственниковъ нисколько не оправдывается современными воззрѣніями общества. Не совсѣмъ понятнымъ представляется мнѣ тотъ фактъ, что составители проекта сочли нужнымъ въ своихъ объясненіяхъ оправдывать принятое ими начало отрицанія правъ на наслѣдство отдаленнѣйшихъ родственниковъ, но не дали вовсе объясненій своему рѣшенію парализовать примѣненіе этого начала сохраненіемъ правъ за родственниками, „не столь отдаленными", однако же отдаленными слишкомъ достаточно. Пишущему эти строки пришлось недавно участвовать, въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, въ одномъ уголовномъ процессѣ, гдѣ въ качествѣ свидѣтеля допрашивался отдаленный родственникъ — какъ обнаружилось изъ дѣла, родственникъ 5 разряда—одной особы, отъ которой ему довелось получить наслѣдство, оцѣненное слишкомъ въ 120 тысячъ. „Въ какомъ родствѣ Вы состояли съ покойной наслѣдодательницей?" спросилъ свидѣтеля одинъ изъ присяжныхъ. „Право, не знаю" былъ отвѣтъ. Долженъ сказать, что родной братъ наслѣдодательницы былъ уѣздный предводитель дворянства, и фамилію его (рожденную фамилію наслѣдодательницы) я нашелъ въ числѣ фамилій дворянъ подписавшихъ въ 1767 году наказъ депутату, избранному въ Екатерининскую „Коммисію для составленія проекта новаго уложенія". Если примѣры такихъ характерныхъ родственныхъ отношеній отыскиваются въ старомъ дворянствѣ, остававшемся до послѣдняго времени въ старыхъ насиженныхъ „дворянскихъ гнѣздахъ", то какія это крѣпкія родственныя связи могутъ *предполагаться* въ другихъ слояхъ, гдѣ состоянія сплошь и рядомъ составились

немногимъ ранѣе вчерашняго дня, или гдѣ видимъ сплошь и рядомъ людей, составившихъ себѣ посредствомъ образованія и трудовъ положеніе, рѣзко отличающееся отъ положенія ихъ родственниковъ. Замѣтимъ при этомъ, что различіе въ образованіи приводитъ не только къ различію въ положеніи, но и къ различію въ понятіяхъ, взглядахъ, вкусахъ, и такимъ образомъ родственники становятся другъ другу совершенно чуждыми. Я подчеркиваю слово *предполагаться*, такъ какъ, разумѣется, и при подобныхъ условіяхъ родственныя чувства могутъ оказываться, но это никакъ не будетъ общимъ правиломъ, а при установленіи нормъ наслѣдственнаго права, нужно исходить изъ общихъ, нормальныхъ положеній.

Но, можетъ быть, скажутъ, что государство имѣетъ право установлять извѣстный порядокъ наслѣдованія не потому только, что онъ отвѣчаетъ предполагаемымъ желаніямъ наслѣдодателей, а потому, что онъ согласуется съ интересами государственными, отвѣчаетъ требованіямъ политическимъ.

По поводу подобныхъ возраженій можно замѣтить, что сохраненіе наслѣдственныхъ правъ за отдаленными родственниками, рядомъ съ тѣми измѣненіями, которыя вносятъ въ наше наслѣдственное право ст. 15 проекта и статьи 17 и за ней слѣдующія—представляющія въ сущности выводы изъ статей 15 и 16—находится въ прямомъ противорѣчіи съ тѣми политическими требованіями, которыя предъявлялись и могутъ быть предъявлены къ законамъ о наслѣдствѣ.

Дѣйствительно, естественнымъ послѣдствіемъ принятія совокупности статей 15 и 16 окажутся: громадное увеличеніе числа линій, среди которыхъ могутъ отыскаться претенденты на каждое открывающееся наслѣдство, и затѣмъ также громадное увеличеніе числа лицъ, между которыми наслѣдства будутъ дѣлиться. Конечнымъ результатомъ перваго обстоятельства будетъ крайнее уменьшеніе числа выморочныхъ имуществъ, т. е. имуществъ, употребляемыхъ на службу интересамъ общественнымъ. Имущества, искусственно обращенныя въ частную собственность, доведенныя подъ вліяніемъ втораго обстоятельства до крайняго дро-

бленія, едва-ли и въ частныхъ рукахъ будутъ въ состояніи содѣйствовать экономическому развитію страны или поддерживать какіе-нибудь роды если благосостояніе этихъ родовъ, вслѣдствіе сохраняющихся въ нихъ историческихъ преданій, признается соотвѣтствующимъ интересамъ общественнымъ. Словомъ, сохраненіе правъ отдаленныхъ разрядовъ, допускаемое статьею 16, въ связи съ статьей 15, усиливаетъ слабыя стороны порядка существующаго, ослабляя тѣ стороны, которыми первыя хотя отчасти искупаются.

Для того, чтобы представить положеніе дѣлъ, обусловливаемое совокупностью разсматриваемыхъ частей проекта, со всею ясностью, необходимо было бы представить рядъ статистическихъ данныхъ, которыя добыть отчасти и совсѣмъ невозможно; во всякомъ случаѣ для этого требуется значительное количество труда и времени. Но вотъ для примѣра одинъ извѣстный мнѣ случай раздѣла наслѣдства между родственниками 2-го разряда, въ которомъ дробимость наслѣдства по проекту сравнительно съ закономъ дѣйствующимъ выступаетъ съ большой рѣзкостью.

Остается наслѣдство послѣ бездѣтнаго вдовца, котораго отецъ былъ женатъ одинъ разъ, но женился на вдовѣ съ двоими дѣтьми. У наслѣдодателя остаются родственники: родные братъ и сестра, два сына и дочь умершаго старшаго роднаго брата, единоутробная сестра и потомство старшаго единоутробнаго брата, состоящее изъ сына его, внука и пяти внучекъ, оставшихся послѣ смерти дочери. По дѣйствующему закону все наслѣдство должно быть раздѣлено между роднымъ братомъ наслѣдодателя и 2-мя его племянниками—сыновьями старшаго родного брата; первый долженъ получить 50% наслѣдства, послѣдніе—по 25%. По проекту наслѣдство приходилось бы дѣлить такъ: 50% должны быть раздѣлены между потомствомъ отца наслѣдодателя, другіе 50%—между потомствомъ его матери. Родные братъ, сестра и потомство старшаго роднаго брата получаютъ изъ первой половины наслѣдства по $16^2/_3$%. Доля матери наслѣдодателя должна быть раздѣлена на 5 равныхъ

частей—по 10%. И такъ родные братъ и сестра наслѣдодателя получаютъ по 26 $^{2}/_{3}$ % наслѣдства, трое дѣтей старшаго роднаго брата по $^{1}/_{3}$ этого числа или по 8$^{8}/_{9}$ %. 10% получаетъ единоутробная сестра наслѣдодателя, остальные 10% дѣлятся между потомствомъ единоутробнаго его брата. 5% должны достаться сыну послѣдняго, 5% должно раздѣлить поровну между внукомъ и пятью внучками его, и стало быть каждый изъ шестерыхъ получитъ по $^{5}/_{6}$ %. Такимъ образомъ вмѣсто 3-хъ наслѣдниковъ въ раздѣлѣ наслѣдства принимаютъ участіе 12 лицъ; максимальная доля одного наслѣдника, вмѣсто 50%—26$^{2}/_{3}$%; минимальная вмѣсто 25%—$^{5}/_{6}$% или $^{1}/_{120}$ всего наслѣдства. При наслѣдствѣ въ 60.000 руб. такая доля составитъ всего 500 руб. И такое дробленіе оказывается при раздѣлѣ наслѣдства между родственниками 2-го разряда! Здѣсь мы встрѣчаемся только съ нисходящими отца и матери наслѣдодателя, далѣе же будутъ: нисходящіе 2 дѣдовъ и 2 бабокъ—это родственники 3-го разряда; родственники 4-го разряда—нисходящіе 4-хъ прадѣдовъ и 4-хъ прабабокъ, 5-го разряда—отъ 8-ми прапрадѣдовъ и 8-ми прапрабабокъ и 6-го—отъ 16 прапрапрадѣдовъ и 16 прапрапрабабокъ.

Нельзя при этомъ не указать еще одного явленія—непрочности правъ, пріобрѣтаемыхъ отдаленными родственниками. Въ самомъ дѣлѣ, родственники 5-го или 6-го разряда, пріобрѣтая права на наслѣдство мало знакомаго имъ лица, можетъ быть въ большей части случаевъ не будутъ сами навѣрное знать, что не существуетъ никого изъ родственниковъ наслѣдодателя съ другой стороны, одного съ ними или и высшаго разряда. Кто знаетъ, на комъ женаты всѣ дальніе родственники—и въ особенности все родство ихъ женъ. Такимъ образомъ всякій пріобрѣвшій имущество послѣ дальняго родственника въ теченіе всего срока исковой давности не будетъ имѣть увѣренности въ томъ, что его имущество дѣйствительно ему принадлежитъ. Возможны будутъ и здѣсь случаи разочарованій, тѣмъ болѣе печальныхъ, что они очень часто могутъ быть совсѣмъ незаслуженны.

Все сказанное, полагаю, достаточно для подтвержденія

той мысли, что вытекающее изъ совокупности 15 и 16 статей проекта распространеніе наслѣдственныхъ правъ на множество линій родственниковъ, этихъ правъ до сихъ поръ не имѣвшихъ, представляетъ болѣе вредныхъ сторонъ, чѣмъ полезныхъ.

Перехожу къ статьямъ, опредѣляющимъ наслѣдственныя права внѣбрачныхъ дѣтей на имущество признавшаго ихъ отца (ст. 23) и таковыя же права пережившаго супруга наслѣдодателя (ст. 28 и 29). При разсмотрѣніи этихъ статей получаютъ особенное значеніе точныя выраженія закона, и потому считаю нужнымъ прежде всего привести эти статьи дословно. Въ ст. 23 читаемъ:

„Внѣбрачныя дѣти, признанныя отцемъ, наслѣдуютъ въ его имуществѣ по слѣдующимъ правиламъ:

1) при наслѣдованіи вмѣстѣ съ родственниками наслѣдодателя I разряда, внѣбрачныя дѣти получаютъ половину того, что причиталось бы имъ, если бы они были рождены въ бракѣ;

2) при наслѣдованіи вмѣстѣ съ родственниками наслѣдодателя II разряда, внѣбрачныя дѣти, за выдѣломъ причитающейся вдовѣ наслѣдодателя части, получаютъ половину всего остальнаго наслѣдства;

и 3) при отсутствіи родственниковъ наслѣдодателя первыхъ двухъ разрядовъ, наслѣдство дѣлится по поламъ между внѣбрачными дѣтьми и вдовою наслѣдодателя; если же нѣтъ въ живыхъ и вдовы наслѣдодателя, то внѣбрачнымъ дѣтямъ предоставляется все наслѣдство.

Въ статьѣ 28-й:

Пережившій супругъ наслѣдодателя, т. е. мужъ послѣ жены и жена послѣ мужа, получаетъ:

1) $^1/_4$ всего наслѣдства, когда наслѣдуетъ вмѣстѣ съ родственниками (конечно наслѣдодателя) I разряда;

2) $^1/_2$ наслѣдства, когда наслѣдуетъ вмѣстѣ съ родственниками II или III разрядовъ;

и 3) все наслѣдство, когда послѣ наслѣдодателя не осталось родственниковъ первыхъ трехъ разрядовъ.

Въ статьѣ 29-й:

„Пережившій супругъ, при наслѣдованіи совмѣстно съ родственниками II или III разрядовъ, получаетъ, сверхъ половины наслѣдства, всю относящуюся къ домашнему обиходу движимость“.

Замѣчу прежде всего, что чтеніе двухъ послѣднихъ статей, принадлежащихъ къ IV главѣ II раздѣла разсматриваемой книги, т. е. къ главѣ, посвященной вопросу о наслѣдованіи супруговъ, производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто онѣ были редактированы ранѣе статей предшествующей имъ главы—о наслѣдованіи внѣбрачныхъ дѣтей и усыновленныхъ—и затѣмъ редакція ихъ не была пересмотрѣна въ видахъ соглашенія съ этими позже составленными статьями. Поэтому, при необходимости примѣнять совокупность статей двухъ главъ, придется прибѣгать къ интерпретаціи, иногда оставляющей сомнѣнія, иногда приводящей къ выводу, едва ли соотвѣтствующему мысли составителей проекта. Дѣло въ томъ, что ни въ одной изъ статей IV главы не упоминается о случаѣ, когда супруги наслѣдодателя наслѣдуютъ совмѣстно съ внѣбрачными дѣтьми его, и вотъ при такихъ случаяхъ нужно примѣнить совокупно соотвѣтствующія статьи обѣихъ главъ. Приходится сопоставлять: или первые пункты статей 23 и 28, когда пережившая супруга наслѣдодателя наслѣдуетъ вмѣстѣ съ его внѣбрачными или признанными дѣтьми и его законными нисходящими; или 2 п. ст. 23, 2 п. ст. 28 и статью 29—при дѣлежѣ наслѣдства между супругою, внѣбрачными дѣтьми и родственниками II разряда наслѣдодателя;

или 3 п. 23 ст., 2 п. 28 статьи и статью 29—при совмѣстномъ наслѣдованіи супруга, внѣбрачныхъ дѣтей и родственниковъ наслѣдодателя III разряда;

или, наконецъ третьи пункты 23 и 28 статьи—при отсутствіи у наслѣдодателя родственниковъ 3-хъ первыхъ разрядовъ, но при существованіи его супруги и признанныхъ имъ внѣбрачныхъ дѣтей.

Первый изъ перечисленныхъ случаевъ не представляетъ никакихъ недоразумѣній. Второй случай разрѣшается также весьма

просто. Какая именно доля наслѣдства причитается супругѣ, въ 23 статьѣ прямо не указывается, но она несомнѣнно указывается 2 пунктомъ 28 статьи, къ данному случаю несомнѣнно примѣнимому, такъ какъ сонаслѣдованіе супруги и родственника 2-го разряда—условіе примѣненія этого пункта—здѣсь налицо. Равнымъ образомъ, въ силу наличности этого условія здѣсь примѣнима ст. 29.

Но затрудненіе представляется прежде всего третьимъ изъ перечисленныхъ случаевъ. На основаніи 3 п. 23 статьи наличность внѣбрачныхъ дѣтей исключаетъ права родственниковъ III разряда, а слѣдовательно и примѣненіе 2-го пункта 28 статьи. Вмѣстѣ съ тѣмъ отпадаетъ и возможность примѣненія статьи 29: пережившій супругъ не наслѣдуетъ совмѣстно ни съ родственникомъ 2 разряда, ни съ родственникомъ 3 разряда наслѣдодателя, стало быть нѣтъ условія примѣненія этой статьи. Притомъ правила дѣлежа наслѣдства указаны для этого случая въ п. 3 статьи 23 съ такою ясностью и обстоятельностью, что не можетъ возникнуть никакого недоразумѣнія въ томъ, какъ исполнить законъ. Стало быть, супруга должна получить половину всего наслѣдства, въ томъ числѣ и половину „относящейся къ домашнему обиходу движимости"—а не всю эту движимость, на что она имѣла бы право въ силу статьи 29, если бы внѣбрачныхъ дѣтей у ея супруга не было, и ей приходилось дѣлить наслѣдство съ его родственниками III разряда. Что можно сказать по поводу такого рѣшенія вопроса? Во 1-хъ нельзя назвать правильною редакцію закона, при которой право наслѣдованія супруга приходится извлекать не изъ главы, носящей названіе „наслѣдованіе супруговъ", а изъ другой главы, названной: „наслѣдованіе внѣбрачныхъ дѣтей и усыновленныхъ": это, такъ сказать, недостатокъ архитектурной техники при построеніи института. Но затѣмъ уложенію, на основаніи котораго можно придти къ указанному рѣшенію, можно сдѣлать упрекъ и по существу дѣла: указанное рѣшеніе противорѣчитъ всему сказанному составителями въ объясненіяхъ къ приведеннымъ статьямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ объясненія къ 23 статьѣ

(стр. 70) читаемъ: „участіе внѣбрачнаго ребенка въ наслѣдствѣ *вовсе* не вліяетъ на наслѣдственныя права вдовы наслѣдодателя“. Между тѣмъ не будь у наслѣдодателя внѣбрачныхъ дѣтей, вдовѣ пришлось бы въ данномъ случаѣ дѣлить наслѣдство съ его родственниками 3-го разряда и получить всю относящуюся къ домашнему обиходу движимость, а не половину только ея, стало быть слово „*вовсе*“ оказывается совсѣмъ несогласнымъ съ дѣйствительнымъ значеніемъ объясняемаго текста.

Въ объясненіяхъ къ ст. 28 на стр. 83 читаемъ:

„Приведенный обзоръ законодательствъ показываетъ, что предоставляемыя почти всѣми законодательствами пережившему супругу наслѣдственныя права не особенно значительны, по крайней мѣрѣ при наличности нисходящихъ наслѣдодателя. Затѣмъ по мѣрѣ наслѣдованія пережившаго супруга совмѣстно съ родственниками все болѣе и болѣе отдаляющихся отъ наслѣдодателя разрядовъ законная часть супруга увеличивается...“. Приведенныя слова въ совокупности со всѣми замѣчаніями, сдѣланными составителями по поводу 23 и 28 статей, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что по мысли составителей доля супруга должна увеличиваться по мѣрѣ отдаленія разряда сонаслѣдующихъ ему родственниковъ наслѣдодателя. Между тѣмъ доля супруга при наличности родственника 2-го разряда, обусловливающей примѣненіе 29-ой статьи, болѣе, чѣмъ при отсутствіи таковаго родственника при наличности родственниковъ болѣе отдаленныхъ разрядовъ, ибо въ послѣднемъ случаѣ примѣненіе 29 статьи устраняется, и раздѣлъ наслѣдства производится по правиламъ п. 3 ст. 23. Основываясь на объясненіяхъ къ уложенію, можно будетъ защищать рѣшенія противоположныя тѣмъ, которыя выведены выше изъ текста закона. Возможны будутъ колебанія практики, тѣмъ труднѣе устранимыя, что законы о наслѣдствѣ будутъ примѣняемы разнородными судебными учрежденіями—быть можетъ, подчиненными не только различнымъ, но и разнороднымъ кассаціоннымъ инстанціямъ.

Не безъ затрудненій обходится и въ 4-мъ изъ вышеперечисленныхъ случаевъ—при отсутствіи родственниковъ на-

слѣдодателя первыхъ 3-хъ разрядовъ. Ст. 29 здѣсь также примѣнена быть не можетъ, но третьи пункты 2-хъ статей—23-ей и 28-ой, по точному ихъ смыслу могутъ быть отнесены къ этому случаю, такъ какъ на лицо условія примѣненія обоихъ.

Разумѣется *долженъ* быть примѣненъ п. 3 статьи 23-ей, такъ какъ его опредѣленія ближе подходятъ къ имѣющимся на лицо условіямъ. При томъ едва ли можетъ существовать опасеніе, чтобы кто-либо изъ членовъ судебно-административныхъ учрежденій, при отсутствіи въ этой средѣ юридическаго образованія и привычкѣ къ казуистическимъ опредѣленіямъ закона, сталъ примѣнять статью 28-ую: для этого требуется прибѣгнуь къ логическому толкованію, между тѣмъ какъ 23 статья носитъ сравнительно съ 28-ою казуистическій характеръ. Во всякомъ случаѣ въ настоящей редакціи эти статьи другъ другу противорѣчать, и допущеніе такихъ статей не можетъ быть поставлено въ достоинство уложенію.

Затѣмъ къ разсматриваемой комбинаціи относится большая часть замѣчаній, сдѣланныхъ относительно предыдущей. Также приходится рѣшать вопросъ, по существу относящійся къ главѣ IV, на основаніи главы III. Также приходится убѣдиться въ невѣрности утвержденія, находящагося въ объясненіяхъ къ 23 статьѣ, будто „участіе внѣбрачнаго ребенка въ наслѣдствѣ *вовсе* не вліяетъ на наслѣдственныя права вдовы наслѣдодателя“—здѣсь наслѣдство, которое могла бы получить вдова, если бы права внѣбрачныхъ дѣтей не признавались, уменьшается ровно вдвое. Также приходится оставшемуся супругу жалѣть объ отсутствіи ближайшихъ родственниковъ наслѣдодателя—наличность родственника 2 разряда увеличила бы вдвое причитающуюся супругу часть „относящейся къ домашнему обиходу движимости“—стало быть, и тутъ оказывается противорѣчіе основной мысли составителей объ увеличеніи доли супруга по мѣрѣ отдаленности наличныхъ родственниковъ наслѣдодателя.

Обращаясь отъ правъ супруговъ къ правамъ внѣбрачныхъ дѣтей, нужно сказать что, не смотря на категорическое утвержденіе объясненій къ 23 статьѣ проекта,

будто статья эта „постепенно расширяетъ права внѣбрачнаго ребенка въ зависимости отъ большей или меньшей близости къ наслѣдодателю тѣхъ законныхъ родственниковъ, которые призываются къ наслѣдству“ съ нимъ вмѣстѣ,—и внѣбрачнымъ дѣтямъ придется, по осуществленіи проекта, иногда пожалѣть объ отсутствіи ближайшихъ законныхъ родственниковъ наслѣдодателя. Возьмемъ два такіе случаи: 1) наслѣдство должно быть раздѣлено между вдовою, однимъ законнымъ и 3-мя внѣбрачными сыновьями умершаго; 2) между вдовою, 3-мя внѣбрачными сыновьями умершаго и его законными родственниками, II-го разряда. Въ 1 случаѣ должны быть примѣнены первые пункты 23 и 28 статей, во 2-мъ—вторые пункты этихъ 2-хъ статей и статья 29. Въ первомъ случаѣ получаютъ: вдова 25% всего наслѣдства, каждый изъ внѣбрачныхъ сыновей—половину четверти всего остальнаго, т. е. 75%:8=$9^3/_8$% всего наслѣдства. Во второмъ случаѣ вдова получаетъ 50% наслѣдства и „относящуюся къ домашнему обиходу движимость“, каждый изъ внѣбрачныхъ сыновей—третью часть половины остальнаго наслѣдства, т. е. 50% (безъ движимости): 6, т. е. менѣе $8^1/_3$% всего наслѣдства.

Если бы въ обоихъ случаяхъ оставалось, вмѣсто 3-хъ, четверо внѣбрачныхъ дѣтей, то доля каждаго опредѣлилась бы въ 1-мъ случаѣ въ 75%:10 т. е. въ $7^1/_2$% всего наслѣдства, а во 2-мъ въ 50% (безъ движимости): 8, т. е. менѣе чѣмъ $6^1/_4$% всего наслѣдства. Точно также невыгодные результаты для внѣбрачныхъ дѣтей мы будетъ получать и въ случаѣ большаго ихъ числа. Отсутствіе законнаго нисходящаго у наслѣдодателя при наличности его родственниковъ II разряда можетъ быть выгоднымъ для внѣбрачнаго ребенка, помимо случаевъ отсутствія супруги наслѣдодателя, только если число признанныхъ внѣбрачныхъ ограничивается однимъ. Тогда доля этого внѣбрачнаго ребенка опредѣлится, при сонаслѣдованіи съ супругомъ и законнымъ сыномъ наслѣдодателя, въ $18^3/_4$% всего наслѣдства, а при сонаслѣдованіи съ супругомъ и родственниками 2-го разряда, въ 25% всего наслѣдства за исключеніемъ движимости—

что можетъ быть и больше и меньше $18^3/_4$% всего наслѣдства, смотря по тому, какую часть всей стоимости наслѣдства составляетъ „относящаяся къ домашнему обиходу“ движимость.

Обращаюсь къ вопросу: какія исправленія въ текстѣ проекта могли бы быть предложены.

Во-первыхъ, въ редакціонномъ отношеніи слѣдовало бы пополнить ст. 28 либо ссылками на правила 23 ст., либо повтореніемъ ея опредѣленій.

Быть можетъ, слѣдовало бы дать болѣе точное выраженіе опредѣленіямъ статьи 29 (объ этой статьѣ впрочемъ скажу немного далѣе).

Затѣмъ самое содержаніе статей 23, 28 и 29 слѣдовало бы нѣсколько измѣнить для того, чтобы послѣдовательно было выдержано начало постепеннаго увеличенія долей супруга и внѣбрачныхъ дѣтей наслѣдодателя, когда имъ сонаслѣдуютъ родственники наслѣдодателя болѣе отдаленныхъ разрядовъ.

Для примѣненія 29 статьи къ тѣмъ случаямъ, когда родственники III разряда замѣняются внѣбрачными дѣтьми наслѣдодателя, ея редакція можетъ быть измѣнена слѣдующимъ образомъ: „пережившій супругъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится на основаніи вышеизложеннаго получить половину наслѣдства, получаетъ сверхъ того“ и т. д. Этимъ поддержится вышеупомянутое начало по отношенію къ правамъ пережившаго супруга.

Я впрочемъ полагалъ бы, что ст. 29 могла бы быть совсѣмъ исключена изъ уложенія, такъ какъ она будетъ имѣть послѣдствіемъ много неудобствъ. Она умаляетъ права внѣбрачныхъ дѣтей именно тогда, когда въ числѣ ихъ сонаслѣдниковъ нѣтъ законныхъ дѣтей наслѣдодателя. Затѣмъ она вводитъ въ наслѣдственныя отношенія большую неопредѣленность: относящаяся къ домашнему обиходу движимость въ иныхъ случаяхъ можетъ составлять сравнительно ничтожную часть наслѣдства, въ иныхъ весьма значительную. Наконецъ вопросъ, что именно составляетъ движимость, относящуюся къ домашнему обиходу, во многихъ случаяхъ будетъ представляться спорнымъ и вызывать въ судебной практикѣ весьма

разнообразныя рѣшенія. Можно еще замѣтить, что статья будетъ достигать результата, какъ разъ противоположнаго тому, какого желаютъ достигнуть составители проекта, когда придется ее примѣнять къ наслѣдству послѣ супруга, жившаго съ семьей внѣбрачной: вся обстановка послѣдней будетъ отобрана отъ людей, можетъ быть, долгое время пользовавшихся ею, и передана въ чужія руки—законному супругу наслѣдодателя.

Въ объясненіяхъ къ 23 статьѣ слова „*вовсе* не вліяетъ . . .“ слѣдовало бы выпустить, такъ какъ выполнить выражаемое ими начало нѣтъ возможности: въ случаѣ отсутствія ближайшихъ родственниковъ, наличность внѣбрачныхъ дѣтей непремѣнно уменьшитъ долю пережившаго супруга, если не уничтожитъ правила п. 3 ст. 28, на что нѣтъ достаточныхъ основаній. Чтобы выставленное выше начало выдержать по отношенію къ внѣбрачнымъ дѣтямъ, нужно нѣсколько дополнить п. 2 ст. 23, напр. такими словами: „если ихъ не болѣе двухъ; въ противномъ же случаѣ каждый получаетъ долю, одинаковую съ долей, причитающейся на каждаго изъ родителей наслѣдодателя или на потомство ихъ родителей“.

Перечисленными поправками можно было бы ограничиться, если бы необходимо было держаться какъ можно ближе началъ, принятыхъ составителями проекта. Но мнѣ кажется, что въ самыхъ объясненіяхъ къ разсматриваемой книгѣ проекта и въ опредѣленіяхъ проекта II-ой книги гражданскаго уложенія есть указанія на такія начала, которыя съ пользою могли бы быть примѣнены къ разсматриваемымъ частямъ проекта. Не можетъ быть сомнѣнія, что законы о наслѣдствѣ должны обезпечивать супруговъ наслѣдодателей, ихъ законныхъ и внѣбрачныхъ нисходящихъ. За отсутствіемъ законныхъ нисходящихъ проектъ допускаетъ сонаслѣдованіе супруговъ, внѣбрачныхъ дѣтей и ближайшихъ родственниковъ наслѣдодателя—2-го разряда при наличности внѣбрачныхъ дѣтей, 2 и 3-го при наличности супруговъ и отсутствіи внѣбрачныхъ дѣтей. Такимъ образомъ при рѣшеніи вопроса о допустимости конкурренціи родственниковъ наслѣдодателя съ ближайшими къ нему лицами принимается

во вниманіе *исключительно* разрядъ родства конкуррентовъ. Между тѣмъ въ приведенныхъ въ „объясненіяхъ“ ссылкахъ на наслѣдственное право другихъ странъ находятся указанія, о которыхъ можно пожалѣть, что они не повліяли на русскій проектъ. Сюда отношу прежде всего указаніе на англійскій законъ 25 іюля 1890 г. (объясненія стр. 81), по которому вдова, при отсутствіи дѣтей наслѣдодателя, „получаетъ въ собственность все движимое и недвижимое имущество мужа, *если его стоимость не болѣе 500 фунтовъ*, а если болѣе, то изъ остального только 1/2, а другая 1/2 переходитъ къ ближайшимъ родственникамъ покойнаго“. Здѣсь важна, разумѣется, основная мысль закона, а не подробности его. Эта основная мысль—обезпечить прежде всего существованіе самаго близкаго человѣка къ покойному и уже потомъ—если достанетъ средствъ—одѣлять другихъ людей, также до нѣкоторой степени близкихъ къ наслѣдодателю. Самая цифра 500 освѣщаетъ основное начало, выраженное въ законѣ. Даже для нашей жизни эта подробность имѣла бы значеніе: капиталъ въ 500 фунтовъ при 4%—это приблизительно 180 р. ежегоднаго дохода, или 15 р. ежемѣсячнаго. Спрашивается—чѣмъ тутъ дѣлиться? Изъ чего дѣлать подарки родственникамъ, когда существованіе вдовы чрезъ эти подарки окажется совсѣмъ необезпеченнымъ? Иное дѣло, когда наслѣдствомъ можно обезпечить безбѣдное состояніе нѣсколькихъ лицъ. Разумѣется, предѣльную цифру можно опредѣлять и иначе. Но основная мысль англійскаго закона—обратить вниманіе на количество наслѣдуемаго имѣнія и допускать сонаслѣдниковъ вдовы только въ томъ случаѣ, когда наслѣдство выходитъ изъ извѣстнаго предѣла—мнѣ кажется вполнѣ достойною подражанія. При самомъ опредѣленіи родственныхъ связей, дающихъ право на наслѣдованіе вообще и на сонаслѣдованіе съ супругами и внѣбрачными дѣтьми наслѣдодателя въ особенности, не на одни только разряды родственниковъ было бы полезно обращать вниманіе. На стр. 83 „объясненій“ приведены постановленія 1924, 1925 и 1931 статей Германскаго уложенія. Въ силу этихъ постановленій, переживщій супругъ получаетъ въ собственность 1/4 наслѣд-

ства, наслѣдуя вмѣстѣ съ нисходящими наслѣдодателя, 1/2—при сонаслѣдованіи съ родственниками наслѣдодателя II разряда, *а также съ дѣдомъ и бабкою наслѣдодателя*, и все наслѣдство, если означенныхъ родственниковъ не имѣется. Такимъ образомъ изъ родственниковъ III разряда къ сонаслѣдованію съ супругомъ допускаются лишь дѣдъ и бабка наслѣдодателя—т. е. лица, относительно которыхъ можно предполагать, что они собственнымъ трудомъ содержать себя уже не могутъ. По проекту русскаго уложенія родственники III разряда исключаются всѣ изъ числа сонаслѣдниковъ *внѣбрачныхъ дѣтей*, но всѣ (въ общемъ порядкѣ) допускаются къ сонаслѣдованію *съ супругами* наслѣдодателей. Кажется, начало, принятое Германскимъ уложеніемъ, правильнѣе и могло бы быть примѣняемо одинаково къ случаямъ сонаслѣдованія, какъ съ супругами, такъ и съ внѣбрачными дѣтьми наслѣдодателей. Мнѣ кажется, что такой порядокъ могъ бы быть внушенъ не только примѣромъ Германскаго уложенія, но и послѣдовательностью въ примѣненіи извѣстныхъ началъ, принятыхъ проектомъ уложенія русскаго. Я имѣю здѣсь въ виду начало, выраженное въ 377 и 391 статьяхъ II-ой книги проекта, опредѣляющихъ права ближайшихъ родственниковъ на алименты. Право восходящихъ родственниковъ ставится здѣсь и въ порядкѣ удовлетворенія, и въ количественномъ отношеніи выше правъ братьевъ и сестеръ (статьи 377, 382—384). Подъ восходящими родственниками, кромѣ родителей, чаще всего приходится разумѣть дѣда и бабку, такъ какъ встрѣтить прадѣда и прабабку у взрослыхъ людей случается весьма рѣдко. Со смертію внуковъ, не имѣющихъ нисходящихъ, права дѣдовъ и бабокъ ихъ на полученіе алиментовъ прекращаются (статьи 377 и 391). Стало быть, вполнѣ естественно пріискивать средства для огражденія ихъ отъ нужды предоставленіемъ именно имъ права на часть наслѣдства отъ внуковъ. Германскій законъ какъ нельзя болѣе согласуется такимъ образомъ съ духомъ названныхъ статей проекта.

А. Вороновъ.

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ НОВАГО УГОЛОВНАГО УЛОЖЕНІЯ [1]).

Потребность возмездія, лежащая въ основаніи каратель-тельной дѣятельности, можетъ быть удовлетворяема, а также использована, болѣе или менѣе разумнымъ способомъ. Индивидуумъ, являясь мстителемъ за самого себя или за близкихъ ему лицъ, не можетъ руководствоваться ничѣмъ инымъ, кромѣ чувства собственнаго раздраженія. А между тѣмъ государственная власть, представляя этого индивидуума, можетъ отнестись болѣе объективно къ тому же случаю, можетъ внести разумное начало въ карательную функцію. И государственная власть сыздавна стремится внести въ институтъ наказанія наряду съ репрессіей элементъ предупрежденія новыхъ преступленій. Устрашеніе общества карами, устрашеніе даннаго преступника примѣненіемъ этихъ каръ, стремленіе къ исправленію преступника примѣненіемъ наказанія, изолированіе общества отъ преступниковъ—вотъ всѣ тѣ цѣли, которыя стремились преслѣдовать и древнія государства, и новѣйшіе кодексы. Исторія знаетъ безконечное число такихъ благихъ начинаній и, кажется, ровно такое же количество разочарованій въ этихъ начинаніяхъ. Фейербаховская теорія оказалась совершенно непригодной, одиночныя камеры привели къ очень сомнительнымъ результатамъ. Единственный путь—это искорененіе тѣхъ причинъ, которыя порождаютъ

[1]) Доложено въ засѣданіи Кіевскаго Юридическаго Общества 20 сентября 1903 г.

преступленіе. Ученіе о несвободѣ воли такъ же старо, какъ и самая наука. Тѣмъ не менѣе отрицаніе свободы воли не есть факторъ, обосновывающій необходимость преступленій; послѣднія являются результатомъ цѣлаго ряда причинъ. Заслуги антропологической и соціологической школы заключаются въ выясненіи этихъ причинъ, въ установленіи причинной связи между организаціей человѣка, а главное—соціальными условіями общежитія, съ одной стороны, и между преступленіями, съ другой стороны. Мѣры, предлагаемыя соціологами для борьбы съ соціальными факторами преступленія, быть можетъ и цѣлесообразны, быть можетъ и поведутъ къ нѣкоторому уменьшенію быстраго роста количества преступленій. Но за то, съ другой стороны, тѣ мѣры, которыя они предлагаютъ для борьбы съ уже совершившимися преступленіями, не представляютъ ничего новаго. Всѣ эти мѣры сводятся къ созданію изъ репрессіи „défense sociale“ путемъ полнаго изолированія общества отъ вредоносныхъ и неисправимыхъ преступниковъ или больныхъ, путемъ исправленія подающихъ надежды на таковое, путемъ условнаго осужденія случайныхъ преступниковъ.

Единственное, что сравнительно ново, это условное осужденіе. А главное—вмѣстѣ съ созданіемъ названныхъ категорій преступниковъ новаторы предлагаютъ упразднить нынѣ существующія категоріи преступленій. Послѣдняя мѣра, конечно, неосуществима, такъ какъ нѣтъ тѣхъ судей, которые смогутъ произносить одинаковые приговоры и надъ неисправимымъ убійцей, и надъ неисправимымъ буяномъ, сплошь и рядомъ наносящимъ побои (не опасные для жизни) окружающимъ. Пускай раціонально устранить изъ общества навсегда и того, и другого—у современнаго судьи едва ли хватитъ жестокости обречь на вѣчное поселеніе внѣ общества даже перваго. По отношенію же къ буяну даже извергъ содрогнется примѣнить столь жестокую мѣру. Я не говорю уже о томъ, насколько труденъ и шатокъ критерій для разграниченія преступниковъ на категоріи неисправимыхъ и исправимыхъ. Не надо только забывать—а это, къ сожалѣнію, забываютъ, что воля несвободна не только у нарушающихъ установленные

большинствомъ соціальные устои, но и у тѣхъ, которые примѣняютъ репрессію. И населеніе, и судьи не могутъ вполнѣ отрѣшиться отъ объективнаго масштаба цѣнности тѣхъ благъ, которыя нарушены. Какіе бы раціональные доводы ни приводились—чувство всегда скажетъ свое слово.

Едва ли приходится въ виду всего изложеннаго поставить въ вину редакторамъ новаго уголовнаго уложенія, что они не пошли на встрѣчу крайнимъ требованіямъ новаторовъ-раціоналистовъ. Кодексъ, составленный по такимъ рецептамъ, возбудилъ бы противъ себя протесты народнаго чувства, возбудилъ бы серьезное недоумѣніе со стороны огромнаго большинства населенія. Быть можетъ, неразумно назначить 3 мѣсяца тюрьмы за маловажный проступокъ. Почему именно 3 мѣсяца, спрашиваютъ раціоналисты, почему именно тюрьма?

Такихъ вопросовъ можно поставить тысячи. А отвѣтъ очень простъ: чувство возмездія требуетъ большей репрессіи для посягающихъ на большія блага. Отсюда необходимость нѣкотораго соотвѣтствія между цѣнностью нарушаемаго блага и между силой репрессіи.

Итакъ, законодателю приходится считаться прежде всего съ тѣмъ основнымъ элементомъ репрессіи, который даетъ таковой имя „наказаніе". Но репрессія съ теченіемъ времени все больше и больше смягчается. Объясняется это прежде всего тѣмъ, что вообще нравы съ теченіемъ времени смягчаются. Но вмѣстѣ съ паденіемъ жестокости у наказывающихъ сама собой повышается чувствительность тѣхъ, которыхъ постигаетъ наказаніе. И надо думать, что для культурнаго человѣка нашего времени арестъ, а иногда даже и выговоръ, можетъ представлять собою такое же страданіе, каковымъ являлись для жителей среднихъ вѣковъ „потокъ и разграбленіе", „головничество" и другія крутыя мѣры добраго стараго времени. Едва ли можно поэтому согласиться съ Іерингомъ, который утверждалъ, что „исторія наказанія есть исторія его постепеннаго вымиранія". Напротивъ, съ теченіемъ времени область наказуемаго становится все больше и больше, общественныя отношенія становятся все болѣе и

болѣе сложными, а параллельно съ этимъ появляется все больше и больше благъ-объектовъ для нападенія. Что же касается смягченія формъ наказанія, то это лишь знаменье времени и видѣть въ этомъ смягченіи признаки вымиранія наказанія ошибочно, въ виду указанныхъ уже выше соображеній. Смягченіе репрессіи и возрастаніе чувствительности— двѣ стороны одной медали. „Всякая палка о двухъ концахъ". И не подлежитъ сомнѣнію, что черезъ какихъ-нибудь 200 лѣтъ воспоминаніе о современной каторгѣ будетъ вызывать въ культурныхъ людяхъ то же чувство, какое вызываетъ въ насъ воспоминаніе объ испанской инквизиціи, о колесованіи и тому подобныхъ пережиткахъ.

Итакъ, смягченіе репрессіи есть историческій законъ прогресса. Но уголовный законодатель сплошь и рядомъ выступаетъ за предѣлы естественнаго хода вещей. Взаимодѣйствіе между законодателемъ, особенно уголовнымъ, и населеніемъ не подлежитъ сомнѣнію: воззрѣнія и традиціи большинства—первоисточникъ для кодификаціонной работы, но въ свою очередь и законодательныя постановленія, болѣе прогрессивныя, болѣе гуманныя, нежели воззрѣнія толпы, могутъ постепенно воздѣйствовать на таковую. Въ этомъ постепенномъ воздѣйствіи на массу заключается также одинъ изъ факторовъ борьбы съ преступленіями. Противоположное воззрѣніе, будто смягченіе наказаній содѣйствовало росту количества преступленій, построено на ошибочномъ умозаключеніи; не всѣ тѣ явленія, которыя наблюдаются параллельно, находятся въ непремѣнной зависимости. Если параллельно съ смягченіемъ нравовъ вообще и наказаній въ частности статистика и собираетъ болѣе обильную жатву на полѣ преступности, то на это есть цѣлый рядъ причинъ. Прежде всего сомнительны самыя цифры. Если можно отнестись съ довѣріемъ къ статистикѣ послѣднихъ пятидесятилѣтій, то большое сомнѣніе вызываютъ данныя за прошлыя времена. Засимъ судопроизводство также измѣнилось, значительно меньшее число преступленій остается нераскрытымъ. Кромѣ этихъ внѣшнихъ причинъ существуетъ рядъ внутреннихъ. Капиталистическій строй, переселеніе изъ деревень и селъ

въ города, скученность послѣднихъ, ростъ пролетаріата... При чемъ тутъ смягченіе репрессіи?

Повторяемъ, меньшая жестокость, меньшая репрессивность наказаній можетъ содѣйствовать лишь общему смягченію нравовъ, уменьшенію преступности и ужъ во всякомъ случаѣ смягченію тѣхъ формъ, въ которыхъ преступность выражается. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вся человѣческая исторія.

Итакъ, смягченіе репрессіи—первая задача всякаго новаго кодекса. Это наиболѣе вѣрный показатель прогрессивной эволюціи уголовнаго права.

Вторымъ не менѣе важнымъ моментомъ прогресса уголовной дисциплины является постепенное развитіе ученій о дѣяніяхъ умышленныхъ, неосторожныхъ и случайныхъ. Въ свое время было достаточно установить причинную связь между дѣяніемъ человѣка—хотя бы и случайнымъ—и между тѣмъ или инымъ результатомъ, дабы вмѣнить человѣку въ вину этотъ результатъ. Но это время грубаго объективизма давно осуждено наукой. Наказуемыя дѣянія сводятся лишь къ двумъ типамъ: дѣянія умышленныя и дѣянія неосторожныя. Область наказуемости послѣднихъ съ теченіемъ времени уменьшается. „Въ будущемъ уголовное право обнаруживаетъ тенденцію все больше и больше субъективироваться, тогда какъ гражданское право будетъ все больше и больше объективироваться"—слова, которыя были сказаны знаменитымъ французскимъ криминалистомъ Гарро на послѣднемъ международномъ конгрессѣ криминалистовъ въ Петербургѣ. Эти слова весьма знаменательны. Все современное ученіе о неосторожныхъ дѣяніяхъ есть ничто иное, какъ метафизически построенный мостъ между дѣяніями умышленными и случайными. „Man kann entweder wollen, oder nicht wollen", говоритъ вслѣдъ за Шопенгауэромъ Биндингъ. И поэтому всѣ прежнія дѣленія умысла на множество категорій осуждены наукой и выбрасываются изъ новыхъ кодексовъ. Но Биндингъ относитъ неосторожныя дѣянія къ области „wollen". Правильнѣе предугадываетъ будущій путь уголовнаго права Гарро, который полагаетъ, что неосторожныя дѣянія отойдутъ по-

степенно въ область гражданскаго права, т. е. будутъ вызывать лишь гражданскую отвѣтственность, какъ дѣянія изъ категоріи „Nicht wollen".

Разсматривая ниже главныя черты новаго уголовнаго уложенія, мы будемъ прежде всего руководствоваться высказанными выше соображеніями. Что наказываетъ новый кодексъ и какъ наказываетъ новый кодексъ—кардинальные вопросы, охватывающіе собою содержаніе всего уголовнаго права. Но есть, кромѣ того, рядъ вопросовъ чисто техническаго свойства. Къ нимъ мы подойдемъ по мѣрѣ ознакомленія съ самымъ матеріаломъ.

I.

„Non multum, sed multa". Поменьше перечисленій, побольше обобщеній. Наполеоновскій Code Pénal 1810 года содержитъ въ себѣ 484 статьи. Нынѣ дѣйствующее Германское уголовное уложеніе 1872 года (Strafgesetzbuch) состоитъ изъ 370 статей. А между тѣмъ наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ заключаетъ въ себѣ 1711 статей, къ которымъ должно прибавить около 180 статей устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Новое уголовное уложеніе свело эту громадную цыфру (около 2-хъ тысячъ статей) къ 687 статьямъ. Изъ нихъ первыя 72 составляютъ общую часть новаго кодекса и изложены въ 1-й главѣ подъ заглавіемъ „о преступныхъ дѣяніяхъ и наказаніяхъ вообще". Все остальное количество статей изложено въ 36 главахъ. Каждая изъ этихъ главъ заключаетъ въ себѣ разновидности того родового преступнаго дѣянія, которое она собой охватываетъ. Такъ, напримѣръ, глава IX озаглавлена „о нарушеніи постановленій, ограждающихъ народное здравіе", глава XVII—„о нарушеніи постановленій о личномъ наймѣ", глава XXIII—„о мошенничествѣ" и т. д.

Дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ не знаетъ общаго термина для всей области наказуемыхъ дѣяній. Въ статьѣ 1-й

оно устанавливаетъ 2 термина: преступленіе и проступокъ. Но эта двойственная терминологія, унаслѣдованная отъ свода законовъ уложеніемъ 1845 года, не имѣетъ никакого практическаго значенія и примѣненія. Сводъ законовъ дѣлитъ всю область наказуемыхъ дѣяній на два вида соотвѣтственно установленнымъ имъ 2-мъ видамъ наказаній (уголовныхъ и полицейскихъ). Это соотвѣтствіе не было проведено въ уложеніи 1845 года: наказанія уголовныя и исправительныя примѣняются и къ преступленіямъ и къ проступкамъ.

Новое уголовное уложеніе даетъ въ статьѣ 1-й болѣе устойчивую терминологію, охватывая всю область наказуемыхъ дѣяній однимъ общимъ терминомъ „преступныя дѣянія". Въ статьѣ 3-й, по примѣру большинства современныхъ кодексовъ, преступныя дѣянія подраздѣляются по тяжести наказаній на три категоріи: тяжкія преступленія, преступленія и проступки. Это трехчленное дѣленіе было впервые создано французскимъ кодексомъ 1810 года по соображеніямъ чисто практическаго свойства. Тройственность преступныхъ дѣяній соотвѣтствуетъ во Франціи тройственности судебныхъ инстанцій. Кромѣ того, трехчленное дѣленіе даетъ законодателю рядъ удобствъ чисто техническаго свойства. Такъ, напримѣръ, говоря о наказуемости покушенія, законодатель не долженъ перечислять всѣхъ отдѣльныхъ случаевъ, при которыхъ покушеніе наказуемо; онъ можетъ ограничиться указаніемъ, какая изъ трехъ группъ преступныхъ дѣяній вызываетъ уголовную репрессію не только за совершеніе, но и за покушеніе.

Вводя трехчленное дѣленіе въ новое уголовное уложеніе, редакторы послѣдняго руководствовались исключительно соображеніями техническаго удобства. Главное основаніе, оправдывающее таковое дѣленіе—соотвѣтствіе трехъ категорій преступныхъ дѣяній различнымъ категоріямъ судебныхъ инстанцій—у редакторовъ отсутствовало, въ виду особенныхъ условій, принятыхъ въ нашемъ судоустройствѣ для подсудности уголовныхъ дѣлъ...

Удобство трехчленнаго дѣленія сказалось въ постановленіяхъ общей части новаго уголовнаго уложенія о наказуе-

мости неосторожныхъ дѣяній (статья 48), о покушеніи (ст. 49), о соучастіи (ст. 51 и 52), о замѣнѣ наказаній (ст. 55), объ обстоятельствахъ, усиливающихъ отвѣтственность (ст. 67), о давности (ст. 68) и, наконецъ, о пространствѣ дѣйствія уложенія (ст. 9, 12 и 13).

Переходя къ одному изъ существеннѣйшихъ вопросовъ предпринятаго нами изслѣдованія—что наказываетъ новый кодексъ—должно прежде всего остановиться на отношеніи новаго уголовнаго уложенія къ дѣяніямъ случайнымъ, неосторожнымъ и умышленнымъ.

Ст. 48 новаго уголовнаго уложенія упоминаетъ исключительно о дѣяніяхъ умышленныхъ и неосторожныхъ. Казалось бы, что въ новомъ кодексѣ нѣтъ случайныхъ преступныхъ (т. е. наказуемыхъ) дѣяній.

Это, однако, не совсѣмъ такъ. При описаніи отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній новое уголовное уложеніе очень часто усиливаетъ наказаніе за привходящія, чисто случайныя послѣдствія предпринятаго виновнымъ дѣянія. Такъ, напримѣръ, ст. 467, говоря о самыхъ тяжкихъ видахъ тѣлесныхъ поврежденій, въ своей второй части гласитъ: „если такое тѣлесное поврежденіе имѣло послѣдствіемъ смерть, то виновный наказывается каторгою на срокъ не свыше десяти лѣтъ". А между тѣмъ въ 1-й части цитируемой статьи санкція сводится къ каторгѣ „на срокъ не свыше восьми лѣтъ". Тотъ же принципъ отвѣтственности за совершенно случайное, не предвидѣнное и не могущее быть предвидѣннымъ осложненіе результатовъ предпринятаго дѣянія встрѣчается въ слѣдующихъ за 467 (468 и 469) статьяхъ. Тѣмъ же чисто механическимъ началомъ простой причинности проникнуты нѣкоторыя положенія о поединкѣ (ст. 482), о воровствѣ [1], о мошенничествѣ [2]) и т. д.

Такого рода постановленія едва ли могутъ свидѣтельствовать о прогрессивности кодекса. Народное самосознаніе

[1]) Ст. 581 различаетъ наказуемость кражи въ зависимости отъ стоимости похищеннаго до 500 р. или свыше 500 р.

[2]) Ст. 591, аналогичная по своему масштабу наказуемости со ст. 581.

достигло уже во всей Европѣ того уровня развитія, чтобы проводить грань между дѣяніями случайными и дѣяніями умышленными или неосторожными. Достаточно упомянуть о тѣхъ отвѣтахъ, которые сплошь и рядомъ даютъ присяжные засѣдатели по вопросамъ „о нанесеніи увѣчья, ранъ и другихъ повреждeній здоровью“ съ непредвидѣнными или случайными осложненіями. „Да, виновенъ, но безъ намѣренія причинить смерть“—вотъ стереотипный отвѣтъ при постановкѣ вопросовъ по 1484 и 1490 статьямъ дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ. Этимъ самымъ непосвященные въ тонкости юридической казуистики и терминологіи представители населенія какъ бы хотятъ сказать, что за смертельный исходъ виновный въ данномъ случаѣ не отвѣтственъ. Они не могутъ себѣ представить, не могутъ понять, что законъ не требуетъ въ этихъ случаяхъ наличности умысла, не требуетъ даже наличности неосторожности. Вводя въ свои отвѣты ограниченіе „но безъ умысла причинить смерть“, они надѣются, къ сожалѣнію тщетно, что судъ назначитъ наказаніе лишь за тѣ результаты (увѣчья, раны и т. п.), которыхъ хотѣлъ достигнуть подсудимый своимъ дѣяніемъ.

При постановкѣ вопросовъ о кражѣ присяжные засѣдатели уже сознательно стремятся обойти законъ, давая ограничительные отвѣты: „виновенъ, но въ похищеніи на сумму ниже 300 рублей“ въ случаяхъ, гдѣ стоимость похищеннаго завѣдомо для всякаго на много превышаетъ 300 рублей. То же самое встрѣчается сплошь и рядомъ въ дѣлахъ о мошенничествѣ.

Разъ индивидуумъ и общество не обуреваемы потребностью воздаянія за случайный вредъ, то законодателю не представляется никакой надобности вводить въ кодексъ отжившія свой вѣкъ положенія; перестали наказывать вещи, перестали судить и наказывать животныхъ; пора вычеркнуть отвѣтственность за голый случай.

Конечно, есть случаи, гдѣ, напримѣръ, виновный въ нанесеніи увѣчья съ смертельнымъ исходомъ могъ предвидѣть такое осложненіе. Но тогда предъ нами налицо стеченіе двухъ преступныхъ дѣяній: нанесеніе увѣчья и неосторожное убійство.

Вообще постановленія дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ о „ранахъ, увѣчьяхъ и тѣлесныхъ поврежденіяхъ" представляютъ собой нѣчто хаотическое и давно осуждены какъ наукой, такъ и практикой. Эти постановленія являются продуктомъ дѣленія умысла на виды. Старая доктрина признавала прямой и непрямой умыселъ; статьи 1489 и 1490—отголосокъ этого дѣленія. Новое уголовное уложеніе отбросило всякія дѣленія умысла на виды и внесло стройность въ систему тѣлесныхъ поврежденій, но оно осталось, къ сожалѣнію, при томъ же грубо-объективномъ принципѣ отвѣтственности за голый случай—за привходящія случайно обстоятельства. Еще болѣе неудачнымъ приходится признать то обстоятельство, что новое уголовное уложеніе сохраняетъ значеніе квалифицирующаго обстоятельства за цѣной похищеннаго при кражѣ и за цѣной ущерба при мошенничествѣ. Въ первоначальномъ проектѣ новаго уголовнаго уложенія мы не встрѣчаемъ квалификаціи кражи по цѣнѣ похищеннаго [1]). Въ объясненіяхъ къ проекту приводится рядъ подавляющихъ данныхъ, объясняющихъ цѣлесообразность устраненія изъ кодекса названныхъ масштабовъ чисто случайнаго, произвольнаго происхожденія. Тѣмъ не менѣе въ окончательной редакціи было вновь введено это мѣрило, не встрѣчающееся уже во французскомъ уложеніи 1810 года и обреченное почти всѣми новѣйшими законодательствами на гибель.

Есть несомнѣнно случаи, гдѣ посягающій на чужое имущество заранѣе сознаетъ стоимость похищаемаго. Но вѣдь есть множество другихъ случаевъ, которые не сопровождаются такимъ сознаніемъ. Воръ можетъ прицѣнить на глазъ шубу въ сто рублей, а потомъ оказывается, что цѣна ей—свыше 1000 рублей. Неужели же можно усиливать (и еще значительно) наказаніе за этотъ случайный для похитителя результатъ? Или, быть можетъ, въ данномъ случаѣ законодатель преслѣдуетъ похитителя за неосторожность, т. е. за

[1]) Мошенничества, какъ отдѣльнаго вида преступныхъ дѣяній, въ первоначальномъ проектѣ вообще не было.

то, что онъ „могъ или долженъ былъ предвидѣть“ стоимость похищаемаго??

Итакъ, въ новомъ кодексѣ сохранена во многихъ случаяхъ отвѣтственность (*уголовная* отвѣтственность) за случай.

Не удивительно послѣ этого, если неосторожныя дѣянія свили себѣ прочное гнѣздо въ новомъ уголовномъ уложеніи.

„Тяжкія преступленія“, гласитъ ст. 48 новаго уголовнаго уложенія, „наказываются лишь при наличности вины умышленной. Преступленія наказываются при наличности вины умышленной, при наличности же вины неосторожной только въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ“.

На первый взглядъ такого рода постановленія могутъ показаться абсурдомъ. Прежде всего можетъ возникнуть слѣдующаго рода вопросъ: почему *тяжкія* преступленія [1]) совершенно исключаютъ наказуемость неосторожности, между тѣмъ какъ менѣе „тяжкія“ преступленія (преступленія и проступки) допускаютъ рядъ случаевъ, гдѣ неосторожность наказуема? Что касается тяжкихъ преступленій, то безапелляціонность постановленія о нихъ объясняется очень просто: тѣ случаи тяжкихъ по объективнымъ послѣдствіямъ преступленій, гдѣ законодатель пожелалъ назначить кару за неосторожное дѣяніе, выдѣлены въ отдѣльныя статьи. Таковы, напримѣръ, статьи 464 (неосторожное убійство), 474 (въ сопоставленіи съ 467). Но съ другой стороны эта же 474 статья обнимаетъ собою также неосторожныя дѣянія, соотвѣтствующія умышленнымъ дѣяніямъ 468 и 469 статей. Въ послѣднихъ нѣтъ упоминанія ни о смертной казни, ни о каторгѣ, ни о ссылкѣ на поселеніе.

Логичнѣе и послѣдовательнѣе была поэтому первоначальная редакція этихъ постановленій въ проектѣ, который устанавливалъ общее правило и для тяжкихъ преступленій, и для преступленій [2]): неосторожность должна была наказы-

---

[1]) Т. е. преступныя дѣянія, влекущія за собой одинъ изъ слѣдующихъ трехъ тягчайшихъ видовъ наказанія: смертную казнь, или каторжныя работы, или ссылку на поселеніе.

[2]) По терминологіи проекта—для преступленій и проступковъ.

ваться и при тяжкихъ преступленіяхъ, и при преступленіяхъ „въ случаяхъ особо закономъ указанныхъ“.

Но за то въ постановленіяхъ о неосторожности, касающихся проступковъ—а по терминологіи проекта нарушеній—сказывается почти полное тождество между первоначальной редакціей, принятой въ проектѣ, и между редакціей окончательной. „Нарушенія, учиненныя по неосторожности, наказываются наравнѣ съ умышленными, за исключеніемъ случаевъ особо закономъ указанныхъ“, гласитъ первоначальный проектъ. „Проступки наказываются при наличности не только вины умышленной, но и неосторожной, за исключеніемъ случаевъ, особо закономъ указанныхъ“, читаемъ мы въ уже цитированной выше ст. 48 новаго уголовнаго уложенія.

Опять постановленіе, гдѣ законодатель хочетъ быть строже и суровѣе самого населенія. Здравый смыслъ, казалось бы, говоритъ, что разъ неосторожная вина не влечетъ за собою наказанія при болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, то тѣмъ болѣе нѣтъ данныхъ наказывать менѣе тяжкіе случаи проявленія неосторожности. Тѣмъ не менѣе такая неравномѣрность наблюдается сплошь и рядомъ на практикѣ. Такъ, дѣйствующее германское уложеніе не содержитъ въ себѣ никакихъ указаній относительно того, что неосторожность наказуема при Übertretungen (соотвѣтствуетъ „проступкамъ“). Но большинство коментаторовъ германскаго уложенія, не смотря на полное умолчаніе закономъ этого обстоятельства, выставляютъ какъ правило одинаковую наказуемость какъ умышленныхъ, такъ и неосторожныхъ Übertretungen. То, что нѣмецкіе юристы допустили на практикѣ, редакторы новаго уголовнаго уложенія запечатлѣли въ кодексѣ. Невольно напрашивается вопросъ, чѣмъ объясняется такой объективизмъ постановленій о проступкахъ, такое попраніе столь различныхъ, противоположныхъ видовъ проявленія человѣческаго сознанія и воли, какъ умыселъ и неосторожность.

Въ объясненіяхъ къ проекту редакторы приводятъ по этому поводу слѣдующія соображенія: „. . . . при маловажныхъ нарушеніяхъ, гдѣ свойство и характеръ преступной

воли не играютъ особенной роли, а на первый планъ выдвигается матеріальный вредъ или опасность таковаго, различеніе умысла и неосторожности съ точки зрѣнія наказуемости этихъ нарушеній представляется не только излишнимъ, но иногда даже и вовсе невозможнымъ" (стр. 140).

Едва ли можно назвать эту мотивировку достаточно убѣдительной. Пускай при маловажныхъ нарушеніяхъ „свойство и характеръ преступной воли не играютъ особенной роли", но все же эта такъ называемая преступная воля есть единственный базисъ для репрессіи. Матеріальный же вредъ самъ по себѣ не можетъ служить въ XX столѣтіи достаточнымъ основаніемъ для наказуемости дѣянія, разъ онъ не является проявленіемъ сознательной дѣятельности человѣка.

Несравненно удачнѣе, по нашему крайнему убѣжденію, разрѣшаетъ вопросъ о маловажныхъ нарушеніяхъ „уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями": согласно ст. 9 „за проступки, совершенные безъ намѣренія, мировымъ судьямъ предоставляется дѣлать виновнымъ, смотря по обстоятельствамъ, выговоръ, замѣчаніе или внушеніе", болѣе же строгія наказанія „за ненамѣренные проступки" имѣютъ мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, 1) „когда симъ уставомъ назначено наказаніе именно за неосторожность и 2) когда проступокъ состоитъ въ неисполненіи, по небрежности, какой-либо особенной обязанности, возложенной закономъ". Это постановленіе доживающаго свои дни кодекса вполнѣ разумно проводитъ грань между дѣяніями, хотя бы и маловажными, но свидѣтельствующими о совершенно различныхъ оттѣнкахъ человѣческаго сознанія, человѣческой воли. Новому кодексу слѣдовало пойти еще дальше и совершенно отказаться отъ наказанія неосторожныхъ дѣяній за исключеніемъ спеціально оговоренныхъ въ законѣ случаевъ. Разница же между дѣяніями неосторожными и случайными достаточно оттѣнена въ современныхъ гражданскихъ кодексахъ: дѣянія случайныя, обусловившія вредъ, не порождаютъ въ принципѣ гражданской отвѣтственности (Schadenersatz), дѣянія же неосторожныя, подобно дѣяніямъ умышленнымъ, являются полнымъ основаніемъ для гражданскаго иска пострадавшаго къ виновному.

Тѣмъ же крайнимъ объективизмомъ запечатлѣны положенія новаго уголовнаго уложенія о покушеніи. „Покушеніе на тяжкія преступленія“, читаемъ мы въ ст. 49, „а въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ, и на преступленія—наказуемо, но наказанія, положенныя въ законѣ за сіи преступныя дѣянія, смягчаются на основаніяхъ, статьею 53 установленныхъ.

Покушеніе на проступки не наказуемо“.

Иное дѣло вмѣнять человѣку въ вину и наказывать его за случайныя послѣдствія его дѣянія, иное дѣло не вмѣнять того, что случайно не произошло. Увеличивать страданія изъ-за грубо-объективнаго осложненія дѣянія—варварски жестоко. Но уменьшать страданія во имя хотя бы соображенія того же чисто объективнаго свойства всегда должно. Выше было указано, что присяжные засѣдатели сплошь и рядомъ стремятся парализовать принципъ повышенной отвѣтственности за случайныя осложненія дѣянія. Совершенно обратное явленіе наблюдается при вопросахъ о покушеніи. Въ этихъ случаяхъ большинство руководится чисто объективнымъ масштабомъ и проводитъ грань между наказуемостью покушенія и совершенія [1]). На этомъ же принципѣ построены почти всѣ современные уголовные кодексы. Исключеніе представляетъ собою французскій code pénal: 2-ой параграфъ этого кодекса назначаетъ одинаковое наказаніе при „crimes“ какъ за совершеніе, такъ и за покушеніе.

Code pénal скоро отпразднуетъ столѣтіе своего существованія, и эти сто лѣтъ наилучшимъ образомъ доказываютъ, насколько не жизнеспособно постановленіе названнаго 2-го параграфа: вопреки разумному, логическому началу, положенному въ основу этого параграфа, судьи—коронные и народные—сплошь и рядомъ стремились провести тѣмъ или инымъ обходнымъ путемъ различіе въ наказуемости покушенія и совершенія. И поэтому остается лишь привѣтствовать

---

[1]) Подробно изложенъ этотъ вопросъ въ моей статьѣ „Элементъ чувства въ институтѣ наказанія“, см. „Вѣстникъ Права“ за февраль-мартъ 1903 года, стр. 155 и слѣд.

то обстоятельство, что и въ новомъ уголовномъ уложеніи установлены для покушенія болѣе мягкія наказанія.

Сомнительнѣе цѣлесообразность полнаго отсутствія репрессіи за покушеніе при рядѣ „преступленій“ и при всѣхъ „проступкахъ“. Неосторожные проступки новое уголовное уложеніе уравниваетъ по наказуемости съ умышленными, а покушеніе при проступкахъ оно объявляетъ ненаказуемымъ!! Правда, тождественныя постановленія о покушеніи мы встрѣчаемъ почти во всѣхъ дѣйствующихъ кодексахъ (французскій, германскій, венгерскій, голландскій). Но это только свидѣтельствуетъ о медленной постепенности въ исторіи развитія субъективнаго элемента на счетъ объективнаго. Не надо затѣмъ упускать изъ виду, что проступки охватываютъ собой въ большинствѣ случаевъ дѣянія, вредоносныя съ точки зрѣнія общественной или государственной; индивидуальные интересы составляютъ большей частью сферу тяжкихъ преступленій и преступленій. Кромѣ того, проступки представляютъ собой дѣянія, совершаемыя въ общемъ людьми нормальными, для которыхъ наказаніе является сдерживающимъ стимуломъ, какъ нѣчто позорное. Поэтому наказаніе является при проступкахъ наиболѣе раціональнымъ или цѣлесообразнымъ, между тѣмъ, какъ при большинствѣ преступленій и тяжкихъ преступленій оно носитъ въ себѣ главнымъ образомъ характеръ возмездія за попранный индивидуальный интересъ и предназначается почти всегда для лицъ, для которыхъ оно не является ни устрашающимъ, ни исправляющимъ.

Въ виду изложенныхъ соображеній мы и позволили себѣ выше усумниться въ цѣлесообразности постановленія, которымъ новое уголовное уложеніе устраняетъ наказуемость покушенія по отношенію ко множеству „преступленій“ и ко всѣмъ „проступкамъ“.

Несравненно прогрессивнѣе постановленія новаго уголовнаго уложенія о соучастіи. Статья 51 объединяетъ подъ общимъ именемъ „соучастниковъ“: 1) непосредственно учинившихъ преступное дѣяніе или участвовавшихъ въ его выполненіи, 2) подстрекателей, 3) пособниковъ, доставлявшихъ средства, или оказавшихъ помощь учиненію преступнаго дѣя-

нія совѣтомъ, указаніемъ или обѣщаніемъ не препятствовать его учиненію или скрыть оное. „Соучастники тяжкаго преступленія или преступленія", гласитъ 2-ая часть этой статьи, „подлежатъ наказанію въ законѣ за учиненное преступное дѣяніе положенному, но для пособника, коего помощь была несущественна, наказаніе смягчается на основаніяхъ, статьею 53 установленныхъ". Итакъ, одинъ существенный совѣтъ, одно существенное обѣщаніе не препятствовать учиненію преступнаго дѣянія, приравниваются по наказуемости къ самому совершенію преступнаго дѣянія. Это ничто иное, какъ торжество субъективизма надъ объективизмомъ въ постановленіяхъ новаго уголовнаго уложенія о соучастіи при тяжкихъ преступленіяхъ и преступленіяхъ.

Иначе разрѣшаетъ новое уголовное уложеніе вопросъ о соучастіи при проступкахъ, что видно изъ 3-ей части ст. 51: „изъ соучастниковъ проступка наказывается только непосредственно учинившій его или участвовавшій въ выполненіи онаго; подстрекатель же и пособникъ подлежатъ наказанію только въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ".

Полагаемъ, что разъ законъ караетъ при проступкахъ даже неосторожность, то тѣмъ болѣе онъ долженъ карать при этой группѣ преступныхъ дѣяній подстрекателей и пособниковъ. Этого требуетъ послѣдовательность. Но по отношенію къ соучастію, какъ къ таковому, непослѣдовательность новаго кодекса является даже желательной: проступки охватываютъ собою самыя маловажныя дѣянія и поэтому можно распространить область ихъ наказуемости на однихъ лишь непосредственныхъ виновниковъ.

Въ уложеніи о наказаніяхъ такъ называемая „прикосновенность къ преступленію" разсматривается, какъ видъ соучастія. Ст. 14 и 15 предусматриваютъ три типа прикосновенности—попустительство, укрывательство и недонесеніе. Такого рода взглядъ на прикосновенность давно оставленъ большинствомъ криминалистовъ [1]); большинство современ-

---

[1]) Уже Росси высказался за самостоятельность прикосновенности [Traité d. d. p. T. II, XL, pp. 216—228].

ныхъ кодексовъ разсматриваетъ прикосновенность какъ delictum sui generis и даетъ ей соотвѣтствующія мѣста въ отдѣлахъ особенной части. Къ этой системѣ примыкаетъ и новое уголовное уложеніе, которое совершенно исключило общее понятіе прикосновенности изъ общей части. Отдѣльные же виды прикосновенности нашли себѣ мѣсто въ различныхъ отдѣлахъ особенной части.

Мы разсмотрѣли постепенно всѣ важнѣйшіе „виды виновности“, наказываемые по новому уголовному уложенію. Но этимъ не исчерпывается поставленный нами вопросъ: что наказываетъ новый кодексъ. „Виды виновности“ опредѣляютъ лишь одно слагаемое той суммы, которая представляетъ собой область наказуемыхъ дѣяній; это лишь субъективныя условія наказуемости.

Второе слагаемое — объективныя условія — рядъ благъ, охраняемыхъ законодателемъ подъ угрозой наказанія.

Итакъ, какія блага охраняетъ новое уголовное уложеніе?

II.

Не подлежитъ сомнѣнію, что нормы общежитія съ теченіемъ времени измѣняются. Параллельно съ этими измѣненіями идетъ переоцѣнка благъ. Въ періодъ мѣнового и денежнаго хозяйства неаккуратнаго должника выдавали кредитору на „правежъ“, въ средніе вѣка его выставляли у позорнаго столба, разрѣзали на части, казнили, заключали въ тюрьму до уплаты долга. Всѣ обороты производились на наличныя, и поэтому неаккуратный плательщикъ являлся отклоненіемъ отъ нормы, исключеніемъ. И вотъ, большинство карало уклоняющееся отъ установленныхъ устоевъ меньшинство лютыми наказаніями. На смѣну денежному хозяйству явилось постепенно кредитное. Всѣ обороты стали совершаться въ кредитъ, кредиторъ одного является въ то же время дебиторомъ другого. При такомъ режимѣ само собою должно быть множество „неаккуратныхъ плательщиковъ“. Это уже не отклоненіе отъ нормы, а сплошь и рядомъ встрѣчающееся явленіе. Поэтому отношеніе къ неаккуратному пла-

тельщику съ теченіемъ времени все больше и больше смягчалось и дошло до полной безнаказанности несостоятельныхъ къ исполненію долговыхъ обязательствъ. Такихъ примѣровъ можно указать множество. Но существуетъ множество обратныхъ случаевъ: дѣянія, которыя являлись дозволенными прежде, теперь считаются противонормными и даже наказуемыми. Римскій „pater familias" имѣлъ надъ своими чадами и домочадцами „jus vitae ac necis"—теперь дѣтоубійство считается квалифицированнымъ видомъ убійства. Было время, когда этика вмѣняла убивать престарѣлыхъ родителей, неспособныхъ къ работѣ и добыванію средствъ—убійство родителей является теперь однимъ изъ тягчайшихъ преступныхъ дѣяній.

Итакъ, область наказуемаго мѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ устоевъ общежитія. Но подобно тому, какъ наказаніе при всѣхъ его видоизмѣненіяхъ имѣетъ свой основной элементъ, такъ и устои общежитія при всей ихъ измѣнчивости покоятся на извѣстномъ фундаментѣ, при всей ихъ развѣтвленности имѣютъ одинъ корень. Инстинктъ самосохраненія—первоисточникъ всякаго соціальнаго и государственнаго строя. Жизнь, тѣлесная неприкосновенность, здоровье, свообода и средства къ пропитанію—вотъ тѣ основныя блага, для защиты которыхъ всегда соединялись и соединяются не только люди, но и отдѣльныя породы животныхъ. Религія и бракъ—первые провозвѣстники культуры—порождаютъ въ свою очередь извѣстныя нормы, охраняемыя большинствомъ на извѣстномъ пространствѣ въ опредѣленное время. Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно развивается у людей чувство чести, отголоскомъ котораго являются опять-таки опредѣленныя—писанныя или неписанныя — нормы. Биндингъ справедливо проводитъ въ своихъ „Normen" ту мысль, что главныя нормы, вѣками регулирующія человѣческую жизнь, сводятся къ десяти Моисеевымъ заповѣдямъ.

Откуда же въ такомъ случаѣ, спрашивается, такое множество статей въ уголовномъ кодексѣ, который содержитъ въ себѣ лишь извѣстную часть противонормныхъ дѣяній, описываемыхъ въ диспозиціонной части закона? Отвѣтъ больше чѣмъ простъ. Любая норма представляетъ собою цѣлый рядъ

градацій. Тѣлесная неприкосновенность обнимаетъ собою рядъ человѣческихъ органовъ. Средства къ пропитанію выражаются при современномъ строѣ во множествѣ разнокалиберныхъ благъ и условныхъ суррогатовъ. Обида можетъ быть нанесена словомъ и дѣйствіемъ. И такъ далѣе, и такъ далѣе.... А разъ многообразны проявленія нормъ общежитія, то соотвѣтственно съ этимъ также многообразны проявленія нарушеній этихъ нормъ.

Государственная власть съ той поры, какъ она существуетъ, беретъ на себя охрану нормъ общежитія, стремясь всѣми мѣрами предупреждать возможность нарушеній этихъ нормъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сама государственная власть и ея устройство представляетъ собой извѣстные устои общежитія, извѣстныя нормы, которыя она также беретъ подъ свою же эгиду. Въ этой „самозащитѣ“ государственная власть напоминаетъ собою всякаго ремесленника, который изготовляетъ предметы своего ремесла, не только для ряда заказчиковъ, но и для себя.

Защищать не значитъ, однако, защитить. И нормы всегда и вездѣ нарушались, нарушаются и, надо думать, будутъ нарушаться. Что же дѣлаетъ государственная власть, когда норма нарушена? Она стремится, во-первыхъ, къ возстановленію нормы, если только таковое возможно. Что же касается виновника нарушенія, если таковой налицо, то его судьба заранѣе предопредѣлена существующими законами. Рядъ дѣяній, за которыя его ожидаетъ наказаніе, и составляетъ содержаніе уголовнаго кодекса. Остальныя же дѣянія, нарушающія нормы общежитія, вызываютъ другого рода послѣдствія—какъ, напримѣръ, гражданскую отвѣтственность (Schadenersatz), или оставляются законодателемъ безъ всякихъ послѣдствій.

Чѣмъ же руководится обыкновенно уголовный законодатель при выборѣ тѣхъ противонормныхъ дѣяній, которыя онъ облагаетъ наказаніемъ?

Во вступленіи была высказана та мысль, что основнымъ элементомъ наказанія является чувство мести пострадавшаго, и что государственная власть унаслѣдовала эту тяжелую

функцію отъ индивидуума, главы семейства, племени и рода. Конечно, въ извѣстной степени всякое противонормное дѣяніе невольно возмущаетъ большинство, признающее эти нормы. Но больше всѣхъ возмущенъ непосредственно пострадавшій. Противъ убійцы возстановлены больше всего родные и близкіе убитаго или же, при покушеніи на убійство, тотъ, кто послужилъ предметомъ посягательства. Противъ вора и возмущенъ больше всѣхъ самъ пострадавшій. Это возмущеніе—тоже одна изъ нормъ общежитія. Оно выливается въ жаждѣ мести. Государственная власть вынуждена отмстить за пострадавшаго. Но роль государственной власти далеко не такъ пассивна; какъ это было указано выше, законодатели издавна стремятся къ предупрежденію преступленій, къ созданію цѣлесообразности въ отправленіи репрессіи. Къ сожалѣнію, всѣ эти попытки ни къ чему пока не привели; трудно, даже невозможно, воздѣйствовать угрозой наказанія или его примѣненіемъ на человѣка, который сознательно рѣшается на попраніе нормъ, на разрушеніе чьего либо правоохраненнаго интереса. Но опасность для интересовъ отдѣльныхъ личностей, общества и государственной власти не ограничивается сознательными дѣйствіями, прямо посягающими на чей либо интересъ. Есть рядъ дѣяній, которыя заключаютъ въ себѣ косвенную опасность. Быстрая ѣзда по населеннымъ улицамъ, небрежное отношеніе при постройкѣ зданій, неосторожное обращеніе съ огнемъ, и т. д., и т. д.—все это создаетъ косвеннымъ образомъ такую же опасность, какъ и т. н. „преступный міръ". И вотъ тутъ то цѣлесообразны запреты, тутъ то цѣлесообразна угроза наказанія. Эта угроза не можетъ служить противовѣсомъ наслѣдственной склонности къ преступленію, нуждѣ и ряду иныхъ соціальныхъ факторовъ преступленія. Но она является противовѣсомъ для людей нормальныхъ, для большинства, передвигающагося по дорогамъ, курящаго табакъ, возводящаго зданія, для управляющаго или рабочаго на фабрикѣ, для запьянствовавшаго въ портовомъ кабакѣ матроса судна, готовящагося къ отплытію, и т. д. Первоначально государственная власть проявляла весьма малое вниманіе по отношенію

къ этой группѣ дѣяній. Но съ теченіемъ времени законодатель стремится все больше и больше охватить область этихъ дѣяній, представляющихся „an und für sich“ безвредными, но грозящими косвенной опасностью. Паровыя и электрическія изобрѣтенія создаютъ все больше и больше опасностей; ѣзда на автомобиляхъ также грозитъ жизни и тѣлесной неприкосновенности гражданъ, какъ и ножи заправскихъ убійцъ и членовредителей. Но за то таблички на большихъ дорогахъ, крутыхъ поворотахъ и спускахъ съ надписью: скорость не больше столькихъ то верстъ въ часъ, „oder Busse“, такъ распространенныя на западѣ Европы, фабричныя правила, развѣшенныя въ надлежащемъ количествѣ въ надлежащихъ мѣстахъ, и т. п. мѣры охраняютъ общество несравненно больше, чѣмъ каторжныя работы, тюрьмы и другіе аттрибуты „пенитенціарной системы“. Пускай неисполненіе этихъ нормъ тоже ведетъ къ извѣстнымъ лишеніямъ или страданіямъ. Но послѣднія являются въ этихъ случаяхъ не столько конечной цѣлью, сколько средствомъ для другой цѣли, противовѣсомъ для нарушеній соотвѣтственныхъ нормъ. Что же касается тѣхъ страданій, которымъ подвергаются сознательно посягающіе на чьи либо непосредственные интересы, то они заключаютъ въ себѣ по большей части конечную цѣль, рѣдко приводя, по вышеизложеннымъ соображеніямъ, къ какимъ либо результатамъ.

И такъ, роль современнаго уголовнаго законодателя сводится къ назначенію въ уголовномъ кодексѣ наказаній 1) за дѣянія, которыя непосредственно посягаютъ на чьи либо правоохраненные интересы и вызываютъ въ огромномъ большинствѣ пострадавшихъ жажду отмщенія и 2) за дѣянія, сами по себѣ безразличныя, но грозящія косвенною опасностью правоохраненнымъ интересамъ. По отношенію къ первой группѣ дѣяній законодатель долженъ обнаруживать возможно большую экономію карательныхъ средствъ; долженъ облагать наказаніемъ лишь тѣ дѣянія, которыя во время составленія кодекса дѣйствительно вызываютъ у пострадавшаго взрывъ негодованія. Но за то вторая группа дѣяній даетъ законодателю широкое поприще для разумной, цѣлесообраз-

ной дѣятельности. И остается лишь привѣтствовать наблюдаемое въ послѣднее время во всѣхъ культурныхъ государствахъ развитіе репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ этой группѣ „опасныхъ“ дѣяній, которую Биндингъ и рядъ его послѣдователей окрестили названіемъ „Ungehorsamsdelikte“.

Большой шагъ впередъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“. Но еще большій шагъ дѣлаетъ по этому пути новое уголовное уложеніе. Изъ 36 главъ (615 статей), обнимающихъ всѣ виды наказуемыхъ дѣяній, десять (свыше 200 статей) почти исключительно посвящены дѣяніямъ, заключающимъ въ себѣ лишь косвенную опасность, лишь возможность вредоносныхъ послѣдствій. Главы эти слѣдующія: „о нарушеніи постановленій, ограждающихъ народное здравіе“, „о нарушеніи постановленій, ограждающихъ общественную и личную безопасность“, „о нарушеніи постановленій, ограждающихъ народное благосостояніе“, „о нарушеніи постановленій, ограждающихъ общественное спокойствіе“, „о нарушеніи постановленій о надзорѣ за общественною нравственностью“, „о нарушеніи постановленій о надзорѣ за воспитаніемъ юношества“, „о нарушеніи постановленій о надзорѣ за печатью“, „о нарушеніи постановленій о надзорѣ за промыслами и торговлею“, „о нарушеніи постановленій о личномъ наймѣ“ и „о нарушеніи постановленій о производствѣ строительныхъ работъ и о пользованіи путями сообщенія и средствами сношенія“.

Многія изъ постановленій, вошедшихъ въ эти главы, перешли въ новое уголовное уложеніе изъ дѣйствующихъ уложенія о наказаніяхъ и устава о наказаніяхъ. Но то, что являлось хаотически разбросаннымъ, постепенно наслоившимся, по мѣрѣ того, какъ жизнь выдвигала новые интересы,—все это приведено составителями новаго уголовнаго уложенія въ опредѣленную систему. Нѣтъ почти ни одной статьи, которая не опиралась бы на дѣйствительную потребность въ правоохранѣ жизнеспособнаго интереса. Исключеніе составляетъ лишь глава 15: нѣкоторыя законоположенія этой главы отражаютъ въ себѣ правоохрану интере-

совъ спеціальнаго цензурнаго режима, о жизнепригодности котораго мнѣнія могутъ дѣлиться. Возраженія можно было бы привести также относительно неравномѣрнаго распредѣленія репрессіи при сопоставленіи нѣкоторыхъ случаевъ (напримѣръ, нѣкоторыя статьи въ главѣ „о нарушеніи постановленій о личномъ наймѣ“). Но, рѣчь о репрессіи, т. е. о томъ „какъ наказываетъ новый кодексъ“, впереди. Да и помимо того, столь детальное разсмотрѣніе каждаго отдѣльнаго постановленія не входитъ въ задачу настоящаго очерка, посвященнаго лишь общимъ чертамъ новаго уголовнаго уложенія.

Сознательныя дѣянія, прямо направленныя на причиненіе ущерба чьимъ-либо интересамъ, составляютъ преимущественное содержаніе остальныхъ 26 главъ [1]). Конечно, и эти дѣянія могутъ заключать въ себѣ помимо явнаго, воплощеннаго посягательства на чей-либо опредѣленный интересъ, также косвенную опасность для другихъ интересовъ. Но эта опасность отходитъ на второй планъ, разъ есть на лицо пострадавшіе.

Есть затѣмъ рядъ другихъ подраздѣленій преступныхъ дѣяній на группы. Наиболѣе распространеннымъ является дѣленіе всѣхъ посягательствъ на слѣдующія три группы: а) посягательства на правоохраненные интересы отдѣльныхъ лицъ, гражданъ, б) общества и в) государства. При нормальномъ государственномъ строѣ интересы общества и государственной власти совпадаютъ всецѣло съ интересами отдѣльныхъ лицъ, гражданъ. Все это есть ничто иное, какъ „разнообразныя отношенія человѣка къ человѣку, распадающіяся на три главныя сферы: частно-гражданскую, общественную и государственную. Поэтому и преступныя дѣянія, направляясь противъ отношеній одной изъ этихъ сферъ, распадаются на три группы, которымъ усвоены названія посягательствъ противу отдѣльнаго лица или частныхъ благъ, противъ общества и противъ государства“ [2]).

---

[1]) Нѣмецкіе криминалисты во главѣ съ Биндингомъ совершенно справедливо присвоили этой группѣ дѣяній наименованіе „Angriffsdelikte“ (Angriff — нападеніе).

[2]) Фойницкій, Ч. особенная, § 1, стр. 5.

Затѣмъ проф. Фойницкій дѣлаетъ замѣчанія по поводу нѣкоторой неточности въ названіи первой группы: „нужно помнить“, говоритъ между прочимъ маститый ученый, „что всѣ преступныя дѣянія наказываются нынѣ не во имя какихъ-нибудь частныхъ интересовъ отдѣльной личности, а во имя интересовъ общегосударственныхъ; поэтому и во всякомъ посягательствѣ на личность заключается несомнѣнно моментъ общегосударственный“. Съ редакціей этого замѣчанія трудно, однако, согласиться, хотя она и является теперь господствующей. Намъ представляется болѣе правильной совершенно обратная постановка вопроса: какъ общественные, такъ и государственные интересы должны представлять собой въ конечной цѣли интересы отдѣльныхъ личностей. Жизнеспособны лишь тѣ нормы, которыя построены на истинныхъ потребностяхъ большинства населенія. И поэтому посягательства противъ общества и противъ государства являются въ сущности посягательствами противъ отдѣльной или отдѣльныхъ личностей. Если же они таковыми не являются, то они вообще не „посягательства“.

Тѣмъ не менѣе, дѣленіе посягательствъ, о которомъ идетъ теперь рѣчь, представляетъ собой большія техническія удобства для распредѣленія матеріала. Всѣ тѣ дѣянія, которыя являются посягательствомъ на интересы опредѣленныхъ лицъ (физическихъ или юридическихъ), могутъ быть распредѣлены въ кодексѣ подъ рубриками „посягательствъ противъ отдѣльныхъ лицъ или частныхъ благъ“ и „посягательствъ противъ государства“. Тѣ же дѣянія, которыя не являются прямымъ посягательствомъ на чей либо интересъ, а заключаютъ въ себѣ лишь косвенную опасность для икса, игрека, дзета и т. д. (Ungehorsamsdelikte), подойдутъ подъ рубрику „посягательствъ противъ общества“. Сюда же подойдутъ тѣ сознательныя дѣянія, которыя прямо направлены на отвлеченные общественные устои, признаваемые и чтимые большинствомъ (религія, семья). Посягательства на религіозные устои вызываютъ чувство негодованія въ цѣлой массѣ лицъ. Что же касается семьи, то посягательства на таковую являются, конечно, также посягательствомъ на частную сферу. Но, какъ

совершенно правильно замѣчаетъ проф. Фойницкій (особен. часть стр. 9), категорія посягательствъ противъ правъ семейственныхъ „стоитъ на рубежѣ съ преступленіями общественными и имѣетъ ту сходную съ ними черту, что входящія въ нее дѣянія имѣютъ объектомъ своимъ одинъ изъ важнѣйшихъ общественныхъ союзовъ—семью; разсмотрѣніе ихъ поэтому, цѣлесообразнѣе отнести къ группѣ посягательствъ общественныхъ". Тѣмъ не менѣе надо оговориться, что посягательства противъ цѣломудрія запечатлѣны вполнѣ частнымъ интересомъ. Проф. Фойницкій выдѣляетъ ихъ поэтому въ особый видъ „посягательствъ противъ благъ личныхъ".

Но такое распредѣленіе матеріала не выдерживается къ сожалѣнію, въ большинствѣ кодексовъ. Большая или меньшая косвенная опасность, заключающаяся въ прямыхъ посягательствахъ на чей либо опредѣленный интересъ, побудила, напримѣръ, составителей дѣйствующаго германскаго уложенія создать спеціальный отдѣлъ объ „общеопасныхъ преступленіяхъ и проступкахъ" [1]), гдѣ помѣщены постановленія объ умышленномъ и неосторожномъ поджогѣ, взрывахъ, причиненіи наводненія, порчѣ путей сообщенія, телеграфныхъ проводовъ и т. д. Но вѣдь косвенная опасность сопровождаетъ почти всякое преступное посягательство на опредѣленный интересъ, а потому она не можетъ служить опредѣленной гранью для раздѣленія этихъ посягательствъ на виды.

Остается поэтому привѣтствовать тотъ фактъ, что новое уголовное уложеніе не послѣдовало въ этомъ отношеніи примѣру дѣйствующаго германскаго уложенія и нѣкоторыхъ другихъ кодексовъ и не создаетъ спеціальной рубрики для посягательствъ, заключающихъ въ себѣ большую долю косвенной „общеопасности". Да и гдѣ точное мѣрило для такихъ разграниченій? Что такое большая и малая доля?

До сихъ поръ были упомянуты лишь тѣ главы новаго уголовнаго уложенія, которыя посвящены главнымъ образомъ „Ungehorsamdelikte", т. е. дѣяніямъ, лишь косвенно угрожающимъ опасностью правоохраненнымъ интересамъ. Это и есть

---

[1]) Siebenundzwanzigster Abschnitt: gemeingefährliche Verbrechen und Vergehen.

первый видъ „посягательствъ противъ общества“. Но ими, какъ указано выше, не ограничивается сфера этой группы посягательствъ. Сюда же относится большинство постановленій, составляющихъ содержаніе главъ „о нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій“, „о преступныхъ дѣяніяхъ противъ правъ семейственныхъ“, „о нарушеніи постановленій о надзорѣ за общественной нравственностью“ и въ извѣстной части „о преступныхъ дѣяніяхъ по службѣ государственной и общественной“.

Посягательства противъ государства изложены главнымъ образомъ въ главахъ III, IV, V, VI, VII, VIII и отчасти въ XXXVII.

Эклектическимъ характеромъ отличаются постановленія главы XX („о поддѣлкѣ монеты, цѣнныхъ бумагъ и знаковъ“) и XXI („о подлогѣ“). Всякіе подлоги и поддѣлки могутъ быть направлены какъ противъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ (физическихъ или юридическихъ, въ числѣ послѣднихъ и государства), такъ и противъ неопредѣленныхъ лицъ, противъ „общества“. То же самое можно сказать про главу XXX, отличающуюся тѣмъ же эклектическимъ характеромъ постановленій.

Посягательства на частную сферу составляютъ преимущественное содержаніе остальныхъ главъ уложенія [1]).

Таковъ циклъ дѣяній, наказуемыхъ по новому уголовному уложенію. Разсмотрѣніе каждаго изъ этихъ дѣяній въ отдѣльности можетъ составить предметъ особаго очерка. И поэтому вдаваться въ подробное освѣщеніе каждаго института значило бы выйти изъ рамокъ настоящаго очерка. Во всякомъ случаѣ уже одинъ простой перечень наказуемыхъ дѣяній свидѣтельствуетъ о томъ прогрессѣ, который заключаетъ въ себѣ новое уголовное уложеніе по сравненію съ дѣйствующимъ уложеніемъ о наказаніяхъ. Такъ, напримѣръ, нѣтъ въ этомъ перечнѣ „грабежа“: „открытый грабежъ безъ насилія“ отнесенъ къ общему понятію воровства, охватывающаго какъ тайное, такъ и открытое похищеніе чужого движимаго имущества.

---

[1]) XXII—XXXVI включительно.

„Грабежъ съ насиліемъ“ охватывается общимъ понятіемъ разбоя. Кто хоть немного знакомъ съ тѣми разногласіями, которыя заключаются въ толкованіяхъ разновидностей „кражи, какъ тайнаго похищенія“, и „грабежа, какъ открытаго похищенія безъ насилія“,—тотъ знаетъ, насколько настоятельна была необходимость примкнуть къ системѣ всѣхъ современныхъ кодексовъ и упразднить дѣленіе похищенія на виды по признаку открытаго или тайнаго способа похищенія.

Большимъ шагомъ впередъ является также приведеніе въ систему дробныхъ и всюду разбросанныхъ постановленій уложенія о наказаніяхъ „о злоупотребленіи довѣріемъ“. Вообще, вся область посягательствъ противъ имущества тщательно переработана и приведена въ систему. То же самое можно сказать относительно посягательствъ противъ личныхъ благъ.

Напротивъ, въ основу наказуемости религіозныхъ и нѣкоторыхъ государственныхъ преступленій положены почти тѣ же начала, которыя послужили основаніемъ для соотвѣтственныхъ постановленій „уложенія о наказаніяхъ“. Но это объясняется особенностями нашего политическаго режима, въ силу котораго названныя постановленія во многомъ отличаются отъ соотвѣтствующихъ постановленій въ западно-европейскихъ кодексахъ.

До сихъ поръ были указаны субъективныя и объективныя слагаемыя, которыя даютъ въ своей суммѣ область наказуемыхъ по новому уголовному уложенію дѣяній. Но есть множество обстоятельствъ, исключающихъ наказуемость, множество вычитаемыхъ, парализующихъ уголовное значеніе той или иной суммы. Перечню этихъ обстоятельствъ новое уголовное уложеніе посвящаетъ 4 и 8 отдѣленія первой главы: 1) объ условіяхъ вмѣненія и преступности дѣяній и 2) объ обстоятельствахъ, устраняющихъ наказуемость.

Первое изъ этихъ отдѣленій представляетъ собой перечисленіе тѣхъ условій, при которыхъ преступныя дѣянія А) не вмѣняются въ вину, и Б) не почитаются преступными.

Условія, при которыхъ преступныя дѣянія не вмѣняются, суть слѣдующія: а) если лицо, учинившее преступное дѣяніе, „во время его учиненія, не могло понимать свойства и зна-

ченія имъ совершаемаго или руководить своими поступками вслѣдствіе болѣзненнаго разстройства душевной дѣятельности, или безсознательнаго состоянія, или же умственнаго неразвитія, происшедшаго отъ тѣлеснаго недостатка или болѣзни" (ст. 39), б) если учинившій преступное дѣяніе малолѣтній, не достигшій 10 лѣтъ (ст. 40), в) если учинившій преступное дѣяніе—несовершеннолѣтній отъ 10 до 17 лѣтъ, „который не могъ понимать свойства и значенія имъ совершаемаго или руководить своими поступками" (ст. 41), г) если учинено преступное дѣяніе, „коего учинившій не могъ предвидѣть или предотвратить" (ст. 42), д) при невѣдѣніи „обстоятельства, коимъ обусловливается преступность дѣянія, или которое усиливаетъ отвѣтственность"—во второмъ изъ этихъ случаевъ устраняется, разумѣется, вмѣненіе лишь за усиливающія отвѣтственность обстоятельства (ст. 43 [1]).

Условія, исключающія преступность дѣянія, сводятся къ слѣдующимъ: а) если дѣяніе учинено „во исполненіе закона", а также „во исполненіе приказа по службѣ", разъ только такой приказъ былъ данъ надлежащей властью въ предѣлахъ ея компетенціи и не предписывалъ яснопреступнаго (ст. 44), б) если дѣяніе учинено „при необходимой оборонѣ противъ незаконныхъ посягательствъ на личныя или имущественныя блага" (ст. 45), в) если дѣяніе учинено „для спасенія собственной жизни или жизни другого лица отъ опасности, которая произошла вслѣдствіе угрозы, незаконнаго принужденія или иной причины, и которая была неотвратима въ то самое время другимъ средствомъ" (ст. 46), г) вторая часть той же 46 статьи распространяетъ это же правило на дѣянія, учиненныя при тѣхъ же условіяхъ „для спасенія здоровья, свободы, цѣломудрія или иного личнаго или имущественнаго блага своего или другого лица отъ опасности", если только „учинившій дѣяніе имѣлъ достаточное основаніе считать причиняемый имъ вредъ маловажнымъ сравнительно съ охраняемымъ благомъ" и д) если дѣяніе было направлено „на пред-

---

[1]) Въ предыдущей главѣ былъ указанъ рядъ случаевъ, гдѣ законодатель отступаетъ отъ положеній, изложенныхъ подъ литерами г, ж.

метъ несуществующій или очевидно негодный для учиненія того рода преступнаго дѣянія, которое замышлено" (ст. 47).

Приведенный рядъ постановленій „объ условіяхъ вмѣненія и преступности дѣяній" является образцовымъ по сжатости и обобщенности охватываемыхъ понятій. Такъ, напримѣръ, ст. 39 замѣнила собою рядъ разбросанныхъ, казуистическихъ перечисленій, заключающихся въ статьѣ 92 (3 п.), 95, 96, 97 и 98 уложенія о наказаніяхъ и 10 статью (п. 3) устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Далѣе, ст. 44 новаго кодекса (о законѣ или приказѣ по службѣ, какъ о причинахъ, исключающихъ преступность дѣянія) обобщаетъ цѣлый рядъ постановленій, разбросанныхъ въ ст. 393, 403, 1471, 1495 и 1540 уложенія о наказаніяхъ, а также въ рядѣ другихъ спеціальныхъ уставовъ—въ воинскомъ, таможенномъ и т. п.

Существеннымъ измѣненіямъ подверглись положенія о необходимой оборонѣ и о крайней необходимости.

Французскіе и бельгійскіе кодексы признаютъ правомѣрность обороны лишь при нападеніяхъ на личныя блага. Наоборотъ, дѣйствующее германское уложеніе расширяетъ понятіе правомѣрной обороны: общее опредѣленіе необходимой обороны, которое даетъ § 53 названнаго кодекса, охватываетъ eo ipso не только личныя, но и имущественныя блага, нападеніе на которыя создаетъ „состояніе необходимой обороны (Nothwehr)". Такое же расширеніе понятія правомѣрной обороны допускаютъ нѣкоторые другіе западные кодексы, а также уложеніе о наказаніяхъ. Послѣднее перечисляетъ въ 101 ст. тѣ случаи, при которыхъ „употребленіе силы и какихъ бы то ни было мѣръ для огражденія нападенія, равно и нанесеніе при томъ нападающему ранъ, увѣчья или самой смерти, не вмѣняется въ вину". Случаи эти слѣдующіе: если грозитъ опасность для жизни, здоровья или свободы оборонявшагося, если „нападеніе сдѣлано воромъ или разбойникомъ, или нападающій вторгнулся съ насиліемъ въ жительство оборонявшагося". Изъ этого перечисленія видно, что уложеніе о наказаніяхъ признаетъ оборону и ея послѣдствія

правомѣрными и при нападеніи на имущество. Въ 102 статьѣ къ обороняемымъ благамъ отнесены также „цѣломудріе и честь“ женщинъ. Наконецъ ст. 103 поясняетъ, что „употребленіе мѣръ необходимой обороны дозволяется не только для собственной защиты, но и для защиты другихъ, находящихся въ такомъ же положеніи.

Перечисленными условіями не ограничиваются однако тѣ обстоятельства, которыя уложеніе о наказаніяхъ считаетъ необходимыми для ненаказуемости дѣяній, совершенныхъ въ состояніи необходимой обороны. Уже цитированная ст. 101 выставляетъ, какъ необходимое условіе для признанія „необходимой личной обороны“, „невозможность прибѣгнуть къ защитѣ мѣстнаго или ближайшаго начальства“. Далѣе въ той же статьѣ оборонявшемуся вмѣняется въ обязанность немедленно объявить о всемъ происшедшемъ сосѣдямъ, „а при первой возможности и ближайшему начальству“.

Новое уголовное уложеніе дѣлаетъ большой шагъ впередъ, замѣняя перечневую систему цитированныхъ статей общимъ положеніемъ: „не почитается преступнымъ дѣяніе, учиненное при необходимой оборонѣ противъ незаконныхъ посягательствъ на личныя или имущественныя блага самого защищавшагося или другого лица“ (ст. 45). Какъ видно изъ приведеннаго текста, новое уголовное уложеніе отбросило совершенно условіе „невозможности прибѣгнуть къ защитѣ мѣстнаго или ближайшаго начальства“. И дѣйствительно, условіе это является лишь частнымъ случаемъ, исключающимъ необходимость обороны. И поэтому редакторы уложенія поступили вполнѣ правильно, ограничившись „общимъ указаніемъ, что допускается только оборона, въ данномъ случаѣ оказавшаяся необходимой“ (объясненія къ проекту редакціонной коммисіи стр. 120).

Отброшено также анахроническое требованіе, относящееся уже къ „post factum“, т. е. необходимость заявленія о случившемся сосѣдямъ и начальству.

Превышеніе предѣловъ обороны опредѣляется дѣйствующимъ уложеніемъ въ той же 101 ст. Оно заключается въ томъ вредѣ, который нанесенъ нападающему „послѣ уже от-

вращенія отъ него грозившей опасности", т. е., выражаясь терминомъ новаго уголовнаго уложенія, въ „несвоевременности защиты". Вторая часть 145 ст. новаго уголовнаго уложенія дополняетъ это опредѣленіе „чрезмѣрностью" защиты, но зато ограничиваетъ наказуемость превышенія предѣловъ обороны только специально указаннымъ закономъ случаями: „превышеніе предѣловъ обороны чрезмѣрностью или несвоевременностью защиты наказывается только въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ".

Въ противоположность необходимой оборонѣ „состояніе крайней необходимости" редактировано очень удачно уже въ уложеніи о наказаніяхъ. Ст. 100 охватываетъ всецѣло это понятіе [1]). Но она ограничиваетъ его лишь случаями опасности для жизни. Дѣйствующее германское уложеніе распространяетъ его также на случаи опасности для здоровья (§§ 52 и 54), венгерское—на случаи опасности для тѣлесной неприкосновенности (§§ 77 и 80) Несравненно шире постановленія французскаго кодекса (§ 64) [2]). Но эта полная безграничность опредѣленія, ничѣмъ не обусловленная, вызвала на практикѣ рядъ ограниченій и является поэтому мертвою буквою.

Новое уголовное уложеніе дѣлаетъ въ этомъ направленіи большой шагъ впередъ: не почитается преступнымъ согласно ст. 46 не только „дѣяніе, учиненное для спасенія собственной жизни или жизни другого лица отъ опасности . . . . ," но также и „дѣяніе, учиненное для спасенія здоровья, свободы, цѣломудрія или иного личнаго или имущественнаго блага своего или другого лица отъ опасности. . . . ." Но при спасеніи всѣхъ этихъ благъ (кромѣ жизни) требуется помимо общихъ условій (неотвратимость опасности иными средствами) еще одно спеціальное: учинившій дѣяніе дол-

---

[1]) „Учинившему противозаконное дѣяніе вслѣдствіе непреодолимаго къ тому отъ превосходящей силы принужденія и токмо для избѣжанія непосредственно грозившей его жизни въ то самое время неотвратимой другими средствами опасности, содѣянное имъ также не вмѣняется въ вину".

[2]) § 64 „Il n'y a ni crime ni délit, lorsque le prévenu. . . . . a été contraint par une force à laquelle il n'a pu résister".

женъ имѣть „достаточныя основанія считать причиняемый имъ вредъ маловажнымъ сравнительно съ охраняемымъ имъ благомъ.“

Къ обстоятельствамъ, устраняющимъ наказуемость, новое уголовное уложеніе относитъ: а) давность—статьи 68, 69, 70 и 71, б) помилованіе и прощеніе, исходящія отъ верховной самодержавной власти (ст. 72).

Въ статьѣ 68 предусмотрѣны 3 вида давности въ зависимости отъ сроковъ, раздѣляющихъ: 1) день учиненія преступныхъ дѣяній и день возбужденія уголовнаго преслѣдованія, 2) день учиненія преступныхъ дѣяній и день постановленія приговора, 3) день постановленія приговора и день обращенія его къ исполненію.

По отношенію къ первому изъ этихъ видовъ давности установлены слѣдующіе погашающіе сроки: 15 и 10 лѣтъ для тяжкихъ преступленій (за исключеніемъ ст. 99), 8 лѣтъ и 3 года для преступленій и 1 годъ для проступковъ. Что же касается второго и третьяго видовъ давности (давность въ зависимости отъ срока постановленія приговора и давность въ зависимости отъ срока обращенія приговора къ исполненію), то относительно ихъ установлены двойные и тройные противъ вышеуказанныхъ сроки—двойные при тяжкихъ преступленіяхъ и при преступленіяхъ, тройные при проступкахъ.

Въ первоначальномъ проектѣ новаго уголовнаго уложенія была указана еще одна причина, устраняющая наказуемость— прощеніе со стороны потерпѣвшаго или нежеланіе потерпѣвшаго возбуждать уголовное преслѣдованіе въ дѣлахъ, преслѣдуемыхъ лишь при наличности частной жалобы. Включеніе этой причины въ число „обстоятельствъ, устраняющихъ наказуемость“, было вполнѣ правильно мотивировано въ объясненія къ первому проекту слѣдующими соображеніями: „хотя самый порядокъ предъявленія частнаго обвиненія, а равно и условія осуществленія такого обвиненія, права обвинителей на судѣ и т. д. должны быть означены въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, но самое установленіе этой группы правонарушеній, опредѣленіе вліянія примиренія пострадавшаго съ виновнымъ на отвѣтственность, значеніе и

объемъ иска должны быть означены въ законѣ уголовномъ, такъ какъ здѣсь идетъ дѣло о законныхъ условіяхъ наказуемости цѣлой группы преступныхъ дѣяній" (стр. 225). Но уже во второй редакціи проекта эта причина, къ сожалѣнію, не упоминается, не упоминается она, какъ это было видно выше, и въ окончательной редакціи новаго уголовнаго уложенія.

Перехожу къ разсмотрѣнію второго изъ поставленныхъ вопросовъ—какъ наказываетъ новое уголовное уложеніе?

III.

И въ наукѣ, и въ кодексахъ карательныя мѣры распредѣлялись еще очень недавно на множество категорій, причемъ основанія для классификацій принимались самыя разнообразныя. Весь средневѣковый строй съ его изобрѣтательными ухищреніями на поприщѣ жестокости, съ его сословными различіями, получилъ отраженіе въ этихъ многообразныхъ классификаціяхъ.

По мѣрѣ смягченія нравовъ вымирали членовредительныя и позорящія наказанія. Вымирали также постепенно сословныя различія. И въ новѣйшихъ кодексахъ уже нѣтъ слѣдовъ этихъ средневѣковыхъ пережитковъ. Поэтому классификація наказаній значительно упростилась: всѣ современныя наказанія сводятся главнымъ образомъ къ лишенію свободы, а также къ пораженію имущества.

Но помимо различныхъ классификацій по свойству того блага, на которое направлено наказаніе, существуетъ рядъ подраздѣленій по чисто количественнымъ и формальнымъ даннымъ. Такъ, напримѣръ, французскій Code Pénal различаетъ три типа наказаній въ соотвѣтствіи съ тремя типами преступныхъ дѣяній: crimes соотвѣтствуютъ peines criminelles, délits—peines correctionelles, contraventions—peines de simple police. Другой примѣръ подраздѣленій: уложеніе о наказаніяхъ не ограничивается дѣленіемъ наказанія на роды и дробитъ каждый родъ наказанія по продолжительности срока на нѣсколько степеней. Это дробленіе на степени вызвано было желаніемъ

законодателя установить узкія сравнительно рамки для дѣятельности судьи.

Новые кодексы сохранили изъ всей массы существовавшихъ подраздѣленій карательной системы лишь одно: дѣленіе наказаній на главныя и на дополнительныя.

Уложеніе о наказаніяхъ принадлежитъ по классификаціи наказаній къ самымъ отсталымъ кодексамъ. Наказанія дѣлятся въ этомъ кодексѣ на уголовныя и исправительныя, на наказанія для лицъ привилегированныхъ и непривилегированныхъ, на общія, особенныя и исключительныя наказанія, на наказанія главныя и дополнительныя. Не менѣе сложной представляется и лѣстница наказаній, подраздѣляющая наказанія, какъ это было упомянуто выше, не только на роды, но и на степени.

Составители новаго уголовнаго уложенія упразднили всѣ эти подраздѣленія, за исключеніемъ дѣленія наказаній на главныя и дополнительныя. Уже въ 1861 и 1863 годахъ были нанесены чувствительные удары наказуемости по признакамъ сословности. Затѣмъ судебные уставы 1864 г. упразднили различіе сословной подсудности. Законъ 10 іюня 1900 г. уничтожилъ различіе между лицами, которымъ полагалась по ихъ состоянію ссылка на житье въ Сибирь или отдаленныя губерніи, и лицами, которымъ полагались въ тѣхъ же случаяхъ арестантскія отдѣленія. Совершенная отмѣна тѣлесныхъ наказаній сняла съ очереди весь вопросъ о сословной наказуемости.

Отсутствіе въ новомъ уголовномъ уложеніи степеней и установленіе большой дробимости отдѣльныхъ видовъ наказаній [1]) являются отраженіемъ довѣрія законодателя къ суду. Эта дробимость даетъ возможность индивидуализировать наказаніе въ зависимости отъ мотивовъ, которые руководили преступившимъ ту или иную норму. И чѣмъ шире тѣ рамки, въ которыхъ выражается относительно опредѣленная санкція

[1]) Срокъ каторги опредѣляется годами и полугодами; сроки заключенія: въ исправительномъ домѣ—годами и мѣсяцами; въ крѣпости и тюрьмѣ—годами, мѣсяцами и недѣлями, а срокъ ареста—мѣсяцами, недѣлями и днями (статья 22, ч. I).

уголовныхъ законовъ, тѣмъ больше гарантій для наказываемыхъ, тѣмъ осмысленнѣе роль судей.

Итакъ, новое уголовное уложеніе дѣлитъ всю область наказаній на два типа—наказанія главныя и наказанія дополнительныя.

Главныя наказанія перечислены во второй статьѣ. Смертная казнь, каторга, ссылка на поселеніе, заключеніе въ исправительномъ домѣ, заключеніе въ крѣпости, заключеніе въ тюрьмѣ, арестъ и денежная пеня суть „наказанія, опредѣляемыя за преступныя дѣянія.“

Исторія смертной казни крайне поучительна, какъ разительный примѣръ быстрой эволюціи соціальныхъ институтовъ. Въ XVII столѣтіи знаменитѣйшій германскій юристъ Карпцовъ, авторъ трактата „Nova practica rerum criminalium“, гордился множествомъ произнесенныхъ имъ смертныхъ приговоровъ: за 46 лѣтъ своей судебной дѣятельности (1620—1666) онъ приговорилъ къ смертной казни 20 тысячъ человѣкъ! Это даетъ среднюю цифру около 430 человѣкъ въ годъ. А между тѣмъ въ наше время многія государства совершенно отмѣнили смертную казнь. Тамъ же, гдѣ это наказаніе сохранено, оно рѣдко примѣняется, причемъ каждый случай примѣненія является изъ ряда вонъ выходящимъ событіемъ. Въ наукѣ, начиная съ конца XVIII столѣтія, число аболиціонистовъ растетъ съ каждымъ днемъ. Правда—въ послѣднее время появилось обратное теченіе, вызванное раціоналистическими тенденціями современныхъ ультра-реформаторовъ. Антропологи отстаиваютъ цѣлесообразность смертной казни для прирожденныхъ преступниковъ. Соціологи-криминалисты считаютъ также необходимымъ удержать смертную казнь въ кодексахъ до тѣхъ поръ, пока иные виды наказанія не устрашаютъ и не охраняютъ общества.

Совершенно правъ проф. Таганцевъ, называя эти попытки доказать необходимость смертной казни для прирожденныхъ преступниковъ „послѣдней вспышкою, лишенной всякаго практическаго значенія“. Въ недалекомъ будущемъ смертная казнь совершенно исчезнетъ изъ кодексовъ и этимъ завершится знаменательный съ точки зрѣнія человѣческаго

прогресса переходъ области наказанія отъ пораженія жизни и тѣлесной неприкосновенности къ лишенію свободы и пораженію имущества. Пали членовредительныя и позорящія наказанія, пала пытка—эти неизмѣнные спутники смертной казни въ прошломъ. „Когда то", говоритъ Гарро [1]), заботились меньше о причиненіи смерти, нежели о причиненіи страданія, и законъ, и судья измѣряли страданіе родомъ смерти, который они назначали, какъ они измѣряютъ лишеніе свободы, опредѣляя характеръ и продолжительность заключенія. Сама смерть была наказаніемъ съ нѣсколькими степенями. Въ настоящее же время, слѣдуя прекрасному выраженію Code Pénal 1791 г., она не состоитъ ни въ чемъ больше, какъ въ простомъ лишеніи жизни (dans la simple privation de la vie).

Но уже „простое лишеніе жизни" само по себѣ заключаетъ въ себѣ страданіе. Пускай гильотина и усовершенствованная висѣлица свели физическія страданія къ минимальной степени, пускай смерть отъ электричества мгновенна—остаются психическія страданія. И уже эти психическія страданія, этотъ „dernier jour d'un condamné", служатъ въ настоящее время достаточнымъ основаніемъ для упраздненія смертной казни, этой жестокой, недѣлимой и невозвратимой кары.

Редакціонная комиссія по составленію новаго уголовнаго уложенія полагала сдѣлать рѣшительный шагъ и совершенно вычеркнуть смертную казнь изъ числа уголовныхъ наказаній. Но въ виду соображеній чисто политическаго свойства комиссія ограничилась лишь тѣмъ, что высказалась за возможность отмѣны смертной казни, предоставивъ окончательное разрѣшеніе этого вопроса Государственному Совѣту.

Какъ видно изъ 2-й статьи новаго уголовнаго уложенія, смертная казнь сохранена въ числѣ наказаній. Но область ея примѣненія ограничена лишь тягчайшими изъ государственныхъ преступленій.

О способѣ совершенія смертной казни гласитъ 15 статья: „смертная казнь совершается, черезъ повѣшеніе, не публично".

[1]) Traité, II изд., II, 330 (§ LV).

Публичность и торжественность, которыми въ прежнія времена обставлялся обрядъ смертной казни, должны были по мысли законодателей устрашительно дѣйствовать на толпу. Но факты указали на нѣчто совершенно противоположное. Такъ, напримѣръ, когда въ Англіи вѣшали за кражу свыше 5 шиллинговъ, на мѣстѣ казни—на площади и у самаго эшафота—совершалось огромное количество кражъ на сумму свыше 5 шиллинговъ. Это еще разъ наглядно подтверждаетъ мысль, высказанную уже выше: жестокія наказанія вызываютъ лишь огрубѣніе нравовъ, будятъ живущіе въ каждомъ человѣческомъ существѣ низменные звѣрскіе инстинкты. „Кровь рождаетъ кровь". И поэтому должно привѣтствовать, что всѣ современные кодексы упразднили публичное исполненіе казни.

Ст. 16 новаго уголовнаго уложенія даетъ каторгѣ слѣдующее опредѣленіе: „каторга назначается или безъ срока, или на срокъ отъ четырехъ до пятнадцати лѣтъ.—Приговоренные содержатся въ каторжныхъ тюрьмахъ, въ общемъ заключеніи, и подвергаются принудительнымъ тяжкимъ работамъ какъ въ помѣщеніямъ сихъ тюремъ, такъ и внѣ оныхъ.—По отбытіи каторги, преступники переводятся на поселеніе въ предназначенныя для того мѣстности."

Итакъ, высшій предѣлъ срочной каторги сокращенъ по примѣру новыхъ кодексовъ на 5 лѣтъ: во французскомъ Code Pénal, въ бельгійскомъ кодексѣ, въ уложеніи о наказаніяхъ высшій предѣлъ срочной каторги—20 лѣтъ, въ германскомъ, венгерскомъ, голландскомъ кодексахъ и швейцарскомъ проектѣ 1895 года—15 лѣтъ. Надобно замѣтить, что уже давно раздаются голоса практиковъ тюремнаго дѣла за уменьшеніе 15 лѣтняго срока. Такъ, напримѣръ, еще при обсужденіи проекта нынѣ дѣйствующаго германскаго уложенія 1872 г. многіе чины тюремной администраціи высказались за 10 лѣтній срокъ каторги. Главные мотивы, которые приводились за такое сокращеніе срока каторги, заключаются въ слѣдующемъ: „слишкомъ долгіе сроки ослабляютъ силы арестанта и дѣлаютъ его неспособнымъ къ какимъ либо занятіямъ по выходѣ изъ тюрьмы, а съ другой сто-

роны, какъ указываетъ опытъ, нерѣдко долговременное сидѣніе въ тюрьмахъ совершенно парализуетъ то хорошее вліяніе, которое произвели на осужденнаго первые годы заключенія“ (цитир. по объяснен. къ проекту редак. комиссіи, стр. 59).

Но особенно продолжительнымъ является 15 лѣтній срокъ въ тѣхъ кодексахъ, гдѣ вслѣдъ за отбытіемъ каторги наступаетъ „поселеніе въ предназначенной для того мѣстности“. Это „поселеніе“ усугубляетъ во стократъ тяжесть главнаго наказанія, лишая человѣка на многіе годы — а то и на всегда—надежды увидѣть родину и близкихъ лицъ; оно суровѣе, нежели примѣненіе самыхъ тяжкихъ каръ въ теченіе менѣе продолжительнаго срока. Въ силу изложеннаго позволительно думать, что 10 лѣтній срокъ каторги при послѣдующемъ затѣмъ поселеніи не менѣе чѣмъ на 10 лѣтъ (см. ст. 23) былъ бы болѣе чѣмъ достаточенъ.

Вопросъ о мѣстонахожденіи каторжныхъ тюремъ оставленъ новымъ уголовнымъ уложеніемъ открытымъ; комиссія совершенно справедливо мотивировала это тѣмъ, что „мѣсто устройства помѣщеній для каторги не имѣетъ никакого отношенія къ опредѣленію существа и тяжести наказанія, а всецѣло относится къ порядку его осуществленія“ (объясненія, стр. 61, 62). Но въ виду непосредственной связи, которую установило новое уголовное уложеніе между каторгой и поселеніемъ, несомнѣнно, что каторжныя работы будутъ организовываться главнымъ образомъ въ Сибири.

Ссылка на поселеніе до закона 1900 г. распадалась на ссылку въ Сибирь и на ссылку въ Закавказье (ст. 17 улож. о нак., изъ 1885 г.). Въ свою очередь ссылка въ Сибирь распадалась по 20 ст. (до того же закона 1900 г.) на двѣ степени—1) въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири и 2) мѣста не столь отдаленныя. Уже въ 1835 году вопросъ объ отмѣнѣ ссылки на поселеніе былъ поставленъ на очередь Императоромъ Николаемъ I. Предположено было оставить ссылку на поселеніе только какъ дополнительное наказаніе для каторжныхъ. И лишь упорныя настоянія вліятельнѣйшаго человѣка на протяженіи всей исторіи русскаго законодатель-

ства—Сперанскаго—подѣйствовали на Государственный Совѣтъ; ссылка на поселеніе удержалась на карательной лѣстницѣ. Она нашла впослѣдствіи горячихъ защитниковъ въ лицѣ покойнаго Кистяковскаго и Таганцева. Это увлеченіе колонизаціоннымъ значеніемъ ссылки въ Россіи искало себѣ подтвержденія въ примѣрахъ Англіи и Франціи, странъ наиболѣе практиковавшихъ ссылку. Въ 1859 г. вышло превосходное, обстоятельное изслѣдованіе о ссылкѣ знаменитаго германскаго правовѣда Гольцендорфа подъ заглавіемъ „die Deportation als Strafmittel in alter und neuer Zeit und die Verbrechercolonien der Engländer und Franzosen in ihrer geschichtlichen Entwickelung und criminalpolitischen Bedeutung". Въ этомъ капитальномъ сочиненіи Гольцендорфъ высказывается за ссылку, при чемъ образцомъ таковой считаетъ англійскую ссылку. Напротивъ, о результатахъ французской ссылки онъ высказывается отрицательно. Однако, дальнѣйшая исторія ссылки не подтвердила тѣхъ розовыхъ надеждъ, которыя на нее возлагались, и самъ Гольцендорфъ впослѣдствіи, на Стокгольмскомъ конгрессѣ 1878 г., отказался отъ своего прежняго взгляда. Не вдаваясь въ подробный разборъ всѣхъ данныхъ, приводимыхъ въ пользу ссылки и противъ таковой, мы укажемъ лишь на неопровержимый фактъ постепеннаго вымиранія ссылки. Въ Англіи ссылка на поселеніе исключена еще въ 1868 г. Въ Германіи, несмотря на нѣкоторое движеніе въ ея пользу послѣ пріобрѣтенія африканскихъ колоній, она не привилась. Она не вошла въ карательную систему голландскаго уложенія 1881 г., хотя до того времени Голландія являлась страной, гдѣ она пользовалась особенными симпатіями. Исключена ссылка также изъ французскаго проекта 1881 г.

За постепенное вымираніе ссылки на поселеніе свидѣтельствуетъ также іюньскій законъ 1900 г., согласно которому ссылка на поселеніе въ Сибирь и въ Закавказье, а также ссылка на житье въ Сибирь и другія, кромѣ Сибирскихъ, отдаленныя губерніи, отмѣнены, „съ сохраненіемъ ссылки на поселенье въ предназначенныя къ тому мѣстности лишь за преступленія, особо въ законѣ указанныя".

Новое уголовное уложеніе всецѣло восприняло по отношенію къ ссылкѣ начало, положенное закономъ 1900 г. Ссылка на поселеніе фигурируетъ въ новомъ кодексѣ 1) какъ послѣдствіе каторги, 2) въ качествѣ наказанія за спеціальныя группы преступныхъ дѣяній, главнымъ образомъ политическихъ и противъ вѣры.

„Ссылка на поселеніе назначается безъ срока“ (ст. 17 Н. У. У.). Но въ ст. 23 эта безсрочность ограничивается слѣдующимъ положеніемъ: „переведенные на поселеніе изъ каторги, а равно приговоренные къ ссылкѣ на поселеніе по истеченіи 10 лѣтъ онаго, въ случаѣ одобрительнаго ихъ поведенія, могутъ быть освобождены отъ поселенія“.

Мѣстонахожденіе ссылки на поселеніе не опредѣляется: „приговоренные ссылаются въ предназначенныя для того мѣстности, опредѣляемыя на каждое 3-лѣтіе въ законодательномъ порядкѣ, по представленію Министровъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ“ (ст. 17, 2 ч.) [1]).

Выше уже упоминалось, что законъ 1900 г. совершенно упразднилъ ссылку на житье—наказаніе, которое было создано уложеніемъ 1845 г. спеціально для лицъ привилегированныхъ, т. е. изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Такимъ образомъ съ 1900 г. „отдачѣ на время въ исправительныя арестантскія отдѣленія съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію или званію осужденному присвоенныхъ“ а также „заключенію въ тюрьму съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію осужденному присвоенныхъ“, подлежатъ одинаково всѣ преступники, независимо отъ ихъ сословія.

Новое Уголовное Уложеніе упраздняетъ исправительныя арестантскія отдѣленія; наказаніемъ, имъ соотвѣтствующимъ, является по новому кодексу исправительный домъ. Заключеніе въ исправительномъ домѣ назначается на срокъ отъ 1 года и 5 мѣсяцевъ до 6 лѣтъ (ст. 18). Приговоренные содержатся сначала въ одиночномъ заключеніи отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ переводятся въ общее заключеніе (ibid).

[1]) Это положеніе тоже всецѣло реципировано изъ закона 1900 г.

Приговоренные обязательно занимаются заведенными въ исправительномъ домѣ работами въ помѣщеніяхъ онаго, а лица мужескаго пола могутъ быть также назначаемы на работы и внѣ исправительнаго дома (ibid).

Заключеніе въ крѣпости — custodia honesta — назначается обыкновенно за преступныя дѣянія политическія, за дуэль, за нарушенія постановленій о печати и т. п. Въ Россіи оно появляется впервые въ уложеніи 1845 г. Новое Уголовное Уложеніе также вводитъ это наказаніе въ карательную систему. Статья 19 гласитъ: „заключеніе въ крѣпости назначается на срокъ отъ 2-хъ недѣль до шести лѣтъ. Приговоренные содержатся въ общемъ заключеніи“.

Заключеніе въ тюрьмѣ назначается на срокъ отъ 2-хъ недѣль до одного года (ст. 20). Приговоренные содержатся въ одиночномъ заключеніи. При неимѣніи или при недостаткѣ въ тюрьмѣ одиночныхъ камеръ, приговоренные содержатся совмѣстно, съ другими заключенными, и въ семъ случаѣ 4 дня общаго заключенія считаются равными 3 днямъ одиночнаго заключенія (ibid). Приговоренные обязательно занимаются заведенными въ тюрьмѣ работами (ibid).

Арестъ назначается на срокъ отъ одного дня до 6 мѣсяцевъ. Приговоренные содержатся въ устроенныхъ для ареста помѣщеніяхъ, въ общемъ заключеніи, но по ихъ просьбѣ, при наличности свободныхъ камеръ, помѣщаются въ одиночное заключеніе. Приговоренные на срокъ свыше 7 дней обязаны избрать себѣ какое-либо занятіе изъ числа такихъ, которые могутъ быть допущены въ арестномъ помѣщеніи. Приговоренные къ аресту не свыше 7 дней могутъ, по опредѣленію о томъ суда, отбыть арестъ въ собственномъ мѣстѣ жительства (ст. 21).

Денежная пеня опредѣляется рублями и полтинами, за исключеніемъ случаевъ, въ коихъ закономъ указанъ особый порядокъ ея исчисленія. Если въ законѣ высшій размѣръ пени опредѣленъ не менѣе 100 рублей, то пеня назначается въ размѣрѣ не менѣе 10 рублей. Уплата денежной пени можетъ быть отсрочена или разсрочена судомъ на время не свыше одного года со дня вступленія приговора въ закон-

ную силу. Денежная пеня, для коей закономъ не установлено особаго назначенія, обращается на устройство мѣстъ заключенія (ст. 24).

Если сравнить это многообразіе наказаній съ карательными системами новыхъ кодексовъ, то выводы отъ такого сопоставленія будутъ не въ пользу Новаго Уголовнаго Уложенія. Ссылка не нашла себѣ мѣста ни въ одномъ изъ новыхъ кодексовъ. Голландское уложеніе 1881 г. и норвежское новое уложеніе обходятся безъ каторги. Исправительный домъ и тюрьма почти нигдѣ не существуютъ вмѣстѣ. Германское уложеніе 1872 г., голландское уложеніе 1881 г., норвежское уложеніе, французскій и швейцарскій проекты сохраняютъ изъ этихъ двухъ типовъ лишенія свободы одну лишь тюрьму, итальянское уложеніе 1889 г. тоже ограничивается однимъ изъ этихъ двухъ типовъ подъ названіемъ „reclusione".

Редакціонная коммисія по составленію новаго уголовнаго уложенія пытается оправдать въ объясненіяхъ къ проекту это многообразіе видовъ наказаній ссылкой на особенности русской карательной системы. Эти особенности сводятся въ концѣ концовъ къ существованію, согласно закону 1900 г., ссылки на поселеніе, какъ неизмѣннаго спутника каторги, и являются лишь объясненіемъ для преимущественнаго устройства каторжныхъ помѣщеній въ мѣстахъ пригодныхъ для послѣдующаго поселенія.

Но гдѣ, спрашивается, тѣ особенности, въ силу которыхъ главный, основной видъ лишенія свободы—тюрьма—распадается по новому уголовному уложенію на два отдѣльныхъ вида, т. е. на тюрьму въ тѣсномъ смыслѣ слова и на исправительный домъ? Опыты прошлаго, гдѣ наряду съ тюрьмой существовали исправительныя арестантскія отдѣленія? Но вѣдь эти опыты ничего хорошаго, говорящаго за необходимость существованія исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій (или исправительнаго дома) не дали.

Редакціонная коммисія оправдываетъ существованіе исправительнаго дома наряду съ тюрьмой также соображеніями пенитенціарными: въ то время какъ для долгосрочнаго заключенія болѣе подходящей формой является система общаго

содержанія, краткосрочное заключеніе, по мнѣнію редакціонной коммисіи должно быть организовано въ видѣ одиночной системы. „Эти различія“, говорятъ редакторы Уголовнаго Уложенія, „отражаясь на родѣ и свойствѣ работъ, на всѣхъ условіяхъ тюремнаго порядка, едва ли даже допустятъ соединеніе обоихъ видовъ наказанія, хотя и отдѣльно другъ отъ друга, но въ общихъ зданіяхъ, а тѣмъ болѣе устранятъ возможность полнаго объединенія ихъ“.

Изъ приведенныхъ выше постановленій объ исправительномъ домѣ и тюрьмѣ (ст. 18 и 20) видно, въ чемъ заключаются эти различія. Во-первыхъ, тюремное заключеніе является на весь срокъ одиночнымъ, заключеніе же къ исправительномъ домѣ построено по смѣшанной системѣ—приговоренные содержатся сначала въ одиночномъ заключеніи отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ переводятся въ общее заключеніе. Во-вторыхъ, лица мужского пола, помимо занятій „заведенными . . . . . въ помѣщеніяхъ онаго работами, могутъ быть также назначаемы на работы внѣ исправительнаго дома“; по отношенію къ тюрьмѣ этой оговорки относительно работъ внѣ тюрьмы нѣтъ. И, наконецъ, въ третьихъ, ст. 20 устанавливаетъ на случай недостатка (или неимѣнія) при тюрьмѣ одиночныхъ камеръ общее содержаніе, а между тѣмъ ст. 18 случаевъ неимѣнія или недостатка одиночныхъ камеръ въ исправительныхъ домахъ почему-то не предусматриваетъ и слѣдовательно ничѣмъ не оговариваетъ.

Итакъ, различія эти не столь уже существенны. А главное—одиночная система заключенія существуетъ пока лишь на страницахъ новаго кодекса—въ жизни практическое проведеніе ея еще очень долго будетъ проявленіемъ частичнымъ, исключительнымъ, въ виду скудости средствъ и въ виду отсутствія широкой инициативы у нашей тюремной администраціи. И поэтому несравненно цѣлесообразнѣе было бы безвозвратно пожертвовать исправительными арестантскими отдѣленіями, не создавая ихъ суррогата въ воплощеніи исправительнаго дома, и ограничиться лишь тюрьмою. Большая амплитуда колебаній, раздѣляющая минимальные и максимальные сроки тюремнаго заключенія (хотя бы отъ 2 недѣль

до 6 лѣтъ) дала бы возможность широко индивидуализировать тяжесть репрессіи соотвѣтственно съ разновидностями преступныхъ дѣяній. Что же касается пенитенціарныхъ опытовъ, то они несравненно легче и удачнѣе могутъ быть производимы надъ различными категоріями заключенныхъ подъ одной крышей и подъ наблюденіемъ одного и того же персонала;—при этихъ данныхъ только и есть почва для нагляднаго сравненія условій и результатомъ долгосрочнаго и краткосрочнаго періодовъ заключенія. Къ этому остается еще разъ повторить, что опыты эти производятся въ нашихъ тюрьмахъ лишь частично, въ видѣ исключенія; вся вѣра въ цѣлесообразность одиночной системы, уже давно пошатнувшаяся, можетъ совершенно исчезнуть къ тому времени, когда одиночное заключеніе получитъ хоть болѣе или менѣе широкое примѣненіе къ русской карательной системѣ. Особенно поколебалась уже вѣра въ пригодность продолжительныхъ сроковъ одиночнаго заключенія. Тому, кто посѣтилъ хоть разъ „La petite Roquette“ въ Парижѣ, на всю жизнь будутъ памятны изможденныя, отупѣвшія лица заключенныхъ въ одиночныхъ камерахъ этой тюрьмы несовершеннолѣтнихъ. И какъ разителенъ контрастъ, когда видишь вслѣдъ за этими обитателями „La petite Roquette“ несовершеннолѣтнее населеніе земледѣльческой исправительной колоніи „Douaires“, расположенной невдалекѣ отъ Парижа и являющейся по истинѣ идеаломъ пенитенціарнаго учрежденія. Веселые вполнѣ здоровые, нормальные, общительные, проводящіе почти весь день въ полевыхъ работахъ—они подаютъ надежду явиться по выходѣ изъ колоніи здоровымъ и нормальнымъ элементомъ.

Мечтать о таковомъ же благотворномъ воздѣйствіи земледѣльческихъ колоній на взрослыхъ „сидѣльцевъ“ трудно. Но за то не подлежитъ сомнѣнію то тлетворное и разрушающее вліяніе, которое производятъ на взрослыхъ продолжительные сроки одиночнаго заключенія—достаточно указать на примѣръ французской тюрьмы „Fresnes“. Эта тюрьма—послѣднее слово комфорта. Здоровая, живописная мѣстность (тюрьма стоитъ въ паркѣ, сливающемся съ рощей), высокія и просторныя камеры, водопроводъ въ каждой камерѣ, образцовая

вентиляція, масса свѣта, электрическое освѣщеніе, превосходная койка, свѣжая пища, правильно организованныя работы.... и при всемъ томъ случаи самоубійства и помѣшательства! Полагаемъ поэтому, что годовой — а иногда и двухлѣтній срокъ—одиночнаго заключенія является слишкомъ продолжительнымъ; болѣе чѣмъ достаточнымъ для тюрьмы является срокъ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, устанавливаемый ст. 18 для заключенныхъ въ исправительномъ домѣ, если только вообще необходимо примириться съ примѣненіемъ суровой одиночной системы въ виду общаго увлеченія ею.

Заключеніе въ крѣпости тоже могло бы быть вычеркнуто безъ особеннаго ущерба изъ карательной системы новаго кодекса; взамѣнъ этого наказанія можно было, по примѣру норвежскаго проекта 1885 г. продлить максимальный срокъ ареста—хотя бы до 6 лѣтъ.

Денежная пеня является въ новомъ уголовномъ уложеніи по сравненію съ дѣйствующимъ уложеніемъ о наказаніяхъ довольно распространеннымъ наказаніемъ, что объясняется большимъ сравнительно количествомъ „проступковъ" (соотвѣтств. Uebertretungen, contraventions) т. е. преступныхъ дѣяній, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшія наказанія, арестъ или денежная пеня (ст. 3 Н. У. У.).

IV.

Широкія рамки для выбора мѣры наказанія даютъ судьѣ возможность индивидуализировать примѣненіе репрессіи соотвѣтственно тѣмъ особенностямъ, которыя представляетъ собой каждое правонарушеніе. Перечисленіе этихъ особенностей въ законѣ являлось необходимымъ при господствѣ въ уголовныхъ кодексахъ абсолютно опредѣленной санкціи. Но развѣ возможно предвидѣть и систематически сгруппировать все множество и разнообразіе оттѣнковъ, придающихъ въ своей суммѣ ту или иную окраску каждому отдѣльному случаю? Не было, нѣтъ и не будетъ того законодателя, который могъ бы выполнить эту задачу.

Перечисленіе всѣхъ этихъ разновидностей и оттѣнковъ является не только невозможнымъ—оно является и нежелательнымъ: превращеніе судьи въ манекена есть прямое послѣдствіе такой перечневой системы.

Тѣмъ не менѣе даже новѣйшіе кодексы выдѣляютъ нѣкоторыя обстоятельства, усиливающія или уменьшающія мѣру отвѣтственности внѣ предѣловъ нормально установленныхъ максимума или минимума. Современный законодатель останавливается лишь на тѣхъ изъ этихъ обстоятельствъ, которыя являются общимъ свойствомъ извѣстнаго количества правонарушеній. Съ другой стороны обстоятельства эти должны представлять въ глазахъ законодателя весьма значительное отклоненіе отъ нормальнаго типа правонарушеній. Общее расширеніе нормальныхъ рамокъ во имя этихъ случаевъ могло-бы приблизить существующую относительно - опредѣленную санкцію къ неопредѣленной. А между тѣмъ слишкомъ большой безграничный произволъ судей такъ же нежелателенъ и такая же опасная крайность, какъ и абсолютно опредѣленные законы.

Предпочтительнѣе поэтому выдѣленіе обстоятельствъ, усиливающихъ и уменьшающихъ мѣру отвѣтственности за нормальные предѣлы, нежели расширеніе самыхъ предѣловъ наказаній.

Обстоятельствъ, усиливающихъ отвѣтственность, въ новыхъ кодексахъ упоминается очень немного [1]).

Въ уложеніи о наказаніяхъ по ст. 129 „вина учинившаго какое-либо преступленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣра слѣдующаго за сіе наказанія увеличиваются" въ цитируемыхъ вслѣдъ затѣмъ десяти случаяхъ. Эти 10 случаевъ представляютъ собой большое разнообразіе, являются скорѣе примѣрами и не имѣютъ никакого исчерпывающаго значенія. Наличность одного изъ нихъ не даетъ, однако, сама

[1]) Листъ. Lehrbuch изд. X, на стр. 257, по этому поводу вполнѣ правильно замѣчаетъ слѣдующее: „Die Weite der von der Gesetzgebung verwendeten regelmässigen Strafrahmen gestattet es die Aufstellung von besonderen, erhöhten Strafrahmen auf ein verhältnismässig kleines Gebiet zu beschränken.

по себѣ права возвысить наказаніе „одною или нѣсколькими степенями"; для такого возвышенія необходимо еще спеціальное о томъ упоминаніе „особыхъ о каждомъ преступленіи постановленій". (ст. 130). Затѣмъ ст. 131 спеціально указываетъ на повтореніе, которое признается „обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину и наказаніе, при чемъ „въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ, наказаніе усиливается не только въ мѣрѣ, но и въ степени или родѣ". Правила о вліяніи совокупности на наказаніе изложены въ 152 ст. (по продолж. 1895 года), а также въ 133 статьѣ (по продолж. 1895 г.).

Новое уголовное уложеніе значительно упростило эту систему. Въ отдѣленіи седьмомъ главы I-й въ качествѣ „обстоятельствъ, усиливающихъ отвѣтственность", упомянуты лишь совокупность, повтореніе и злоупотребленіе службой или служебнымъ положеніемъ.

Совокупность опредѣляется, какъ совершеніе одного или нѣсколькихъ новыхъ преступныхъ дѣяній „до провозглашенія приговора, резолюціи или рѣшенія о виновности" о предшествующемъ преступномъ дѣяніи. Это опредѣленіе вытекаетъ изъ текста ст. 60 новаго уголовнаго уложенія.

Вопросъ о вліяніи совокупности на наказаніе вызвалъ рядъ теорій и разрѣшался въ кодексахъ весьма различно. Существуютъ двѣ крайнія системы, построенныя на совершенно противоположныхъ принципахъ: система сложенія и система поглощенія.

Первая изъ нихъ заключается въ простомъ сложеніи (Kumulationsprincip) всѣхъ наказаній, назначаемыхъ кодексомъ за всѣ совершенныя дѣянія. На практикѣ эта система не можетъ быть послѣдовательно проведена: какъ складывать смертную казнь съ тюрьмой или безсрочную каторгу со срочнымъ исправительнымъ домомъ? Но и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сложеніе возможно—напримѣръ, срочная тюрьма со срочной же тюрьмой, денежная пеня съ денежными пенями и т. п.—оно приводитъ къ крайней жестокости. А между тѣмъ эта жестокость ничѣмъ не можетъ быть оправдана—если отъ различныхъ преступныхъ дѣяній пострадали и многія различныя лица, то каждый найдетъ удовлетвореніе

своей жаждѣ возмездія въ томъ наказаніи причинившаго ему ущербъ, которое назначаетъ кодексъ за тягчайшее изъ совершенныхъ дѣяніе. Недаромъ существуетъ старая народная поговорка — „семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ". Не нужна эта жестокость и съ точки зрѣнія государственной пенитенціарной политики, такъ какъ никѣмъ и ничѣмъ пока не доказано, чтобы большая продолжительность наказанія влекла за собою какіе-либо благотворные результаты въ смыслѣ исправленія преступника.

Почти всѣ современные кодексы отказались по этимъ соображеніямъ отъ системы сложенія. Исключеніе представляетъ англійское законодательство, сохранившее эту систему.

Другую крайность представляетъ собою система поглощенія, согласно которой наказаніе назначается лишь за наиболѣе тяжкое изъ совершенныхъ преступныхъ дѣяній. Правда, принципъ поглощенія всецѣло гармонируетъ съ народными чувствованіями и понятіями, является гуманнымъ. Онъ является кромѣ того выгоднымъ въ процессуальномъ отношеніи, облегчая работу судей. Но онъ заключаетъ въ себѣ и нѣкоторую опасность: совершившимъ преступныя дѣянія тяжкихъ категорій какъ-бы предоставляется „carte blanche" на безнаказанное совершеніе такихъ же или менѣе тяжкихъ преступныхъ дѣяній. Этой опасностью и объясняется то обстоятельство, что принципъ поглощенія не принятъ всецѣло ни однимъ изъ современныхъ кодексовъ. Правда, вторая часть ст. 365 французскаго устава уголовнаго судопроизводства воспроизводитъ этотъ принципъ въ чистомъ видѣ [1]). Но кассаціонная практика и большинство французскихъ теоретиковъ толкуютъ этотъ параграфъ ограничительно и не распространяютъ его ни на полицейскія нарушенія, (contraventions), ни на рядъ дѣяній фискальнаго характера. Всѣ остальные кодексы придерживаются такъ называемыхъ смѣшанныхъ системъ. Послѣднія представляются въ двухъ видахъ: 1) принимая за основаніе систему сложенія, законо-

[1]) Code D'Instruction Criminelle, 2 часть § 365: En cas de conviction de plusieurs crimes ou délits, la peine la plus forte sera seule prononcée.

датель ограничиваетъ ея суровость требованіемъ обязательнаго смягченія общей суммы наказаній, 2) принимая за основаніе систему поглощенія, законодатель устанавливаетъ извѣстную надбавку къ тягчайшему изъ наказаній.

Система поглощенія съ коррективомъ въ видѣ незначительной надбавки къ тягчайшему наказанію и представляется наиболѣе удачнымъ разрѣшеніемъ вопроса. Этой системы придерживается и новое уголовное уложеніе. „Судъ можетъ увеличить назначенное имъ тягчайшее наказаніе до высшаго, опредѣленнаго въ законѣ за сіе дѣяніе размѣра, не превышая, однако, суммы всѣхъ назначенныхъ виновному наказаній....“, гласитъ между прочимъ ст. 60-ая. Но затѣмъ сдѣлана оговорка относительно стеченія каторги или исправительнаго дома съ одной стороны и денежной пени, ареста или заключенія въ крѣпости до одного года съ другой стороны; въ этихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто система поглощенія безъ всякихъ добавленій. Статьи 61, 62 и 63 дополняютъ эти постановленія рядомъ подробностей.

Статья 64 особо предусматриваетъ тѣ случаи, когда учинены „до провозглашенія приговора, резолюціи или рѣшенія о виновности два или болѣе тождественныхъ или однородныхъ преступныхъ дѣяній по привычкѣ къ преступной дѣятельности или вслѣдствіе обращенія такой дѣятельности въ промыселъ“, при чемъ предоставляется въ этихъ случаяхъ суду право нѣкоторыхъ спеціальныхъ добавленій къ тягчайшему изъ наказаній, сверхъ указаннаго въ ст. 60 усиленія.

Дѣянія, совершенныя до отбытія наказанія, т. е. послѣ воспослѣдовавшаго приговора о виновности или во время отбыванія наказанія, уже не подлежатъ правиламъ о совокупности и вызываютъ отвѣтственность, какъ это въ принципѣ устанавливаетъ и 66 статья, „на общемъ основаніи“. Но при сложеніи уже отбываемаго и вновь назначеннаго наказанія могутъ встрѣтиться на практикѣ затрудненія, которыя указывались выше, когда рѣчь шла относительно системы сложенія. Безсрочная каторга плюсъ безсрочная каторга—примѣръ, гдѣ система сложенія сводится къ системѣ поглощенія. Единственный исходъ—увеличеніе срока для

перевода на поселеніе. Приведенный примѣръ, а также рядъ другихъ подобныхъ случаевъ, и предусмотрѣны въ 66 статьѣ.

Вторымъ обстоятельствомъ, усиливающимъ по новому уголовному уложенію отвѣтственность, является повтореніе. Общее понятіе повторенія охватываетъ собою всѣ случаи преступныхъ дѣяній, совершенныхъ по отбытіи наказаній. Спеціальный видъ повторенія—совершеніе по отбытіи наказанія дѣянія вполнѣ тождественнаго или однороднаго съ прежнимъ уже наказаннымъ дѣяніемъ.

Повышенная наказуемость повторенія—или рецидива—встрѣчается еще у древнихъ. Такъ, согласно Геродоту при назначеніи наказанія считались съ прошлымъ виновнаго. Аристотель былъ того мнѣнія, что рецидивъ заслуживаетъ усиленнаго наказанія [1]). Римскіе законы, по утвержденію Тиссо и многихъ другихъ историковъ и теоретиковъ уголовнаго права, тоже квалифицировали наказуемость рецидива. Противоположнаго мнѣнія придерживается Биндингъ [2]): авторитетный германскій ученый утверждаетъ, будто большинство мѣстъ, на которыя ссылаются въ источникахъ, относятся не къ рецидиву, а къ совокупности.

Постановленія о рецидивѣ, какъ объ обстоятельствѣ, усиливающемъ отвѣтственность, встрѣчаются также въ кодексахъ и законодательныхъ памятникахъ среднихъ вѣковъ. Таковы французскіе королевскіе ордонансы, leges barbarorum, Rechtsbücher. Всѣ эти памятники упоминаютъ лишь о спеціальномъ видѣ рецидива, при чемъ наиболѣе часто встрѣчается повышеніе наказанія при повтореніи воровства.

Но есть также страны, гдѣ постановленія о рецидивѣ появляются сравнительно очень поздно. Такъ, напримѣръ, въ Даніи законодательство не считалось съ рецидивомъ вплоть до XIII столѣтія. Точно также къ Россіи рецидивъ впервые упоминается, какъ увеличивающее наказаніе обстоятельство, лишь въ Уставной двинской грамотѣ.

Сторонники повышенной наказуемости рецидива особенно

---

[1]) Tissot, Le droit pénal etc T. I 137—168.

[2]) Grundriss d. Strafrechts § 103, S. 207.

любятъ ссылаться на §§ 161—163 Каролины, какъ на одно изъ доказательствъ, что рецидивъ имѣетъ за собою почтенное историческое прошлое. Но и тутъ communis opinio doctorum встрѣтило сильное возраженіе со стороны Биндинга, который возстаетъ противъ отнесенія §§ 161—163 къ повторенію.

Какова бы ни была исторія рецидива, фактъ тотъ, что всѣ современныя законодательства признаютъ за нимъ значеніе обстоятельства, усиливающаго отвѣтственность. Дабы найти объясненіе этому увлеченію рецидивомъ, необходимо обратиться къ наукѣ уголовнаго права. И тогда станетъ очевиднымъ, что это увлеченіе явилось главнымъ образомъ отголоскомъ общаго увлеченія устрашительными теоріями. Фейербахъ и Бауеръ—наиболѣе горячіе приверженцы значительнаго усиленія наказаній для рецидивистовъ: разъ первоначальная угроза наказаніемъ, а также примѣненіе наказанія не явились для даннаго индивидуума достаточнымъ противовѣсомъ, то для такого неисправимаго ослушника необходима, согласно теоріи „устрашителей", угроза болѣе суровой карой. Въ свою очередь представители теорій исправленія полагали воздѣйствовать на рецидивистовъ болѣе крутыми мѣрами, разъ первоначальныя мѣры не привели ни къ какому результату.

Современные позитивисты вновь воскресили заглохшее было на нѣкоторое время увлеченіе теоріей о наказуемости рецидива.

Правда, они перенесли центръ тяжести съ общаго вопроса о повтореніи на проявляемую преступившимъ неоднократно ту же норму привычку къ данному роду преступныхъ дѣяній. Правда, болѣе умѣренные изъ нихъ признаютъ за этимъ спеціальнымъ видомъ повторенія значеніе обстоятельства, могущаго лишь факультативно вліять на мѣру наказанія. Но есть среди нихъ и крайніе, какъ, напримѣръ, Leveillé, который полагаетъ цѣлесообразнымъ дѣлить будущіе уголовные кодексы на двѣ части—одна изъ этихъ частей должна бы спеціально посвящена совершающимъ преступныя дѣянія впервые, другая—рецидивистамъ.

Итакъ, на всемъ протяженіи прошлаго и настоящаго

столѣтій теоріи смѣняются, но каждая изъ нихъ пытается найти разумное оправданіе усиленной наказуемости рецидива. Это во всякомъ случаѣ говоритъ за современную жизнеспособность даннаго института. Полагаемъ, что истинное объясненіе этой жизнеспособности должно искать не столько въ разумныхъ, сколько въ чувственныхъ началахъ: неуваженіе къ закону (persistance à enfreindre la loi pénale), выставляемое какъ одно изъ „разумныхъ" основаній для усиленной наказуемости рецидива Ортоланомъ [1]) и рядомъ другихъ криминалистовъ, просто на просто вызываетъ по нашему крайнему убѣжденію у государственной власти и ея представителей-законодателей сильное раздраженіе. Смягченіе нравовъ и создало паденіе суровой репрессіи по адресу рецидива; факультативность таковой репрессіи еще больше знаменуетъ собою прогрессъ законодательства. Какъ это не разъ упоминалось уже выше, ничѣмъ не доказано существованіе причинной связи между суровостью репрессіи съ одной стороны и между устрашительнымъ или исправительнымъ воздѣйствіемъ этой суровости съ другой. И потому бо̀льшая продолжительность сроковъ наказанія не представляетъ собой якоря спасенія. Безсрочныя же наказанія, изолирующія общество навсегда отъ рецидивистовъ—какъ это было подробно развито во вступленіи (ст. 1)—утопія для цѣлаго ряда правонарушеній. А между тѣмъ старинный принципъ „non bis in idem", выставляемый немногочисленными противниками специфической наказуемости рецидива, и по сю пору сохраняетъ значеніе справедливаго, гуманнаго начала.

Уложеніе о наказаніяхъ не выдѣляло спеціальнаго вида повторенія, придавая значеніе усиливающаго наказаніе обстоятельства совершенію всякаго новаго преступленія „послѣ суда и наказанія", хотя бы новое и старое дѣянія и были разнородны. Но законъ 3 февраля 1892 г. ограничилъ это всеобъемлющее понятіе усиленно наказуемаго повторенія лишь спеціальнымъ видомъ таковаго, т. е. дѣяніями тождественными или однородными. Этотъ принципъ положенъ въ основу

---

[1]) Elements, T. I, стр. 565.

ст. 67 н. у. у. Согласно этой статьѣ „учинившій преступное дѣяніе по отбытіи наказанія подлежитъ отвѣтственности на общемъ основаніи". И только въ случаѣ „учиненія осужденнымъ дѣянія, тождественнаго съ прежнимъ или съ нимъ однороднаго, вновь назначаемое наказаніе, за исключеніемъ случаевъ, въ коихъ закономъ опредѣлены особыя за повтореніе этихъ преступныхъ дѣяній наказанія, усиливается на основаніяхъ, въ ст. 64 установленныхъ, если до учиненія новаго, тождественнаго или однороднаго преступнаго дѣянія прошло со времени отбытія наказанія за прежніе: тяжкое преступленіе—не болѣе 5 лѣтъ, преступленіе—не болѣе 3 лѣтъ и проступокъ—не болѣе 1 года".

Переходя къ разсмотрѣнію обстоятельствъ, уменьшающихъ отвѣтственность, должно прежде всего отмѣтить различное отношеніе къ нимъ законодательства временъ Фейербаха и позднѣйшаго законодательства. Фейербаховская система перечисленія, которая легла между прочимъ и въ основаніе уложенія о наказаніяхъ, смѣнилась такъ называемой „systeme des circonstances atténuantes. Послѣдняя заключается въ упраздненіи всякихъ перечисленій и въ предоставленіи вопроса о наличности или отсутствіи уменьшающихъ отвѣтственность обстоятельствъ внутреннему убѣжденію и понятіямъ судей.

Ст. 134 уложенія о наказаніяхъ состоитъ изъ девяти пунктовъ, въ которыхъ перечисляются „обстоятельства, уменьшающія вину и отвѣтственность". Ст. 153 даетъ въ трехъ пунктахъ перечисленіе случаевъ, при которыхъ „наказаніе можетъ быть смягчаемо". Но уже съ появленіемъ судебныхъ уставовъ была введена рядомъ съ этой перечневой классификаціей „система смягчающихъ обстоятельствъ" (ст. 774 и 828 устава уголовнаго судопроизводства).

Новое уголовное уложеніе значительно упрощаетъ этотъ сложный порядокъ, вызвавшій уже не мало контроверзъ, точнымъ разграниченіемъ двухъ группъ, могущихъ вліять на уменьшеніе отвѣтственности обстоятельствъ: группа точно опредѣленныхъ въ законѣ обстоятельствъ и группа обстоятельствъ не опредѣленныхъ. Первую группу обстоятельствъ

составляетъ: покушеніе (2 ч. 49 ст.), пособничество, бывшее „несущественнымъ“ (2 ч. 51 ст.), отбытіе части наказанія заграницей или меньшая строгость наказанія „противъ опредѣляемаго въ семъ уложеніи“ по законамъ мѣста совершенія (2 ч. ст. 10) и, наконецъ, меньшая наказуемость дѣянія по законамъ времени его совершенія (2 ч. 14 ст.). При наличности этихъ обстоятельствъ, наказанія смягчаются на основаніяхъ, статьей 53 установленныхъ. Но такое же смягченіе вызываетъ признаніе какъ присяжными засѣдателями, такъ коронным судомъ всякихъ другихъ смягчающихъ обстоятельствъ. Разница между дѣлами, рѣшаемыми съ присяжными засѣдателями и безъ таковыхъ, заключается лишь въ томъ, что въ случаяхъ, при которыхъ признаніе смягчающихъ обстоятельствъ зависитъ отъ коронного суда, послѣдній обязанъ изложить въ приговорѣ основанія, вызвавшія въ данномъ случаѣ смягченіе.

Ст. 54 предоставляетъ суду право зачета предварительнаго заключенія въ наказаніе, „если виновный приговаривается къ заключенію въ исправительномъ домѣ, крѣпости, тюрьмѣ или къ аресту“.

Затѣмъ ст. 55, 56 и 57 содержатъ подробныя правила о замѣнѣ нормально установленныхъ наказаній болѣе мягкими для несовершеннолѣтнихъ, ст. 58—о замѣнѣ смертной казни и каторги ссылкой на поселеніе для мужчинъ и женщинъ, достигшихъ 70-лѣтняго возраста, и о замѣнѣ смертной казни безсрочной каторгой для женщинъ, не достигшихъ 70-лѣтняго возраста.

Наконецъ, ст. 59 говоритъ объ условіяхъ, при которыхъ денежная пеня замѣняется арестомъ [1]), и о соразмѣрности этой замѣны [2]). Этой статьей и заканчивается отдѣленіе „о смягченіи и замѣнѣ наказаній“.

---

[1]) Денежная пеня замѣняется срочнымъ арестомъ, если она не уплачена „въ теченіе мѣсяца со дня вступленія приговора въ законную силу, а при отсрочкѣ или разсрочкѣ платежа—въ день наступленія срока, по удостовѣреніи, въ установленномъ порядкѣ, о неимѣніи у осужденнаго средствъ къ уплатѣ пени“.

[2]) Пеня до 25 рублей замѣняется арестомъ до одной недѣли; отъ 25 до 100

Мы разсмотрѣли тѣ измѣненія наказанія, которыя запечатлѣваются въ приговорѣ и составляютъ исключительную компетенцію суда. Но теорія выдвинула рядъ измѣненій наказанія въ періодъ его исполненія. Таковы досрочное освобожденіе отъ наказанія въ случаѣ одобрительнаго поведенія, продленіе срока наказанія. Таковы такъ назыв. неопредѣленные приговоры, отстаиваемые американцами, а изъ европейскихъ ученыхъ Крепелиномъ, Гарофало, ванъ-Гамелемъ и нѣкоторыми другими криминалистами. Сущность этихъ „неопредѣленныхъ приговоровъ" заключается въ томъ, что судъ только объявляетъ подсудимаго подлежащимъ наказанію, характеръ-же и продолжительность послѣдняго устанавливаетъ уже тюремная администрація или другіе исполнители наказанія. Эта идея не встрѣтила, однако, сочувствія даже въ лагерѣ крайнихъ реформаторовъ въ той своей части, которая касается неопредѣленнаго продленія сроковъ наказанія.

Новое уголовное уложеніе знаетъ изъ всѣхъ этихъ институтовъ одно лишь досрочное освобожденіе отъ наказанія, условія котораго вполнѣ опредѣленно установлены законодателемъ. Приговоренные къ каторгѣ безъ срока, по истеченіи 15 лѣтъ, а приговоренные къ срочной каторгѣ, по истеченіи $^2/_3$ опредѣленнаго имъ срока, въ случаѣ одобрительнаго ихъ поведенія, могутъ быть переведены въ мѣста, предназначенныя для ихъ поселенія (ст. 23). Переведенные на поселеніе изъ каторги, а равно приговоренные къ ссылкѣ на поселеніе, по истеченіи 10 лѣтъ онаго, въ случаѣ одобрительнаго ихъ поведенія, могутъ быть освобождены отъ поселенія (ibid). Приговоренные къ заключенію въ исправительномъ домѣ, по истеченіи $^5/_6$ назначеннаго имъ срока сего заключенія, въ случаѣ одобрительнаго ихъ поведенія, могутъ быть освобождены изъ заключенія (ibid.).

Итакъ, рамки дѣйствія досрочнаго освобожденія ограничены каторгой, ссылкой на поселеніе и исправительнымъ

рублей—арестомъ отъ 1 недѣли до 1 мѣсяца; отъ 100 до 500 рублей—арестомъ отъ 1 до 3 мѣсяцевъ; отъ 500 до 1000 рублей—арестомъ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ; свыше 1000 рублей—арестомъ отъ 6 мѣсяцевъ до одного года.

домомъ. Впрочемъ, нѣкоторое примѣненіе получаетъ въ новомъ уголовномъ уложеніи этотъ безусловно цѣлесообразный и гуманный институтъ также при нѣкоторыхъ срочныхъ правопораженіяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 30 (см. ст. 30 и 31), и при срочныхъ ограниченіяхъ въ правѣ избранія и перемѣны мѣста мѣста жительства (ст. 34 и 35).

„Статистика—это остановившаяся исторія, исторія—это двигающаяся статистика“—знаменитыя слова, принадлежащія извѣстному ученому-статистику. Это опредѣленіе является формулой не только для одной статистики; тѣ же слова можно примѣнить къ любой соціальной наукѣ, а въ частности и къ уголовному праву. Современное состояніе уголовнаго права—это остановившаяся исторія уголовнаго права, исторія уголовнаго права—это движеніе и эволюція уголовной дисциплины.

Всякая соціальная наука отражаетъ въ себѣ всѣ малѣйшія измѣненія и колебанія той области, которую она охватываетъ. Болѣе того, наука вѣчно ищетъ новыхъ путей, указываетъ новыя направленія. Иное дѣло общественные устои и соціальные институты. Имъ не можетъ быть свойственна такая же подвижность, они должны отражать въ себѣ только тѣ новшества, которыя уже укрѣпились въ сознаніи многихъ и провѣрены жизнью.

Такое именно осторожное отношеніе къ новымъ теченіямъ проявили редакторы новаго уголовнаго уложенія. Такъ, напримѣръ, институтъ условнаго осужденія не нашелъ себѣ мѣста въ новомъ кодексѣ, несмотря на то, что онъ существуетъ уже во многихъ государствахъ. Кромѣ того, во многихъ своихъ постановленіяхъ новое уголовное уложеніе осталось слишкомъ вѣрнымъ традиціямъ и пережиткамъ. Тѣмъ не менѣе оно несомнѣнно является значительнымъ шагомъ впередъ, во многомъ приближая русское уголовное законодательство къ первоклассным европейскимъ образцамъ. „Самое лучшее, что у насъ есть на Руси, это судъ“, говорили и говорятъ о судебныхъ уставахъ Александра II. Совершен-

но противоположную оцѣнку вызывало со всѣхъ сторонъ уложеніе о наказаніяхъ, являвшееся отсталымъ и по существу своему, и по формѣ. Новое уголовное уложеніе присоединило русское уголовное законодательство къ общему прогрессивному теченію уголовнаго права. Какую форму приметъ это теченіе въ ближайшемъ будущемъ—предсказать трудно.

А. Д Марголинъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

М. В. Духовской. *Русскій уголовный процессъ.* М. 1902 г. стр. XVI+498. Цѣна 2 р. 50 к.

Въ началѣ прошлаго года одинъ изъ нашихъ спеціально-юридическихъ органовъ печати помѣстилъ статью, которая представляетъ (конечно, помимо желанія и автора и редакціи) интересъ лишь какъ reductio ad absurdum направленія, пріобрѣтающаго нынѣ довольно много сторонниковъ. Авторъ статьи выражаетъ сожалѣніе по поводу того, что наши „дипломированные" юристы, поступая на службу, являются совершенно безпомощными въ чисто практическихъ, техническихъ вопросахъ дѣйствующаго права, не знаютъ, напр., какъ протестовать вексель, совершить довѣренность и т. п.; далѣе указывается на ненормальное, по мнѣнію автора, положеніе, при которомъ эти дипломированные юристы должны еще года полтора-два учиться въ судахъ, прежде чѣмъ получить отвѣтственную должность; наконецъ ставится нашимъ университетамъ въ упрекъ ихъ теоретичность, причемъ выражается требованіе, чтобы *единственной* задачей университета было подготовленіе людей основательно и *во всѣхъ подробностяхъ* знающихъ русское дѣйствующее право.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время очень часто можно слышать даже отъ людей, весьма прикосновенныхъ къ наукѣ, что университетъ долженъ давать студентамъ исчерпывающее знакомство дѣйствующаго права, и что посему дѣйствующее право должно быть положено въ основу академическаго преподаванія. Какъ результатъ такихъ воззрѣній мы видимъ напр., профессора, начинающаго чтеніе курса особенной части уголовнаго права рекомендаціей студентамъ пріобрѣсть уложеніе о наказаніяхъ, какъ *единственный*

источникъ и пособіе; видимъ, что на экзаменѣ студенту ставятъ двойку за то, что онъ не можетъ назвать ни одной изъ статей закона, цитируемыхъ экзаменаторомъ; видимъ, что практическія занятія вмѣсто того, чтобы служить средствомъ для болѣе детальнаго ознакомленія съ научными вопросами, выродились въ обученіе техническимъ пріемамъ и т. п.

Если бы направленіе это въ своей крайней формѣ получило всеобщее признаніе, тогда можно было бы сказать: finis scientiae!.... Доказывать справедливость этой мысли передъ читателями-спеціалистами едва ли нужно. Никто изъ нихъ, полагаю, не сомнѣвается, что знаніе наизусть всѣхъ томовъ Свода законовъ и всѣхъ сенатскихъ рѣшеній еще не есть научное знаніе права, такъ какъ стоитъ только сегодня отмѣнить дѣйствующій кодексъ и дать въ руки такому „знатоку“ совершенно другой, какъ „знатокъ“ безъ теоретической подготовки окажется въ безпомощномъ положеніи.

Но даже въ своемъ смягченномъ видѣ (т. е. признаніе дѣйствующаго права основой, преобладающимъ элементомъ академическаго преподаванія) воззрѣніе это очень опасно для науки: теряется въ университетѣ масса драгоцѣннаго времени, котораго впослѣдствіи нельзя уже наверстать. Вѣдь узнать всѣ техническія подробности, статьи законовъ, пріобрѣсть практическія свѣдѣнія— очень легко можно во время прохожденія службы, между тѣмъ какъ усвоить теоретическіе вопросы права, ознакомиться съ научными пріемами, пріобрѣсть извѣстные идеалы можно только на университетской скамьѣ, такъ какъ огромное большинство нашихъ судебныхъ дѣятелей, къ сожалѣнію, лишено возможности поддерживать свою связь съ наукой. Вотъ почему безусловно необходимо приложить всѣ усилія къ тому, чтобы университетское время, время полной свѣжести силъ, среди симпатичной обстановки академической свободы, было бы использовано самымъ продуктивнымъ образомъ въ смыслѣ основательной чисто теоретической подготовки будущихъ примѣнителей закона: только тогда это время оставитъ неизгладимые слѣды на духовномъ обликѣ человѣка. Если же превратить университетъ въ спеціальную школу для приготовленія чиновниковъ, смотрѣть на теорію лишь какъ на необходимое зло, главной цѣлью преподаванія поставить возможность немедленнаго занятія судейскаго кресла непосредственно послѣ школьной скамьи,— то нечего и мечтать о культурной миссіи университетовъ: питомцы его скоро превратятся въ сухихъ чиновниковъ-карьеристовъ, для которыхъ всѣ интересы будутъ сосредоточиваться въ ихъ кан-

целяріяхъ, все чтеніе будетъ заключаться въ просмотрѣ приказовъ „Правительственнаго Вѣстника“, а досугъ наполняться картами.

И такъ, теорія права есть основа и преобладающій элементъ академическаго преподаванія, такъ какъ задачей университета всегда было и будетъ подготовлять для страны научно образованныхъ юристовъ, способныхъ разобраться въ любомъ данномъ законодательствѣ, способныхъ ознакомиться и примѣнять къ дѣлу любой дѣйствующій кодексъ. Само собою разумѣется, что дѣйствующее русское право не можетъ оставаться въ сторонѣ при академическомъ преподаваніи. Если вообще научные принципы должны изучаться въ ихъ примѣненіи къ явленіямъ жизни, если научное знаніе возможно лишь на твердой почвѣ фактовъ, то отечественная юридическая жизнь должна играть въ доставленіи этихъ фактовъ преобладающую роль.

Только съ этой точки зрѣнія и можно до извѣстной степени оправдать заголовки (немыслимые въ другихъ областяхъ знанія) въ родѣ: „Лекціи по *русскому* уголовному праву“, „Курсъ *русскаго* уголовнаго процесса“ и т. п. [1]). Въ сущности, если въ лучшихъ изъ этихъ трудовъ зачеркнуть все, относящееся къ области теоріи, то на долю *русскаго* права останется какая нибудь $^{1}/_{20}$ часть книги. Но даже и въ этомъ случаѣ русское право подчасъ играетъ роль ненужнаго балласта книги. Въ самомъ дѣлѣ, пусть обыкновенный образованный читатель не-юристъ откроетъ объемистый курсъ процесса проф. Фойницкаго и прочтетъ напр. стр. 364—370 т. I этого прекраснаго труда. Если читатель ограничится только этими нѣсколькими страницами, то онъ весьма скептически отнесется къ „наукѣ“ права: гдѣ же тутъ наука, скажетъ нашъ читатель, когда я вижу лишь пересказъ того, что съ большимъ удобствомъ могу прочесть въ „Положеніи о земскихъ начальникахъ“? И читатель этотъ будетъ тысячу разъ правъ: къ чему вводить въ научные курсы такое до мелочей подробное изложеніе дѣйствующаго права, когда это изложеніе не сопровождается ни критикой, ни руководящими идеями? Вѣдь эта груда фактовъ не нужна ни студенту, ни ученому специалисту.

Можно и должно подробно излагать въ курсѣ положенія дѣйствующаго права, но лишь тогда, когда положенія эти заслужи-

---

[1]) А вѣдь у насъ появлялись книги, озаглавленныя: „Русское международное право“.

ваютъ особеннаго вниманія или какъ удачная иллюстрація того или другого научнаго принципа, или по своей образцовой законодательной техникѣ, или по лежащимъ въ основѣ ихъ идеямъ и т. п., но излагать подробно такіе законы, о которыхъ достаточно написать 3—4 строки,—значитъ загромождать книгу совершенно безполезнымъ, если не прямо вреднымъ балластомъ.

Я такъ долго остановился на этихъ вступительныхъ мысляхъ потому, что лежащій передо мною „Русскій уголовный процессъ" покойнаго профессора московскаго университета М. Духовскаго страдаетъ на мой взглядъ смѣшеніемъ науки процесса съ дѣйствующимъ процессуальнымъ правомъ. Пересказъ постановленій дѣйствующаго права, сплошь и рядомъ даже буквальныя выписки статей закона и масса излишнихъ подробностей чисто справочнаго характера непріятно поражаютъ на каждомъ шагу читателя, ожидающаго отъ профессорскаго курса „побольше науки". Чтобы не быть голословнымъ, приведу рядъ примѣровъ, ограничиваясь частью книги, посвященной судоустройству: страницы 57—8, 63—5, 71—80, 85—6, 98—103, 132—138, 140—150 представляютъ собою простой пересказъ того, что можно прочесть въ оффиціальныхъ изданіяхъ, и теоретическій элементъ въ этой массѣ страницъ представленъ двумя-тремя коротенькими замѣчаніями случайнаго характера. Что же касается части курса, посвященной судопроизводству (гораздо бо́льшей по объему), то здѣсь пересказъ и выписки изъ статей закона нерѣдко принимаетъ прямо таки устрашающіе размѣры. Непріятное впечатлѣніе усиливается отъ введенія въ этотъ пересказъ свѣдѣній, умѣстныхъ лишь въ чисто практическихъ, справочныхъ изданіяхъ, напр, ссылки на циркуляры министра юстиціи, прокуроровъ судебныхъ палатъ; ссылки эти не могутъ быть оправданы никакими научными соображеніями. Вотъ примѣры. На стр. 312—313 авторъ говоритъ, что частная жалоба съ прямымъ указаніемъ обвиняемаго сама по себѣ еще не обязываетъ судебнаго слѣдователя привлекать указанное лицо въ качествѣ обвиняемаго. Вмѣсто того, чтобы научно обосновать это важное положеніе, авторъ ссылается на циркуляръ министра юстиціи 1894 г.

Нельзя не замѣтить, что даже въ сообщеніи чисто практическихъ свѣдѣній попадаются ошибки. Напр., при указаніи справочныхъ пособій говорится объ изданіи г. Щегловитова, а объ изданіи г.г. Шрамченко и Ширкова, съ каждымъ годомъ завоевывающимъ все бо́льшія симпатіи, не упомянуто; на стр. 143 авторъ

говоритъ, что низшій судъ, разобравъ подсудное ему дѣло объ обвиняемомъ, который по другому дѣлу судится въ высшемъ судѣ, пересылаетъ *дѣло* въ высшій судъ для назначенія наказанія по совокупности, между тѣмъ каждый практикъ хорошо знаетъ, что въ такихъ случаяхъ посылается не дѣло, а копія приговора. На стр. 227 говорится: „*Всякое* [1]) сомнѣніе *по судебнымъ уставамъ* должно быть истолковано въ пользу подсудимаго“, между тѣмъ, если бы практикъ захотѣлъ отыскать въ судебныхъ уставахъ это (спорное въ наукѣ) положеніе, то напрасно бы потерялъ время. На стр. 264 сказано, что мировой судья производитъ обыски лично, и цитируется ст. 47 уст. уг. суд., между тѣмъ, эта статья говоритъ лишь о правѣ мирового судьи поручать полиціи производство дознаній. На стр. 276 авторъ утверждаетъ, что осмотръ вещественныхъ доказательствъ можетъ быть произведенъ даже послѣ заключительной рѣчи предсѣдателя (безъ возобновленія судебнаго слѣдствія), между тѣмъ какъ, если бы такое нарушеніе процессуальныхъ правилъ было бы допущено, то (какъ извѣстно каждому практику) Сенатъ не только кассировалъ бы производство, но могъ бы сдѣлать суду замѣчаніе. На стр. 319 сказано: „Единоличный судья прекращаетъ дѣло самъ (?), причемъ, по разъясненію Сената, усмотрѣвъ, что въ дѣяніи нѣтъ признаковъ преступленія..., судья можетъ прекратить дѣло и не назначая его къ слушанію, слѣдовательно (?) и безъ вызова обвиняемаго“; не говоря уже о томъ, что „назначеніе къ слушанію“ еще не значитъ „вызовъ обвиняемаго“, авторъ упустилъ изъ виду извѣстное рѣшеніе Сената по общему собранію № 58 за 1875 г., гдѣ разъяснено, что прекращеніе въ такихъ случаяхъ дѣлъ мировыми судьями должно имѣть мѣсто не иначе, какъ въ судебныхъ засѣданіяхъ по вызовѣ потерпѣвшаго и полиціи. Кстати, кромѣ этихъ пяти строкъ ничего больше не сказано о столь важномъ и жизненномъ вопросѣ, между тѣмъ отсутствіе научныхъ знаній процессуальныхъ институтовъ ведетъ иногда на практикѣ къ такимъ печальнымъ примѣрамъ, какъ напр. постановленіе общаго собранія отдѣленій Черниговскаго окружнаго суда [2]), циркулярно предписавшаго городскимъ судьямъ непремѣнно привлекать въ качествѣ обвиняемыхъ (а слѣдовательно и подвергать приводу этапнымъ порядкомъ изъ далекихъ мѣстъ) указанныхъ въ жалобахъ лицъ, хотя бы изъ содержанія жалобы очевидно было отсутствіе состава пре-

[1]) Курсивъ вездѣ мой.

[2]) См. „Право“ за 1899 г. стр. 1814 и слѣд.

ступленія; по мнѣнію Черниговскаго окружнаго суда, судья не имѣетъ права прекращать дѣла по этой причинѣ, а обязанъ постановлять оправдательные приговоры по вызовѣ обвиняемаго. Яркій примѣръ важности научныхъ знаній для судебной практики. На стр. 464 авторъ говоритъ, что при приведеніи въ исполненіе судъ препровождаетъ прокурору выписку изъ „судебнаго протокола". Оставляя въ сторонѣ неточное названіе „судебный протоколъ", не могу не замѣтить, что въ такихъ случаяхъ никогда не посылается выписка изъ протокола судебнаго засѣданія, а посылается выписка изъ *приговора*.

Переходя къ недостаткамъ книги болѣе серьезнаго характера, отмѣчу прежде всего весьма слабое пользованіе научной литературой. Во введеніи, правда, указано нѣсколько капитальныхъ научныхъ трудовъ, какъ пособія, но въ дальнѣйшемъ изложеніи монографическая литература почти совсѣмъ оставляется въ сторонѣ, такъ что, напр., студентъ изъ курса проф. Духовскаго не можетъ даже въ самыхъ общихъ чертахъ познакомиться съ воззрѣніями того или другого изъ извѣстныхъ ученыхъ по наиболѣе капитальнымъ вопросамъ науки. Вмѣсто этого довольно часто (сравнительно) дѣлаются ссылки на русскую литературу, причемъ или называются работы, вовсе не заслуживающія такой чести, или въ подкрѣпленіе общеизвѣстныхъ положеній для чего то приводятся мнѣнія русскихъ авторовъ—судебныхъ практиковъ.

Перехожу къ недостаткамъ болѣе высокаго порядка.

Къ этой категоріи я бы отнесъ во 1-хъ), нѣсколько весьма спорныхъ положеній, которыя авторъ выставляетъ догматически, не пытаясь даже ихъ доказывать, и во 2-хъ), очень слабое теоретическое освѣщеніе цѣлаго ряда капитальныхъ вопросовъ.

Вотъ примѣры недоказанныхъ болѣе чѣмъ спорныхъ положеній. „Въ наукѣ уголовнаго процесса можно отличать теорію процесса, т. е. уясненіе цѣли и лучшихъ средствъ процесса, и процессуальное право, т. е. изученіе тѣхъ мѣръ и правилъ, которыми осуществляется процессъ въ данной странѣ. *Иначе говоря,* можно отличать чистую науку—уголовно-судебное право, т. е. раскрытіе законовъ, управляющихъ развитіемъ уголовно-судебныхъ институтовъ въ связи съ культурой, и прикладную, цѣль которой—построить систему, соотвѣтствующую требованію даннаго времени" (стр. 6—7). Въ этихъ 8 строкахъ (авторъ ими только и ограничился) заключается цѣлое гнѣздо недоразумѣній. Слова „иначе говоря" даютъ право думать, что обѣ половины только что выписаннаго положенія заключаютъ

въ себѣ одно и то же содержаніе, что вторая половина лишь полнѣе развиваетъ содержаніе первой. Между тѣмъ, въ первой половинѣ авторъ задачей теоріи процесса считаетъ „уясненіе цѣли и лучшихъ средствъ процесса“, а во второй половинѣ оказывается, что „иначе говоря“ теорія процесса есть „чистая наука“—„уголовно-судебное право“, т. е. (?) раскрытіе законовъ, управляющихъ и т. д.“. Если существованіе науки „уголовно-судебнаго права въ этомъ послѣднемъ смыслѣ есть лишь pium desiderium автора, то это слѣдовало бы для избѣжанія недоразумѣній такъ и выразить, потому что едва ли кто согласится во 1-хъ), съ отождествленіемъ уголовно-процессуальнаго *права* съ „раскрытіемъ законовъ и т. д.“, а во 2-хъ), съ самымъ существованіемъ науки, имѣющей только что указанное содержаніе: любопытно было бы, чтобы авторъ назвалъ хоть одну работу, посвященную „раскрытію законовъ и т. д.“, Что же касается мысли, изложенной въ первыхъ четырехъ строкахъ приведеннаго выше мѣста, то не могу не замѣтить, что „изученіе тѣхъ мѣръ и правилъ, которыми осуществляется процессъ въ данной странѣ“, совершенно немыслимо безъ теоріи процесса, т. е. безъ „уясненія цѣли и лучшихъ средствъ процесса“, ибо простое изложеніе дѣйствующихъ процессуальныхъ законовъ не имѣетъ съ наукой ничего общаго.

Къ источникамъ процесса авторъ относитъ, между прочимъ, и „толкованіе юристовъ, насколько оно проявляется въ судебныхъ рѣшеніяхъ главнаго суда“ (стр. 7). Наука такимъ образомъ совершенно вычеркивается изъ числа источниковъ и притомъ безъ всякихъ мотивовъ. Между тѣмъ, авторъ прекрасно знаетъ огромное вліяніе науки на развитіе законодательства вообще и процессуальнаго въ частности, такъ какъ самъ принималъ участіе въ законодательныхъ коммисіяхъ.

На стр. 12 авторъ говоритъ объ „обратной силѣ процессуальныхъ законовъ“. Хотя принятое имъ мнѣніе представляетъ собою communis opinio, но едва ли оно правильно. Думается мнѣ, что и процессуальный законъ, какъ и всякій законъ, обратной силы не имѣетъ, и что такъ называемая обратная сила процессуальныхъ законовъ есть недоразумѣніе: процессуальный законъ регулируетъ особыя, спеціальныя явленія юридической жизни и проявляетъ свою силу лишь относительно тѣхъ изъ этихъ явленій, которыя имѣются въ наличности послѣ обнародованія закона. Я подаю въ судъ прошеніе и въ доказательство иска представляю вексель; дѣйствующій во время подачи прошенія законъ запрещаетъ доказывать уплату

по векселю свидѣтельскими показаніями, но ко дню разбора дѣла выходитъ новый законъ, разрѣшающій такой способъ доказыванія,— противъ моего векселя будутъ допущены свидѣтельскія показанія, но вовсе не въ силу обратнаго дѣйствія закона, а единственно потому, что тѣ процессуальныя дѣйствія, регулировать которыя долженъ новый законъ, наступили *послѣ* его обнародованія.

Важный вопросъ объ организаціи мѣстной юстиціи изложенъ недостаточно полно и заключаетъ въ себѣ не мало возбуждающаго сомнѣнія. Такъ, признавая справедливость словъ министра юстиціи Замятина, назвавшаго мировой институтъ краеугольнымъ камнемъ юстиціи, и указывая на необходимость однихъ и тѣхъ же принциповъ для организаціи и общей, и мѣстной юстиціи, авторъ тѣмъ не менѣе находитъ, что мѣстный судъ *надо* организовать иначе, чѣмъ общіе суды (стр. 69). А именно: этотъ судъ, между прочимъ, *долженъ* имѣть мѣстный характеръ, *выбираться* изъ *мѣстныхъ* жителей, *долженъ быть* единоличнымъ; мотивируется это тѣмъ, что дѣла, подсудныя этому суду, имѣютъ преобладающій мѣстный характеръ, требуютъ скорости, несложности, отсутствія формализма и дешевизны производства. Между тѣмъ, ни единоличность суда, ни выборность, ни требованіе, чтобы судьи принадлежали къ мѣстнымъ жителямъ никоимъ образомъ не вытекаютъ изъ указанныхъ авторомъ особенностей мѣстной юстиціи. Казалось бы, что единственной причиной упрощенія организаціи мѣстнаго суда являются соображенія не принципіальнаго, а финансоваго характера; не будь ихъ, судъ долженъ быть организованъ одинаково для всѣхъ дѣлъ безъ исключенія. Во всякомъ случаѣ автору слѣдовало бы солиднѣе обосновать свою мысль. Не могу не замѣтить, что организація мѣстной юстиціи въ Англіи изложена не такъ обстоятельно, какъ этого она вполнѣ заслуживаетъ.

Недостаточность теоретическаго освѣщенія сильно сказалась въ капитальномъ вопросѣ объ участіи народнаго элемента (стр. 87—104). Вмѣсто того, чтобы такъ подробно пересказывать дѣйствующіе законы о присяжныхъ засѣдателяхъ (авторъ говоритъ, напр., какой размѣръ штрафа полагается за неявку присяжнаго засѣдателя въ первой и во второй разъ, перечисляетъ всѣ законныя причины неявки и т. п.), слѣдовало бы сдѣлать то, что безусловно необходимо въ научномъ курсѣ процесса и чего у автора нѣтъ, а именно: дать правильную постановку вопроса, сдѣлать хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ обзоръ громадной литературы вопроса (вмѣсто этого авторъ называетъ нѣсколько сочиненій на русскомъ

языкѣ, причемъ одно весьма проблематическаго достоинства, не смотря на всю его объемистость), сдѣлать историческій очеркъ, столь важный для уясненія института, разсмотрѣть судъ присяжныхъ въ его первоисточникѣ (Англія), исчерпывающимъ образомъ привести и разобрать доводы pro и contra. Изложеніе автора производитъ впечатлѣніе односторонности: доводы противниковъ суда присяжныхъ приведены не полно, а критика этихъ доводовъ едва ли убѣдительна и не лишена противорѣчій, столь нежелательныхъ въ ученой работѣ. Съ другой стороны авторъ приводитъ столь дискредитированные доводы, какъ „судъ присяжныхъ—школа для народа“, а умалчиваетъ о многихъ важныхъ преимуществахъ чисто процессуальнаго характера (т. е. единственно цѣнныхъ), которыми несомнѣнно обладаетъ судъ съ участіемъ народныхъ представителей. Вмѣсто такихъ преимуществъ указывается, напр., столь сомнительное „достоинство“, какъ возможность исправлять законы (т. е. стать выше закона), причемъ на слѣдующей же страницѣ, возражая противъ аргументовъ противниковъ суда присяжныхъ, авторъ говоритъ, что неподчиненіе присяжныхъ засѣдателей закону было бы „аномаліей, которую надлежитъ преслѣдовать“. Противъ довода о неподготовленности присяжныхъ для разбора дѣлъ, авторъ возражаетъ, что *ни юридическаго, ни даже общаго образованія для рѣшенія большинства уголовныхъ дѣлъ не требуется.* „Понять—совершилось ли преступленіе и что за личность стоитъ передъ судомъ: честный ли человѣкъ, или преступникъ—это далеко не такъ трудно“ (стр. 90). Не говоря уже о томъ, что если бы эта мысль была вѣрна, то рѣшительно непонятно было бы, для чего въ судѣ участвуютъ и профессіональные судьи (кстати,—этотъ вопросъ авторъ совершенно оставляетъ безъ разсмотрѣнія), и для чего на юридическихъ факультетахъ учатся будущіе судебные дѣятели,—но я бы желалъ знать, какъ примирить эту мысль хотя бы со слѣдующими словами автора на стр. 251: „Оцѣнка свидѣтельскихъ показаній не легкое дѣло для суда или судебнаго органа. *Нуженъ навыкъ,* нужно иногда особое чутье, чтобы разобраться въ разнорѣчивыхъ часто показаніяхъ“.

Говоря объ адвокатурѣ въ Англіи (стр. 130), авторъ утверждаетъ, что соллиситоры (въ отличіе отъ адвокатовъ въ тѣсномъ смыслѣ) играютъ второстепенную роль, занимаясь лишь письменной подготовкой дѣлъ, и что число юридически образованныхъ лицъ между ними ничтожно. Хотя свѣдѣнія эти заимствованы у Фойницкаго, но едва ли они вѣрны: новѣйшія работы по англійскому

судоустройству (напр. Franqueville) показываютъ, что доступъ въ сословіе соллиситоровъ обусловленъ весьма продолжительнымъ и серьезнымъ стажемъ и выдержаніемъ трехъ разновременныхъ экзаменовъ какъ общаго, такъ въ особенности и юридическаго характера, что соллиситоры вовсе не занимаются *только* подготовкой дѣлъ, но и выступаютъ въ судебныхъ засѣданіяхъ наравнѣ съ барристерами (въ дѣлахъ мѣстной юстиціи, въ четвертныхъ сессіяхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей), и наконецъ, что за послѣднее время назрѣваетъ идея о полномъ уравненіи правъ обоихъ адвокатскихъ сословій.

Много мѣста авторъ посвятилъ ученію о доказательствахъ, но, къ сожалѣнію, здѣсь съ одной стороны замѣчается изобиліе балласта въ видѣ перепечатки статей дѣйствующаго права (напр. съ мелочною точностью разсказывается, какой размѣръ штрафа за неявку свидѣтелей полагается у мироваго судьи, у слѣдователя, въ окружномъ судѣ, перечисляются всѣ законныя причины неявки и т. п.) обыкновенно даже безъ всякой критики (напр. ни полслова не сказано по поводу рѣзкаго отличія нашего права, по которому цѣлый рядъ лицъ можетъ не являться въ судъ въ качествѣ свидѣтелей и требовать допроса на дому—и англо-американскимъ правомъ, гдѣ принципъ равенства передъ судомъ и уваженія къ суду проведенъ послѣдовательно, и гдѣ поэтому принцы крови и президентъ республики обязаны являться въ судъ по вызову), а съ другой стороны недостаточная теоретическая разработка важныхъ вопросовъ. Напр. принципъ, по которому только провѣренное на судѣ можетъ лечь въ основу приговора, лишь намѣченъ, но не обоснованъ и не развитъ съ надлежащею полнотой; ученіе о косвенныхъ доказательствахъ представлено нѣсколькими общими фразами, смыслъ которыхъ сводится къ положенію: „съ одной стороны нельзя не сознаться, а съ другой—необходимо признаться".

На стр. 349 и слѣд. авторъ утверждаетъ, что англійскій порядокъ открытія судебнаго слѣдствія хуже нашего, и находитъ, что необходимо составлять подробно и читать на судѣ обвинительный актъ. Мотивируетъ это авторъ тѣмъ, что чтеніе обвинительнаго акта „раскрываетъ сразу всю картину дѣла", и что безъ обвинительнаго акта присяжнымъ трудно слѣдить за ходомъ судебнаго слѣдствія. Противъ этого достаточно напомнить извѣстный каждому практику фактъ, что чтеніе обвинительнаго акта и въ особенности по сложному дѣлу представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе скучныхъ и безполезныхъ моментовъ процесса. Изустное изложеніе

сущности *и предполагаемаго порядка доказыванія обвиненія* (англійская система), какъ и вообще каждое живое слово, несравненно болѣе пригодно для намѣченной цѣли, чѣмъ чтеніе обвинительныхъ актовъ съ ихъ оффиціальнымъ языкомъ, излишними подробностями и т. п.

Въ тѣсной связи съ этимъ вопросомъ находится вопросъ объ отношеніи судебныхъ преній къ судебному слѣдствію, вопросъ о построеніи судебнаго слѣдствія. Вопросъ этотъ—одинъ изъ наиболѣе важныхъ, жизненныхъ въ теоріи процесса, и однако авторъ посвятилъ ему 10 строкъ (стр. 350), указавъ лишь, что существуетъ два типа этого построенія; не сдѣлано ни малѣйшей попытки для ознакомленія съ англійскимъ типомъ, для сравненія обоихъ типовъ и для выводовъ, которые могли бы быть весьма поучительными: быть можетъ, они бы способствовали хотя немного устраненію печальнаго явленія, нерѣдко наблюдаемаго въ нашихъ судахъ, когда, напр., защитникъ желаетъ *дать объясненія* по поводу какого либо важнаго обстоятельства, а предсѣдатель запрещаетъ, говоря, что объясненія можно давать лишь во время преній (т. е. когда уже прошло время, когда обстоятельство забудется, потеряетъ свою свѣжесть, связь съ дѣломъ, когда, быть можетъ, счастливая мысль, явившаяся у защитника и могущая ярко освѣтить представляемое доказательство улетучится и т. п.).

Трудный вопросъ объ обжалованіи судебныхъ рѣшеній въ Англіи изложенъ всего лишь въ 7 строкахъ, причемъ авторъ утверждаетъ, что англійское право не знаетъ апелляціи по уголовнымъ дѣламъ: недоразумѣніе, котораго легко можно было бы избѣжать, отнявъ немного мѣста у тѣхъ страницъ, гдѣ, напр., авторъ очень подробно переписываетъ статьи закона, относящіяся къ приговорамъ въ окончательной формѣ, протоколамъ (переписано даже совершенно устарѣвшее постановленіе, по которому мировой судья можетъ записывать свои приговоры въ одну общую книгу), и дать „немножко больше науки“ въ такомъ запутанномъ вопросѣ, какъ англійская система обжалованія судебныхъ рѣшеній.

На стр. 433 авторъ находитъ ненормальнымъ, что законъ 1889 г. разрѣшаетъ судьѣ-докладчику (въ апелляціонной инстанціи) не читать въ подлинникѣ приговоръ и апелляціонный отзывъ, а дозволяетъ излагать изустно ихъ содержаніе. По мнѣнію автора при такомъ порядкѣ „возможно невѣрное сообщеніе, неполнота, односторонность“. Если эту мысль провести послѣдовательно, то судьямъ нельзя довѣрять не только своими словами излагать содержа-

ніе апелляціонной жалобы какого-нибудь подпольнаго адвоката, но и оцѣнивать по внутреннему убѣжденію представленныя доказательства; тогда система формальныхъ доказательствъ будетъ выше: вліяніе личности судьи, чего такъ опасается авторъ, сведется къ возможному минимуму. Съ другой стороны каждому практику хорошо извѣстны преимущества свободнаго и дѣльнаго изустнаго доклада дѣла передъ скучнымъ чтеніемъ длиннаго приговора (куда, напр., многіе единоличные судьи переписываютъ безъ всякой разработки почти все дѣло такъ, что приговоръ не вноситъ въ дѣло ничего новаго) и апелляціонной жалобы (сплошь и рядомъ написанной безграмотно и безтолково).

Всѣмъ до сихъ поръ сказаннымъ я отнюдь не желаю умалить несомнѣнныя достоинства труда проф. Духовскаго.

Въ книгѣ много хорошаго: правильная постановка цѣлаго ряда вопросовъ, ясность изложенія, постоянное напоминаніе о необходимости чтить принципы судебныхъ уставовъ Императора Александра II *въ ихъ первоначальной чистотѣ*, правильная критика многихъ постановленій дѣйствующаго права,—все это обличаетъ профессора—знатока дѣла.

Отмѣчу въ заключеніе нѣсколько положеній учебника, заслуживающихъ вниманія по своимъ безспорнымъ достоинствамъ.

Авторъ рѣшительный противникъ административныхъ наказаній; правильно понимаетъ независимость судьи, какъ неподчиненіе „никакой другой власти, кромѣ власти суда и закона" (стр. 38); указываетъ, что судья долженъ быть независимъ не только отъ администраціи, но и отъ лицъ, стоящихъ во главѣ судебнаго вѣдомства, „а потому онъ не можетъ стоять въ такомъ подчиненіи отъ министра юстиціи, какое регулируетъ отношенія служащихъ въ другихъ министерствахъ" (стр. 39). При этомъ авторъ цитируетъ прекрасныя слова Н. В. Муравьева: „Не долженъ онъ (судья) опасаться утѣсненія и въ томъ случаѣ, *если личность его кому-нибудь не понравилась*, или мѣсто его кому-нибудь понадобилось. Онъ можетъ безмятежно отправлять свои обязанности и пользоваться преимуществами даннаго служебнаго своего положенія, пока *высшій судъ* не признаетъ его *въ установленномъ порядкѣ* недостойнымъ носить званіе судьи".

Говоря о дѣятельности судьи, авторъ указываетъ на необходимость остерегаться бездушнаго формализма, цитируя слова Н. В. Муравьева, требующаго отъ судебныхъ дѣятелей „*широкаго пониманія вещей и перевѣса истинной сущности надъ внѣшней оболочкой*".

Авторъ признаетъ необходимость единаго и равнаго для всѣхъ суда, поэтому отрицательно относится къ такимъ явленіямъ, какъ подсудность военныхъ за общія преступленія спеціальнымъ судамъ. Само собою разумѣется, что передача судебныхъ функцій земскимъ начальникамъ находитъ въ немъ рѣшительнаго противника.

Указывая на огромную важность единаго кассаціоннаго суда, авторъ отрицательно относится къ проекту раздробленія кассаціонныхъ функцій. Основные принципы судопроизводства изложены сжато, но ясно и рельефно. Авторъ энергично протестуетъ противъ всякаго посягательства на нихъ (напр. сокращеніе гласности, публичности). Заслуживаютъ вниманія замѣчанія объ опасностяхъ соединеннаго процесса. Правильно отмѣчается слабая сторона судебныхъ уставовъ о правахъ потерпѣвшаго и требуются реформы въ этомъ важномъ дѣлѣ. Очень цѣнны замѣчанія о роли защиты (вовсе не „обѣленіе во что бы то ни стало“), о необходимости улучшенія положенія судебныхъ слѣдователей (авторъ противъ соединенія функцій судьи и слѣдователя) для улучшенія краеугольнаго камня процесса—предварительнаго слѣдствія, объ опасности расширенія правъ полиціи въ уголовномъ процессѣ, о судебныхъ рѣчахъ (неумѣстность театральныхъ эффектовъ, загроможденія рѣчи ненужными подробностями, расчитанными лишь на пріобрѣтеніе ораторомъ дешевыхъ лавровъ) и т. д.

Всѣ эти свѣтлыя стороны учебника еще разъ должны быть поставлены въ заслугу автору; въ наше время отсутствія идеаловъ необходимо почаще напоминать будущимъ судебнымъ дѣятелямъ ad perpetuam rei memoriam слѣдующія слова изъ дневника Аміеля „Идеалъ въ сущности болѣе истиненъ, чѣмъ сама реальность, потому что идеалъ есть вѣчный моментъ вещей гибнущихъ: онъ ихъ типъ, ихъ число, ихъ причина существованія, ихъ формула въ книгѣ Творца; слѣдовательно, онъ есть ихъ вѣрнѣйшее и въ то же время кратчайшее выраженіе“.

Приватъ-доцентъ **І. В. Михайловскій.**

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва:

А. В. Пѣшехоновъ.—На очередныя темы. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Изд. журнала „Русское Богатство“. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Д. М. Гольденовъ.—Опека надъ расточителями. Сводъ дѣйствующихъ узаконеній и разъясненій. Спб. 1904 г. Ц. 50 коп. Стр. 67.

В. А. Перелешинъ.—О дѣятельности земства въ отношеніи къ поземельному кредиту для малоземельнаго крестьянства Воронежской губерніи съ реформы 1861 г, по 1903 г. Воронежъ. 1903 г. Стр. 23.

Н. И. Арефа.—Уставъ государственнаго банка, по оффиціальному изданію 1895 г. съ измѣненіями на основаніи позднѣйшихъ узаконеній и съ приведеніемъ сенатскихъ и министерскихъ разъясненій, а также правилъ о коммерческихъ операціяхъ банка и свѣдѣній о банковыхъ операціяхъ казначействъ. Изд. 2-ое. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 коп. Стр. 220.

А. Ф. Поворинскій.—Систематическій указатель русской литературы по гражданскому праву. Изд. 2-ое. Спб. 1904 г. Ц. 4 р. 50 к. Стр. XXI+896.

А. И. Гиллерсонъ.—Защитительныя рѣчи по дѣламъ уголовнымъ. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к. Стр. VIII+266.

И. Бердниковъ.—Новое государство въ его отношеніи къ религіи (Къ вопросу о свободѣ совѣсти). Изд. 2-ое. Казань. 1904 г. Ц. 50 коп. Стр. 68.

С. П. Никоновъ.—Гражданское право. Указатель литературы. Харьковъ. 1904 г. Стр. 127+VII.

ГРАЖДАНСКАЯ ХРОНИКА.

Юбилей Наполеонова кодекса.—Мысли по поводу отчета юридическаго общества. — Судьбы гражданскаго уложенія. — Законъ 10 марта 1903 г. въ толкованіи Сената.

8 марта Франція справляла столѣтній юбилей своего кодекса. Сто лѣтъ тому назадъ онъ назывался кодексомъ Французовъ, черезъ три года былъ нареченъ кодексомъ Наполеона. Великій Императоръ нашелъ, что кодексъ равенъ ему въ величіи и достоинъ носить его имя.

Составители кодекса съ первыхъ же дней его существованія видѣли въ немъ нѣчто большее, чѣмъ законодательный актъ, суммирующій гражданское право въ предѣлахъ опредѣленной территоріи. Онъ былъ для нихъ явленіемъ не національнымъ, а міровымъ. „Кодексъ явится не только благодѣяніемъ для Франціи, но и новымъ звеномъ, связующимъ народы.... Взирая на страны, гдѣ онъ уже дѣйствуетъ, гдѣ онъ *будетъ еще дѣйствовать*, его нельзя считать ничѣмъ инымъ, какъ только общимъ правомъ всей Европы (le droit commun de l'Europe)“ И самое переименованіе его въ 1807 году изъ кодекса Французовъ въ кодексъ Наполеона связывалось не только съ порывомъ воцарившагося имперіализма, но именно съ этой сверхтерриторіальностью кодекса:

„Названіе „Гражданскій Кодексъ Французовъ“ было достаточно, пока примѣненіе его не выходило за предѣлы Франціи; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ распространился среди многихъ народовъ, необходимо дать ему названіе, которое было бы ему свойственно въ каждой странѣ. Онъ и введенъ уже въ нѣкоторыя страны подъ

именемъ, выборъ котораго долженъ былъ бы быть внушенъ уже одною благодарностью, если бы въ этомъ не сказалась вмѣстѣ съ тѣмъ дань, приносимая самою истиною тому, кому это великое творенiе обязано своимъ возникновенiемъ,—тому, кто отпечатлѣлъ безсмертныя черты своего творческаго генiя и въ общемъ планѣ творенiя и въ отдѣльныхъ его частяхъ".

Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько въ самомъ дѣлѣ творческiй генiй Наполеона участвовалъ въ созиданiи кодекса, но для насъ несомнѣнно, что небывалымъ по быстротѣ распространiемъ своимъ по всей Европѣ кодексъ обязанъ былъ именно генiю Наполеона. Это наполеоновская гвардiя разносила кодексъ на концахъ своихъ штыковъ. Добровольное преклоненiе передъ нимъ, увлеченiе его внутренними достоинствами явились только впослѣдствiи; по началу же онъ насаждался силою, властью побѣдителя. И насажденiе шло такъ быстро, что вскорѣ дѣйствительно кодексъ могъ по справедливости именоваться „общимъ правомъ Европы". Надъ нимъ прошелъ XIX вѣкъ—вѣкъ повсемѣстнаго остраго возбужденiя нацiональныхъ чувствъ, почти поголовнаго стремленiя народовъ Европы очищать свои нивы отъ чужеземныхъ сѣмянъ,—и тѣмъ не менѣе теперь еще, на порогѣ двадцатаго вѣка, праздникъ Наполеонова кодекса является праздникомъ далеко не одной Францiи; въ чистомъ ли видѣ или съ небольшими измѣненiями, кодексъ является и теперь еще своимъ, дѣйствующимъ закономъ, во многихъ мѣстахъ континента, далеко за предѣлами Францiи.

Онъ и намъ не чужой: мы связаны съ нимъ узами довольно тѣсными—онъ есть дѣйствующiй законъ для Царства Польскаго—а было время, когда эти узы могли стать еще тѣснѣе. Сперанскiй создалъ было проектъ гражданскаго уложенiя (проектъ 1810), который явился точнымъ сколкомъ съ кодекса. И кто знаетъ: если бы не патрiотическiй взрывъ, повергнувшiй въ опалу Сперанскаго, быть можетъ „сiя книжка, слѣпленная шестью или семью эксъ-адвокатами и эксъ-якобинцами," была бы таки открыто возложена—несмотря на эмфатическое возмущенiе Карамзина—„на святый алтарь отечества". Этого не случилось: открыто возложенъ былъ на алтарь отечества X томъ Свода законовъ, но подъ этимъ патрiотическимъ переплетомъ провезено было, какъ извѣстно, въ предѣлы отечества не мало „эксъ-адвокатской и эксъ-якобинской" контрабанды. Учесть степень влiянiя, которое произвели на гражданско-правовой строй русской жизни эти контрабандныя нормы,

трудно; огромная доля ихъ вліянія была парализована тѣмъ, что французскія нормы, при тайномъ провозѣ ихъ въ нашъ Сводъ, подверглись искаженію, и что замаскированность первоисточника закрывала путь къ правильному толкованію, основанному на изученіи первоисточника. Зато не только можно, но и должно учесть вліяніе Французскаго кодекса тамъ, гдѣ онъ былъ введенъ явно и гдѣ въ теченіе почти цѣлаго вѣка дѣйствуетъ,—мы разумѣемъ Царство Польское.

Кодексъ былъ введенъ въ Царство Польское—тогда Варшавское герцогство—согласно Наполеоновской конституціи 1807 года. Онъ прививался къ новымъ условіямъ довольно туго. Эмансипаціонные принципы, положенные въ основу кодекса, не сразу пришлись по плечу польскому обществу. Они прежде всего встрѣтили отпоръ со стороны духовенства, которое отказывалось признавать не-церковный характеръ брака, протестовало противъ предписаній кодекса о регистраціи разводовъ по взаимному соглашенію и не мирилось съ передачею дѣлъ брачныхъ въ вѣдѣніе свѣтскаго суда. Представители крупной земельной собственности роптали противъ тенденціи кодекса устранить на всегда связанность земельнаго владѣнія: ст. 530 кодекса гласила, что всякія стѣсненія земельной собственности напередъ признаются подлежащими выкупу, причемъ стороны лишены права отсрочить этотъ выкупъ долѣе, чѣмъ на 30 лѣтъ. Система ипотеки, вводимая кодексомъ, оказалась слишкомъ сложною для страны, которая въ собственномъ законодательномъ опытѣ имѣла запасъ гораздо болѣе совершенныхъ формъ ипотечной системы. Имущественныя отношенія между супругами, начала наслѣдственнаго права, формы завѣщаній—всѣ эти заимствованныя въ значительной мѣрѣ изъ французскаго обычнаго права и не составлявшія „всеобщаго разума народовъ", части кодекса казались чуждыми обществу, далекому отъ условій, въ которыхъ заимствованныя нормы выросли. И наконецъ чуждый языкъ кодекса, введеннаго въ дѣйствіе и продолжающаго и донынѣ оффиціально дѣйствовать не на доступномъ населенію языкѣ—а на непонятномъ огромной массѣ языкѣ оригинала. Этотъ языкъ былъ чуждъ не только населенію, но и самимъ судьямъ, которые, за неимѣніемъ не только оффиціальнаго, но и сноснаго частнаго перевода на польскій языкъ, пользовались одно время даже латинскимъ переводомъ кодекса, болѣе для нихъ доступнымъ чѣмъ французскій оригиналъ. Къ внутреннимъ причинамъ присоединялись и внѣшнія. Побѣда надъ Наполеономъ вызвала и въ правящихъ

сферахъ враждебное чувство къ кодексу,—чувство, продиктовавшее Александру I еще въ Парижѣ (въ 1814 г.) рескриптъ о полной отмѣнѣ кодекса.

Всѣ эти условія повергали и общество и законодательную власть въ возбужденное состояніе. Общество домогалось перемѣнъ, законодательство въ большей или меньшей степени шло ему навстрѣчу. Уже съ перваго года потянулись законодательныя новеллы въ отмѣну отдѣльныхъ постановленій кодекса, за ними шли и связные проекты новаго уложенія; засѣдали коммисіи и комитеты; отъ законченныхъ проектовъ новыхъ кодексовъ отрывались части и снабжались законодательною санкціею; выпадали такимъ образомъ части кодекса, и на ихъ мѣсто становились новыя. Тридцать лѣтъ длился этотъ мучительный процессъ прививки новыхъ нормъ къ чуждой имъ почвѣ, но результаты его оказались благотворными. Пока шли предположенія о перемѣнахъ и строились разрушительные планы, населеніе годъ за годъ все болѣе свыкалось съ новымъ закономъ и переставало считать его чужимъ. И въ результатѣ даже тѣ законопроекты, которые съ архитектурной стороны были расчитаны на замѣну цѣлыхъ частей кодекса, въ существѣ своемъ стали повторять постановленія кодекса, съ измѣненною нумераціею статей. Такъ гражданское уложеніе 1825 года, предназначенное замѣнить и дѣйствительно замѣнившее всю первую книгу кодекса (о лицахъ), на дѣлѣ реформировало—и то не совсѣмъ радикально—только характеръ брака и отношенія супруговъ по имуществу.

Въ концѣ концовъ кодексъ вышелъ изъ борьбы съ небольшими лишь изъянами; заплаты, на нихъ положенныя, оказались пригнанными очень удачно; присочиненныя части плотно приросли къ живому тѣлу кодекса, и съ тѣхъ поръ—начиная съ тридцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія—воцаряется стройная законодательная система, не вызывающая болѣе ни нареканій, ни значительныхъ реформаторскихъ попытокъ.

Сорокалѣтіе, слѣдовавшее за изданіемъ послѣдняго законодательнаго акта этой серіи—положенія о союзѣ брачномъ 1836 года—должно быть признано наиболѣе нормальнымъ періодомъ дѣйствія Наполеонова кодекса. Постепенно сказывались блага кодифицированнаго законодательства: опредѣленность правоотношеній, подвижность гражданскаго оборота при обезпеченности правъ; законъ все болѣе проникалъ въ сознаніе общества; судебная практика, создаваемая мѣстными силами, умѣло комбинировала авторитетныя для нея рѣшенія французскихъ судовъ и ученія французскихъ комментаторовъ съ мѣстными условіями и потребностями.

Въ 1876 году введена въ Царство Польское судебная реформа. Благодѣяніе для всей Россіи, она здѣсь, на окраинѣ, имѣла свои тѣневыя стороны, ибо она преслѣдовала здѣсь не однѣ только прямыя свои задачи. Вѣнецъ судебной реформы, принципъ централизаціи толкованія закона въ рукахъ кассаціоннаго сената, имѣлъ глубокій смыслъ, поскольку дѣло касалось толкованія одного общеимперскаго закона. По отношенію къ окраинѣ, управляемой особымъ закономъ, изученіе котораго требуетъ многихъ лѣтъ труда и судейскаго опыта, передача верховной судебной функціи въ руки коллегіи, засѣдающей въ Петербургѣ и завѣдомо состоящей въ огромной части своей изъ людей, въ данномъ законѣ мало свѣдущихъ, могло покоиться исключительно на соображеніяхъ не судебнаго свойства. До судебной реформы толкованіе закона было ввѣрено мѣстному (IX-му) департаменту сената, состоявшему исключительно изъ судей мѣстныхъ; судьи эти проходили всю свою служебную карьеру на изученіи кодекса и на примѣненіи его къ мѣстнымъ условіямъ жизни. Едва ли приходится доказывать, что для примѣненія такого сложнаго законодательнаго акта, какъ кодексъ, недостаточно въ подлежащемъ случаѣ открыть указанную тяжущимся статью и разрѣшать сомнѣнія о смыслѣ ея по непосредственному впечатлѣнію отъ одного, обособленнаго текста. А на что же больше можно разсчитывать, когда на судей, проведшихъ весь вѣкъ въ толкованіи общеимперскаго закона, возлагается, въ числѣ огромной массы прочихъ дѣлъ, обязанность заниматься отъ времени до времени разрѣшеніемъ весьма нелегкихъ проблеммъ кодекса? Понятно, при такихъ условіяхъ, что въ лучшемъ случаѣ дѣло сводится къ заимствованію сужденія отъ имѣющагося въ библіотекѣ случайнаго комментатора; бо̀льшаго и требовать нельзя. Въ составъ сенатской коллегіи назначаются, правда, и судьи, прошедшіе службу на мѣстѣ. Но ихъ такъ мало, а главное: если бы хоть имъ однимъ предоставлено было судить... А вѣдь на дѣлѣ судятъ и голосуютъ всѣ. Сложнѣйшій законодательный памятникъ, надъ разработкою котораго трудились въ теченіе цѣлаго столѣтія и не перестаютъ трудиться теперь тысячи умовъ,—предполагается доступнымъ непосредственному восріятію совершенно такъ, какъ будто бы рѣчь шла объ уставѣ о гербовомъ сборѣ, или положеніи объ управленіи казачьихъ войскъ.

Организація мѣстной юстиціи также не могла не отразиться на судьбѣ кодекса. Мѣстные элементы не допускаются къ занятію судейскихъ мѣстъ; въ составѣ судей имѣются изъ мѣстныхъ людей немногочисленные ветераны, доживающіе свой вѣкъ на тѣхъ мѣ-

стахъ, на которыхъ ихъ застала судебная реформа. Отправленіе гражданскаго правосудія сосредоточивается такимъ образомъ и на мѣстѣ въ рукахъ лицъ, не выросшихъ на школѣ кодекса, начавшихъ свою карьеру въ другихъ условіяхъ и только и ждущихъ, какъ на этапномъ пунктѣ, обратнаго перемѣщенія туда, откуда они явились, съ надлежащимъ повышеніемъ за отбытую тяжелую службу. О степени подготовки этихъ людей и говорить не приходится.

Намъ лично приходилось видѣть, какъ предсѣдатель департамента мѣстной судебной палаты садился на университетскую скамью и, наравнѣ со студентами, въ теченіе цѣлаго года изучалъ, тщательно ведя записки, курсъ гражданскаго права. Эта рѣдкая откровенность дѣлаетъ, конечно, честь личному характеру того, кто на нее рѣшился; но она обнажаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ язву мѣстнаго правосудія; вѣдь въ перерывѣ между двумя лекціями предсѣдателю приходилось разрѣшать самые запутанные случаи изъ области того же кодекса, которому онъ только еще учился. А что если казусъ выплылъ раньше, чѣмъ о немъ успѣлъ повѣдать профессоръ?

Естественное при такихъ условіяхъ ухудшеніе судебной практики шло рука объ руку съ полнымъ почти замираніемъ юридической литературы.

Введеніе французскаго кодекса вообще отозвалось вредно на научномъ творчествѣ. Обнаружившіяся было въ концѣ XVIII вѣка попытки систематизаціи и обработки польскаго права заглохли, такъ какъ на сцену явился новый законодательный актъ, отодвинувшій все прочее на задній планъ. Этотъ законодательный актъ почти сразу явился окруженный плеядою блестящихъ комментаторовъ, ослѣпляющихъ утонченностью словеснаго анализа, подавляющихъ объемомъ исполненной уже работы. Французскіе комментаторы и завладѣли судебной практикою, навязали ей свои методы и воззрѣнія и сдѣлали какъ бы излишнимъ самостоятельное творчество.

Однако послѣ первыхъ десятилѣтій и это вредное вліяніе постепенно стало сглаживаться; въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ появляются уже значительныя попытки овладѣть матеріаломъ новаго законодательства; онѣ исходятъ и отъ судебной магистратуры и отъ представителей науки. Достаточно вспомнить труды Воловскаго и Езіоранскаго надъ систематическимъ комментаріемъ къ кодексу, классическую работу Дуткевича объ ипотечномъ правѣ.

Но въ 1876 году былъ закрытъ мѣстнымъ, наиболѣе приспособленнымъ и къ научной дѣятельности, силамъ доступъ въ судебную магистратуру, а съ 1870 года, со времени преобразованія Варшав-

ской главной школы въ университетъ, имъ же закрытъ доступъ и къ университетской кафедрѣ. Послѣднiй доживавшiй на кафедрѣ могиканъ былъ до конца восьмидесятыхъ годовъ Голевинскiй, но онъ стоялъ уже одиноко, не было кругомъ готовящагося ему на смѣну поколѣнiя, интересъ къ научной обработкѣ гражданскаго права въ обществѣ сталъ глохнуть все больше и больше. И кафедра гражданскаго права стала переходить въ руки рыцарей на часъ, торопящимихся поскорѣе уйти отъ тягостнаго искуса, необходимаго только для того, чтобы шагнуть на слѣдующую ступень профессорской карьеры...

Не въ праздничной обстановкѣ справляетъ у насъ юбилей свой Наполеоновъ кодексъ.

* * *

Напечатанный въ предыдущей книгѣ нашего журнала отчетъ Юридическаго Общества за 1903 годъ наводитъ на грустныя размышленiя. Дѣятельность гражданскаго отдѣленiя общества, и безъ того не слишкомъ оживленная, значительно ослабѣла: за истекшiй годъ въ гражданскомъ отдѣленiи прочитаны были всего четыре реферата, изъ нихъ два однимъ и тѣмъ же лицомъ. Отчетъ пытается объяснить затишье въ области цивилистики тѣмъ, что „всѣ почти дѣятельныя силы отдѣленiя направились къ трудамъ по разсмотрѣнiю проектовъ гражданскаго уложенiя въ особой коммисiи", въ которую „приглашены" были 16 членовъ Общества. Однако изъ отчетовъ прошлыхъ лѣтъ не видно, чтобы именно нынѣшнiе члены коммисiи были особенно дѣятельны и въ прошлые годы. Да и „приглашенныя" въ коммисiю лица далеко не всѣ приняли въ ея трудахъ участiе. Протоколы коммисiи появятся въ ближайшемъ будущемъ на страницахъ нашего журнала: чтенiе ихъ обнаружитъ, что изъ числа „приглашенныхъ" шестнадцати откликнулось на призывъ всего человѣкъ 7—8. Особенно же характерно, что въ числѣ откликнувшихся не оказывается ни одного представителя университетской каѳедры. Гдѣ же дѣятельныя силы столичнаго юридическаго общества? Въ спискѣ членовъ именъ много, а ряды работниковъ такъ безнадежно рѣдки...

Между тѣмъ моментъ таковъ, что, казалось бы, гражданскому отдѣленiю только и проявлять свою дѣятельность. 1903-й годъ замыкаетъ въ гражданско-правовой жизни Россiи двадцатилѣтiе работъ надъ Гражданскимъ Уложенiемъ. Полтораста лѣтъ Россiя собиралась составлять единый полный кодексъ. Онъ теперь состав-

ленъ: въ истекшемъ году зданіе подведено подъ крышу,—изданы послѣднія, общія положенія будущаго кодекса. Начало работъ надъ Гражданскимъ Уложеніемъ совпало съ годами юности нашего Общества. Учрежденное въ 1877 году, Общество на первыхъ порахъ было призвано тогдашнимъ министромъ юстиціи, Д. Н. Набоковымъ, въ весьма лестныхъ и теплыхъ выраженіяхъ къ „облегченію обширнаго и сложнаго труда, возложеннаго на коммисію". Въ письмѣ къ предсѣдателю общества, Н. И. Стояновскому, указывалось „на ту существенную пользу, которую могло бы принести просвѣщенное содѣйствіе Общества собранію и разработкѣ матеріаловъ по гражданскому праву". (Юридическое Общество за 25 лѣтъ, СПб. 1902 г. стр. 14).

На этотъ призывъ Общество съ восторгомъ юности откликнулось быстро смѣнявшими другъ друга докладами Спасовича и Пахмана, „соображеніями по поводу этихъ докладовъ" К. Д. Кавелина.

Доклады касались предмета, системы, метода кодификаціи. Въ сужденія о задачахъ уложенія вносилась струя общественнаго интереса, люди науки шли охотно на службу дѣлу, которое и по существу своему, и по органу, которому оно ввѣрялось, должно было стать par excellence общественнымъ.

Въ этомъ юномъ порывѣ чувствовалась еще закваска шестидесятыхъ годовъ; доживала еще въ сердцахъ вѣра въ возможность и плодотворность общественнаго почина.

Но люди науки отстали очень быстро, а органъ не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ. Наступила морозная пора восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ, и—увы—въ эти именно морозные годы пришлось зрѣть Гражданскому Уложенію.

Порыва шестидесятыхъ годовъ не хватило на обновленіе гражданской жизни гражданскимъ закономъ. Работа, исполненная тогда, явилась необходимою предпосылкою къ устроенію гражданской жизни: безъ освобожденія крестьянъ, безъ организаціи суда немыслимо было и думать о гражданскомъ законѣ. Но самый процессъ созиданія этихъ первоосновъ гражданской жизни по необходимости слишкомъ много отвлекалъ вниманія въ сторону политическаго элемента, оставляя слишкомъ мало мѣста соціальному—подчасъ подвергая его даже урѣзыванію и искаженію; для Гражданскаго Уложенія было еще рано. А когда затѣмъ первоосновы оказались обезпеченными—волна возбужденія уже успѣла отойти, и творить приходилось въ глухой пустынѣ.

Въ шестидесятыхъ годахъ у насъ не было Юридическаго Общества,—организованнаго союза лицъ, призваннаго вносить свѣтъ, между прочимъ, и въ юридико-общественные вопросы текущей дѣйствительности. Но потребность въ единеніи была такъ велика, что союзы создавались сами собою; извѣстно, сколько инціативы и возбужденія исходило отъ частныхъ, юношескихъ и зрѣлыхъ, профессорскихъ и не-профессорскихъ, кружковъ въ эпоху великихъ реформъ. Казалось бы, Юридическое Общество организованное, вмѣщающее въ своемъ составѣ представителей науки, администраціи и широкихъ общественныхъ круговъ, особливо призвано было стать средою, въ которой проявилось бы взаимодѣйствіе творческихъ силъ общества; оно могло и должно было стать трибуною, съ которой законопроекты, имѣющіе обновить весь гражданскій строй, могли подвергаться гласному обсужденію съ точки зрѣнія интересовъ и воззрѣній разнородныхъ общественныхъ группъ. И въ первую очередь, конечно, съ точки зрѣнія взглядовъ нашихъ ученыхъ сферъ,—тѣхъ, кто въ области гражданскаго законодательства, по нѣкоторымъ техническимъ соображеніямъ, являются часто наиболѣе компетентными, и которые однако, по нѣкоторымъ—тоже своего рода техническимъ—соображеніямъ, оказываются у насъ почти-что вовсе устраненными отъ непосредственнаго участія въ законодательной работѣ. И тѣмъ не менѣе итоги дѣятельности этихъ ученыхъ сферъ въ лонѣ юридическаго общества сводятся къ слѣдующему.

За 25 лѣтъ существованія Общества—такъ свидѣтельствуетъ изданный 2 года тому назадъ юбилейный сборникъ Общества—въ гражданскомъ отдѣленіи Юридическаго Общества прочитанъ былъ всего 1 (читай *одинъ*) рефератъ профессоромъ-цивилистомъ—въ 1882 году: это былъ рефератъ С. В. Пахмана. Къ намъ заходили иногда профессора читать доклады—но не цивилисты, а случайные гости изъ другихъ отдѣленій. Такъ читалъ въ гражданскомъ отдѣленіи И. Я. Фойницкій, такъ читалъ И. Е. Андреевскій.

За 25 лѣтъ существованія Общества ни разу профессоръ-цивилистъ не сталъ во главѣ гражданскаго отдѣленія; этотъ фактъ особенно бросается въ глаза по сравненію съ уголовнымъ отдѣленіемъ, которымъ руководили въ свое время Таганцевъ, Фойницкій, Сергѣевскій, Случевскій. Редакціонные комитеты отдѣленій состоятъ изъ 5 лицъ, избираемыхъ ежегодно: за 25 лѣтъ существованія Общества не было ни одного случая избранія профессора въ члены редакціоннаго комитета гражданскаго отдѣленія; такъ мало была замѣтна

ихъ роль въ жизни Общества. Гражданское отдѣленіе? этомъ сознаться—двигалось все это время усиліями того же самаго небольшаго кружка лицъ, которому была ввѣрена и сама кодификаціонная работа.

Во главѣ отдѣленія стояли въ теченіе многихъ лѣтъ А. А. Книринъ и I. И. Карницкій,—предсѣдатели кодификаціонной коммисіи; въ составѣ редакціонныхъ комитетовъ непрерывно числятся члены кодификаціонной коммисіи; значительное число рефератовъ возникало по иниціативѣ руководителей той же коммисіи и обсуждалось при ихъ ближайшемъ участіи. Составленная по преимуществу изъ представителей магистратуры, коммисія сама какъ будто искала опоры въ Обществѣ, въ представителяхъ науки; она, повидимому, ощущала потребность въ живомъ общеніи съ иной сферой, и для удовлетворенія этой потребности избрала органъ, наиболѣе при нашихъ условіяхъ для того приспособленный; но всѣ ея усилія оказались тщетными. Отклика не было,—ученыя сферы торжественно молчали.

Общественное явленіе, съ такою правильностью повторяющееся въ теченіе многихъ лѣтъ, обусловливается, очевидно, слишкомъ глубокими причинами, чтобы можно было здѣсь прилагать категоріи правыхъ и виноватыхъ. Но явленіе само по себѣ въ высшей степени характерно, и, какъ таковое, должно быть отмѣчено. Оно должно быть отмѣчено именно теперь, когда въ широкихъ общественныхъ кругахъ опять начинаетъ биться сильнѣе пульсъ жизни, и молодыя интеллигентныя силы ищутъ своего приложенія въ творческой внутренней работѣ. Гражданское законодательство—и въ особенности единое кодифицированное гражданское законодательство—такъ же, какъ и другія стороны общественнаго строя, зрѣетъ быстро только при температурѣ высокаго давленія. Эта температура можетъ создаваться, какъ она создавалась на западѣ, подъ вліяніемъ національнаго возбужденія, идущаго извнѣ: такъ кодифицировался гражданскій законъ сто лѣтъ тому назадъ во Франціи, такъ онъ кодифицировался на нашихъ глазахъ въ Германіи. Но оно можетъ возникать и инымъ путемъ, безъ внѣшнихъ импульсовъ, какъ оно возникало у насъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, какъ оно, повидимому, возникаетъ и теперь.

Волна общественнаго интереса направляется прежде всего и непосредственно на верхи, на тѣ точки, въ которыхъ гражданское законодательство соприкасается съ публично-правовою сферою,—на гражданско-правовое уравненіе половъ, сословій, національностей,

на раскрѣпощеніе личности въ области семейнаго союза, на разрушеніе архаическаго строя наслѣдственнаго права; но разъ оказавшись въ движеніи, потокъ захватываетъ скоро и остальныя части гражданскаго законодательства. Задача нашихъ общественныхъ, и по преимуществу ученыхъ, силъ,—если онѣ не желаютъ остаться бездѣйствующими созерцателями,—ускорить этотъ моментъ, приложить свое умѣніе къ тому, чтобы путемъ воздѣйствія въ литературѣ, въ публицистикѣ, въ ученомъ обществѣ вдохнуть духъ живой въ собираемое огромными усиліями зданіе нашего гражданскаго законодательства. Юридическое общество можетъ явиться очагомъ такой именно дѣятельности.

* *
*

Законъ 10 мая 1903 года, ограничивающій права евреевъ на пріобрѣтеніе земельной собственности, уже дождался сенатскаго разъясненія. Оно пропечатано подъ № 117 въ только что полученныхъ листахъ кассаціонныхъ рѣшеній.

Необычная быстрота, съ которою преподано разъясненіе совсѣмъ молодого закона (рѣшеніе состоялось еще въ сентябрѣ 1903 года), объясняется тѣмъ, что сенатъ самъ возбудилъ вопросъ о примѣненіи закона, котораго ни судъ, ни палата не имѣли и не могли еще имѣть въ виду. Такой пріемъ, оправдываемый въ рѣшеніи сената исключительно утилитарными соображеніями, представляется уже на первый взглядъ нѣсколько рискованнымъ, а со стороны кассаціоннаго сената даже неожиданнымъ. Сенатъ самъ взлелѣялъ теорію кассаціоннаго невмѣшательства: по мнѣнію сената, онъ не обязанъ и даже не вправѣ розыскивать нарушенія закона, неуказанныя въ кассаціонной жалобѣ; мало того: онъ долженъ закрывать на нихъ глаза, даже если ясно, безъ розысковъ, видитъ ихъ. Теорія эта въ общемъ видѣ кажется намъ болѣе чѣмъ сомнительною. Ригоризмъ ея не соотвѣтствуетъ ни требованію правильно понятаго закона, ни основной задачѣ кассаціоннаго суда.

Задача и достоинство кассаціоннаго суда не только не возбраняютъ, но предписываютъ ему возбуждать вопросъ о примѣнимости закона, ни стороною ни судомъ неуказаннаго: curia novit leges. Но изъ этого нисколько однако не слѣдуетъ, чтобы законъ, въ особенности такой, котораго *нельзя было* указать ранѣе, котораго не было въ виду ни у суда, ни у сторонъ, подвергался бы, безъ крайней надобности, истолкованію со стороны сената безъ предоставленія суду

и сторонамъ возможности разобраться въ условіяхъ, созданныхъ новымъ закономъ,—уяснить истинный его смыслъ. Вопросы толкованія—не грѣхъ въ этомъ сознаться и верховному судилищу — подчасъ значительно выигрываютъ и отъ прохожденія черезъ горнило низшихъ инстанцій и даже - отъ состязанія сторонъ.

Сенатъ однако не только возбудилъ, но и разъяснилъ вопросъ. Разъясненіе состоялось при слѣдующихъ условіяхъ. Старшій нотаріусъ отказалъ въ утвержденіи купчей, совершенной *въ Октябрѣ 1902 года*, находя, что покупщикъ-еврей, по своему сословному положенію, не имѣетъ права пріобрѣтать землю. И судъ и палата съ этимъ согласились, но сенатъ призналъ всѣ соображенія палаты неправильными. Однако—замѣчаетъ сенатъ—въ промежутокъ времени между рѣшеніемъ палаты и слушаніемъ дѣла въ сенатѣ появился новый законъ, которымъ воспрещено „впредь до пересмотра въ законодательномъ порядкѣ постановленій о евреяхъ совершеніе отъ имени и въ пользу евреевъ актовъ, служащихъ къ укрѣпленію за ними права собственности...“, слѣдовательно, въ случаѣ отмѣны рѣшенія палаты, старшему нотаріусу, когда онъ приступитъ къ утвержденію акта, придется считаться съ этимъ новымъ закономъ и вновь отказать въ утвержденіи купчей. Вслѣдствіе этого „отмѣна опредѣленія палаты, какъ не могущая повліять на ходъ дѣла въ благопріятномъ для просителей смыслѣ, не можетъ имѣть мѣста“. Устанавливается такимъ образомъ *во первыхъ*, что необходимо считаться съ тѣмъ закономъ, который дѣйствуетъ въ моментъ утвержденія акта; эта теорія, созданная сенатомъ еще въ 1900 году (рѣш. № 48), нынѣ подтверждается; но тутъ же рядомъ устанавливается *во вторыхъ*, что отмѣна рѣшенія не можетъ имѣть мѣста, ибо нынѣ, въ моментъ совѣщанія, происходящаго въ залѣ гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, такого то мѣсяца и года, существуетъ законъ, препятствующій утвержденію акта. Казалось бы, что-нибудь одно. Если въ самомъ дѣлѣ рѣшающимъ явится моментъ, когда старшій нотаріусъ приступитъ къ обряду утвержденія, то отчего правительствующій сенатъ предвосхищаетъ обстановку этого момента? Отчего онъ нынѣ, въ засѣданіи, происходящемъ въ опредѣленный день и часъ, уже ставитъ себя въ положеніе старшаго нотаріуса, утверждающаго актъ, и рѣшаетъ, что актъ утвержденію не подлежитъ. Если вѣрна теорія, что *совершеніе* акта не имѣетъ значенія, а значеніе для вопроса о правоспособности имѣетъ моментъ *утвержденія*, то изъ этого слѣдуетъ, что всѣ из-

мѣненія въ дѣйствующемъ законѣ *до момента утвержденія* ставятся на рискъ и страхъ контрагенту, какъ въ положительную, такъ и въ отрицательную сторону: если съуженіе его правъ въ этотъ промежутокъ должно ему вредить, то расширеніе должно ему идти въ прокъ. И до самаго того момента, когда должно послѣдовать утвержденіе акта, никто—въ томъ числѣ и правительствующій сенатъ—не вправѣ брать на себя роль вѣщателя будущихъ событій и утверждать, что въ тотъ моментъ, когда, по ходу событій, послѣ возвращенія дѣла по инстанціямъ внизъ, дѣло дойдетъ до старшаго нотаріуса, еврей все еще будетъ неправоспособенъ. А что если завтра законъ будетъ отмѣненъ? Законы, исходящіе изъ болѣе непреложныхъ и вѣчныхъ началъ, подвержены измѣненіямъ, а законы, основанные на соображеніяхъ столь временныхъ и исключительныхъ, и подавно; считаетъ же нужнымъ самъ законодатель предварить читателя, еще ранѣе чѣмъ онъ успѣетъ перейти къ содержанію закона, что все сіе создано только—„впредь до пересмотра". По нашему времени мы съ вами, читатель, можемъ съ скептическою улыбкою читать эту фразу и слушать съ недовѣріемъ размышленія объ измѣнчивости законовъ ограничительныхъ, но если гдѣ такой скептицизмъ неумѣстенъ, то именно въ сужденіяхъ нашего верховнаго суда; не ими онъ, надо полагать, и руководился.

Когда рѣчь идетъ о событіи будущемъ, и законъ пріурочивается къ моменту этого именно событія, Сенатъ долженъ считаться съ возможностью будущаго закона. Онъ обязанъ предоставить событія ихъ собственному теченію, не спѣшить и не пресѣкать нити процесса по оппортунистическимъ, всегда гадательнымъ и всегда опаснымъ, соображеніямъ о практической „безполезности" того рѣшенія, которое диктуется нормальнымъ ходомъ вещей.

Однако въ самомъ ли дѣлѣ нужно было пріурочивать законъ къ событію будущему и, въ связи съ этимъ, гадать о законѣ будущемъ? Актъ совершенъ до изданія закона, но подлежитъ утвержденію послѣ изданія; въ моментъ совершенія акта никакое ограниченіе не тяготѣло надъ сторонами; оно нависло тогда, когда нужно было актъ утвердить; должно ли оно возвратить стороны вспять, какъ будто бы ничего не совершилось?

Вопросъ объ отношеніи двухъ моментовъ въ процессѣ возникновенія сдѣлки—момента совершенія и момента утвержденія—являлся долго камнемъ преткновенія для нашей судебной практики. Какъ это ни странно, но здѣсь, въ этомъ мизерномъ на видъ вопросѣ цивильной техники, сталкивались два основныхъ теченія человѣческаго

духа, двѣ тенденціи, сказывающіяся и въ юридическомъ мышленіи: тенденція къ связыванію юридическихъ дѣйствій съ символико-сенситивными обрядами,—она усматривала въ актѣ укрѣпленія и выдачи купчей „символическую передачу (traditio symbolica)“, и съ этимъ именно актомъ связывала переходъ права собственности—и другая тенденція: къ абстрагированію, къ отрыванію мысли отъ плоти,—она усвоила ажурную французскую теорію голаго соглашенія, какъ единственнаго правопроизводящаго фактора по отношенію ко всѣмъ правамъ вообще, какъ личнымъ, такъ и вещнымъ. Обѣ эти теоріи вступили у насъ въ бой въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ. Центральный моментъ его составляли дебаты въ нашемъ юридическомъ обществѣ по поводу реферата Н. И. Барковскаго, страстно отстаивавшаго тезисъ, что ни X томъ, ни нотаріальное положеніе не приписываютъ рѣшительно никакого матеріально-праваго значенія акту утвержденія, что онъ является голымъ обрядомъ провѣрки событій, до него происходившихъ, что эти предшествующія событія—и только они—выполняютъ собою все содержаніе сдѣлки. Сдѣлка между сторонами совершается и заканчивается у младшаго нотаріуса; старшій нотаріусъ даетъ ратификацію этой сдѣлкѣ и, отмѣчая ее въ крѣпостныхъ книгахъ, придаетъ ей вещный характеръ.

Эта теорія побѣдила. Она получила тогда же воплощеніе въ рѣшеніи сената (1886 г. № 96), и вотъ уже скоро двадцать лѣтъ вся судебная практика строится на преподанныхъ тогда принципахъ. Правильны ли эти принципы или нѣтъ—это вопросъ особый, котораго мы здѣсь рѣшать не желаемъ. Но принципы эти составляютъ нынѣ, съ легкой руки сената, азбучную истину въ нашемъ гражданскомъ обиходѣ, и колебаніе ихъ должно бы быть производимо съ должною вдумчивостью и осмотрительностью. Сдѣлка считается законченною у младшаго нотаріуса—такъ гласятъ основы. Всѣ реквизиты сдѣлки должны быть, слѣдовательно, налицо въ этотъ именно моментъ; къ ихъ числу принадлежитъ и дѣеспособность контрагентовъ. Никакое позднѣйшее усиленіе этой дѣеспособности не можетъ придать силу сдѣлкѣ, *совершенной* лицомъ недѣеспособнымъ; и, наоборотъ, никакое умаленіе дѣеспособности не разрушаетъ сдѣлки, совершенной правильно: *даже смерть контрагента не препятствуетъ утвержденію сдѣлки*, такъ говоритъ самъ сенатъ въ рѣшеніи 1886 года. Смерть контрагента, полное разрушеніе дѣеспособной личности, не вліяетъ на силу сдѣлки, а исключительный законъ, урѣзывающій эту дѣеспособность, убиваетъ сдѣлку

наповалъ? Можно ли не видѣть, что, незамѣтно для самого сената, истаяла нынѣ въ его рукахъ вся, воздвигнутая съ такимъ усиліемъ, теорія?

Не надо при этомъ увлекаться разсужденіями о законахъ, „ограждающихъ общественный порядокъ", о публично-правовомъ характерѣ исключительной нормы и связанной съ этимъ обязанности власти примѣнять ее вплоть до послѣдняго момента требуемой закономъ обрядности. Ограничительный законъ о евреяхъ имѣетъ несомнѣнно характеръ публично-правовой нормы. Но публично-правовой нормѣ тоже положенъ предѣлъ дѣйствія, и предѣлъ этотъ лежитъ тамъ, гдѣ начинается *законченная* гражданская сдѣлка. Въ законченную сдѣлку публично-правовая норма болѣе не вторгается, она ее не подкарауливаетъ на всѣхъ перекресткахъ, не излавливаетъ ее, а почтительно склоняется передъ тѣмъ, на что гражданскій законъ—въ своихъ владѣніяхъ столь же всемогущій, какъ и публичный законъ—положилъ уже печать своего признанія. На разрушеніе законченной сдѣлки требуется особое законное уполномочіе, ибо это—разрушеніе чего то уже существующаго, освященнаго законною санкціею; и тогда оно производится явно, путемъ состязанія, въ формѣ гражданскаго иска. Сенатъ, впрочемъ, и не ссылается даже на это единственное кажущееся основаніе, на публично-правовой характеръ нормы. Отчего же всетаки произошло отступленіе? гдѣ поводъ? Рѣшеніе сената написано такъ скромно, точно и отступленія никакого нѣтъ, точно ничего прежде и не было. Оно построено все на перифразѣ двухъ статей нотаріальнаго положенія, говорящихъ о томъ, что старшій нотаріусъ долженъ удостовѣриться, соотвѣтствуетъ ли утверждаемая сдѣлка требованіямъ гражданскихъ законовъ. Процитировавъ эти двѣ статьи, сенатъ заключаетъ: „Посему, такъ какъ именно при утвержденіи акта провѣряется соотвѣтствіе акта дѣйствующимъ *въ то время* законамъ, то изъ сего слѣдуетъ, что старшій нотаріусъ обязанъ при утвержденіи акта принимать въ соображеніе и примѣнять и тѣ законы, которые обнародованы и послѣ совершенія акта у нотаріуса". Однако этихъ трехъ маленькихъ словечекъ: „въ то время" въ законѣ нѣтъ,—они вставлены: ихъ нѣтъ ни въ 157 ни въ 167 ст. нот. полож; тамъ говорится только вообще о „законахъ гражданскихъ". И если допустить, что при коллизіи между законами двухъ моментовъ, совершенія и утвержденія, должны быть примѣняемы законы послѣдняго момента, то какъ можно было признавать актъ, совершенный у младшаго нотаріуса, сдѣлкою,

совершенно законченною?—какъ можно было дозволить умирать контрагенту въ увѣренности, что сдѣлка его нерушима? Не ясно ли, что сенатъ поспѣшилъ? что не мѣшало бы дать и сторонамъ и суду высказаться? Быть можетъ, неясное, эпизодическое разъясненіе 1900 года, нынѣ безъ мотивовъ повторенное сенатомъ, получило бы надлежащую оцѣнку;—а если ужъ ему властвовать, то пусть бы за одно была сдана въ архивъ вся дѣйствующая теорія явно, съ сознаніемъ важности произведенной надъ нею операціи, безъ противорѣчій и недосказанностей.

М. Винаверъ.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ХРОНИКА.

Избирательная система по положенію 8 іюня 1903 г. объ общественномъ управленіи г. С.-Петербурга.—Война и внутренняя жизнь.—Д. Н. Набоковъ.

Реформируя городское избирательное право путемъ предоставленія избирательныхъ правъ небольшой категоріи квартиронанимателей, законъ 8 Іюня 1903 г. имѣлъ въ виду, если не уничтожить вовсе, то, по крайней мѣрѣ, ослабить исключительно-классовой характеръ представительства, являющійся традиціоннымъ въ нашемъ городскомъ самоуправленіи. Важнѣйшею цѣлью реформы указывалось улучшеніе состава городскихъ избирателей и оживленіе общественнаго участія по хозяйственнымъ дѣламъ столицы путемъ введенія въ кругъ избирателей *представителей интересовъ всѣхъ главнѣйшихъ слоевъ городскаго населенія.*

При дѣйствіи положенія 1890 г. въ Петербургѣ около 93% избирателей принадлежало къ домовладѣльческому и около 7% къ торговопромышленному классу. При такомъ крайне одностороннемъ составѣ избирателей, дума естественно являлась выразительницей интересовъ, по преимуществу, домовладѣльческаго класса; интересы другихъ классовъ оставались въ ея средѣ неприкосновенными.

Классовой характеръ городскаго представительства, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, являлся, однако, одною изъ главныхъ причинъ городскаго нестроенія. Съ одной стороны, домовладѣльческая дума заботится, по преимуществу, о домовладѣльческихъ интересахъ,—нерѣдко въ прямой ущербъ интересамъ остальныхъ разрядовъ населенія. А съ другой, невысокимъ уровнемъ общественнаго развитія торгово-промышленнаго класса, къ которому принадлежитъ большинство домовладѣльцевъ, объясняется общест-

венный индиферентизмъ гласныхъ, плохая посѣщаемость засѣданій думы, преобладающая роль въ городскомъ управленіи вольнонаемнаго элемента, крайняя неудовлетворительность городской отчетности въ связи съ небрежнымъ отношеніемъ къ городскимъ средствамъ и. т. д.

По мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, указанные недостатки городскаго самоуправленія могутъ быть до извѣстной степени парализованы предоставленіемъ избирательнаго права опредѣленной категоріи квартиронанимателей. Въ средѣ новой категоріи гласныхъ можно, по его мнѣнію, ожидать появленія дѣятелей, сознательно относящихся къ своимъ обязанностямъ, способныхъ по образованію и роду занятій, стать выше узкихъ интересовъ отдѣльныхъ слоевъ населенія и оказать опытомъ и знаніями содѣйствіе къ направленію городскаго хозяйства на путь, обезпечивающій плодотворное его развитіе.

Такова цѣль осуществленной въ 1903 г. реформы городскаго избирательнаго права. Постараемся уяснить себѣ, въ какой мѣрѣ цѣль эта можетъ почитаться достигнутой?

Какъ извѣстно, положеніе 1870 г. обусловливало пользованіе избирательнымъ правомъ платежемъ опредѣленныхъ сборовъ въ пользу городской кассы; вмѣстѣ съ тѣмъ, исходя изъ того предположенія, что степень заинтересованности обывателя въ городскомъ управленіи прямо пропорціональна размѣру причитающихся съ него платежей въ пользу города, положеніе 1870 г. дѣлитъ избирателей, расположенныхъ по списку въ порядкѣ постепеннаго пониженія уплачиваемыхъ ими сборовъ, на три разряда съ такимъ расчетомъ, чтобы, во 1-хъ, сумма уплачиваемыхъ каждымъ разрядомъ сборовъ составляла $^1/_3$ общей суммы городскихъ сборовъ, и во 2-хъ, число избираемыхъ каждымъ разрядомъ гласныхъ составляло $^1/_3$ общаго числа гласныхъ. При такомъ порядкѣ число избирателей распредѣляется между разрядами неравномѣрно: первый разрядъ образуется изъ небольшаго числа крупныхъ плательщиковъ, послѣдній изъ большаго числа плательщиковъ мелкихъ; а между тѣмъ каждый разрядъ избиралъ одинаковое число гласныхъ.

Если принять во вниманіе, что положеніе 70 г. стояло на точкѣ зрѣнія, такъ называемой, общественной теоріи самоуправленія, сближающей самоуправляющееся общество съ обществомъ частнохозяйственнымъ, то необходимо будетъ признать, что устанавливаемая имъ обусловленность избирательнаго права податнымъ

цензомъ представляется вполнѣ послѣдовательной и безусловно-необходимой: участникомъ всякаго чисто хозяйственнаго общества можетъ быть только лицо, участвующее своими средствами въ образованіи общественнаго капитала.

По самому свойству облагаемыхъ городскими сборами объектовъ—недвижимости, торговые документы—представительство, основанное на податномъ цензѣ, не могло не имѣть односословнаго, купеческо-мѣщанскаго характера. Когда въ 80-хъ г. вопросъ о городской реформѣ, въ ряду прочихъ вопросовъ мѣстной реформы, подвергнутъ былъ обсужденію въ коммисіи ст. секр. Каханова, коммисія не могла не констатировать многихъ весьма нежелательныхъ послѣдствій односословности городскаго представительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отказавшись отъ такъ называемой общественной теоріи самоуправленія, и, слѣдовательно, разсматривая самоуправленіе, какъ особую организацію *государственной власти*,—не только хозяйственной, но обще-правительственной, въ широкомъ смыслѣ этого слова,—коммисія ст. секр. Каханова—съ своей точки зрѣнія, опять-таки совершенно послѣдовательно—признала необходимымъ отказаться отъ податного ценза, какъ необходимаго условія пользованія активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ. По мнѣнію совѣщанія, выдѣленнаго изъ состава Кахановской коммисіи, къ участію въ городскихъ выборахъ должны быть привлекаемы лица, способныя сознательно и разумно отправлять избирательную функцію, независимо отъ размѣра сборовъ, уплачиваемыхъ ими въ городскую кассу. Городское избирательное право должно быть построено не на податномъ цензѣ, а на цензѣ избирательной способности. Сообразно съ этимъ избирательное право должно быть предоставлено, наряду съ домовладѣльцами и лицами торгово-промышленнаго класса, лицамъ, снимающимъ на свое имя квартиры за плату опредѣленнаго годоваго размѣра, *независимо отъ того, уплачиваютъ ли они въ пользу города квартирный налогъ, или нѣтъ.* Квартиронаниматели участвуютъ въ городскихъ выборахъ не потому, что они уплачиваютъ въ пользу города опредѣленные сборы, а потому, что самый фактъ занятія квартиры опредѣленнаго размѣра свидѣтельствуетъ о наличности квалификацій, требуемыхъ отъ городскаго избирателя.

Проектъ совѣщанія отвергнутъ былъ уже plenum'омъ Кахановской коммисіи. Большинство коммисіи въ принципѣ признало необходимымъ предоставленіе квартиронанимателямъ избирательныхъ правъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительная часть этого большинства

высказалась, именно, по отношенію къ квартиронанимателямъ въ пользу установленія податнаго ценза: избирательнымъ правомъ квартиронаниматели должны пользоваться не иначе, какъ подъ условіемъ уплаты ими квартирнаго налога въ пользу городской кассы.

Какъ извѣстно, городовое положеніе 1890 г., возникшее подъ сильнымъ вліяніемъ господствовавшихъ въ то время реакціонныхъ теченій, отказалось совершенно отъ мысли о предоставленіи квартиронанимателямъ избирательныхъ правъ. И хотя въ новомъ городовомъ положеніи прежній податный цензъ замѣняется цензомъ имущественнымъ, тѣмъ не менѣе самый принципъ обусловленности избирательнаго права платежемъ городскихъ сборовъ и въ новомъ положеніи остается непоколебленнымъ: къ участію въ избирательномъ правѣ привлекаются владѣльцы лишь такихъ имуществъ, которыя обложены сборами въ пользу городской казны. А такъ какъ обложенными въ пользу города являются имущества, принадлежащія, главнымъ образомъ, торгово-промышленному классу (недвижимости, торговопромышленныя заведенія), то городское представительство, и при дѣйствіи положенія 1890 г., сохраняетъ свой односословный характеръ,—купеческо-мѣщанскій въ провинціальныхъ городахъ и торгово-промышленный въ столицахъ.

Какъ указано уже выше, именно, противъ односословности городскаго представительства направлена была реформа избирательнаго права въ С.-Петербургѣ. Несмотря, однако, на такую цѣль реформы, составители положенія 8 іюня 1903 г. не признали, однако, возможнымъ отступить отъ принятаго нашимъ законодательствомъ общаго начала, согласно коему правомъ голоса на земскихъ и городскихъ выборахъ могутъ пользоваться только тѣ лица, которыя сами непосредственно уплачиваютъ земскіе и городскіе сборы. Отступленіе отъ этого начала было бы, по ихъ мнѣнію, „совершеннымъ новшествомъ,—первымъ шагомъ къ установленію всеобщаго голосованія,—и притомъ на основаніяхъ еще болѣе широкихъ, чѣмъ это принято даже въ западно-европейскихъ государствахъ“.

Оставаясь, такимъ образомъ, вѣрнымъ началу непосредственнаго участія избирателей въ платежѣ городскихъ сборовъ, положеніе 1903 г., тѣмъ самымъ, поставлено было въ необходимость отказаться отъ дѣйствительно кореннаго измѣненія системы городскаго избирательнаго права; ибо, по положенію, какъ и до него, городскими плательщиками остаются, по преимуществу, лица торгово-промышленнаго класса. Самое включеніе въ кругъ избирателей

верхняго слоя,—„сливокъ" квартиронанимательскаго класса,—явилось при такихъ условіяхъ лишь палліативною мѣрой, не мѣняющей существеннымъ образомъ традиціоннаго характера городскаго представительства.

Палліативный характеръ реформы 1903 г. станетъ для насъ еще болѣе очевиднымъ, если мы примемъ во вниманіе тѣ два, въ высшей степени, значительныхъ вывода, которые дѣлаются составителями положенія изъ вышеуказаннаго принципа, лежащаго въ его основѣ.

Признавая необходимымъ платежъ избирателями городскихъ сборовъ, составители положенія вполнѣ послѣдовательно предполагали обусловить предоставленіе квартиронанимателямъ избирательныхъ правъ обращеніемъ государственнаго квартирнаго налога, взимаемаго въ Петербургѣ, въ доходъ городскаго самоуправленія, въ преобразованіи его въ городской квартирный налогъ. Встрѣченное сочувственно министерствомъ финансовъ въ 1898 году предположеніе это положено было министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ основу разрѣшенія вопроса о предѣльной стоимости квартиры, дающей избирателю право на участіе въ городскихъ выборахъ. Исходя изъ того соображенія, что при взиманіи городскаго оцѣночнаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ, въ размѣрѣ 1% ихъ стоимости, сумма этого сбора съ имущества стоимостью въ 3000 руб. — то - есть минимальной стоимости имущества, дающаго избирательныя права—равняется 30 рублямъ, министерство внутреннихъ дѣлъ предполагало предоставить избирательныя права лишь тѣмъ квартиронанимателямъ, которыя, занимая квартиру цѣною въ 1080 руб. въ годъ и выше, уплачивали бы также городской квартирный налогъ въ размѣрѣ не менѣе 30 руб. въ годъ. Между тѣмъ, впослѣдствіи, при обсужденіи проекта реформы Петербургскаго городскаго самоуправленія, министерство финансовъ, отступивъ отъ своей первоначальной точки зрѣнія, затруднилось уступить полностью въ пользу Петербурга взимаемый въ немъ квартирный налогъ, вслѣдствіе чего министерству внутреннихъ дѣлъ пришлось согласиться на компромиссъ, удовольствовавшись отчисленіемъ въ пользу Петербурга *половины* квартирнаго налога,—и притомъ съ тѣхъ лишь разрядовъ плательщиковъ, коимъ предположено было предоставить право участія въ городскихъ выборахъ. При такихъ условіяхъ, казалось - бы, послѣдовательность требовала соотвѣтственнаго измѣненія квартирнаго ценза; допущеніе квартиронанимателей къ выборамъ слѣдо-

вало бы обусловить платежомъ квартирнаго налога въ размѣрѣ не менѣе 60 р. въ годъ,—ибо только при такомъ размѣрѣ налога отчисленіе въ пользу городской кассы съ каждаго плательщика равнялось бы требуемой министерствомъ минимальной суммѣ въ 30 руб. Принимая, однако, во вниманіе, что число квартиръ, обложенныхъ сборомъ въ 60 руб., весьма незначительно (около 2.500), министерство внутреннихъ дѣлъ, не останавливаясь предъ явной непослѣдовательностью, высказалось за сохраненіе первоначальныхъ своихъ предположеній,—и сообразно съ этимъ положеніе 1903 г. привлекаетъ къ участію въ выборахъ квартиронанимателей, уплачивающихъ отъ 33 руб. и болѣе государственнаго квартирнаго налога.

Второй, не менѣе существенный выводъ, сдѣланный положеніемъ изъ принципа непосредственнаго участія избирателей въ платежѣ городскихъ сборовъ, касается дѣленія избирателей на разряды. По мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, послѣдовательность требуетъ, чтобы, обусловливая участіе въ городскихъ дѣлахъ платежемъ городскихъ сборовъ, предоставить, вмѣстѣ съ тѣмъ, плательщикамъ, вносящимъ въ городскую кассу большее количество сборовъ, и большее сравнительно вліяніе на городскія дѣла. Этому требованію отвѣчаетъ вполнѣ, такъ называемая, разрядная система, построенная какъ извѣстно, на томъ соображеніи, что въ правильномъ ходѣ городского хозяйства наиболѣе заинтересованы тѣ, у кого собственное хозяйство наиболѣе обширно, и кто, слѣдовательно, даетъ наиболѣе средствъ для удовлетворенія городскихъ потребностей. Высказываясь, въ принципѣ, въ пользу разрядной системы, составители положенія 1903 г. не признали, однако, возможнымъ возвратиться къ этой системѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она практиковалась при дѣйствіи положенія 1870 г. Дѣленіе избирателей на три разряда, по ихъ мнѣнію, необходимо привело бы къ тому, что два первыхъ разряда сохранили бы свой исключительно домовладѣльческій характеръ,—и квартиронаниматели участвовали бы въ выборахъ, наряду съ мелкими домовладѣльцами, только въ третьемъ разрядѣ. При такихъ условіяхъ городская дума сохранила бы свой преимущественно-домовладѣльческій характеръ, и та цѣль, ради которой предпринята избирательная реформа, оказалась бы недостигнутой. Вслѣдствіе этого положеніе 1903 г. устанавливаетъ, взамѣнъ трехразрядной, двухразрядную систему. Къ первому разряду относятся наиболѣе крупные плательщики, вносящіе въ совокупности $^1/_3$ общей суммы городскихъ сборовъ; ко второму—всѣ

остальные плательщики. Сообразно съ этимъ, первый разрядъ избираетъ одну треть, второй—двѣ трети состава гласныхъ. Первый разрядъ избираетъ гласныхъ въ одномъ обще-городскомъ избирательномъ участкѣ; для выборовъ по второму разряду Петербургъ дѣлится на избирательные участки, пріуроченные къ полицейскимъ частямъ города.

Таковы—тѣ выводы, которые дѣлаются положеніемъ 1903 г. изъ принципа, лежащаго въ его основѣ,—принципа обусловленности избирательнаго права платежомъ городскихъ сборовъ. Выводы эти совершенно логичны и, не возражая противъ принципа, возражать противъ нихъ невозможно. А между тѣмъ, по самому существу своему, они стоятъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ основною цѣлью осуществленной положеніемъ избирательной реформы; они умаляютъ до чрезвычайности значеніе этой реформы и, въ существѣ дѣла, оставляютъ неизмѣннымъ давно уже признанный во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительнымъ узко-классовой характеръ городскаго представительства.

Предъ нами результаты первыхъ выборовъ пореформенной думы. Третья часть общаго числа гласныхъ (547), избранная по первому разряду, принадлежитъ всецѣло къ, такъ назыв., „стародумской" партіи и, слѣдовательно, по своему составу, ничѣмъ не отличается отъ состава дореформенной думы. Выборы по второму разряду дали смѣшанный результатъ: въ четырехъ избирательныхъ участкахъ рѣшительную побѣду одержала домовладѣльческая партія; въ восьми побѣдили квартиронаниматели. Въ общей сложности, партія „стараго состава" насчитываетъ въ думѣ около 95 голосовъ, „новая" партія около 65; рѣшительное большинство принадлежитъ, такимъ образомъ, и въ новой думѣ стародумскому элементу.

Собственно говоря явленіе это, само по себѣ, представляется вполнѣ нормальнымъ. Какова бы ни была избирательная система, слѣдовало ожидать, что партія старыхъ городскихъ дѣльцовъ, уже въ силу своей сплоченности, опытности, привычки къ предвыборной агитаціи, *на первыхъ выборахъ* возьметъ перевѣсъ надъ новой, еще не успѣвшей сформироваться, еще не организованной партіей. Дѣло, однако, въ томъ, что, при всякой иной, болѣе раціональной, избирательной системѣ, партія, оказавшаяся на первыхъ выборахъ въ меньшинствѣ, могла бы оказаться въ большинствѣ на вторыхъ. При той системѣ, которая создана положеніемъ 1903 г., этой возможности у партіи меньшинства нѣтъ и не можетъ быть. Каковы бы ни были господствующія въ средѣ избирателей настроенія,

какова бы ни была сплоченность и численное преобладанiе квартиронанимателей, за 286 крупными домовладѣльцами, избирателями перваго разряда, *во всякомъ случаѣ*, обезпечены 54 мѣста въ городской думѣ; и точно также, благодаря чрезмѣрной высотѣ квартиронанимательскаго ценза, домовладѣльцамъ и купцамъ, *во всякомъ случаѣ*, обезпечена побѣда въ торговыхъ центрахъ и на окраинахъ города, напримѣръ, въ Выборской, Рождественской и Александро-Невской частяхъ, гдѣ сравнительно-дорогихъ квартиръ очень мало [1]). При такихъ условiяхъ „новая партiя“ оказывается, такъ сказать, обреченной на безнадежное пребыванiе въ меньшинствѣ.....

Такое явленiе свидѣтельствуетъ неопровержимымъ образомъ о совершенной ненормальности созданнаго положенiемъ 1903 г. порядка вещей. Врядъ ли необходимо доказывать, что только такое меньшинство, *которое можетъ стать большинствомъ*, способно надлежащимъ образомъ осуществлять ту, въ высшей степени важную, *оппозицiонную функцiю*, безъ которой немыслимо, вообще, никакое представительное собранiе.

Съ одной стороны, только съ такимъ меньшинствомъ считается и не можетъ не считаться господствующее большинство. Послѣднее хорошо понимаетъ, что игнорируя справедливыя и разумныя требованiя меньшинства, оно можетъ вызвать реакцiю въ общественномъ настроенiи,—и, на слѣдующихъ выборахъ, оппозицiонное меньшинство можетъ оказаться на его мѣстѣ. Съ другой стороны, самое меньшинство, несмотря даже на отсутствiе непосредственныхъ, практическихъ результатовъ своей дѣятельности, не падаетъ духомъ и не опускаетъ рукъ, хорошо сознавая, что отъ собственнаго его отношенiя къ общественному дѣлу зависитъ, въ значительной степени, его будущая побѣда.

И наоборотъ, есть ли какая нибудь надобность большинству, за которымъ уже самой избирательной системой обезпечено неотъемлемое господство, считаться съ безсильнымъ, не имѣющимъ будущаго, меньшинствомъ, обреченнымъ тою же избирательной системой на тяжелую и неблагодарную роль „неизмѣнныхъ оппозицiонеровъ“? Дѣла въ городской думѣ рѣшаются не рѣчами, а шарами; пусть меньшинство говоритъ, сколько ему угодно, большинство будетъ, какъ ему угодно, дѣйствовать. Съ другой стороны,

---

[1]) См. *Вѣстникъ Европы*, 1904. Январь. „Изъ общественной хроники“ стр. 441.

можно ли разсчитывать на то, что, при такихъ условіяхъ, оппозиція сохранитъ надолго живой интересъ къ общественному дѣлу, что ея энергія не изсякнетъ, что, раньше или позже, она не откажется отъ безплодныхъ усилій въ борьбѣ съ противникомъ, которому напередъ обезпечена побѣда?

Если все это такъ, то къ чему же сводится значеніе избирательной реформы, осуществленной положеніемъ 1903 г.?

Врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію, что крайняя неудовлетворительность дѣйствующей нынѣ въ Петербургѣ избирательной системы необходимымъ образомъ обусловлена совершенной несостоятельностью принципа, лежащаго въ ея основѣ. Вполнѣ и безусловно ошибочна мысль, будто избирательное право можетъ и должно принадлежать исключительно плательщикамъ городскихъ сборовъ, и что, слѣдовательно, размѣромъ этихъ сборовъ должна опредѣляться степень вліянія избирателя на городскія дѣла. Такая мысль является не чѣмъ инымъ, какъ перенесеніемъ частноправовыхъ представленій въ сферу публичнаго права, въ которой имъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста.

Ссылка на преимущественную заинтересованность плательщиковъ въ городскомъ управленіи представляется совершенно голословной. Надлежащее устройство средствъ дешеваго и скораго передвиженія, правильная постановка санитарной части, развитіе народно-школьнаго дѣла, канализація и замощеніе улицъ,—эти и многіе другіе вопросы городского управленія всего болѣе интересуютъ именно среднюю трудящуюся интеллигентную массу городскаго населенія, людей, вынужденныхъ жить въ сравнительно дешевыхъ квартирахъ, часто на окраинахъ города, въ условіяхъ, далеко не всегда отвѣчающихъ современнымъ требованіямъ общественной гигіены. „Отцы города", живущіе въ собственныхъ домахъ или дорогихъ квартирахъ, разъѣзжающіе въ своихъ экипажахъ, обучающіе своихъ дѣтей въ аристократическихъ пансіонахъ, менѣе всего непосредственно заинтересованы въ правильномъ развитіи городскаго благоустройства.

Предоставляя имъ исключительное право участія въ городскомъ управленіи, мы требуемъ отъ нихъ дѣятельности не въ „своемъ", а въ „чужомъ" интересѣ. Какъ мало они это требованіе сознаютъ, доказывается лучше всего печальнымъ опытомъ истекшихъ десятилѣтій.

Если до настоящаго времени наши пути сообщенія изъ рукъ вонъ плохи, и окраины города не связаны съ центромъ—сравните

въ этомъ отношеніи, хотя бы, Петербургъ съ Берлиномъ—то это объясняется, главнымъ образомъ, даже не безразличнымъ, а прямо таки враждебнымъ отношеніемъ исключительно-домовладѣльческой думы къ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ муниципальной политики,—къ вопросу о правильномъ разселеніи трудящейся массы по окраиннымъ частямъ и предмѣстьямъ города. И точно также, именно, *незаинтересованностью* городскаго представительства объясняется, главнымъ образомъ, отвратительное состояніе больничнаго дѣла, дѣла общественнаго призрѣнія и т. д. и т. д. Зато, съ другой стороны, только въ домовладѣльческой, плутократической думѣ можетъ возникнуть грандіозный проектъ уширенія Каменноостровскаго проспекта, требующій для своего осуществленія милліонныхъ затратъ; только плутократическая дума можетъ такъ нерасчетливо вести городское хозяйство, назначать такіе непомѣрные оклады своимъ ставленникамъ, должностнымъ лицамъ городскаго управленія.

Но если, такимъ образомъ, наиболѣе заинтересованы въ расчетливомъ *расходованіи* городскихъ средствъ, именно, тѣ разряды городскаго населенія, которые городскими сборами не обложены, то не представляется ли, однако, несомнѣннымъ, что только плательщики заинтересованы въ расчетливомъ *собираніи* городскихъ средствъ? Не слѣдуетъ ли опасаться того, что неплательщики, напр., квартиронаниматели, станутъ эксплоатировать платежныя средства обложенной городскими сборами части городскаго населенія? Вѣдь думаетъ же „Гражданинъ", что стоитъ и теперь квартиронанимателемъ сговориться,—и недвижимыя имущества будутъ обложены въ 50% съ ихъ валоваго дохода, а промышленныя предпріятія—въ 50% съ ихъ оборотнаго капитала. Если, однако, принять во вниманіе, что городскіе сборы *фиксированы* закономъ, то необходимо будетъ признать, что и это соображеніе не выдерживаетъ критики,—тѣмъ болѣе, что увеличеніе сборовъ съ плательщиковъ, въ концѣ концовъ, оказывается, въ силу неизбѣжнаго ихъ переложенія домовладѣльцами на квартиронанимателей, торговцами на покупателей, наиболѣе чувствительнымъ, именно, для такъ называемыхъ „неплательщиковъ".

Совершенная несостоятельность принципа „обложенности городскими сборами", какъ избирательнаго ценза, неопровержимымъ образомъ доказывается хотя бы даже разсматриваемымъ нами положеніемъ 1903 г. Во имя этого принципа чрезвычайно суженъ кругъ квартиронанимателей, допущенныхъ къ участію въ город-

скихъ выборахъ; а между тѣмъ нужно ли доказывать, что степень заинтересованности квартиронанимателей въ городскомъ управленіи отнюдь не увеличилась только потому, что половинная доля уплачиваемаго нами государственнаго квартирнаго налога будетъ отчисляться государственнымъ казначействомъ въ пользу городской кассы? Въ настоящее время квартиронаниматели въ такой же мѣрѣ заинтересованы въ веденіи городского хозяйства, въ какой они были заинтересованы при дѣйствіи положенія 1890 г.; во всякомъ случаѣ, частичная реформа государственнаго квартирнаго налога степени ихъ заинтересованности городскими дѣлами измѣнить не могла.

Не „обложенность городскими сборами“, а „избирательная способность“,—таковъ единственно правильный критерій при опредѣленіи круга городскихъ избирателей. Показателемъ такой способности не можетъ служить ни податной, ни имущественный цензъ, ибо какъ тотъ, такъ и другой имѣютъ рѣзко выраженный классовой характеръ. Городское представительство, построенное на началахъ классоваго ценза, неизбѣжно окажется послушнымъ орудіемъ въ рукахъ экономически-господствующаго класса городскихъ обывателей. *Всякій* обыватель, обладающій извѣстнымъ, сравнительно-скромнымъ образовательнымъ цензомъ, проживающій болѣе или менѣе продолжительное время въ данномъ городѣ, достигшій опредѣленнаго возраста и нравственно-неопороченный является *единственнымъ* избирателемъ, полноправнымъ членомъ городскаго общества. Единственной правильной избирательной системой является система всеобщаго голосованія, ограниченнаго цензомъ избирательной способности, не имѣющимъ классоваго характера.

Въ качествѣ переходной системы, возможно, конечно, примириться и съ системой квартирнаго ценза,—однако, не иначе, какъ при условіи значительнаго пониженія предѣльнаго размѣра квартирной платы. Во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія „избирательной способности“, предѣльный размѣръ этой платы, установленный положеніемъ 1903 г. представляется совершенно невозможнымъ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, отъ квартиронанимателя, для предоставленія ему избирательныхъ правъ, требовать чуть ли не богатства [1]), тогда какъ тѣ же избирательныя права принадлежатъ всякому лицу, владѣющему недвижимою собственностью самой ни-

[1]) По разсчету Министерства Финансовъ квартирная плата составляетъ около $^1/_5$ бюджета квартирохозяина. Квартирная плата въ 1080 руб. (безъ дровъ) предполагаетъ, такимъ образомъ, ежегодный бюджетъ въ 5400 руб.

чтожной стоимости (до 3000 руб.)? При дѣйствіи положенія 1870 г. число избирателей въ Петербургѣ составляло около $2^1/_2$% городского населенія; и такой процентъ совѣщаніе, выдѣленное изъ состава Кахановской комиссіи, считало совершенно недостаточнымъ. Одной изъ важнѣйшихъ причинъ городскаго нестроенія, по его мнѣнію, являлось *„поразительное несоотвѣтствіе* числа избирателей общему числу городскихъ жителей". Городовое положеніе 1890 г. сдѣлало несоотвѣтствіе это еще болѣе поразительнымъ; но и теперь уже послѣ реформы, число избирателей (около 12 тыс. жит.) не составитъ и 1% общаго числа обывателей. Можно ли, въ такомъ случаѣ, говорить, какъ это дѣлаетъ министерство внутреннихъ дѣлъ, о „представительствѣ всѣхъ главнѣйшихъ слоевъ въ городскомъ населеніи?!"...

Съ другой стороны, само собою разумѣется, что съ точки зрѣнія начала „избирательной способности", какъ условія допущенія къ городскимъ выборамъ, представляется совершенно невозможной и та разрядная система, которая принята положеніемъ 1903 г. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, отрицать, что современная дума, въ которой 54 гласныхъ назначаются 286 избирателями, а 164 гласныхъ 12 тысячами избирателей, является своего рода монстромъ, пародіей на представительное собраніе. Современная петербургскаго дума нѣсколько напоминаетъ англійскую палату общинъ до реформы 1832 г. Въ послѣдней, какъ извѣстно, значительное число депутатскихъ полномочій de facto также замѣщалось небольшимъ числомъ представителей высшей поземельной знати; разумѣется, впрочемъ, между англійской палатой общинъ и петербургской думой существуетъ не малое различіе: г.г. Леляновы, Тарасовы, Елисѣевы и tutti quanti—не англійскіе лорды....

Новая петербургская дума только начинаетъ жить. Какъ она будетъ жить, покажетъ будущее. Пока несомнѣнно одно: избирательная система, опредѣляющая составъ думы, оставляетъ желать весьма и весьма многаго....

* * *

Только начавшаяся и уже стоившая такъ много жертвъ война наша съ Японіей, не могла, конечно, не отразиться и на внутренней жизни страны.—Пока война эта во-очію доказала, въ какой мѣрѣ, за время, истекшее съ русско-турецкой войны, выросло общественное самосознаніе и окрѣпъ духъ самодѣятельности въ русскомъ обществѣ. И во время русско-турецкой войны и земство, и дворянство, и городское самоуправленіе не останавливались

предъ громадными матеріальными пожертвованіями на облегченіе участи больныхъ и раненыхъ воиновъ. Эти пожертвованія шли въ безконтрольное распоряженіе Краснаго Креста, получившаго, такимъ образомъ, возможность израсходовать въ теченіе войны почтенную сумму въ 16 слишкомъ милліоновъ рублей. Авторитетныя свидѣтельства такихъ людей, какъ Боткинъ, неопровержимо доказываютъ, что сумма эта тратилась не всегда производительно и не всегда съ достаточной осмотрительностью: вспомнимъ, хотя бы, отзывъ Боткина о главноуправляющемъ общества Краснаго Креста при главной квартирѣ, кн. Черкасскомъ. Въ настоящее время можно считать доказаннымъ, что результаты, достигнутые обществомъ—отчасти по причинамъ, отъ него независящимъ—не вполнѣ соотвѣтствовали ни энергіи дѣятелей Краснаго Креста, ни готовности къ пожертвованіямъ, проявленной русскимъ обществомъ.

И нынѣ съ самаго начала войны, общество Краснаго Креста готовилось развернуть свою дѣятельность въ такомъ же широкомъ масштабѣ, очевидно, расчитывая на столь же обильный притокъ пожертвованій. И, дѣйствительно, пожертвованія потекли, но... и земство, и дворянство, жертвуя значительныя суммы на благородное дѣло Краснаго Креста, пожелали, однако, удержать въ своихъ рукахъ распоряженіе этими суммами, возможность активнаго контроля надъ расходованіемъ ихъ. Отсюда—появленіе общеземской и общедворянской организаціи помощи больнымъ и раненымъ воинамъ,—организаціи, дѣйствующей самостоятельно, хотя и въ тѣсномъ союзѣ съ Краснымъ Крестомъ.

Конечно, такое проявленіе самодѣятельности со стороны дворянства и земства весьма и весьма не по душѣ нашей реакціонной печати. „Московскія Вѣдомости" предпочли бы совершенно отказаться отъ земской помощи, нежели принимать ее непосредственно „изъ нечистыхъ рукъ". Пародируя Императрицу Елисавету Петровну,—онѣ готовы воскликнуть: „отъ враговъ правительственныхъ не пріемлемъ корыстной прибыли!".

Однако, что дѣлать? Реакціонная программа: „жертвуй и сиди смирно" въ настоящее время неосуществима. Зрѣлое общество не можетъ не стремиться къ самодѣятельности. Оно требуетъ для себя активнаго участія въ переживаемыхъ нами тяжелыхъ событіяхъ. Оно желаетъ „само строить", не полагаясь на строительную мудрость другихъ. И это отлично понимаетъ нашъ Красный Крестъ, отнесшійся съ искреннимъ сочувствіемъ къ самостоятельнымъ организаціямъ общественной помощи.

Во всякомъ случаѣ, возникновеніе такихъ организацій представляется многознаменательнымъ фактомъ. Впервые самоуправляющіяся общества, донынѣ искусственно изолированныя другъ отъ друга, начинаютъ дѣйствовать *viribus unitis*; силою необходимости они выходятъ изъ тѣсныхъ рамокъ чисто мѣстныхъ организацій. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что объединенная и солидарная дѣятельность земскихъ и дворянскихъ обществъ дастъ блестящіе результаты въ борьбѣ съ печальными послѣдствіями внѣшняго, военнаго бѣдствія. Но въ такомъ случаѣ, не станетъ-ли, наконецъ, яснымъ для всѣхъ, что такіе же блестящіе результаты могла бы дать общественная организація и въ борьбѣ съ не-менѣе печальными послѣдствіями внутреннихъ нестроеній, въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія, въ борьбѣ съ народнымъ невѣжествомъ, съ пожарами и недородомъ и т. д., и т. д.?

* * *

15 Марта умеръ Д. Н. Набоковъ. Въ теченіе семи лѣтъ (1878—1885) покойный государственный дѣятель занималъ трудный и отвѣтственный постъ министра юстиціи. Время его управленія министерствомъ совпало съ эпохой всеобщей—какъ правительственной, такъ и общественной—реакціи. Крѣпость русскаго правосудія со всѣхъ сторонъ обложена была вражеской силой. Рѣшительный и нетерпѣливый врагъ шелъ на приступъ, и, казалось, что вотъ-вотъ разсыпятся въ прахъ крѣпостныя стѣны. Д. Н. Набоковъ не сдалъ крѣпости врагу, и въ этомъ его большая заслуга предъ государствомъ и обществомъ.

Какъ министръ юстиціи, Д. Н. Набоковъ былъ защитникомъ Судебныхъ Уставовъ въ то время, когда „оффиціальный патріотизмъ" настойчиво требовалъ враждебнаго къ нимъ отношенія; онъ не плылъ, но онъ держался противъ теченія, а для этого нужны были энергія и силы, достаточныя для того, чтобы, по теченію, уплыть Богъ вѣсть какъ далеко.

Въ исторіи русскаго суда Д. Н. Набоковъ, во всякомъ случаѣ, оставилъ послѣ себя чистое имя и хорошую память. Какъ почетный членъ Петербургскаго Юридическаго Общества, онъ всегда проявлялъ живой интересъ къ его дѣятельности и съ неизмѣннымъ сочувственнымъ вниманіемъ слѣдилъ за развитіемъ русской юридической мысли.

Къ ближайшей характеристикѣ дѣятельности Д. Н. Набокова „Вѣстникъ Права" надѣется еще коснуться въ ближайшемъ будущемъ.

В. М. Гессенъ.

S0041430
СФ СПбГУ

Съ января 1904 года

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

выходитъ подъ редакціей

К. К. АРСЕНЬЕВА, М. М. ВИНАВЕРА,
Прив.-доц. В. М. ГЕССЕНА, В. Д. НАБОКОВА
и Проф. І. А. ПОКРОВСКАГО.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (кромѣ іюля и августа) въ количествѣ 10 книгъ въ годъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	на годъ	*по полугодіямъ* Январь	*по полугодіямъ* Іюнь
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р. — к.	4 р. — к.	4 р. — к.
„ „ съ доставкой	8 „ 50 „	4 „ 50 „	4 „ — „
Въ другихъ городахъ съ доставкою	9 „ — „	5 „ — „	4 „ — „
За-границей	12 „ — „	7 „ — „	5 „ — „

Подписывающіеся на одинъ мѣсяцъ платятъ 1 р. 20 к. съ доставкою.

Въ распоряженіи редакціи имѣется 500 экземпляровъ сборника рѣшеній кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Сената, въ оффиціальномъ изданіи, разсылаемаго подписчикамъ немедленно по выходѣ листовъ изъ Сенатской типографіи.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СБОРНИКА РѢШЕНІЙ:

	на годъ.	*по полугодіямъ* Январь	*по полугодіямъ* Іюнь
Въ С.-Петербургѣ съ доставкой	11 р. 50 к.	6 р. 50 к.	5 р.
Въ другихъ городахъ съ доставкой	12 р.	7 р.	5 р.

Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности и учащіеся платятъ при подпискѣ по 4 р. 50 к. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а съ приложеніемъ рѣшеній 8 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ „Вѣстника Права“: С.-Петербургъ, **ЗАГОРОДНЫЙ ПР., Д. № 2,** и кромѣ того во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Объявленія для напечатанія въ „Вѣстникѣ Права“ принимаются въ конторѣ по расчету 16 руб. за страницу.

Сенатская типографія.

